

PROPERTY OF

The
University of
Michigan
Libraries

1817

ART LIBRARIENIA VERITAS

ДЕСМЪШНИКЪ,

Воръ Михаилъ Смитловъ
ИЛИ

ЛАВЕНСКІЯ

КАЗКИ.

ЧАСТЬ III.

0. P. 28496

X67456

P3

зніе третіе съ поправленіемъ.

МОСКВА.

Въ типографіи Пономарева,

1789.

20
62

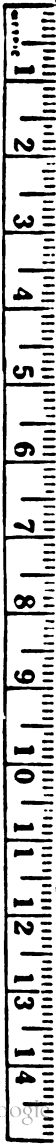
дт. 79 фронт

891.78
C56pe
1789a
v.3-5

534585 - 142

THE LIBRARY OF CONGRESS
PHOTODUPLICATION SERVICE
WASHINGTON 25, D. C.

ПРЕДУВЪДОМЛЕНІЕ.

Сіа часть могла бы и безъ предисловія бытъ напечатана; но какъ у насъ вошло въ обыкновеніе, что ни одна книга безъ него не бываетъ, то я слѣдуя тому, конечно не хочу пропустить случая сказать себя въ вѣлрѣчїи, и напишу можетъ быть болше, нежели надобно. Въ сїи части не писалъ я ни гдѣ окончанїя вечеровъ; ибо разсудилъсь мнѣ, что это лишнее и ненужное занимаетъ надобное мѣсто; а ежели читатель пожелаетъ, что бы оныя были, то онъ и безъ меня прибавлять ихъ можетъ по окончанїи каждаго вечера, и что онъ ни примолвитъ все будетъ къ стати, и все хорошо: ибо такимъ сочинителемъ, каковъ есмь я, всякому быть можно.

ПЕРЕСМѢЩЕНИКЪ,

ИЛИ

СЛАВЕНСКІЯ СКАЗКИ.

ГЛАВА I.

ВѢЧЕРЬ 31.

Прохожденіе Алама и Асклады.

А скалонъ, какъ скоро услышалъ
се спешаніе, то тотчасъ оп-
скочилъ опъ дерева, члены его
оцъпенѣли и сдѣлался онъ не-
подвиженъ, чудное се приключеніе при-
вело его еще въ большій безпорядокъ. На-
конецъ перемогая себя и собравъ почши

Часть III.

А

уже поперяжныя силы, спрашивалъ кто произнесъ сіе сшєнаніе? Я, отвѣчалъ дубъ истомленнымъ и означающимъ послѣднее издыханіе голосомъ, прелесчашливое созданіе изъ всего смертнаго рода. Успокойся незнакомой чужесправецъ, и не удивляйся сшюль много шакому чудному превращенію, чшю видншвъ передъ собою словесное дерево; свирѣрѣное несчастіе, продолжалъ онъ, ежели распворишъ на кого алчныя свои челюсти и начнешъ пожирать его благополучіе и спокойствіе, шо не шолько въ дерево, но и въ презрѣнную всѣми какую нибудь вещь превратишь его можешъ. Сія несносная кора заключаешъ въ себѣ обладашела многими народами, именемъ сшасшливаго Государя; но быштемъ сшєнищаго пѣтшика, чєловѣка произведеннаго на свѣшъ вкушишь всѣ великія благополучія; но немилосердымъ рокомъ сверженнаго на дно бѣдъ и ошчачанія. Вся жизнь моя естъ собраніе мученій, или шюль страшный часъ, которой ошверзаешъ намъ дверк гроба. Я всякую минушу умираю, но немилосердая и забывшая меня судьба не лшжашъ послѣдняго издыханія.

Аскадонъ естланбы не чувствовалъ самъ въ сіе время великаго несчастія , что конечно бы не могъ имѣть никакого о немъ сожалѣнія ; ибо сердца мѣ наполненнымъ злобою и ненавистію не свойственно нислѣйшее собоузнаваніе: но даспоющая и собоушенная бѣда доволъко имѣетъ силы, что бѣ умягчить варварскую и зѣрскую свирѣность. Тронулись нѣскольکو шѣми ошчальными и доспойными сожалѣнія словами, просилъ же превращеннаго Государя, что бѣ рассказалъ ему свои приключенія не для того, что бѣ прійти о бѣ немъ въ сожалѣніе , но единственно для свѣденія всей великой силы несчастія. Я сіе охотно исполню, отвѣчалъ несчастливой владѣтель ; ибо находясь здѣсь цѣлой годъ во образѣ дерева, въ первой разѣ вижу передъ собою человека, и для того съ превеликимъ удовольствіемъ извѣсню тебѣ все мои несчастія :

Я называюсь Алмѣ , владѣтель двухъ великихъ острововъ Млакона и Нія, лежащихъ въ семъ Варяжскомъ морѣ. Происхожденія моего ни я самъ, ни подданные мои не знаютъ; ибо, какъ слышатъ , послѣ великой бури нашли

меня въ объятіяхъ мершвой женщины
 выкинутого съ нею на берегъ: я былъ
 тогда еще младенецъ, и какого роду,
 шого узнашь никомъ образомъ имъ
 было не возможно; женщина же по пла-
 тью казалась Азіатка. Знашныя госпо-
 да шѣхъ оспрововъ приняли о воспи-
 нѣи моемъ великое попеченіе, и содер-
 жали меня весьма великолѣпно; ибо по
 прореченію боговъ долженствовалъ шонъ
 быль у нихъ Царемъ, котораго они
 найдутъ выкинутого къ нимъ на берегъ;
 по шому чпо кчяжеское мужское поко-
 лѣніе прервалось смершю владѣвшаго
 передъ симъ Государя, кошорой скон-
 чался не имѣвъ мужскаго пола дѣшей.
 Когда же спалъ я понимашъ, шо опре-
 дѣлили ко мнѣ учшшелей весьма разум-
 ныхъ и совершенныхъ людей, кошорые
 вкореняли въ меня почшеніе къ Богу,
 любовь къ добродѣтели и сншзхожденіе
 къ народу; учили правамъ гражданскимъ,
 возстановленію благополучія общесшва,
 военнымъ упражненіямъ, и словомъ, все-
 му шому, чшо принадлежшвъ до Госу-
 даря, изъ чего не шрудно мнѣ было по-
 нимашъ, чшо я назначенъ ими къ сей вы-
 сокой сшенени. Пришедши въ совершен

ной возрастѣ, увидѣвъ я онѣ ихѣ великое къ себѣ почтеніе, и для того старался содержать себя всегда въ границахъ благороднаго поведенія; оказывалъ всякому, что я его починаю больше, нежели онѣ меня, къ чему и природное челоуколюбіе меня привлекало, приносилъ за все мою имѣ искреннюю благодарность, и старался предупредить всякаго уничиженія. Къ неописанному моему счастію судьба просвѣтила сколько мой разумѣ, что я осмѣливался давать наставленія въ гражданскихъ поведеніяхъ, и въ томѣ, что касалось до всего общесства, и къ большему для меня благополучію совѣщанія мои и наставленія всегда имѣли благополучіемъ увѣнчанное окончаніе. Народѣ всѣхъ степеней почувствовалъ ко мнѣ великое усердіе и любовь; все единодушно желали мнѣ перваго въ свѣтѣ счастія, и не было у нихъ ничего такого, чего бы они мнѣ въкришкѣ не хотѣли. Все дѣла, суды и предпріянія безъ моего вѣдома не производились въ дѣйство, и что я опредѣлялъ, то починали за свято: ибо по природной моей добродѣтели приспращанія во мнѣ никогда не бывало. Наконецъ

всѣ охотно вознамѣрились возвесити меня на пресполѣ, исполнишь волю боговѣ, вручить свое благополучіе въ собственное мое произволенію, я покѣрнись власти моей безъ всякаго о шомѣ сомнѣнія.

И такъ въ учрежденной на шо день собрались всѣ жители столичнаго города на назначенное имѣ мѣсто, куда ожидали моего прибытія въ превеликой тишинѣ и благочиніи. Какъ скоро появился я въ собранію, шо опредѣленной провозглашались именемъ всего народа вручалъ мнѣ царскую власть, и послѣ въ Свѣшоридовомѣ храмѣ великій первосвященникъ и все духовенство возложили на меня вѣнецъ и сдѣлали самодержавнымъ. Сія высокая степень, ошвершая дверь къ роскоши и шщеславію, не сдѣлала никакой перемѣны въ умѣренныхъ моихъ желаніяхъ. Вкоренилось въ сердце мое шполь сильная благодарность къ возведшему на пресполѣ меня народу, что я каждаго гражданина ошб искренняго моего сердца починалъ моимъ опцомъ, которому я былъ обязанъ рожденіемъ, воспитаніемъ и благополучіемъ; и мнѣ кажется, что сія добродѣтель предосуждена бытъ ошб всѣхъ не мо-

жеиѣ. Всякую минуту неуопыно спарался предупреждать всѣ шѣ надобности, копорыя шребовались оиѣ государя; прилѣжалѣ больше всего искоренить изѣ подданныхъ моихъ бѣдность, какѣ такое чудовище, копорое погибель и зоключеніе во многихъ произвести можетѣ. Того ради, чтобѣ не прервалось ихѣ благоденствіе, опредѣлилѣ я дни, въ кои долженствовали безпомощные и бѣдные люди приходить ко мнѣ самому и обѣяснять ихѣ надобности; и шайѣ между сими людьми находилѣ я часно людей достойныхъ и надобныхъ гражданству, копорыхъ зависливые и сильные богачи ушѣсняли; миѣжѣ собственное мое благополучіе не сполько было нужно, сколько благополучіе моихъ подданныхъ. Я награждалѣ ихѣ по достоинству и возводилѣ на причины имѣ спепени, и шѣмѣ спарался пресѣчь насиліе богатыхъ. И шакѣ сей миродюбивый народѣ сполько мнѣ сдѣлался усерденѣ, что никакое другихъ обнадеживаніе, ниже прозьбы и ласкательства, ежели бы оныя оиѣ когд случились, не удобны были отшвратить ихѣ отѣ моего покровительства и при-

нудишь возсѣпши пропивъ мѣся и прошивъ совѣши.

Всякое человѣческое благополучіе не что иное, какъ мечта и прквидѣніе; имѣши его удовольсшвія много, но потеряши прискорбно. Я бы до конца препроводилъ жизнь мою весьма счастливо, и никакое бы злополучіе похишишь не могло моего удовольсшвія; но судьба не по желаніямъ нашимъ располагаетъ наши учаси. Въ самое то время, какъ природа просвѣтила мой разумъ, вселилась въ сердце мое любовь, и начала господсшвованіе надъ моими разсужденіями: все мое поняшіе и всѣ чувсшва лицалися сладкими воображеніями, и чѣмъ больше помышлялъ я о сей сшрасши, шѣмъ больше дѣлалась ей подвластшвенъ.

Послѣ покойнаго Государя ошталась дочь, именовѣ Лекліада; она шшоль прекрасна, что ежелибы я имѣлъ шшю языкъ, шш и шшгда бы не могъ извяснишь шшбъ всей ея дрѣшшности. Судьба сдѣлала ее обладащельницею надо мною, и ошдала сердце мое прелесшямъ ея на жершву; но думаю, что сшрасшъ моя началась въ самой злополучный день, и

можетъ бысть пропнивъ води боговъ
 опредѣлено мнѣ было сіе счастье, что
 я послѣ дѣйствительно и увидѣлъ. Въ
 самой первой день благополучнаго мо-
 его возшесшвія на пресшолъ, когда дол-
 жны были подданные мои обоѣго пола
 принесли мнѣ свое поздравленіе, по
 первая вошла въ провожаніи многихъ
 придворныхъ жейцинъ Асклада; чтобъ
 сдѣлать мнѣ въ публичномъ залѣ дол-
 жное поздравленіе, и когда она сшавъ
 на колѣни выговаривала мнѣ оное, шо
 я будучи пораженъ ея прелесшями, бла-
 годарилъ ее смѣшными словами. Окру-
 жающіе меня бояря подняли ее подъ ру-
 ки, а я сшоялъ въ удивленіи неподви-
 женъ, и ежели бы не извѣсны были
 имъ мои свойсшва, шо конечно бы почили
 меня гордымъ и власнолюбивымъ Госу-
 даремъ; но въ меня шогда совсѣмъ про-
 шивная шому сшрасш въоренилась :
 какъ скоро взглянулъ я на прекрасную
 Аскладу, сердце мое шроулось, и всѣ-
 ми сладосшями, что ни есш въ свѣтѣ,
 обѣяшо было; чрезмѣрное и въкоморое ве-
 селіе и совсѣмъ непоняшная мнѣ радости
 привели меня въ превеликое движеніе ;
 смущенные глаза мои

и ея прелеости, и всѣхъ желаній мои дерзнулъ къ любезному для меня предмету въ одну сію минуту вкусилъ я всѣ силы неизъясненной любовной сипрасти. Наконецъ примѣпивъ самъ въ себѣ нѣкоторой ошѣ того происшедшій безпорядокъ, старался какъ возможно скрыть мое движеніе; но смѣшанная моя рѣчь и принужденныя изъясненія показали ясно, что чувствительное сердце мое пламенно, духъ мой возволновался, и весь я покорился любовной сипрасти. Кто можетъ похвалиться въ такомъ случаѣ твердоспійю и великодушіемъ, и я не думаю, чтобы въ возмозъ кшо превозмогати природныя и непорочныя въ себѣ волненія.

Я часто слышалъ отъ окружающихъ меня бояръ объ Аскіадѣ, шодько не имѣлъ ни позволенія, ни времени оную видѣть; нбо опрого у нихъ наблюдадось, чтобы дѣвицы, а особливо знацінаго роду, не имѣли никакого сообщенія съ мужчинами; они думали, что изъ того послѣдоваши мождѣ соблазны и рязращеніе жейскому полу, а о мужескомъ рязсуждали низко, и думали что человекъ въ молодыхъ дѣшахъ обраща-

ся всегда съ женщинами, позабываешь мужество, не радишь совѣмъ о храбрости, и чувствуешь наконецъ всѣ шѣ слабости, которыми подверженъ и жлой послъ женской. Сіе узаконеніе подтверждалъ я сколько мнѣ возможно было; ибо зналъ, что разумъ нашъ склоненъ больше къ поползновенію, а мысли къ настоящему предмету; сверхъ же сего человекъ избранный давши законы не долженъ никогда развращать оныхъ. И такъ первое сіе сѣданіе сколько вселило въ разумъ и въ сердце мое волненія, что я съ сихъ поръ ни одной минутой не имѣлъ спокойной въ моей жизни, ошдался размышленіямъ и различныя воображенія сколько много колебали мою душу, что я не могъ опредѣлить прямого моего желанія. Находясь въ семъ развращеніи разума, искалъ всегда уединенія; иногда въ прекрасный день, когда уже заходило солнце, пошелъ я изъ города не весьма ошдаленную ошъ онаго роцу, въ которой похороняли обыкновенно людей знапныхъ фамилій, и куда ходили прогуливаться наши граждане. Роца сія оваленная, ибо по срединѣ оной ошо-

итѣ священный дубъ, на кошоромъ видѣнъ образъ Прове, а около его или по всей рошѣ другіе боги, помощники его владычесшея; пришедъ шуда по счастію моему, не нашелъ я никого, выключая нѣкоміорыхъ жрецовъ, кошорые однако скоро возвратились въ городъ ошправя шуиъ нѣкошорыя не публичныя жершвоприношенія. И шакъ находяся шуиъ одинъ, и сыскавъ удобное мѣшю, ошдался полному размышленію, въ кошоромъ препроводилъ время не менѣе, думаю, какъ два часа, пошомъ пришло на меня ужасное забвеніе, и чувшошвалъ, что нѣкошорый священный восторѣ поколебалъ мою душу и совѣмъ разсыпалъ еспешшвенныя мои мысли, въ одну минушу все въ глазахъ моихъ переменилось, ужасная мгла покрыва шю мѣшю, въ кошоромъ я находился, возстали умѣренныя вѣшры, и вмѣшю сильнаго бушеванія пашосили нѣкошорую прѣшшносшь колебаніемъ деревъ слуху, и мнѣ смущенному казалось, что вся обильная природа произношля шогда аромашъ и всякіа благоуханія; я думалъ, что восшищенъ во обшпахшце боговъ, а будучи недосшоишъ зрѣшь ихъ

образа, пребываю покрытъ по соизволенію ихъ симъ мракомъ. Члены мои охладѣли, природа взволновалась и послѣднее разсужденіе совѣмъ меня осявляло; потомъ увидѣлъ воздушные огни, которые безпреснанно блискали, и сія молнія восколебала воздухъ и произвела не только страшной, сколько прѣяшной шумъ; часъ ошъ часу она умножалась, и наконецъ слившись въ одно мѣсно, сдѣлала изъ себя превеликое окруженіе; вскорѣ начало попухать мѣснами яркое сіе сіяніе, показались въ ономъ различныхъ цвѣтовъ искры и удивительное сопленіе. Чѣмъ больше я всматривался въ оныя, тѣмъ больше онѣ попухали и скрывались въ облака. Вдругъ восколебался больше воздухъ, мгла уснула мѣсно сіянію, огни и облака пришедъ въ превеликое движеніе разошлись и шли по сторонамъ; потомъ появилась между оными блестящая и великолѣпная колесница, везли ее по облакамъ два крылатые дракона, покрытые сѣпями изъ прозрачныхъ и блистательныхъ камней, на головахъ ихъ были короны неописаннаго сіянія, глаза наполнены были огнемъ и изъ че-

люсшей вылеталъ ужасный пламень ; два крылатые купидона лешѣвъ по сторонамъ колесницы правили сими свирѣпыми чудовищами. Множество купидоновъ открывали почную завѣсу и держащими съ рукахъ пламенниками помрачали оной звѣзды. Въ колесницѣ сколько великолѣпной, снѣлько и блистательной сидѣла прекрасная богиня облакопаясь на край оной, руку ея поддерживали при граціи, и смотрѣли на нее со удивленіемъ ; одѣніе ея опущено было на игру зефировъ, и она сидѣла въ одномъ только шатиншвеннемъ полѣ, коюрой граціи и любовь пѣли своими руками ко увеселенію боговъ и ко удовольствію смертныхъ ; все сіе видѣніе осматривало Ефиръ и опускалось къ тому мѣсту, гдѣ я въ смущеніи и удивленіи находился.

ГЛАВА II.

ВЕЧЕРЪ 32.

Продолженіе походовъ Алиммы и Асклады.

Колесница находилась уже близко мѣста, я всматривалъ съ великимъ подобо-

спрастѣмъ и ожидаю или окончанію привидѣнію, или утвержденію истинны, ноги подо мною дрожали и сердце находилось въ великомъ движеніи. До сего времени не зналъ я, сколь ужасно взираешь на боговъ, когда они въ самомъ величествѣ своего могущества; но тогда уразумѣлъ, что люди, возшедшіе на высокую степень, кажушя неприступными бѣдымъ, а передъ богами и обладатели народомъ бываюшъ ничто. Богинина колесница остановилась, и она сошедъ на землю сдѣлала мнѣ снисходительное привѣщаніе, подобно какъ мать любви своему любовнику, и взявъ меня за руку повела передъ образъ Проновъ. Какъ только пришли мы передъ него, то вдругъ испуканъ объявиъ былъ небеснымъ огнемъ, и послѣ онаго началъ имѣть живость и движеніе. Богиня приклонивъ голову въ знакъ повиновенія, начала говоришь: Великій Прове! другъ Перуновъ и мой любезнѣйшій родишель! я открываю тебѣ мою спрость, и знаю, что сія слабость не прилична безсмертной; но мать любви Лада не только, что смертными владѣши, и мы не рѣдко покарямся са власиш.

Часть III.

Б

Я чувствую склонность въ сердцѣ моемъ къ Алимѣ, и прошу тебя, мой родственель, чинѣшь ты позволилъ мнѣ сего, и сего смершнаго принялъ въ собесѣдованное швое покровишельство. Понимѣ зашраслась земля, священнй дубъ поколебалъ своими вѣтвями, и я услышалъ голосъ Пренѣвъ, кошорой произнесилъ сн слова ко мнѣ: благополучный Государь и пресчастливый изъ всего смершнаго рода человекъ, я повелѣваю тебѣ бышь послушнымъ волѣ моей дочери, и чинѣшь ты не разнйялъ смершную сѣ безмершней, бсчавъ склонность швою къ Аскадѣ и въ самомъ началѣ старайся нешребншь ко оной пламень; ежели же будешь ты преслушенъ, шю нешмнзень все въ свѣшѣ несчастнй, и наконецъ превращенъ будешь въ посвященное мнѣ дерево. По окончанн снхъ словъ богння расшалазя со мною, показавъ мнѣ шолкое же шнзхожденне, и свшн въ колеснцу скрылась въ облакахъ. Препроводнѣ ее изъ глазъ моихъ сѣ великимъ почтеннѣмъ и подобострашнѣмъ, оснался я еще въ большѣмъ смущеннѣ, и думалъ, чшо все сего шнзшнне предешавилося мнѣ, какъ сонъ

въ забвеніи моего разума и въ превеликой неспройности волнующейся во мнѣ природы; не зналъ, чему приписаць сіе приключеніе, и для того старался прежде всего успокоить мое сердце, и послѣ искъвъ въ семъ приключеніи шайны.

Долго бы я находился въ семъ забвеніи, ежели бы Прово повелѣніе не касалось до Аскадады; желая успокоить мое сердце, еще больше всколебалъ его сею моею мыслію. Возможно ли, говорилъ я самъ въ себѣ, истребить мнѣ и о изъ моей памяти, что совсѣмъ уже находишься не въ моей власти? Боги, властни ели надъ нами, ошкройше мнѣ зеніе сію шайну и ваше произволеніе, а безъ того разумъ мой неудобенъ постигать сію неизвѣстность! Я помню, что я человекъ, и шебъ долженъ желанію вашему повиноваться. Произноса сіи слова, признаюсь шебъ, неизвѣстный мнѣ чужестранецъ, что сердце мое не было согласно съ моимъ языкомъ; я мысленно вознамѣрился проинвнись воля боговъ и не ошщавань ошъ любобного моего намѣренія. Въ семъ случаѣ въ первой разѣ добродѣтель моя спрадала, и любовь господничовала надъ моею честью, разсужденіемъ и послушаніемъ.

Мрачная ночь снимала уже темный покровъ съ неба, свѣшозарный и благо-склонный богъ Свѣшовидъ надѣвалъ уже блестящій свой вѣнецъ и готовъ былъ освѣщать землю, тогда я спѣшилъ оснавивъ се мѣсно и прѣйши въ городъ, какъ возможно, скорѣе; но печальная встрѣча удержала меня въ моемъ пуши. Я уже почти выходилъ изъ роуши, какъ увидѣлъ человѣка, котораго видъ принуждалъ меня быти ему покорнымъ. Онъ былъ украшенъ сѣдинокъ, но благородная бодрость, какъ мнѣ казалось, никогда его не покидала, черны чела его означали въ себѣ нѣчто божественное, роснѣ и осанка соответствовали онымъ, плашье на немъ было изъ чистой волны и опирался на жезлъ изъ бѣлой слоновой кости. Соединися со мною, говорилъ онъ мнѣ, Алимъ, ны просилъ у боговъ нешолковашеля шой шайны, которая по волѣ ихъ въ сию ночь была шебѣ показана, для шого взялшъ я изъ славы Перуновой, съ посвященнаго ему осирова, кошорой въ шо время поколеблеса, когда Перуиъ въ первой разъ принялъ на себя образъ человѣческій, и снѣхъ поръ осировъ сей плаваеиъ и

водѣмъ. Я воли его провозвѣстникъ и исполковашель пожелній всѣхъ боговъ; что тебѣ сомнѣнно показалось въ про- реченіи Проновомъ, то значишь сіе: великая богиня, Пронова дочь, почув- ствовала къ тебѣ склонность, и не хочешь имѣть совѣшницею Асклѣ- аду, и сія наченная въ тебѣ ко оной спросишь прошивна богамъ и весьма вред- на подданному своему народу. Ты не можешь предузнавать будущаго, и шакъ осмѣляя оное богамъ и покаряя ихъ волѣ. Асклѣада чувствуетъ къ тебѣ не- изъясненную любовь; но ты удаляйся оная, какъ шакого яда, копорой во весь твой вѣкъ сдѣлаешь тебя несчастнымъ. Выговоривъ сіе пошелъ ошъ меня въ сто- рону, и вскорѣ скрылся изъ моего виду. Въ превеликомъ замѣшательствѣ воз- вращился я въ городъ, и весь эпошъ день сидѣлъ уединеннымъ, превозмогалъ, сколько могъ, мою спросишь къ Асклѣадѣ; но напрасно старался выгнать ее изъ моего сердца, ибо она уже господство- вала мною безпредѣльно. Я вознамѣрил- ся не видать ее никогда; но не чувстви- вительно съ того дня бывалъ съ нею вавсегда вмѣстѣ въ угодность всѣмъ

моимъ придворнымъ; а чинобъ нуще вселишь въ меня неограниченную любовь, въ нѣкопорой день предложили они мнѣ о женидѣбѣ. Все согласны были и почингли себѣ за счастье, чинобы я взялъ за себя Аскладу, какъ шакую дѣвицу, кошо рая произходниѣ ошѣ княжеской крови, и имѣниѣ больше всехъ права быши учасницею въ всемъ владѣни. Чшо надобно было мнѣ ошѣзчашъ на сѣе предложение? Воли боговъ ошкрывъ мнѣ имѣ было не возможно, а показавъ на шо мое несогласіе, сердце мое и мысли запрещади; сверхъ шого народная ошѣ шого погибель смущила мое поняшѣ, и я не знаковымъ шогда показала, какъ будшо не понимаю ихъ предложения. Все сдѣлались шѣмъ не довольны; хоша мнѣ онаго и не показывали, однако думали, чшо я получивъ царскую власшь начинаю пошупашъ по моимъ пристраштямъ.

Бейгамъ, первой Минисшрѣ, чрезъ нѣсколько времени примѣшивъ во мнѣ ужасное смущеніе, и желавъ, какъ возможно, освободивъ меня ошѣ онаго, предпріялъ узнать мои мысли, и послѣ подавъ мнѣ пошребныи въ шому совѣщны. Ошѣ былъ весьма разуменъ и прозорливъ,

ябоженъ и поспояненъ, и для сихъ
 похвальныхъ преимуществъ оплачалъ я
 его онъ прочихъ. Онъ наредъ меня нѣ-
 когда въ уединеніи, спарался какъ воз-
 можно выведать мои мысли, и столь
 сильно убѣдилъ меня своею прозьбою,
 что я открылъ ему мое видѣніе и все
 принадлежащее къ оному; выслушавъ
 все у меня, нѣсколько онъ усумился, и
 послѣ говорилъ мнѣ такъ: Великій Го-
 сударь! хотя весьма не приспойно про-
 шившись волѣ боговъ; но сіе ихъ опре-
 дѣленіе, мнѣ кажешся, подвержено нѣ-
 кошорому неприличному имъ приспра-
 шію: ежели вы сочепашесь бракомъ
 съ Аскладою, изъ еяго можно пред-
 видѣшь пользу, а не вредъ народу; а
 совокупленіе ваше съ богинцею не мо-
 жешъ подать намъ никакого прибышка.
 Я не знаю, можешъ я и погрѣшаю мо-
 имъ мнѣніемъ, что начинаю събивовашъ
 вамъ прошивное волѣ богининой; а чтобъ
 не получишь намъ за сіе жестокаго на-
 казанія, но надлежишь ошворнишь все
 срамы и приносишь во оныхъ большія
 жертвы къ умягченію божскаго гнѣва;
 ежели оные возвѣмьюшъ, во время сей
 жертвы будемъ просишь о сочепаніи

вашемъ съ Аскладою, ибо сіе намъ необходимо должно исполнить. Я на сіе согласился, и приказалъ готовить жертву; сто бѣлыхъ и чистыхъ воловъ изгошовлено было для сего, и мы положили, чшобъ каждой день по яши оныхъ возлагать на жершвенникъ Проновъ.

Въ самой первой день по разсмотрѣнію внутренности жершвеннаго скота, объявилъ мнѣ первосвященникъ, чшо онъ усмоцрѣлъ великія замѣшательства къ моему и народному благополучію, и чшо есшь тушъ нѣчшо шакое, кошораго онъ и весь духовной чинъ проикнушь не можешъ; чего ради совѣщивали мнѣ, какъ возможно усерднѣе умилоснивяшь боговъ, и просишь открытїя неизвѣстной моей судьбины. Все меня смущало и все шпаралось безпокоишь. Наконецъ я началъ задумывашься и шеряшь здравое мое разсужденіе; Бейгамъ видя мое опчаяніе, предпрїялъ увеселяшь меня различною полевою охотою, кошора я мнѣ необходимо пошребна была въ шакое мое развращеніе сосшояніи. Въ нѣкошорой день должны были мы по необходимости ночевашь на полѣ; при восхожденіи солнца по-

ѣхали снова поднимать звѣрей; находясь въ семь упражненіи, не знаю какимъ образомъ поперялъ я всѣхъ моихъ людей, и не находилъ къ городу дороги, часа съ два ѣздилъ я по лѣсу, наконецъ увидѣлъ превеликаго и чуднаго кабана; щетина на немъ была золошная, и пала съ него тогда, когда онъ бѣжалъ весьма скоро. При мнѣ было копье и лукъ со стрѣлами, и для того не опасался я сразиться съ нимъ, пустилъ коня моего во весь опоръ, чтобъ догнать звѣря, кошорой какъ будто бы нарочно не хотѣлъ скрыться изъ моихъ глазъ. Онъ взбѣжалъ на превысокую гору, на кошорую на конѣ мнѣ вѣхаться было не возможно; шого ради слѣзъ я съ него и пошелъ пѣшкомъ; взошедши на гору весьма поспѣшно, не видалъ уже я болѣ шого вепря; и какъ осматривался на всѣ стороны, то вдругъ поднялась ужасная буря, пошомъ превеликой и густой облакъ подхватилъ меня и поцесъ по воздуху. Сіе чрезвычайное приключеніе вселило въ меня превеликую робость, и вскорѣ помѣшался я въ разумъ, и шакъ воздушной сей пущь совсѣмъ мнѣ былъ не из-

вѣшенѣ. Наконецъ ужасной шумъ и стукъ тяжелыхъ цѣпей, которое все мнѣ слышалось издадека, прекратилась мое заблѣненіе; страхъ мой увеличивался ошчасу болѣе, и привелъ попомъ въ совершенство, когда увидѣлъ я, что облакъ неснѣ меня на вѣкоторой, малой островѣ, на которомъ видны мнѣ были двѣ горы преужасной вышины; облакъ спустившись при подонѣ оныхъ на землю, разошелся подъ моими ногами, и я увидѣлъ себя въ пресирашномъ и въ забышномъ природою мѣстѣ, все казалось мнѣ необычайно, все бездушнаго вѣщи и сама земля презносна ужасной шумѣ.

На вѣснѣ ономъ сирашномъ островѣ не было ни одного дерева и никакой травы, земля казалась камнемъ и была весьма бѣлая, на серединѣ острова стояли двѣ горы, концыхъ вершины доходили до облакъ и клонилия другъ къ другу. Между ими видна была неиздѣдованная бездна, отверстїе которой прѣврывали великіе висащіе изъ горъ камни; въ ней слышенѣ былъ такой шумъ, что я не находилъ подобнаго въ природѣ; ежели бы сирашной громъ гре-

мѣлъ безпрестанно, но и шотѣ, мнѣ
важно, не могѣ бы сравниться съ ре-
вомѣ исходящимѣ изѣ сея пронасни.

ГЛАВА III.

В Е Ч Е Р Ъ 33

*Продолженіе похождения Амира
и Асклады.*

В скоромѣ времени изѣ шой пре-
спрашной пещеры съ великимѣ спре-
мленіемѣ вылетѣлъ весьма чудной чело-
вѣкъ; положеніе его шѣла во всемѣ бы-
ло подобное нашему, за плечами имѣлъ
большія крылья и весь покрытъ былѣ
бѣлыми перьями, на головѣ его волосы
были весьма кудрявые, и снояли на по-
добіе безпорядочно вѣлокоченныхѣ, въ
рукахѣ вынесѣ онѣ епанчу, у кошорой
одна снорона была голубая съ вышн-
шими зодонными звездами, а другая
бѣлая, на коей изображено было солнце
съ полными лучами; подошедѣ ко мнѣ
изъявляѣ свое учинившее шѣлодвиже-
ніемѣ, по чему я узнаѣ, что онѣ не
разумѣѣ моего языка; надѣлъ на меня
чу епанчу, и взявѣ за руку поднялся

на воздухѣ и со мною вмѣстѣ. Въ семѣ воздушномѣ пупи находился мы весьма мало времени, и я увидѣлъ себя на островѣ, которой былѣ совсѣмѣ первоу не подобенѣ; здѣсь природа сохраняла всѣ свои сокровища, солнце освѣщало сіе мѣсто плодотворными лучами, и подѣ симѣ счастливымѣ небомѣ казалось мнѣ, раждалось все человѣческое благополучіе; ибо нашелѣ я шумѣ всѣшанисшва природы, порядочное шеченіе солнца, луны и звѣздѣ, согласіе стихій, и словомѣ, все прекрасное шроеніе, превосходящее всю вселенную.

Островѣ сей былѣ не весьма проспращенѣ и весь обнесенѣ высокимѣ берегомѣ изѣ Паріоскаго бѣлаго мрамора, котораго никогда не дерзали очернить мутныя морскія волны; на оградѣ сего берега поставлены были различныя и удивительныя статуи; за оными видѣнѣ былѣ рядѣ лавровыхѣ деревьевѣ, которыя представляли собою посвященную богамѣ роцу, и казались, какѣ будто бы зѣ сію минушу превращенная Дафна получила побѣду надѣ Аполлономѣ, защищая свое дѣвство. Проводникѣ мой оставилѣ меня на приспани, по сторо-

намъ коея лежали двѣ превеликїя спашуи, изображающїя рѣки; онѣ опиралися на большїя искривленныя раковины, изъ конхъ ишекала прозрачная вода, и казалось какъ будто бы оная дополняла великое море; морскїе львы и другїя разнообразныя и удивительныя водяныя чудовища спояли на входѣ по порядку. Вошедъ на ошровъ увидѣлъ я прямую дорогу, кошорая вела къ великолѣпному зданїю; оное было грошъ, какъ я уже увѣдалъ послѣ. Какъ скоро предсхавился глазамъ моимъ сей невоображаемый предметъ, то столь великое вселилось въ меня удивленїе, что принужденъ я былъ осхановишься. Зданїе сіе посхавлено было въ половину круга, и ошъ обѣихъ концовъ поднимался къ верху, шакъ что казалось пре-высокою горою. Стѣны его распещрены были разнаго цвѣша блестящїми раковинами и камешьями; съ самой вершины въ каналъ по просираннымъ золошымъ скашамъ на подобїе лесшницы низшала прозрачная вода, кошорая казалася чище, нежели Аврорины (*) слезы; ошою

(*) Славянъ почитала свѣихъ боговъ весьма великою чистїю; а на укръ ште какъ нибудь мѣша уштребали шѣхъ, кошорыхъ

омывались пославленные внизу Дельфины. По сторонамъ шлъ скановъ казался плывущими внизъ Нерейды съ королевскими въ рукахъ перьями и с переплетенными жемчугомъ волосами; и среди сиренъ воды находилась ири Ахиллевы дочери въ томъ образѣ въ комъ онъ осмаленъ побѣждены итемъ Музъ, по совету царицы б. гав Юноны. Годъ водою сдѣланные органы представляли точно, какъ будто бы онъ восхвалялъ сладостнымъ голосомъ божества дѣла и ихъ могущество. Сиренами следовалъ чудной морской полюбъ Тришеи; грудь его покрыта была морской шравою, а по прямому чреву надла вода съ сѣдой его и мокрой бороды, въ королевскомъ вѣжѣ, имѣлъ въ рукахъ извѣщую раковину на подобіе большого рта, въ которой онъ предвозвѣщали принесшге морскаго бога. За нимъ съ самой вершины казалась плывущая по водамъ позлащенная колесница; она сдѣлана была на превеликой раковины, запряжены въ ней были почивали иродомъ нѣпки. И шлъ Адамъ гаворя съ украшенъ, долженъ ипр мѣнно представлялъ чужихъ боговъ, хотя въ случаѣ онъ ихъ почивали.

два морекіе свирѣные коня, конторые
 вмѣсто духа испускали изъ челюстей
 едую клубомъ пѣну, и имѣли мѣдныя
 ноги; а въ ней сидѣлъ повелишель мо-
 рами, и ожидалшель ешѣиъ Троянскихѣ.
 Долгую его и бѣлую бороду, смѣшен-
 ную съ серебромъ, развѣвали лежащѣе
 въ его владѣніе вѣиры; держалъ онъ въ
 рукахѣ серебряную шроконѣиую остро-
 ту, и казалось, какъ будто бы она
 шверзасиъ онъ морскую бедну. По
 правую его сторону предшавалиъ былъ
 Гаяковъ хоръ, и все чудное Форково
 вишеншо; по лѣвую лежащая спокойно
 на влахѣ Тишда, Медина и другія
 богини. Позади повелишела морами вид-
 ны были прекрасныя Паяды. Серебре-
 ные нѣ волосы покрышы были шро-
 шниковыми вѣнками, и лежали онъ
 облокошясь на урны, изъ конорыхѣ вы-
 шекающа вода шруями шремилась подъ
 Посидонову колесницу. Передъ грешомъ
 на возвышенномъ мѣшѣ видѣиъ былъ
 гусшой куснарникъ, подъ конорымъ ле-
 жала складная шѣломъ Аранка; по че-
 му я узналъ, что эша шорона греша
 лежала къ Югу.

Обошедъ на другую сторону, увидѣлъ я положеніе его во всемъ подобное первому, шолько были шумѣ другіе знаки: на верьху сшоялъ крылатой Сатурнѣ; сѣдые его волосы покрывалѣ вѣнокѣ, сдѣланной изѣ молодыхѣ фиговыхѣ и виноградныхѣ вѣшъвей, кошорыхѣ черныя и бѣлыя ягоды предсшавляли день и ночь; вѣ рукѣ у него была коса, а вѣ другой несочные часы и свернувшаяся кольцомѣ змѣя; по сшоронамѣ внизѣ сшояли чешыре времена года: Весна, вѣ вѣнкѣ изѣ цвѣшовѣ, держала корзину, исполненную непоблеклыми цвѣшами, вѣ бѣломѣ одѣяніи и вѣ зеленой епанчѣ, на коей видна была разная зелень; а вокругѣ се лешали забавы и веселія, и шѣмѣ показывали, что вся природа обновлялась. По другую сшорону лѣшо, вѣнчанное колосами, вѣ бѣломѣ платьѣ и вѣ золотой маншѣ, вѣ рукѣ держало серпѣ. Подлѣ весны находилася пресшарѣлая зима, окушанная овечьєю кожею вѣ вѣнкѣ, сдѣланномѣ изѣ древесныхѣ вѣшъвей, сѣ кошорыхѣ опали лисны; подлѣ се сшояла жаровня, наполненная горячими углями. Лѣшо пресдѣдовало осень вѣ видѣ Бахайки

обрызганной винограднымъ сокомъ ; къ
 головѣ ея былъ вѣнокъ изъ винограда,
 и изъ еягожь грозда выжимала она сокъ
 въ превеликую чашу ; плясье на ней
 было пурпуровое. Потомъ стоялъ дву-
 личной Январь, имѣющій старое и мо-
 лодое лице. Старое означало прошедшій
 годъ, а молодое наступающій. Февраль
 имѣлъ на себѣ одѣяніе синее, подвязан-
 ное поясомъ. Маршъ стоялъ одѣтый
 въ полчью кожу, и держалъ въ рукахъ
 сосудъ съ молокомъ. Апрель, любимецъ
 Венерины, увеличилъ былъ мирною и
 глѣз украшенъ различными цвѣтами.
 Май, наперсникъ Ураніи, въ длинномъ
 одѣяннѣ въ широкихъ рукавами, въ ру-
 къ держалъ корзину со цвѣтами, а въ
 другой имѣлъ цвѣшокъ, кошорою онъ
 безпреспанно нюхалъ; подлѣ ногъ у не-
 го видѣнъ былъ павлинъ. Нагой Юнь
 показывалъ рукою на солнечные часы,
 а въ другой держалъ зажженной факелъ.
 Безобразной и изсохшей ошъ солнце
 Июль держалъ корзину съ шелковичны-
 ми ягодами; а рыжіе его волосы связа-
 ны были соломиною. Августъ нагой,
 мучимой всегдашнимъ зноемъ, держалъ
 пере въ ушами большую шелклянную

Часть III.

В

чашу съ чистою ключевою водою въ одной рукѣ, а въ другой опахало, сдѣланное изъ многихъ павлиновыхъ перьевъ. Подлѣ винной кадки стоялъ Септибрь, и держалъ въ лѣвой рукѣ ящерицу. Октябрь, обвѣщенный разными бишыми шицами, опирался на сосудъ, наполненный пѣнущимся виномъ; подлѣ ногами у него лежалъ заправленной заеца. Ноябрь, имѣющій лысую голову, въ бѣломъ полошнѣномъ плашьѣ, опирался о жершвенникъ, на кошоромъ лежала голова дикой козы; по чему казался Жрецомъ Египетской богини Исиды, а въ рукахъ держалъ онъ Сисифъ. Посвященной Веснѣ Декабрь въ невольническомъ плашьѣ, имѣлъ въ рукѣ зажженной факелъ. Всѣ сн мѣсяцы были съ крыльями, изъявляя шѣмъ, что они никогда онѣ крылатого времени не ошывавали. Еще снхъ преслѣдовали дочери Юпитюра и Фемисы: онѣ имѣли бабочкины крылья, и держали въ рукахъ солнечныя и другіе часы. Передъ сей же стороною груса видѣнъ былъ Африкянецъ съ калчавомъ и съ лукомъ гонящійся за звѣремъ. Сн означало, что она лежала въ Западѣ.

Любопытство мое оиѣ часу умно-
 жлось, и я предпріялъ обойши кругомъ
 весь еиошѣ удивительной грошѣ. Третья
 и пошомѣ четвертая сторона, кошорую
 я послѣ сей обѣясню, были подобны
 первымъ, шо ешь, вода шекла по ша-
 кямъ же скашамъ; а знаки были на
 всѣхъ особливые. На вершинѣ сей сто-
 роны казалась нѣсколько возвышенная
 и страшная гора. На ней сидѣлъ угрю-
 мой богъ вѣшровѣ, въ одной рукѣ дер-
 жалъ скипенцѣ, кошорой означалъ без-
 предѣльную его власшь въ природѣ; а
 другою ударялъ копьемъ въ гору, ко-
 шорая казалась разсѣдающеюся, и буд-
 шо бы стремилась ошшуда буйные вѣш-
 ры, и грошвы были, распросираняся по
 землѣ и морямъ, произвешн ужасную
 бурю, покрышь небеса мглою, изъ ясна-
 го дня сдѣлашь мрачную ночь, и при-
 клячишь страхѣ и ужасѣ смершнымъ.
 У ногѣ его сидѣлъ весьма безпokoющійся
 оиѣ шуму Лакіонѣ; а по другую сто-
 рону Хамелеонѣ, надѣ головою видѣиѣ
 былъ парящій вверхѣ орелѣ. Пошомѣ
 внизѣ по скашамъ находились безпokoй-
 ные вѣшры. Изъ образовѣ ихѣ видѣиѣ
 было можно, что они находили въ шомѣ

удовольствіе, чтобъ опровергнуть всѣ
 вселенную. Сердишой и крылашой Бо
 рей, сынъ Ашрѣевъ и Герибринъ, слѣ
 дую за Аквиллономъ, змирывалъ лице сво
 епанчею, чѣмъ изъяснялъ безмѣрную свою
 скороснъ. Предъ нимъ стояли по сто
 ронамъ прекрасныя его дѣви, копо
 рыхъ Орифія родила съ позволеніемъ
 благосклонныя природы. Лазоревы
 длинныя ихъ волосы перебирались по
 золошой чешуѣ, копорая покрывала ихъ
 спины; крылья за плечами и на ногахъ
 дѣлали ихъ украшеніемъ природы. Авро
 ринъ сынъ Зефиръ, оживошворятель
 цвѣтуща и плодовъ, украшенъ былъ
 вѣнкомъ изъ разныхъ и прелесныхъ
 цвѣтуща. Крылья его находились рас
 просширпы, и казался онъ лепящимъ
 въ пріямныя Елисейскія долины. Сихъ
 преслѣдовали сшихи, крылашя послан
 ница Юнонина подъ развѣваемымъ по
 крываломъ, имѣющая у ногъ своихъ
 орла. Пронинъ се не весьма на высокомъ
 пригоркѣ лежала прекрасная Няда: на
 головѣ у нее былъ вѣнецъ изъ просп
 шика, се, еб, сныя ея волосы лежали на
 плечамъ, опиралася она локшемъ на
 уду, изъ кошарой исшекала прозрачная

вода; у ногъ ея находился Дельфинъ. Передъ Ирисою видѣнъ былъ Вулканъ, сходящій между циклонами. Лице его казалось красно, шакъ какъ бы освѣщено было огнемъ, поддерживали его двѣ волошья служанки, а у ногъ его лежала Саламандра. По другую сторону сидѣла великолѣпная женщина, увѣнчанная цвѣтами; въ рукахъ имѣла роги изобилія, наполненной цвѣтами и плодами; подлѣ ея снуюлъ левъ, которой онъ ей повсяминушно ласкался. Передъ всѣмъ эцимъ снуюлъ на пѣдесталѣ Аполланецъ; оной казался окруженъ весь нишемъ и снѣгомъ. На сей сторонѣ сверху вода имѣла сильное стремленіе, оиъ чего казалось, что предположенные мушъ вѣтры, и самъ свирѣпой ихъ по велишель, производили ужасной шумъ, и возмущали воздухъ.

На самомъ верху четвертой стороны, которая имѣла видъ горы прорицанія, видѣнъ былъ Аполлонъ, посреди девяти музъ, въ лавровомъ вѣнкѣ; въ рукахъ онъ держалъ лиру, коея согласіе какъ людей, шакъ и боговъ въ восхищеніе приводишь. Подлѣ его лежалъ кадчанъ и сирѣблы, то славное

оружіе, которымъ онъ убилъ пресираш-
маго Пнеона, и поразилъ Циклоповъ,
кон ковали великому Юнишеру сирѣлы
на поражение Фебова сына Ескулапія.
Подъ ногами его лежалъ посвященной ему
левъ; круглое его рыло, свѣшлые глаза
и грива, лежащая по обѣимъ сторонамъ,
изображали солнце съ полными лучами.
Надъ головою Апполлоновою лепалъ раз-
новидный и плѣняющій взоръ Амуръ,
красотою котораго не только люди,
но и боги безпрестанно любовались. Онъ
готовился подать богу свѣща Амвросій,
дабы онъ помазалъ свѣчи уша и освѣ-
щалъ бы землю. Быстрой и крылатой
Пегасъ казался ленищимъ съ горы во
всѣ стороны свѣща. Ниже, важная и
благородная Европа сидѣла на пушкахъ;
на головѣ ея блестящій шлемъ укра-
шенъ былъ бѣлыми перьями, въ золо-
томъ кирасѣ, котораго задъ покрывала
желтая манища. Въ одной рукѣ держала
она скипетръ, а въ другой роги изоби-
лія; по сторону стоялъ не обузданный
конь, а по другую лежали книги, зна-
мена, шлемы и щиты. На другой сто-
ронѣ прошивъ ея бока посшавлена была
гордая и суровая Азія; на головѣ ея

бѣлая чалма съ желтыми полосами, обшуканная по мѣсямъ цыплицыными перьями, плащъ голубой, сверхъ котораго желтая епанча; въ одной рукѣ держала она сосудъ съ благовонными зелѣями, а въ другой щипъ съ прибитою Луною. Передъ нею лежали лишавры, барабаны, сабли, луки и стрѣлы, а по сторону ея стоялъ верблюды. Передъ Европою стояла черная Африка: надъ нею видѣнъ былъ подсолнечникъ, ошъ чего казалася она вся въ шѣни. Она была по поясъ нагая; на рукахъ у нее жемчужныя заруканья и въ ушахъ по одной крупной жемчужинѣ. Въ правой рукѣ держала она Скорпиона, а въ лѣвой рогъ изобилѣя; подлѣ ея видѣнъ былъ маленькой слонъ. Азію преслѣдовала смуглая и свирѣпая Америка; голова ея убрана была разноцвѣтными перьями на подобіе вѣнка, и только одинъ поясъ изъ шакиль же перьевъ прикрывалъ ее до колѣнъ, вооружена она была лукомъ и стрѣлами; подлѣ ея видна была ящерица. Передъ сими стояла позлащенная солнцева колесница; нѣ нее запряжены уже были пламенодышущіе кони, которыхъ держали первые часы дня, и ожки.

Б 4

дали Фебона пришествія. Подалъ отъ
сихъ сиялъ Леваецъ , освященный
упренними лучами , въ рукахъ держалъ
пучекъ цвѣшовъ , кошорые въ шужь ми-
нуту распустились; а подлѣ его сия-
ла жаровня съ благовонымъ куреніемъ;
сіе означало Восшокъ.

Сверхъ всего преудивительнаго се-
го гроша , какъ тудшобы на воздухъ
носился сгущенный облакъ; на немъ ви-
дѣнъ былъ Царь и Ошецъ богсвъ. Вели-
чественное его чело покрыто было зо-
лошымъ вѣнцемъ; въ рукъ держалъ онъ
Перунъ , а въ другой викшорію. У ногъ
его находился орелъ: По правую сторо-
ву сидѣла дочь его и Темисы, украшен-
ная жемчужнымъ вѣнцемъ, одѣяніе на
ней было фиолетовое и зеленая спанча,
въ рукъ держала вѣсы , а въ другой
шпагу; по лѣвую видны были дочери
и подруги Венеры , богини Увѣренія,
а за ними крылатые часы.

ГЛАВА IV,

ВЕЧЕРЬ 34.

Продолженіе походовъ Аліма и Алсклады.

Все сіе видимое мною великолѣпіе не уменьшало моего любопытства, но приводило его на вышшую степенъ. Разсмотрѣвъ прилѣжно огромное сіе зданіе, пошелъ я туда, куда стремилось мое любопытство и понуждали восхищенные мысли; и еще я полонъ былъ удивленія, какъ увидѣлъ на восточной сторонѣ оное гроша нѣкоторое зданіе. Она совсѣмъ было не подобно нѣмъ, копорыя дѣлающіяся человѣческими руками, и должно сказать, что превосходило всѣ дѣлаемые на земли божескіе храмы. Видъ сего прелестнаго и пѣляющаго взоръ и мысли зданія былъ круглой; зодныя столбы, и за оными лазоревыя стѣны освѣщаемы были нѣкоторымъ блѣднымъ свѣтомъ, или оное погружающейя въ морѣ блѣдноі лны, у которой не видно уже ни одной звѣзды, или оное солнца, кое еще наход-

дая въ предѣстникѣхъ и въ драхѣхъ прекрас-
 ныхъ Фениды, вздвѣваеи въ блестящій
 вѣкѣхъ, и прощаясь съ нею хочещъ са-
 диться къ колеснице. На верьху не
 весьма съ малаго шару спремился въ
 небеса золошой Пегасъ: крылья его
 были распросершны, и находился онъ
 Зефировъ въ движеніи. Крышка на семъ
 злати снопъ была ала, что превосхо-
 дила всякую розу. Кругомъ на оной
 снопляны крылашые кунидоны, и держали
 въ рукахъ каждой по пучку цвѣшовъ,
 кошорые казались, какъ буди бы въ
 сію минушу распущились упившїяся
 росы и оживошворася благорасшворен-
 нымъ воздухомъ. По одну сторону не
 весьма далеко онъ сего храма видѣиъ
 былъ весьма стущенной и мрачной об-
 лачкѣ; на ономъ черная колесница, въ
 кошорую впряжены были двѣ совы. Въ
 колесницѣ сидѣла богиня шьмы, шар-
 няя Хлосова дочь; у ногъ ея спали двѣ
 кунидоны, кошорые предешавляли
 сонидвїи; въ рукѣ держала она обра-
 щенной внизъ факелъ, кошорой шар-
 лася погашенъ. На головѣ ея былъ вѣ-
 нокъ изъ маковыхъ цвѣшовъ; черная
 ея спанча, испещренная звездами, по-

чѣмъ / ае вся подобрана была въ колесницу, и казалось какъ будто бы сія богиня удалялась отъ храма. По другую сторону видна была пещера, въ кошорую казалось ни малѣйшій народной шумъ и никакое смятеніе онаго проникнуть не могло. При отперсіи ея видны были маковые поблеклые цвѣты, съ кошорыхъ полни уже свалились листья, и оказывались маковицы, сноялѣ шумѣ изсохнѣй шроспникѣ и другія соевѣмѣ высохнѣя шравы. Сквозь оныхъ видѣнѣ былѣ въ пещерѣ брашѣ смерти, сынѣ ночи, и богѣ сна въ покоѣ, кошорой лежишѣ на кровати изѣ Гебенова дерева; а вокругѣ его лежали мечшанѣя, кошорыя поминушно принимающѣ на себя различныя виды. По шрешью сноору на мягкомѣ ложѣ лежалѣ служишель сна, кошорой былѣ весьма искусенѣ представляшѣ другихѣ походку, видѣ, голосѣ и всякія шѣлодвиженѣя. Легкія ихѣ крылья и въ самомѣ крупномѣ его сѣ находились кѣ превеликомѣ движенѣи; держалѣ онѣ макову вѣшку въ рукахѣ, и казалось, что нѣмѣренѣ былѣ ею усыпить все смершное племя. По четвершую сторону, кошор-

раз была прошивъ ночи, стояла на
 волнахъ позлащенная Фебова колесни-
 ца, въ ней впряжены были чешыре
 крылашые коня, кошыре вмѣсто воз-
 духа дышали пламенемъ и нешерпѣли-
 вешю. Въ колесницѣ сидѣлъ Аполлонъ
 въ свѣтосѣрной порфирѣ и въ блестя-
 шемъ пѣницѣ, до кошыраго не только смер-
 шиные, но и сами боги допронущься не
 смѣли. Лучи его еще снремилися въ
 зенищѣ, и для того весьма мало освѣ-
 щали то зданіе. Вошедъ въ него, уви-
 дѣлъ я «сѣ собранныя пріяшности въ
 одно мѣсто; шумѣ не было ни золота,
 ни серебра, ни драгоцѣнныхъ камень-
 евъ, но просное и прелесшное украше-
 ніе. Снѣды обвѣшаны были фешонами
 изъ розѣ, лилей и нарцизовъ; прошивъ
 дверей подлѣ снѣды на аломѣ прешолѣ
 сидѣла иѣжная любовница Вишанова,
 окруженная купидонами, играющая ро-
 зими; изъ глазъ ея падала прозрачная
 вода на подобіе акашисшаго жемчугу.
 Подъ прешодомъ видѣнъ былъ безоб-
 разный Тришонъ, у кошыраго изъ рта
 исходила ключевая вода, а изъ ноздрей
 самое лучшее благоуханіе. Оной источ-
 никѣ падалъ въ превеликую жемчужную

раковину, которая утверждена была на полу. Какъ только что вешупилъ я въ сіе нѣжное зданіе, то первой удивительнѣе всѣхъ представился мнѣ предметъ. Двѣ прелестныя Чимфы явились въ семъ фонтанѣ. Онѣ были нѣтъ, не воображаемая ихъ явственныя лица и нѣла всякаго смершнаго шроушь были въ состояніи. Онѣ находились шумѣ въ полной волѣ, и ничто не преняшисшвовало ихъ открытию, изъясляя другъ другу свои мысли безъ всякаго подозрительнаго свидѣтеля; и что мнѣ показалось сверхъестественнымъ, шкъ то, что онѣ меня увидѣшь не могли, хотя я и стоялъ передъ ихъ глазами; и я уже шумѣ проишь, что дѣлая мнѣ ошѣ вихрепачи была шому причиною. Онѣ играли между собою шолько вольно, и думаю, что имѣ и въ мысли не приходило то, что мушцина присушшвуешѣ съ ними, и ешѣ свидѣтелемъ всѣхъ ихъ обращеній.

Когда кончались между ими различныя забавы и дружескіе разговоры, которые весьма много касались до мужскаго пола, то говорила одна другой

такимъ образомъ: Сего дня увидимъ мы
 на нашемъ островѣ Млаконскаго обла-
 дашеля Алима. Я слышала Аропа при-
 казывала въирамъ, чипобъ оныя при-
 несли его сюда на островъ: шы повѣ-
 ришь не можешь другина моя, продол-
 жала она, сколько обладашельница на-
 ша влюблена въ Алима. Она никогда
 не панилъ предо мною своихъ предпрі-
 ятій, и говорила мнѣ, что все въ свѣ-
 нѣ сокровища не могутъ ей принести
 никакого увеселенія, какое она буденъ
 имѣнъ совокунившись съ нимъ. Мы час-
 то, цинимая на себя образа иѣконо-
 рыхъ пескомыхъ, лешали на островъ
 Млаконъ, и шамъ цѣлую ночь пренро-
 водили, подлѣ кровати обладашеля
 онымъ. Аропа во все сѣи времена имъ
 любовалась, и почешила себя выше
 всякой богини. Иапрошивъ же того не-
 годуешъ всякой часъ на цезинную его
 любовницу Асклѣаду, и всеми силами
 ешгращеся ее погубишь; и оспльибъ я
 ее ошъ того не удерживала, но бы ко-
 мечно Асклѣада давно уже разстала
 го свѣномъ. Когда я услышала сѣг, то
 члены мои ошмѣли, и не зналъ, что
 мнѣ должно было дѣлать; однако пред-

пріялъ благодарить невѣдомую мою
 благодарительницу, чшобѣ шѣмъ лучше
 спасти жизнь какъ мою, такъ и Аскля-
 адину. Какъ только выговорилъ я сіи
 слова: богиня шы, или Нимфа, но
 вдругъ онѣ чрезвычайно испугавшись
 закричали самымъ ужаснымъ голосомъ.
 Въ одну минушу увидѣлъ я передъ со-
 бою превеликаго Исполниа, которой не
 говоря мнѣ ни слова взялъ справашнюю
 рукою поперегъ, и понесъ меня въ не-
 извѣстную дорогу; пришедъ къ преве-
 ликому дереву, которое покрывало со-
 бою и своими вѣтвями не малую часть
 земли, познанилъ меня на камень и
 сжалъ съ грознымъ видомъ спрашивая,
 какимъ образомъ нахожусь я на его осн-
 рову? А какъ узналъ онъ меня, что я
 и самъ шого не понимаю, шо ударилъ
 весьма сильно ногою въ землю, кото-
 рая вся поколебалася подъ нами; и
 справашнее шо дерево начало подымать
 свои вѣтви; и наконецъ увидѣлъ я,
 что верхина онаго досязала до
 облаковъ. Когда же сдѣлался видѣ-
 нъ намъ корень онаго дерева, шо
 Исполниъ махнулъ рукою, и расшворилъ
 ужасную подъ онымъ пещеру, въ ко-

шорую немедленно приказалъ мнѣ идти. Какъ скоро я въ нее всунулъ, то опверснѣе ея тошчасъ зтворилось, и я сшалъ окруженъ и покрытъ землею: вселилось въ меня превеликое ошчаянѣе, и я сшолько сдѣлался тогда малодушенъ, что непременно пожелаалъ искашь моей смерти. Все способы мнѣ представлялись къ ошнанию у себя жизни, и орудя къ тому были готовы; но не знаю, что то не пояннѣе препашсшвовало моему намѣренѣю, и удерживало уже взнесенную руку къ нѣ добръшенѣю въчисши; судьби опредѣляющя намъ жизнь всегда владѣвшя нами.

Когда я былъ еще въ самомъ великомъ смяшенѣи, то слышалъ, что земля поколебалась, пропашнѣ сдѣлала опверснѣе, и тошъ же Исполнѣ възвѣ меня за руку вывелъ на поверхность земли. Какъ скоро я на оной появился, то приказано было спашмнѣ спашчу, безъ кошо, ой сдѣлаесъ видѣнѣ. Исполнѣ извинившисъ предмною, повелъ меня въ великолѣпны покон, въ кошорыхъ увидѣлъ я явившуюся мнѣ богию. Она окружена бы

ла Нимфами, кошорыхъ какъ властїю, такъ и красою преышала. Какъ скоро увидѣла меня, шо сдѣлавъ прїятную и прїманчивую улыбку посадила подлѣ себя, и говорила мнѣ: Я сердечно сожалѣю, что во время моего отсутствїя прїняли тебя здѣсь не весьма изрядно. Ешонѣ грубой спарикѣ, продолжала она указывая на Исполна, имѣенѣ варварскїя разсужденїя и угрюмой разумѣ. Онѣ никогда не моженѣ различнѣ людей, и поступленѣ всегда по закоренѣлому въ немѣ ширанишву. Послѣ сихъ словъ выняла она бѣлой плашокѣ, и начала оширать мое лице, кошорое онѣ превеликаго моего безпокойства покрышо было попомѣ и пылью; а Нимфы сѣвдуя своей повелительницѣ, предпрїяли дѣлать шо же; одна взяла изъ рукъ моихъ шлемѣ, и положила его на софу, другїя перебирали мои волосы и приводили ихъ въ порядокъ; и кошорыя оправляли мое платье, и хонѣли преданѣ ему пѣжность; а прочїя въ шо время пригошвлялись исполннѣ повелѣнїе своей обладательницы. Чшожѣ касаенся до меня, шо я не иное что дѣлалѣ, какъ оказывалѣ мою

Часть III.

Г

благодарность на всѣ ея привѣтствія. Имя ея, которое слышалъ я отъ ея Нимфы, приводило мысли мои въ превеликой безпорядокъ; ибо я зналъ, что у насъ ни одна богиня такъ не именовалась; но могущесства ея и власныя при нуждахъ думашъ меня, что она безсмертная; однако какъ бы то ни было, только примѣнила она во мнѣ великую къ себѣ холодность, и можно ли, чтобъ я будучи встревоженъ различными ображеніями, способенъ былъ ко исребленію владѣющей мною смерти. И такъ находясь на семъ острову больше недѣли, не показалъ ни одного знака моей къ ней горячности, которой она чрезвычайно ждала. Мнѣ же никоимъ образомъ невозможно было плѣниться ею; ибо какъ сердце мое, такъ и я самъ находился уже не въ моей власнѣ.

ГЛАВА V.

ВЕЧЕРЬ 35.

Продолженіе похода снїи Алима и Асклады.

Нѣкогда при захожденїи солнца, когда мы находились къ объявленномѣ мною Аврориномѣ храмѣ, Арона безпокойвшись весьма много моею несклонностию, и думая; можешъ быть, что я не понимаю ея желанїя, предпрїяла изъясниться мнѣ словами: ты знаешь, Алимѣ, сколько я шебя люблю; но къ удовольствїю моего желанїя вижу въ шебѣ необычайную суровоспѣ. Я всякой часѣ шоскую, вздыхаю и шерзаюся шобою, и можешъ быть суешною надеждою ласкаюся. Когда всхожу на небеса, я шамо всѣ безоблачныя мѣсна наполняю моимѣ шенанїемѣ, въ шакомѣ же опчаянїи и сѣшою же прискорбноспѣю ннзхожу на землю. Вся вселенная исполнена моею гореспѣю, спыжуся я боговѣ, спыжуся всѣхѣ смертныхѣ, и наконецѣ мучишельна мнѣ вся природа. Возможно было мнѣ когда подумашъ, что

бы опѣ смершнаго безсмертная была презрѣна! Великая богиня! го орѣлъ я ей, меня ужасаютѣ швыи слова, и я не знаю, какое извиненіе могу принесши въ неумышленномъ моемъ просшупкѣ. Чшо жѣ казаетѣя до презрѣнія я моего къ тебѣ, но ты никогда презренна бышь мною не можешь, а сердце мое во вѣки уже опдано другой; ежели ешодѣ келико твое могущесшво, возврати его, и владѣй имѣ до конца моей жизни. При сихъ словахъ сдѣлала она суровой видѣ, и ушла онѣ меня.

Я препроводилѣ весь шопѣ день въ задумчивости, шакже и ночь покоился мало. Проснувшись по ушпру, увидѣлъ себя въ моемъ домѣ; весьма шому обрадовавшись, сѣ превеликою нешерпѣливостию ожидалѣ къ себѣ Бейгама, и хотѣлъ увѣдомитьѣ онѣ него обо всемъ, что происходило въ городѣ во время моего онсушсшвія; впрочемъ сѣ ономъ упоминашь совсѣмъ я былѣ не намѣренѣ, а желалѣ прежде услышашъ онѣ него. Въ скоромъ времени пришелѣ онѣ въ мой покой, но въ такое пригелѣ меня удивленіе, что я дѣйствительнѣ пошерялъ мое разсужденіе: первое, не говоря

о моемъ оплученіи , началъ онъ со слезами укоряя меня моею строгоспїю , что я весьма сурово поступилъ со Аскладаю. Возможно ли ешо, Государь, продолжалъ онъ ? вмѣсто того, чтобъ вамъ сочелась съ нею бракомъ , еши выслалъ изъ города, оплучилъ того дому , въ кошоромъ она рождена и воспитана , заключилъ вѣчно въ пещицу, и опредѣлилъ спрадать ей во всю ея жизнь. Ты вѣдаешь, Государь, сколько она тебя любишь , и въ воздаяніе за ея къ тебѣ преданность вознамѣрился ты лишить ея жизни. Какой бы человекъ возмогъ ешо услышать безъ помѣшательства разума ? Я окаменѣлъ , и не зналъ, что мнѣ отвѣчать должно было ; ежели спросишь у него , гдѣ Асклада находится нынѣ , то бы конечно почелъ онъ меня сумасшедшимъ ; и для того припворюсь шѣмъ неисповымъ повелишелемъ , кошорой поступилъ съ нею варварски , спалъ его обнадеживашь , что можетъ быть нынѣ ненависть моя къ ней минуеться, и я еще къ вечеру прикажу возвращить ея во дворецъ ; а для оказанія большей моей къ ней благосклонности поѣду самъ за

нею. Въ одну минуту приказалъ я все изгнать къ ошвѣзду и пошчасъ ошправился въ пушь , взявъ съ собою одного Бейгама ; ибо я намѣренъ былъ отъ него обо всемъ увѣдомиться и ошкрыть ему всѣ мои приключенія , которыя колебали душу мою , сердце и мысли.

Мы уже находились не близко ошв города , какъ Бейгамъ примѣтилъ во мнѣ необычныя движенія , прервалъ наше молчаніе ; ибо образъ мой показывалъ , что я почти уже лишился духа. Я примѣчаю, Государь, говорилъ ош мнѣ , что вы самъ сожалѣете о швомъ пошупкѣ , и вижу что превеликое раскаяніе владѣете шею душою. Возлюбленный мой Бейгамъ! ошвѣчалъ я ему , ешльдибъ вы знали , какое я шеперь мученіе шерплю , шовмѣсто шого , что вы на меня негодуете , оплакивалъбы самъ горкое мое сосшолніе. Свирѣпости во мнѣ никакой нѣшъ , и до конца моей жизни еше презренное чудовище въ сердце моешъ нѣшъ мѣста не будетъ ; и не уже ли я шаккой варваръ , что , которую всѣхъ болше въ жизни моей люблю и почишаю , на

нее на первую обратилъ мое тиранство. Знай, любезный мой другъ, что я самъ скорѣе пошерю мою жизнь, нежели увижу въ несчастнѣи Асклѣду. Пономѣ уведомилъ его обо всемъ подробно, что со мною ни происходило. Выслушавъ все у меня, сколько онъ удивился, что османивилъ своего коня, и нѣсколько минуиъ находился безсловесенъ; наконецъ просилъ меня, чтобъ слѣшь съ коней и удалишся на время онъ шѣлохранишелей моихъ въ блискую отъ него мѣсна рошу. Въ ней рассказалъ онъ мнѣ все то, что происходило у нихъ во время моего отсутствія, такимъ образомъ: На другой день нашего упражненія въ охотѣ, какъ поѣхали мы снова поднимать звѣрей, нѣсколько времени мы себя, Государь, не видали; однако вспрѣвшившись съ шобою возвратились очень скоро въ 1 родъ. Ты прежде всего хотѣлъ увидѣшь Асклѣду, и признаюсь, что я никогда въ себя такой холодноши не ожидалъ, какую шѣ показалъ ей въ семъ случаѣ; пономѣ выговаривалъ ей, что она предпріяла весьма дерзосныя мысли, и ищенѣ полонилъ любовью своего Государя, къ кошорому

обязана имѣти великое почтеніе. Уо-
 шавѣ сіе заднась сна слезами , и не
 могли ничего говорить вышла она въ
 другую горницу. Я оставшись съ шо-
 бою Государь , старался какъ возмож-
 ло утѣшить швою испылчивость ; но
 шы вмѣсто шого наполнился большею
 къ ней злобою , и съ шого часа пред-
 пріялѣ не видѣть ее никогда и совсѣмъ
 не шребить изъ своей измяши. Асклада
 желая ошѣ ревности швоей удалитъ-
 ся , просила черезъ меня , чшобъ шы
 приказалѣ ей жить на островѣ Нѣ. По
 поученіи позволеніи провожалѣ я ее
 шуда , и желалѣ какъ возможно облег-
 чить ее печаль , но однако старанія мои
 были напрасны. Она ничего не хотѣла
 слушать , не принимала никакого со-
 вѣта , и шолько искала въгорести сеѣ
 прибѣжища къ слезамъ , копорыя ни-
 когда не осушали глазѣ ея. Прибывши
 съ нею на островѣ , желалѣ я , чшобы
 она обитала во дворцѣ ; но она на сіе
 не согласилась и осталась въ домѣ нѣ-
 котораго знашнаго гражданина. Весь
 Дворѣ ошѣ шого шеперь въ превели-
 комъ смяшеніи , а особливо женщины ;
 ибо шы , Государь , выговорилѣ мѣкогда

въ собраніи, что онъ тебѣ столько милы, чтобы ты не желалъ никогда объ нихъ слышать, не только видѣть.

Премилосердые боги! вскричалъ я тогда въ опчаяніи, за что вы посылаете такія на меня казни, скажите, чѣмъ я столько виновенъ спалъ передъ вами. Вамъ извѣстно больше всѣхъ мое сердце и его склонности, желалъ ли я когда и кому нибудь какого вреда, или гибели, искалъ ли пришествіи моихъ подданныхъ, опягощалъ ли ихъ несправедною войною или безмѣрными шатго-спями; наконецъ возсновадъ ли я когда прошиву васъ, и имѣлъ ли шо въ помышленіи; за что же вы столько немилосердо разилие меня такими громовыми стрѣлами? Наконецъ оборонившись къ Бейгаму сказалъ я, поѣдемъ, любезный мой другъ, къ Аскладъ, ты увидишь, что не шокмо дѣломъ, ниже мыслю я противъ нее не согрѣшилъ. Спрогая судьба и немилосердое несчастіе причиною шому, что я гонимъ свирѣлымъ рокомъ, Пускай богиня, ежели она столько жестокосерда, въ сей часъ извлечетъ съ мученіемъ мою душу, а я не могу никакъ снести несчастія не-

винной Аскляды. Попомъ поѣхали мы въ берегу, и какъ только слѣзъ я съ коня, чинобъ съесть шумъ на судно, то вдругъ съ великимъ стремленіемъ ужасное морское чудовище вырвалось изъ волиъ на берегъ и меня поглотило; въ сей часъ растая я съ Асклядою и съ мимъ другомъ. Память во мнѣ пребывала до шѣхъ поръ, покамѣнѣвъ помѣшался я въ помъ пресирашномъ чревѣ, или лучше въ волнующемся адѣ.

Сколько находился во чревѣ чудовища, того не вѣдаю, ибо все оное время былъ безъ памяти; попомъ открывъ мои глаза, какъ будто бы онъ крѣпкаго сна, увидѣлъ себя въ безсолнечной спранѣ. Дремуче и темныя лѣса шумѣли безпрестанно, подъ кошорыми вмѣсто травы росли ядовитыя зелья. Каменные и неприступныя горы онягощали безъ всякой пользы землю, и огредѣлены были жилищемъ свирѣпыхъ и невоображаемыхъ звѣрей: во всемъ этомъ пресирашномъ мѣстѣ не видалъ я ни одного испочника, выключая иѣкошорой спрашной пучины, которая выходила изъ пропасти. Воды ея споль были мушны, чшо превосхо-

дили Спиксовы черныя спруи. По горамъ и по лѣсамъ раздавался ужасной ревъ дикихъ звѣрей, и мнѣ усрашенному казалось, какъ будто бы онъ каждую минушу ко мнѣ приближался. Я предпріялъ удаляться отъ него; но неизвѣстное мѣсто прерывало мое намѣреніе, искалъ убѣжища между горами; но столь шумъ были велики пронаси, что я идучи мимо оныхъ усрашался, лѣса не скрывали меня ни мало и не уменьшали моего ошчаянія. Что мнѣ начашъ должно было въ такомъ моемъ сосноянїи? Въ сію минушу опредѣлилъ я себя жершвою смерти, и положилъ ожидать послѣдняго часа непремѣнно.

ГЛАВА VI.

ВЕЧЕРЬ 36.

Продолженіе походовенїи Алимма и Аскліады.

Посомъ съ высокой горы увидѣлъ я идущую къ себѣ Аропу; видѣ ея

началъ уже мнѣ казаться неспособнымъ ,
 и всѣ ея прелести , вмѣсто возбужденія
 во мнѣ страха , производили въ серд-
 цѣ моемъ жестоко къ себѣ ошвращеніе.
 Приближилася она ко мнѣ съ сими сло-
 вами: Сіе страшное обип лице будешь
 тебѣ вѣчнымъ жилищемъ , и наконецъ
 ужасныя сіи пещеры опредѣлены тебѣ
 гробомъ , елики ты еще будешь упо-
 ренъ и не покорись моему желанію. Я
 разлучила себя съ Аскліадою , и ты не
 льстись уже когда нибудь ее увидѣшь,
 развѣ тогда , когда съ ужаснымъ сше-
 наніемъ будешь она испускашь свою
 душу. Возможно ли сіе ; богиня , ошвѣ-
 чалъ я ей, } чтобъ ты могла меня скло-
 нить угрозами и усшрашеніемъ ? Серд-
 це мое наполнено вмѣсто любви стра-
 хомъ , опчаяніемъ и досадою. Какое же
 мѣсто могутъ имѣть въ ономъ швои
 прелести , и что еще къ пущему слу-
 жишь мнѣ ошвращенію , пакъ то , что
 я въ нѣжномъ швомъ шѣдѣ обрѣшаю
 варварское сердце. Владѣй моею жизнию,
 я тебѣ ее посвящаю , но сердца моего
 до конца моей жизни не будешь ты
 имѣль себѣ посвященнаго. Я люблю
 Аскліаду и любишь ее буду до гроба ;

и шы, когда привела меня въ опчальнѣе, но со всѣмъ швоимъ могущесшвомъ ше-ля презираю, и желаю, чшобъ шы была превращена въ какую ншбудь злую фу-ршю. Тушъ я примѣшилъ, чшо на лицѣ ея изоб аздалася превеликая досада, и она вмѣсно прежней ко мнѣ благосклон-ности вознамѣрилася желашъ мнѣ всяка-го въ свѣшѣ несчастшя, чшо дѣйствш-тельно злобное ея сердце со мною и учинило. Не сказавъ мнѣ ни слова, по-двиглася на воздухъ и скрылася изъ мо-ихъ глазъ, а я осшался въ неизвѣсш-номъ и страшномъ семъ мѣсшѣ забывшъ богами, природою и людьми.

Оплакивая не малое время мое не-счастшѣ, предпршлъ я, хошя и совѣмъ не возможно было, исканш своего спа-сеншя; на силу проходилъ сквозь лѣса, и съ превеликимъ шрудомъ обходилъ пропащш и лазилъ чрезъ горы; и ко-гда я былъ на самомъ хреншѣ оныхъ, шо увидѣлъ къ западной шсторонѣ вѣс-ма чудное зданшѣ: оно окружено было дремучимъ лѣсомъ и ужасными горами; ограда его и само оно сдѣлано было изъ чернаго камня весьма чуднымъ и страшнымъ образомъ, шакъ что не

шюкмо видѣшь, ниже слышашь о подобномъ сему мнѣ не случалось. Спрахъ во мнѣ часъ ошъ часу умножался, и я думалъ, что какой нибудь злой духъ, изверженной изъ ада, поселился въ семъ пресирашномъ мѣснѣ. Судьба мнѣ моя была неизвѣсна, и я зналъ, что долженъ былъ потерять жизнь мою въ сей адской спрашъ; шакъ для меня равно было лишиться ли оной ошъ сирѣпыхъ звѣрей, или ошъ того, какъ я думалъ; злаго обитателя, предпріялъ ишши въ шопъ ужасной замокъ, и искашь въ ономъ иль жнеоша, иль смерти. Когда я кошелъ въ ограду, шо увидѣлъ шущъ смертноносной садъ; всѣ шравы и деревья, которые шолько вредяшъ человеческому роду, произрастали въ семъ мѣснѣ. Между оными прошекали исшочники, въ кошорыхъ вмѣсно воды находится лдъ злѣе того, кошорой выдуманъ Индйцами. По срединѣ сего умерщвленія шюлялъ прудъ, кошорой окруженъ и шочни закрышъ былъ высокими и черными, не знаю, какими шодеревьями; на нихъ были бѣлыя ягоды, изъ кошорыхъ капалъ сокъ въ шопъ спрашной сшиксъ, ошъ чего кипѣлъ ошъ на подобіе съ горъ лѣ-

ющагося ключа. Солице шѣми лучами, которые снремились ошѣ него чрезѣ сѣю пропасть, никогда не могло пришагивать шѣ себѣ сѣ земли оспрыхѣ и ядовитыхѣ паровѣ, ибо оные всѣ оспавались шѣ семѣ не излѣдованномѣ адѣ. Тушѣ никакая спихѣя не имѣла дѣйствительнаго своего образа; но и самѣ очиснитель природы огонь смѣшенѣ былѣ сѣ смертоноснымѣ ядомѣ, и шполь тяжелой носился запахѣ, что я нѣ силу могѣ выйти изѣ онаго кѣ покоямѣ. Тушѣ никого не видно было людей, для чего вошелѣ я шѣ оные безѣ всякаго позволенѣя, ибо не ошѣ кого было мнѣ онаго и шребовать.

Перешедѣ множество чудныхѣ и невоображаемыхѣ покоевѣ, шѣ которыхѣ, видны были шолько чернь и бѣлизна; сдѣланы оми были не по человекски, вспушилѣ наконецѣ шѣ превеликую залу. Какѣ шолько я шѣ нее вошелѣ, шо кровь моя ошпановилася, и я не зналѣ, чему приписанѣ такое привидѣнѣе. Подлѣ окна шѣ оной сидѣла дѣвушка, которая шполь была прелестна, что весьма трудно сысканѣ подобную ей шѣ природѣ. Шѣ рукахѣ держала она кмигу, которая кѣ

залась, какъ будто бы облипа была
 слезами; ибо красавица та столь горь-
 ко плакала, что мнѣ показалось, буд-
 то бы состояніе ея сто разъ было го-
 реснѣе моего; ошѣ чего прелесни ея
 умножались, печаль ея шрогала мое серд-
 це, и я бы дѣйствительно не пожалѣлъ
 мсей жизни, чтобъ только освободить
 ее ошѣ опасности. Взглянувъ на меня она
 ахнула и пришла въ безпамятство;,
 опустила руки, изъ кошорыхъ выпала
 у нее книга. Я бросился помогать въ
 ея ошчаченіи, и усердными моими старані-
 ями возвратилъ ей вскорѣ чувствва.
 Ошкрывъ свои глаза и въ превеликой
 горесни говорила она мнѣ сіе: Кто ты
 шаковъ ни еси, только знаю, что пре-
 несчастливей челоувѣкъ изъ всего смер-
 тнаго рода, изъ которой часни свѣша
 и изъ какого скучнаго шебъ на свѣшѣ
 состоянія старемидя ты на свою по-
 гибель? Я удивляюсь, какъ не предвѣ-
 щало шебъ сердечное чувствованіе, что
 ты здѣсь долженъ будешь лишиться
 жизни невображаемымъ шебъ никогда
 мучительнымъ образомъ. Государыня моя,
 ошвѣчалъ я ей съ шакою же прискор-
 бностію; ошѣ рожденія моего не желалъ

я искалъ моей смерти ; но она , какъ немилосердное и неушолимое чудовище , повсеминушно зовешъ меня къ себѣ , и ведешъ съюль сшраніи ми и мучишельными сшонами въ вѣчносшь , что долженъ я проклинашь мое рбжденіе , и шощъ плачевной день ; въ кошорой зачался у машери моей во ушробѣ . Пошомъ проливая горькїя слезы , расказаъ ей все мои несчастїя прїключенїя . Она присовокунила свої слезы къ моимъ . И шакъ мы съ часъ времени рыдали неушѣшно , и признаюсъ , что видя ея слезы , жалѣаъ я больше о ея несчастїи , нежели о моемъ собшвенномъ .

Далѣе , чтообъ больше насладишься ей своею горесшїю , расказаа она мнѣ свой прїключенїя сими словами : Я происхожу ошъ Ингрїа ; родишель мой былъ человекъ бѣдной , слѣдовашельно была бы я воспитана съ превеликими недосшашками ; но судьба показалась мнѣ шогда , весьма благосклонною . Въ сосѣдствѣ съ нами жилъ знаншой и богатой дворянинъ ; онъ увидѣвъ меня нѣкогда выпросилъ у моего ошца , и воспитывалъ меня благороднымъ образомъ ; имѣлъ сына шакїхъ же лѣшъ , какъ и я ,

Часть III.

А

и шазѣ вмѣстѣ мы съ нимъ воспитыва-
лись и учились. Когдажѣ начали пони-
мать себя, то влюбилась сполько
другъ въ друга, что изъяснить нашей
спрасни никомъ образомъ не возмож-
но; чашное и ласковое обхожденіе сдѣ-
ладо насъ наконецъ соясѣмъ неразрыв-
нымъ, и мы клялись другъ другу,
чтобѣ вѣчно не ратсмаваться. Пламе-
ни нашему ничто не преняшсывовало,
и все согласовалось съ нашимъ желаніемъ.
Его и мой вшорой родишель
предпочелъ красону и добродѣшель мою
всякой знаншосни и богашснву, и для
шого предирилъ соченанъ насъ бракомъ.
Во первыхъ обоганилъ моего ошца и
манъ; во вшорыхъ узналъ совершенно
наше согласіе, и пономъ присшупилъ
къ брачнымъ обрдамъ. Оные къ пре-
вешному удовольснвію весьма благопо-
лучно кончидась. Съ сихъ поръ нача-
лося мое несчастіе, и судьба сколько
была ко мнѣ милосннва, смолько на-
проннелъ шого ошкврѣнѣла. Въ самой
первой день-пошрдена я въ сіе несно-
сное для меня и спранное жилище.
Здѣсь обшнелъ недешовой и злобой
боашебннкъ. Онъ для шого нарочно

произведенъ ядомъ, чтобы приносить
 всякой вредъ всему смертному племени.
 Онъ вынесъ съ собою все изъ ада ядо-
 витыя зелья, носилъ ихъ въ семь мѣ-
 снѣ, и также размещалъ мѣстами и
 по всей вселенной; и сказывающъ, что
 онъ изобрѣлъ Медицинскую науку. То-
 му уже нѣсколько тысячъ лѣтъ, какъ
 причинилъ вредъ людямъ, и согласи-
 вшись вмѣстѣ съ смертию, пояденъ
 великихъ Императоровъ, прехраныхъ
 Полководцовъ, разумныхъ Министровъ,
 великихъ Философовъ и ученыхъ людей.
 Сей вредоносецъ обладалъ всю вселен-
 ную, увидѣлъ нѣкогда меня, и смер-
 тельно влюбился. Лезалъ ко мнѣ весь-
 ма часто во образъ огненного змѣя, и
 принимая видъ красавца, склонилъ ме-
 на на свое желаніе. Я не только, что
 бы думать о его любви, но неказан-
 но спрашивалась такого злобнаго духа.
 Когда же я сочлаалась бракомъ, то
 онъ не желая видѣть меня въ другихъ
 рукахъ, похищилъ на сіе мѣсто, и
 здѣсь меня заключилъ во вѣки.

ГЛАВА VII.

ВЕЧЕРЬ 37.

Продолженіе похжденій Али- ма и Аскіады.

Красавица окончивъ свои приключенія, хотѣла описатьъ мнѣ злобу сего стараго волшебника; какъ вдругъ услышали мы превеликой шумъ, земля ужасно поколебалась, и все покои находились оупъ шого въ превеликомъ движеніи. Ахъ! пропали мы, возгласила она опчаянно, ешо оупъ, и жизнь наша въ опасности. При семъ ея словъ вошелъ оупъ въ залу. Видъ его шолько былъ угрюмъ и страшенъ, чпо казалось мнѣ, будпо бы оупъ превосходилъ злобою и самаго адскаго царя. Какъ шы дерзнулъ войши въ сіе мѣсто, говорилъ оупъ мнѣ, не опасаяся за то жестокаго наказанія? Возьмите его, сказалъ оупъ, не знаю кому, и заключите въ волшебную шемницу. Невидимые духа взяли меня подъ руки и вывели изъ покоевъ, бросили въ ужасную шемницу и въ оной заперли. Тѣ шрахи, которые я до сего имѣлъ

несчастіе видѣшь передъ этимъ, были ничто. Вся сія ужасная и прощранная пропасть сшнала на подобіе адскаго жилища; сшныя ся увѣщаны были анапомническими и другими приличными онымъ инструментами, на кошорыхъ видна еще была кусками запекшаяся челоуѣческая кровь. По срединѣ сшляли смертоносныя махины, одна изъ нихъ мешала изъ себя во всѣ сшороны острия иглы съ шакимъ сшремленіемъ, чшо оныя совсѣмъ уходили въ полъ, въ пошолокъ и въ сшны, и ошъ кошорыхъ нигдѣ укрышься было не возможно; другая брызгала изъ себя съ шакимъ же обиліемъ горячей свинецъ. И я бы конечно принужденъ былъ лишиться шупъ съ мученіемъ жизни, ежели бы не защищала меня ошъ оныхъ невидимая сила. Цѣлую ночь безпокоился невидимыми злыми духами, кошорые не давали мнѣ ни времени, ни мѣсна къ собранію распоченнаго моего разума; однакожъ они мнѣ не вредили.

При разсвѣтаніи дня увидѣлъ я въ сей сшрашной шемницѣ шу насчастликую красавицу: она прибѣжавъ ко мнѣ ухватила меня за руку, и очень поспѣш-

но привела въ ту же залу, и говорила мнѣ: теперь злой волшебникъ полешѣлъ въ своимъ товарищамъ; онъ вознамѣрился собрать ихъ всехъ сюда, и въ ихъ присущей лишить себя жизни; ибо думалъ онъ, что ты пришелъ освободить меня и увести изъ сего проклятого жилища. Я имѣю способъ къ освобожденію себя, и желаю лучше подвергнуться всякимъ мученіямъ, нежели, чтобъ ты скончался безвинно; но любя меня весьма много, онъ этого не сдѣлалъ. Потомъ повела меня въ другую комнату. въ концѣй на маленькомъ столѣ увидѣлъ я премножество пузырьковъ. Красавица взяла одинъ камень мнѣ изъ рта на голову, онъ чего точасъ потерялъ я образъ человека, и превратился въ молодого и прекраснаго орака: почувствовалъ въ себѣ великую легость, и мысленно выбиралъ себѣ выше облаковъ жилище. Сколько я несчастлива, говорила потомъ красавица, что эти сестры прошивъ меня заколдованы и по дѣйствующимъ надо мной ни мало; а еслибы я могла онъ сего превратиться, то бы конечно послѣдовала за тобою. Теперь ты не опасайся,

прододжала она, хопя бы гдѣ онѣ съ тобою и встрѣнился, що, конечно не узнаешъ: ибо онѣ не имѣешъ ешой силы, чшобѣ распознавань прамое живоное онѣ прекращеннаго. Тѣперь шебѣ свободенѣ пушь, и шы можешъ возвращинишь въ свое опечеснво. Я благодарилѣ ее, сколько позволилѣ новой мой образѣ: ибо всеѣ человекскія чувснва осналися со мною, и хопя съ превеликимѣ сожалѣннемѣ, однако раснался съ нею.

Поднявшисъ на воздухѣ позабылѣ я всеѣ мои несчастія и восхищала новвою моею жизнью. Всеѣ ся прианности предснвивилися вдругѣ моему попянню: я съ радоснню воображалѣ себѣ, что всюду имѣю ошворенней пушь, предпрїялѣ лешннѣ въ мое опечеснво, а шамѣ увидѣннѣ Аскаѣду, увѣдоминнѣ обо всемѣ и бышь оляннѣ спокойнымѣ обладанелемѣ; но злое несчастїе сильнѣе было моего желанїя. Какѣ и уже сказалѣ, что я безнокондся цѣлую ночь, слѣдовашельно не спалѣ цѣлая сушкн, или еще больше, и шакѣ началѣ меня клонннѣ сонѣ: для шого вышралѣ я высокое дерево, сѣлѣ на вѣннѣе онаго, и ондался

пріятному сну, Скѣлько я въ ономъ находился, того не знаю: ибо пущенная въ меня снрѣда лишила моего покою, и свергла съ дерева на землю. Упавъ на оную поперялъ мои нувсшва и долго находился безъ памяти; цономъ, когда очушсцовался, увидѣлъ себя въ пребогатомъ домѣ и множесшво людей обоего пола, кошорые сшарались помогашь моему сосшоянію; ешо я усмошрѣлъ изъ ихъ обращеній, а языка ихъ не разумѣлъ. Но счасшю, яли больше по несчасшю моему получилъ я ошѣ снрѣлы легкую рзну въ правое крыло, и шакъ весьма не шрудно имъ было возвращашь мшѣ прежнее мое здоровше. Когда уже я находился совершенно въ ономъ, шо примѣшплъ, чшо они весьма много любовались на мой образъ, и послѣ уже узшзлъ, чшо они никогда не видывали у себя орловъ. Больше всѣхъ любовались моимъ образомъ женщины и находили въ немъ, не знаю, чшо шо прѣшщное; начали возшшь меня по домамъ и бездѣ показывашь. Я же предпрѣялъ имъ оказашь, будшо бы я былъ ученая шшплд; и шакъ сошвѣшсшвовалъ имъ моими движеніями и другими приличными без-

словесной шварн знаками. Вскорѣ увѣдомился о семъ ихъ Государь, и я опривезенъ былъ къ нему во дворецъ. Молодая Государыня взяла меня въ свои покои, и я находился тамъ болѣе никѣмъ не видимъ.

Государь сколько ревновалъ къ своей супругѣ, что не только люди, но и бездушныя вещи, которыя находились въ ея комнатахъ, казались ему подозрительными. Онъ часто ходилъ къ ней въ покои, осматривалъ ихъ всегда самъ и никому не вѣрилъ, и я послѣ узналъ, что онъ имѣлъ справедливую причину ревновать къ своей сожизнелнице. Нѣкогда онъ случился онъ изъ города на охотню. Государыня прибѣжала въ превеликой радости въ свои покои, вынула изъ подъ иконшорой урны ключъ, онперлаз онымъ двери, кошорыя сдѣланы были въ щѣбѣ и прикрыты обоями. Вышелъ оншуда смашной и пригожій красавецъ, Онъ началъ цѣловать Государыню и дѣлать ей всякѣ ласки, кошорыхъ она съ своей стороны оказала ему еще болѣше. Цѣлой день находился онъ въ сихъ упражненіяхъ, и наконецъ, какъ я примѣчалъ, что надобно уже прѣхать Го-

судрю, то она просилась съ своимъ любовникомъ заперла его опять въ шу, можетъ быть, ему весьма въ пріятную шемницу, а ключь положила подъ шее же урну, въ кошорой хранился пещель ея предковъ. Сіе беззаконіе и нарушение кланвы казалось мнѣ досшойно всякаго наказанія, однако симъ она еще не была довольна. Началъ я примѣчать изъ ея обхожденій, что она меня съ лишкомъ любила и почишала. Въ одно время сидѣла она подъ окномъ, на кошоромъ я находился; глядѣла на меня весьма приспально, пошомъ взяла къ себѣ на колѣни, цѣловала мои крылья, подобно какъ у любовника руки. Наконецъ написавъ письмо на своемъ языкѣ положила его передъ моими глазами; я посмотрѣвъ оное показалъ ей знаками, что его не разумѣю, и такъ цѣловала меня весьма долго, наконецъ успокоилась.

На другой день Дина, такъ называлась Государыня, принесла передъ меня, какъ думаю, то же письмо на чешырехъ языкахъ, изъ кошорыхъ разумѣлъ я два, на нашемъ нарѣчій было оно слѣдующаго содержания:

„ Я изъ всего примѣчаю , что ты
 „ не пища , а очарованной человѣкъ . Я
 „ можешь быть найду способъ возвра-
 „ щить свое прежній швой образъ , а
 „ въ воздаяніе за то хочу , чтобы ты
 „ любила меня , и была со мною не раз-
 „ лученъ до конца швоей жизни „ .

Прочитавъ оное не могъ я пребыть
 безъ великаго негодованія на вѣтрную
 сію женщину . Забывъ весь страхъ и то ,
 что должно мнѣ было скрываться , по-
 просилъ мановеніями всего того , что
 принадлежало до письма , чему она весьма
 обрадовавшись подала мнѣ все оное ;
 я ей написалъ въ отвѣтъ такое :

„ Любишь себя Дня не буду ни-
 „ когда : мнѣ счастья больше нѣтъ вѣр-
 „ нымъ бытъ швоему супругу ; и сей
 „ къ тебѣ спроси чувствовашь не бу-
 „ ду ; не можно испребишь мнѣ бла-
 „ годарности къ Государю .

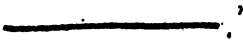
Взявши оное ходила она , какъ ду-
 маю , къ переводчику , и когда ошпуда
 пришла , то примѣшилъ я нѣкоторую
 досаду на ея лицѣ , которая однако скоро
 миновалась . Уже уже былъ вечеръ , и
 шакъ раздѣвшись совсѣмъ легла она на
 постелю , и приказала и меня подати

къ себѣ. Сколько силѣ моихъ было старался я ошѣ нее вырваться ; но всѣ старанія употреблялъ напрасно , ибо она весьма крѣпко держала меня за крылья. Съ часѣ времени спуся вошелъ къ намъ Государь , подиравшись весьма ниho увидѣлъ онѣ, что голова моя лежала на ея грудяхъ : въ одну минуцу заключили меня въ самую ужасную пещеру, у кошорой ни дверей не было, ни оконѣ; препроводивъ шушѣ цѣлую ночь плакалъ я не ушѣшно , и просилъ не милосердыхъ и совсѣмъ забывшихъ меня боговѣ, чтобы лишили они меня такой бѣдешвенной и горесной моей жизни, и переспали бы дѣлать меня игралищемъ развращаго несчастія. Но я увидѣлъ, что они еще не довольны моимъ мученіемъ, и опредѣляли испыщать мнѣ большее гоненіе судьбины. По ушчу вошелъ ко мнѣ человекъ , кошорой зналъ наше нарѣчїе ; онѣ подложилъ мнѣ бумагу , и велѣлъ написать что нибудь нашимъ языкомъ. Я не зная, на что еще было , написалъ не помню что такое онѣ вынулъ изъ кармана шѣ письмо кошорымъ я ошвѣчалъ Государынѣ, слышалъ съ эшимъ , и говорилъ, что я де

поннѣ за сѣе самой мучительной казни ; его найдена была половница , ибо на изорвавѣ его брасла . Сїя же половина содержала въ себѣ слѣдующее :

Любишь шебя Дина
нѣ счастья больше нѣнѣ,
сей къ тебѣ спрасни
е можно и сиребннѣ.

Вскорѣ попомѣ пришли ко мнѣ вооруженные воины, взяли меня изъ пемницы и понесли на пригошовленной нарочно къ тому срубѣ , чтобѣ на ономѣ жечь меня и прахѣ развѣяни по въпру . Несенѣ я былѣ между множествомѣ народа, кошорые собрались смосрѣнѣ сего позорища , какѣ какой нибудѣ злодей и преспуниикѣ : всякой , какѣ я думаю ; желалѣ видѣнѣ мою погибель скорѣе , нежели мнѣ оная назначена была . И какѣ увидѣлѣ я пригошовленное для моей казни мѣсно , шо члены мои ослабѣли , кровь во мнѣ заспыла , и въ одну минушу лишился упошребленїя моего разума .

ГЛАВА VIII.

В Е Ч Е Р Ъ 38.

Продолженіе походовеній Али- ма и Аскіады.

Вдругъ, не знаю, какое то не понятное ободреніе произло мой слухъ и воскресило меня какъ будто бы изъ мертвыхъ; услышалъ я голосъ разнощика, кошорой между людьми продавалъ розы. Въ семъ случаѣ вспомнилъ я слова превратившей меня въ орла красавицы: она кричала мнѣ въ слѣдъ, когда я съ нею проснился, и что о розахъ; и шакъ думалъ, не получу ли оныхъ человѣческаго вида, и для того началъ озираться по всюду, чшобъ увидѣшь того человѣка. Я его усмотрѣлъ, ибо онъ находился еще впереди, и на шакомъ мѣстѣ, кошорго намъ минованъ было не возможно. Началъ я бинься у воши, кошорой несъ меня на рукахъ, чшобъ шѣмъ ближе подвесши его къ шому мѣсту, гдѣ стоялъ продавецъ. Когда же находилась мы прошивъ онаго, то я усмотрѣлъ къ шому большую

способнось, схватилъ нѣсколько листовъ ошъ шѣхъ цвѣтовъ и проглотилъ; въ самое то время потерялъ я образъ нищизны и превратился въ человека. Опушныя, которыя находились на моихъ ногахъ, весьма не трудно мнѣ было перервать, и такъ сдѣлался свободенъ. Вдругъ приключилась ошъ шего превеликая въ народѣ тревога, всякой смонрѣлъ къверху; ибо думали, что я вырвавшись у воина поднялся изъ воздухъ. Помѣшательство снѣо весьма долго не утишалось, однако наконецъ кончилось народнымъ смѣхомъ къ превеликой досадѣ ревниваго Государя.

Сирахъ принуждалъ меня оставитьъ шной городъ, и я надѣвъ прилично моему соснояннѣо платье, шѣо еснѣ недолжническое, вышелъ немедленно изъ онаго. Весь день находился въ пупешешейи, и не нашедъ нигдѣ обитаннѣа, принужденъ былъ прѣнѣо водить ночь въ лѣсу. Оснѣрѣннѣа судѣа вела меня изъ бѣды въ бѣду, и изъ пропасни въ пропаснѣ. Въ самую темную полночь наѣхали вооруженные люди, кшоу ые взявъ меня съ собою привезли въ городъ. Тушѣ содержали весьма великолѣпно, и

жилъ я въ презрядномъ домѣ. Все , что ми ешь рѣдкое на свѣстѣ , соснавлало мою пищу, плашия носилъ я сноль богашое, что ми рѣдко и виданъ шзкое случалось. Прислужниковъ при ми находилосъ довольное число , все шло въ изрядномъ порядкѣ, и я думалъ, что судьба сжалась на мое горешное ошошнѣ , начинчешъ бышь ко ми благоклонна ; а не зпавъ языка шбмъ людей, у кошорыхъ я жилъ, не могъ дѣйсшвеншело предузнанъ моего рока. Въ нѣкошорое время предпріалъ я обойши всѣ покои шго дому, въ кошоромъ находилсâ ; въ одномъ нашелъ человекъ , кошорой сшдя на кровати весьма горько плакалъ. Какъ скоро я на него взглянулъ, шо сердце мое облилось кровлю, а глаза наполнились слезами ; ибо печаль его не предвѣщала миъ ничего дошраго. Подошедъ къ нему , спросилъ я его, что причиною швсѣй печали? Ешомъ великолѣпной домъ, ошвѣчалъ онъ ми ; или лучшя, ошвершшой гробъ нещасшавшымъ людямъ. Все его довольношо , и всѣ дѣлаемыя намъ услуги гошовашш мучишелошое окончаніе жизни. Мы должны чреъ шри дни принесены быши

на жершпу здѣшняго города идолю и покровишелою народа. Все чужеспранцы заключающаеся въ семь домѣ, и послѣ закладающае ихъ на жершвенникѣ. Два дни ошасеня бышь намѣ на свѣшѣ и вкушашь горькое удовольсшвѣ нашего состояннѣ. Услышавъ сіе я окаменѣлъ, ноги мой подогнулись, и я едва едва не повалился на землю; что дѣлаешся со мною, говорилъ я самѣ въ себѣ, какое нечешное чудо овладѣло моею жизннѣю, и какая немилосердая (*) Эвменида пожрала благополучные дни мой и счасшѣе? Уже не выгнанная ли изъ ада Мегера управлешѣ моимѣ жребіемѣ, и Клошона перешала прешѣ дни мой изъ золотна и шелку, кошорые проходили посреди забавѣ и веселнѣ; а шы не мило-

Часть III.

Е

(*) Чтѣбъ иной охотникѣ выскивать погрѣшности, не привязался къ сему, что Славяннѣ употреблешѣ въ словахѣ Греческое божество; ибо частыя войны и всегдашнее купчество у Славянѣ со Греками перемѣщали можество идоловѣ, и смѣсь сія была причиною тому, что Славянѣ ходили въ храмы Греческхъ боговѣ, приносили имѣ жертвы, и прошеня ихѣ покровительсшва. Также и Греки дѣлали, когда ихъ дранѣ въ наш хѣспранхѣ, но Славянѣ не употреблешѣ ихѣ на украшеннѣ вслкахѣ мѣстѣ.

сердця Аропа, когда уже лишился я всей надежды и упованія, для чего не перерѣжешь бѣдственную нитку моей жизни? Куда ни обращусь, и куда ни пойду, вездѣ ожидаеніѣ меня новое несчастіе. И шакѣ присовокупилѣ я слезы мои къ слезамѣ моего шоварища, и начали оплакивань вмѣстѣ горешное наше соспояніе, и ожидашь непремѣнаго конца нашей жизни.

Когда насшалѣ для насѣ ужасной день, шо увидѣли мы, что начинаешся вѣ городѣ великое шоржесшво; всякой выходилѣ на публичную площадь вѣ праздничномѣ одѣянн, начиналась вѣ кародѣ радосшь, и слышны были жерпивенныя пѣсни. Сей праздникѣ ошпрвлялся у нихѣ богу жашвы вѣ началѣ весны. Вскорѣ пришли къ намѣ вѣ домѣ жрецы, и сами своими руками ошпрвляли насѣ губами, и послѣ намазали наше тѣло различными благовонными мазьми; потомѣ одѣли насѣ маншіями жел. шаго цвѣша смѣшенными сѣ голубымѣ, и на головы положили изѣ различныхѣ цвѣ шѣ вѣнки, и шакѣ повели насѣ вѣзѣ дому. Какѣ скоро вышли мы на врыльцо, шо стоящіе передѣ онымѣ

другіе жрецы запѣли божескія пѣсни. Народъ бѣжалъ со всѣхъ сторонъ, окружали насъ толпами и усматривали изъ лицъ нашихъ, будемъ ли мы пріятны ихъ богу, и по принесеніи насъ въ жершву получашъ ли они божеское снисхожденіе во одобренныхъ нивахъ.

Сей ужасной церемоніи описать я не въ силахъ; ибо находяся при смерти, не помнилъ ничего онаго, только епо вѣдаю, что мы шли окружены жрецами, у кошорыхъ руки по локоть открыты были. Въ рукахъ несли они пределькіе ножи и шпоры, и всѣ были въ бѣлыхъ заполахъ. Глаза ихъ казались наполнены кровію, и вмѣсто смиренія лещали на ихъ лицахъ неистовая злобность и ярость. Вышедъ изъ города, наконецъ пришли мы на нивы, на кошорыя вынесенъ былъ и исшуканъ земледѣлія; поставили передъ идоломъ жершвенникъ, и возложили товарища моего на оной. Ужасное и варварское позорище! я ипеперь трепещу отъ страха, когда только воображаю сіе неистовое зрѣлище. Связавъ ему руки оборотили за голову; и привязали весьма туго къ жершвенному кольцу, также и

ноги къ другому. Пошомъ снали всѣ на колѣни, и чинялъ первосвященникъ нѣкоиную молишю. По прочтеніи оной поклонились всѣ въ землю и приступили къ жершвѣ. Возможно ли снесши! у живаго челсвѣка начали вскрывашь грудь. Сколько силъ было моего шогарща, кричалъ онъ ошчаянымъ голосомъ, и наконецъ скончался. По разсмотрѣніи его внутренности, и по прикушаніи крови пророчесшвовалъ жрецъ, что будущій годъ будешъ весьма хлѣбороденъ: для шото сналъ опять всѣ на колѣни, благодарили милосшиваго ишшукана. Пошомъ, чшобъ возблагодаришь его больше, первосвященникъ сналъ съ меня вѣнокъ, надѣлъ на свою голову при громогласномъ пѣніи другихъ жрецовъ. Сяша съ меня была шакже и ешанча, чешверо жрецовъ и священношчальникъ возложили меня на жершвенникъ, и прикрѣпили руки мои и ноги къ жершвеннымъ кольцамъ. По прочтеніи первосвященникомъ молишвы, взялъ онъ жершвенной ножъ и приступилъ ко мнѣ; какъ шолько намѣрился взрѣзашь грудь мою, вдругъ запряслась земля и ишшуканъ доколебавшисъ гово-

риль сѣе : „Сїл жерпва миѣ противна,
 „и вмѣсто милосней за оную прешер-
 „нишѣ народѣ жеснокое наказанїе.,, Вы-
 слушавѣ сѣе возопили всѣ громкими го-
 лосами, и побѣ видѣши мене живаго ;
 тогдашѣ ошвзали ошѣ жершвенника
 и снѣгѣ сѣе онаго, одѣли шюю же
 спаичею, и первосвященникѣ возложилѣ
 на меня мой вѣнецѣ. Потомѣ благо-
 даря весьма много сной исшуканѣ, воз-
 вратились вѣ городѣ сѣе такою же це-
 ремонїею, гдѣ началось великое праздне-
 шво, вѣ которомѣ препроводили цѣлые
 шри дни. Пабожные и знающїе гаданїе
 люди приходили вѣ жершвенной домѣ,
 смошрѣли у меня на рукахѣ и на челѣ,
 и вѣши ли какихѣ ишбудѣ божескихѣ зна-
 ковѣ, не погрѣшили ли они весьма мно-
 го приношенїемѣ меня на жершву. По-
 славѣ шю же учинили все собранїе жре-
 цовѣ, раздѣвали меня и сшавили вѣ
 большомѣ залѣ на нѣкоторое возвышен-
 ное мѣсто ; и шакѣ продолжалосѣ сѣе
 примѣчанїе не меньше мѣсяца, вѣ ко-
 шорое время оказывали миѣ великую
 чеснѣ и пошпенїе, довольшвовали меня
 всѣмѣ шѣмѣ, чѣмѣ шолько надобно до-
 вольшвовашься одному Государю. На-

конецъ наградивъ великими сокровищами
выпустили изъ города , ибо не нашли
они во мнѣ ни одного божескаго знака.

Вышедъ изъ города , первому чело-
вѣку , копорой со мною всирѣшился ,
ошдалъ я всѣ данныя мнѣ ошѣ жрецовъ
сокровища; ибо казались онѣ мнѣ опас-
ными въ моемъ пупи , и сверхъ шого
уковалъ я по претерпѣнн шолкихъ не-
счастій увидѣшь мсе опечесшво и воз-
любленную Аскладу, копорую не про-
мѣнялъ бы изъ всѣ драгоцѣнности все-
ленныя. И шкъ въ прежнемъ невол-
ническомъ плашьѣ продолжалъ мой пуп ,
въ надеждѣ увидѣшь моихъ подданныхъ ;
но не милосердая судьба еще ненасыши-
ма была моими мученіями , и не пере-
спавала услаждашья моими горесшями.
Какъ переходилъ я нѣгдѣ дремучій и
частшй лѣсѣ, то желая нѣсколькo успо-
коншья, сѣлъ подлѣ одного весьма рѣ-
хо журчашаго испочника ; и въ шо са-
мѣ время, какъ любовался симъ прекрас-
нымъ мѣспомъ , ибо оно имѣло весьма
прекрасное положеніе, увидѣлъ, что сѣ
высокія горы бѣжала ко мнѣ свирѣпая
лѣвица; челюспи ея были окровавлены,

казалась какъ будто бы она теперь рас-
терзала какое нѣб, дѣ несчастное животи-
ное, и бѣжала можешъ бышь ушолншь
жажду въ шемѣ источникѣ, подлѣ ко-
шораго я находился; но увидѣвъ меня
удвоила она свое шпремленіе, и рази-
нувъ ласнѣ, вознамѣрилась пожрашь и
меня. Ненасышнмая ея алчба и покрыв-
шыя кровію глаза ясно показывали мнѣ
мою погнбель; вмѣсто шого, чшобы
мнѣ спсашься, помершвлѣ я сндал на
мѣснѣ, и не зналѣ, чшо предпріашь
при семѣ бѣдспвенномѣ окончаніи моеи
жнзни. Чѣмѣ ближе находилась она ко
мнѣ, шѣмѣ больше яроснъ ея умножа-
лась, и яснѣе показывалась мнѣ моя
погнбель. Наконецѣ чрезѣспесшвенная
ея здоснъ и необузданное шпремленіе,
какѣ видно, помушнли нѣсколькo ея
зрѣніе: набѣжала она на прешолстное
дерево, и обѣ него споль сильно уда-
рилась, чшо отскочнвъ нѣсколькo на-
задѣ, заревѣла преужасно, и въ ско-
ромѣ времени нздохла.

ГЛАВА IX.

ВЕЧЕРЬ 39.

Продолженіе походовъ Алимъ и Аскляды.

Собравши нѣсколько ослабшихъ моихъ силъ всшалъ и продолжалъ мой путь, проклиная мое несчастіе, рожденіе и особенно самаго себя; ибо казался уже я и самъ себѣ несносенъ, и мнѣ мнилось тогда, что ни одинъ человѣкъ не прешерпѣлъ въ жизни столько сраховъ и ощущеній. Находясь не малое время въ дорогѣ, пришелъ я наконецъ къ селѣнамъ нѣкотораго великолѣпнаго города, кошорой стоялъ на берегу морскаго залива; всѣ ворота онаго были запершы и подняшы мосты на шомъ каналѣ, кошорой окружалъ сѣны. Поля, на кошорыхъ, какъ видно, были весьма плодоносныя нивы, заросли всѣ не нужною человѣческому роду шравою; лѣса казались всѣ въ превеликомъ безпорядкѣ, какъ будио бы сердишыя вихри сшарались искоренишь оныя до основанія; испочники и другія шочи завз-

лены были землею и каменьями: и слѣ-
юмъ, находилось все въ шакомъ беспор-
ядкѣ, что казалось мнѣ, будто бы
обильная и щедрая природа не имала
сего мѣсяца плодощворцами своими со-
щами. Граждане увидѣвъ со снѣнъ,
что я ходя по полямъ разсмашивалъ
ихъ несчастіе, вышли ко мнѣ, и взяли
съ собою въ городъ. Пришедши въ
оной, опдали меня жрецамъ, изъ копо-
рыхъ одинъ зналъ нашъ языкъ совер-
шенно и могъ со мною разговаривать.
Онъ уведомилъ меня о несчастіи народ-
номъ симъ повѣшаніемъ: Последній
нашъ Государь былъ человекъ весьма
меншой; онъ управлялъ нами самымъ
ширанскимъ образомъ, утѣщялъ знаш-
ныхъ господъ и насилуовалъ ихъ доче-
рей, казилъ безъ милосердія всякаго,
кошорой хоть мало прошивился его при-
хошамъ. Сдѣлалъ кровосмѣшеніе съ
двумя своими дочерьми, кошорыя въ
превеликомъ снѣдѣ и опчаяннн заколо-
лись. Супругу свою умерщвилъ онъ сво-
ими руками недовинную, и наконецъ
предпріалъ услаждашь всякой день
кровію своихъ подданныхъ, что видя
духовенство, предпріало воздерживающъ

его отъ него совѣтами и другими способами. Въ скоромъ времени возненавидѣлъ онъ всѣхъ насъ, не пощадилъ и нашей крови; наконецъ, ужасно вымолишь, разорилъ всѣ храмы до основанія, сокрушилъ нашихъ идоловъ, и велѣлъ покидать ихъ въ презрѣнное всеми нашими людьми болото, которое находится за городомъ. Справедливые боги переснявъ шерсть его беззаконію, послали на наши поля безобразное и превеличайшее чудо, которое во первыхъ пожрало ягвара нашего и обладателя, потомъ пожрало его сообщниковъ, наконецъ глѣвъ божескій низпалъ и на насъ невинныхъ. Мы черезъ всякіе два дни ошдаемъ человека на свиденіе чуда; но еще избываемся нѣсколько шѣмъ, что нѣкоторые отважные граждане издѣвъ по окрестнымъ мѣстамъ ловящъ чужеземцевъ, которые замѣняютъ нашихъ гражданъ, и мы сохраняемъ ихъ здѣсь для того весьма рачительно. Вчера ошдали мы послѣдняго, и если ли сего дня не привезушь пойманныхъ, то думаю, что городъ опредѣлишь въ знѣдь тому неистовому чуду жизнь свою и шѣло.

Услышавъ сіе вскочилъ я весьма поспѣшно, ухватилъ жерпвенной ножъ, висящій шупъ на стѣнѣ, и хопилъ лишить себя самъ поносной и презрительной моей жизни. Но жрецъ воспренявшивовалъ мнѣ оное, и закричалъ, «ш.бъ педали ему помощь: въ одну мнущу приближало другихъ множесшво жрецовъ, связали мнѣ руки и приснавили шрехъ оберегашелей. Часа съ шри сшарадисъ они наполнишь меня мужесшвомъ и не спрашисшь предписанной мнѣ смерши. Знашь, что шакъ судьбѣ угодно, говорили они, когда шы самъ пришелъ на свою погибель. Ты долженъ непременно скончашъ свою жизнь, когда нибудъ; но за избавленіе цѣлаго народа умерешъ славнѣе, нежели скончашся поносною смершю. Мы напишемъ имя швое въ духовную книгу, и всякой день будемъ поминашъ шебя предъ богами, и просишь у нихъ вѣчнаго шобъ блаженшва, которое для всего смершного племени есшъ кеощенное сокровище; но онсе досшигнушь можно добрыми дѣлами, а самоубійцы вѣчно заключаюшся во адѣ, и не должны ожидашь никогда своего избавленія. Что должно мнѣ было думашь

погда о моей жизни? Я укорялъ немилосердыхъ боговъ, и власнь ихъ надъ людьми починалъ ширанивомъ, и сноль ожесточилось несчастіями мое сердце, чиню я хощалъ скорѣе увидѣшь злое шо чудовище, нежели мнѣ преднесено было. Всю ночь находилась я въ превеликомъ неперевѣи, и живонъ мой снолько мнѣ сдѣлался несноснымъ, чиню всякую минушу ожидалъ я свѣна.

Когда вознедъ пошухла зоря, и кровавое далъ меня солнце взошло на мой плачевной горизонтъ, начался въ городъ великой плачь; вывели меня на народную площадь, великой подходилъ ко мнѣ со слезами и оплакивая облобызалъ меня въ послѣдній разъ. Жрецъ исповѣдавъ меня и сдѣлавъ должное погребеніе, приказалъ народу вторично со мною прощаться. Сіе плачевное позорище продолжалось часа сѣ два, и я сидѣлъ облитъ весь слезами; пошомъ, когда поведи меня въ воронны, чинобъ выпустиши за городъ, женщины и дѣвицы взывали шогда громкими голосами; и сіе безъ выносу погребеніе плачевнѣе было всякаго ошходящаго въ вѣчнось человекъ по уложенію природы. Когда же выпу-

шили меня изъ города, то заперли
 оцншь вѣрныи и вошли все на снѣжны
 сморѣншь свирѣности чудовища и моего
 преблженнаго окончаня жизни. Дол-
 го я ходилъ по полю и съ нешеркнѣемъ
 ждалъ смерти: ибо въ одно положен-
 ное время чудовище подходило къ горо-
 ду. Наконецъ повелоса онъ изъ гуща-
 го лѣсу: видъ его сколько былъ стра-
 шнъ, что превосходилъ всякое ужасное
 адекое безобразе. Крѣпость мол и му-
 жество, чинобъ безъ робости присту-
 пилъ къ смерти, въ одну минушу из-
 чезли, и я сколько ондалася ошчаянню,
 что едва меня держали ноги; ужасной
 шонъ звѣрь весьма скоро ко мнѣ при-
 ближился, расшворилъ алчныя свои че-
 люсти, и кончалъ съ превеликою жад-
 носнню пожранъ меня. Въ самое то
 время подняласъ ужасная буря и схвативъ
 меня унесла почти уже изъ рта шого
 изверженнаго изъ ада страшнаща; по-
 шомъ принесенъ я быдъ оцншь въ Ар-
 нннъ ошрѣдъ, и когда ввели меня въ
 ея покои, то рекочеъ она съ софы бро-
 сидасъ цѣловашъ меня и посадила подлѣ
 себя. Но снхъ моакъ благодѣяннхъ
 еще ли сердце швое не можешъ бышь ко

мнѣ чувствительно: я приходила въ
 тѣнѣ ужасной замокъ, въ которомъ дол-
 женъ былъ ты погибнуть отъ волшеб-
 ника, научила ты красавицу, какъ пре-
 врапить себя въ птицу, избавила тебя
 отъ казни, сказавъ, какимъ образомъ
 можешь ты получить образъ человека;
 что не ты красавица говорила мнѣ въ
 слѣдъ, но я, которая всегда стараюсь
 о своемъ благополучіи. Когда хитрымъ
 принесши тебя на жертву, говорила я
 вмѣсто истукана жрецамъ, что жертва
 сія не угодна богамъ, и тѣмъ избавила
 тебя отъ смерти; въ густомъ лѣсу
 опияла я зрѣніе у хитрой похити-
 тельницы, и наконецъ почти уже
 изъ рѣпа выхватила у свирѣпаго чудови-
 ща помощью послушныхъ мнѣ вѣшровъ.
 Выговарывая сіи слова, примѣшила я,
 что она краснѣлась; хотя желанія ея
 стремились преодолѣть стыдъ и благо-
 пристойность, но однако совѣсть въ
 ней еще не умолкала. Чтожъ должно
 было мнѣ оповѣщать на ея привѣщаніе?
 Она приключила мнѣ всѣ несчастія, и
 онажъ извинялась ими, починала по до-
 бродѣшелю. Государыня моя! оповѣ-
 чалъ я ей, ибо досада моя не позволяла

мнѣ именовать ее богиней, ты безъ
 сомнѣнія сдѣлала мнѣ великія благодѣя-
 нія, и швоя ко мнѣ благосклонность
 превосходитъ всякое милосердіе на свѣ-
 тѣ; но я прошу тебя, чшобы не сна-
 ралась возжечь въ сердцѣ моемъ пламень:
 ибо вмѣсто благодарности чувствую я
 къ тебѣ опвращеніе, и увѣряю тебя,
 что ты по смерти мою не получишь
 отъ меня никакого любовнаго знака.
 Выслушавъ сіе не показывала она мнѣ
 своей досады; хотя она явно лепетала
 на ея лицѣ. Ты видишь, сколько я те-
 бя люблю, говорила она опяшь, что всѣ
 швон досады вмѣняю ни во что! ты о-
 владѣвъ моимъ сердцемъ и душою, пред-
 писываешь мнѣ новые законы, и вла-
 ствуешь мною пакъ, какъ немилосердый
 побѣдитель обезоруженнымъ невольни-
 комъ; я вся въ швоей власши, повелѣвай
 мною по швоему сонзволенію, лишь
 только окончай мое мученіе, и покажи
 мнѣ сколько нибудь швоей благосклон-
 ности. Пономъ бросилась она ко мнѣ на
 шею, и начала цѣловать меня самымъ
 страшнымъ образомъ: мысли ея нахо-
 дились въ позпорядкѣ, душа волновалась
 новою несклонностью, а страшное ея

сердце трепетало отъ моей суровости. Бмѣсно того, чинобъ приласканы, опшодкнулъ я ее отъ себя презрительнымъ образомъ. Тушъ-но овладѣла досадта ея сердцемъ, и показала отъ всю свою злобу, какую только можно было ожидать отъ раздраженной Евмениды. Посшой, сказала она поскрежещивъ зубами, когда ны ешолько дерзосненъ, но скоро узнаешь власнь мою и све пргмое несчаснне; съ епой минушы ны влчно будешь оплакивать жизнь свою, и конца оной никогда не дожденнся. Пошомъ вышедъ въ другую комнату взяла волшебную шросшь, и пришедъ ко мнѣ махнула оною по воздуху, и начала говоришь слѣдующее: бурные и свирѣпые вшпы! понесите голосъ мой во адъ, и шамъ внушнше оной фурямъ, чинобъ немедленно явили вь предо мною; а ны, великй адъ Царь, подкрѣни душу мою приличною мнѣ швердосшю. По симъ словамъ узналъ я, чино она была волшебница. Весьма скоро появился передъ нею пеншновья фурти, кошорымъ приказала она мучишь меня во всю мою жизнь; пошомъ позвала къ себѣ своего Исполниа, оберегашела ея ошрова, и

приказала перенести меня на это мѣсто, и шумъ превратилъ въ дерево. Въ одну минушу подхватилъ меня шотъ неисповой Гиганшъ, принесъ сюда и шумъ великимъ чарованіемъ опиялъ у меня образъ человека, и далъ мнѣ сей, въ копоромъ я и теперь нахожусь. Премилосердые боги! примолвилъ Алимъ вздыхая, проишесь моимъ мученіемъ, освободите онъ сего несчастія, или прекратите несносную жизнь мою; шолько чшобъ Аскалада осшалась послѣ меня благополучною.

Г Л А В А X.

В Е Ч Е Р Ъ 40.

*Продолженіе повѣсти объ
Аскалонѣ.*

Какъ скоро Алимъ окончилъ свои слова, то превеликой и пресшрашной левъ унесъ онъ него Аскалонъ, и онъ желая, можешъ быть, получить облегченіе въ своей печали, осшалъ

Часть III.

Ж

опять безнадеженъ, и думалъ, что уже во всю ясную свою жизнь не получитъ никакой ошрады.

Левъ на широкой своей спинѣ взнесъ на высокую гору Аскалона, и тамъ различными тѣлдвиженіями показывалъ, что бы онъ взлѣзъ на дерево, которое одно только изъ горъ находилось, и спояло подлѣ одной пропастни, весьма много вдавшейся въ гору. Когда Аскаломъ, невѣдавшій своей судьбины, находился уже на деревѣ, то левъ уткнувъ свою голову въ ное пропастнь, весьма поспѣшно ошскочилъ оиъ оныя; потомъ поднялся въ ней ужасной снспѣ и выползъ изъ омыя превеликой змѣй; ни мало не медля сразились они и начали рвать другъ друга безъ всякой пощады. Левъ повреждаемъ былъ оиъ змѣя во всякомъ мѣстѣ, ибо ничто его не защищало; а змѣй, прикрытой чешуею, находился во всякой безопасности; наконецъ пропоролъ ему звѣрь чоево, и упали они оба ушомься на землю; пошомъ собравъ нѣсколько силъ, выпустили опять въ сраженіе, оиъ чего ушомься еще больше, почти уже безъ чувства растянулись

подлѣ пропасни. Издыхающій звѣрь поднималѣ страшные и кровавые глаза свои на дерево, и просилѣ оными помощи у Аскалона, кошорому весьма не шрудно было понимать его желаніе: чего ради сошедѣ онѣ съ дерева, хошѣлѣ обезсилѣвшихъ ихъ умершвишь обѣихъ, чпобѣ шѣмѣ лишиться ему неволи, освободяся онѣ сихъ свирѣпыхъ двухъ чудовищъ; но раздробивѣ всю внутреннюю въ змѣѣ, пощадилѣ онѣ обезсилѣвшаго льва, вспомнивѣ то, что онѣ весьма пріятенѣ къ людамѣ; сверхъ же сего надѣялся, что звѣрь его выведешѣ изѣ сего незнаемаго имѣ мѣста; и шакѣ предпріялѣ ожиданшѣ, чпобѣ левѣ собравшись съ силами оказалѣ ему сію услугу. Весьма въ скорое время получилѣ свирѣпой звѣрь всѣ свои пошеряниыя силы, и показывалѣ великую ласковоспѣ къ Аскалону, кошорому, какѣ казалось, изѣявлялѣ онѣ свою благодарноспѣ; потомѣ посадивѣ его на спину, понесѣ съ горы на другую сторону къ нѣкошорому испочнику, кошорой весьма обильно прошекалѣ въ прекрасной и украшенной различнаго вида цвѣтами долини. Тутѣ бросилѣ въ воду, и не только чшо въ одну минушу омылѣ

кровявыя раны, но и совсѣмъ заживилъ оныя, и напившись оной довольно, показался Аскалону еще бодрѣе и сильнѣе, нежели онъ былъ прежде. Подхва- зливъ его опянь на себя по песѣ съ пре- великимъ спремленіемъ опянь на шое же гору. Какъ скоро вбѣжалъ туда, то ошвалилъ онъ пропасти умершаго змѣя, который прикрывалъ собою оную, влѣзъ въ нее и началъ выносить опята пре- великія куски золота, (*) различныя: дорогіе каменья и жемчугъ весьма высо- кой цѣны, и другіе рѣдкіе и блестящіе слитки металловъ, которые всѣ пред- лагалъ онъ Аскалону въ благодарности, что съ помощію его побѣдилъ своего соперника; но какъ увидѣлъ, что Аска- лонъ отказывается и не хочетъ ихъ принять, то возвратившись опянь въ пещеру, вынесъ изъ оной маленькой и черной камень, которой съ превеликимъ усердіемъ отдавалъ Аскалону. Весьма шому удивительно казалось, что послѣ великихъ сокровищъ награждалъ его лѣвъ

(*) По доказательствамъ Натуральной Ист- ри есть нѣк-т р й родъ змѣя, кото- рые собираютъ рѣзны металлы и кам- нья, хранятъ ихъ въ своихъ пещерахъ и лежатъ въ

бездѣлицею ; но звѣрь весьма приставалъ къ нему, и всякими ласкашельскими показывалъ, чтобы Аскалонъ взялъ съ собою сей камень. Наконецъ вознамѣрился онъ исполнить звѣрево желаніе, взялъ шонъ камень и привязалъ къ своему грудному шализману: ибо по малосии его не зналъ онъ куда его положить ; пошомъ левъ опнесъ его къ шому дереву, онъ кошорого взялъ.

Алимъ почувснвовавъ подлѣ себя нѣкошорой шумъ, или лучше, движеніе человека, спрашивалъ, не опяшь ли я сколько счастливъ, что судьба послала мнѣ шого чужестранца, кошорой слушалъ мои приключенія. Я, любезной другъ, ошвѣчалъ ему Аскалонъ, освободившійся оцѣ свирѣпаго звѣря, я шебя обнимаю ; но лишь шолько распрощеръ онъ свои руки и прикоснулся къ дереву, дубъ исчезъ, а вмѣсно онаго явился передъ нимъ Мильонской владѣтельница во всемъ своемъ образѣ. Какъ Аскалонъ, шикъ и Алимъ весьма много удивились и сдѣлались неподвижными; однако Алимъ бросился цѣловать Аскалона и благодарилъ его весьма усердно за его одолженіе. Возлюбленной мой

друзѣ! говорилъ онѣ Аскалону, скажи мнѣ, изъ которой шы снраны свѣща посланѣ мнѣ избавленіемѣ, и какое милосердоѣ божество привело тебя на сей невѣдомой никому островѣ; чѣмѣ я могу возблагодарить тебя за сіе, и какую найду тебѣ услугу, которая бы могла сравниться съ столь великимѣ твоимѣ благодѣяніемѣ? Аскалонѣ не вѣдавѣ самѣ причины сему превращенію, не хотѣлѣ принять отѣ него благодарности, и для того предпріяли они оба сыскашь корень епной шайны, скрывающійся еще отѣ ихѣ понятія. Не уже ли сей камень, говорилъ Аскалонѣ, данной мнѣ отѣ звѣря, былѣ тому причиною, и сія малая вещь столь великую имѣетѣ въ себѣ силу? Алимѣ отвѣчалѣ ему на сіе, что островѣ сей не прямой островѣ, но нѣчто околдованное, какѣ онѣ о томѣ слычалѣ; но весьма не трудно намѣ будещѣ искусить сей камень, положимѣ его на землю, и увидимѣ, какое произойдещѣ отѣ того дѣйствіе. Аскалонѣ отъвязалѣ его отѣ тализмана, и какѣ скоро положилѣ на землю; то вдругѣ сдѣлалось ужасное трясеміе и весьма великой шумѣ. По

прошепсвѣи же онаго Аскалонѣ и Алимѣ
 вмѣсто острова увидѣли себя на кораб-
 лѣ, что ихъ весьма много удивило.
 Люди на онѣмъ вспазвали какъ будто
 бы ошѣ крѣпкаго сна, и смотрѣли во
 всѣ спорены съ превеликою жадностію,
 и казалось, какъ будто они гдѣ цѣлой
 свѣта не видали. Когда пришли въ па-
 мять, що Аскалонѣ спрашивалѣ, чьи
 они люди, и кому принадлежаши сѣмъ
 да, ибо передѣ глазами Аскалона и А-
 лима находились пяшь кораблей? Мы
 Варяги, ошвѣчалѣ кормщикѣ корабля
 того, на которомѣ находился Аскалонѣ.
 Военначальникѣ нашѣ сынѣ великаго го-
 сподина, до похищеніи разбойниками его
 любовницы предпріялѣ сшранспрововашѣ
 по свѣшу и искаши того, чего нѣши
 ему милѣе въ онѣмъ; и такѣ плавали
 мы въ морѣ долгое время и искали ее
 до сихѣ порѣ безѣ всякаго успѣха; на-
 конецѣ присшали къ сему острову, ко-
 шорой вы видите, и туши долгое вре-
 мя или были въ нѣкоторомѣ непоняш-
 номѣ намѣ забвеніи, или превращены
 были во что нибудѣ, чего мы до сихѣ
 порѣ не понимаемѣ. Гдѣ же вашѣ на-
 чальникѣ, спрашивалѣ Алимѣ у него?

Ж 4

Когда мы прѣехали сюда, отвѣчалъ
 опять кормчій, что онъ съ нѣкоторыми
 изъ насъ пошелъ осмопрѣвъ сей осировѣ,
 и шамъ превращенъ въ дерево; попомъ
 указалъ имъ оное. Аскалонъ прикосно-
 веніемъ того же камня возвратилъ и
 тому прежній его образъ. Великодуш-
 ный незнакомецъ: началъ говорить пре-
 вращенный полководецъ, я вижу, что
 ты всегда стараешься о человѣческомъ
 благополучіи, находишь въ томъ удо-
 вольствіе, чтобы помогать имъ во вся-
 кое время. По сихъ словахъ благодарилъ
 онъ весьма чистосердечно Аскалона, и
 по прозвѣ его рассказалъ имъ малое
 съе похождение такимъ образомъ: Я
 пиная спросилъ мою къ нѣкоторой при-
 дворной дѣвушкѣ, былъ чрезвычайно
 въ началѣ любви моей несчастливъ.
 Всякой день спросилъ моя восходила на
 вышнюю степеню, и всякой день полу-
 чалъ я отъ нее новыя огорченія; лю-
 бовь моя долго боролась съ моимъ раз-
 сужденіемъ, и наконецъ преодолѣла она
 разумъ мой и помыслие. Я влюбился до
 крайности, и не хотѣлъ отстать отъ
 Асы, такъ называлась моя любовница,
 хотя бы стоило оно моему жизни; а не

видавъ къ полученію ея никакого спосо-
 ба, вознамѣрился упошребить нѣкопю-
 рую хитрость, кошорая можетъ бытъ
 простишельна спрасиному любовнику.
 Она уже была помолвлена за нѣкошора-
 го придворнаго челоуѣка; и когда пред-
 сшали они въ храмъ обѣщанія, шо и я
 пришелъ не медля въ оной. Когда же
 пришла Аса передъ идолъ богини, и
 начала обѣщанья Салиму, шакъ и
 новался назначенной ей женихъ; и когда
 выговаривала она сіи слова: Обѣщаюся
 препроводить всю жизнь мою; шо я за-
 кричалъ весьма громко, съ Ешомомъ; ибо
 я шакъ называюсь, и не далъ ей выго-
 воришь, съ Салимомъ. Услышавъ сіе
 жрецы опредѣлили, чшобъ бытъ ей за-
 мною; ибо выговоренное слово во храмъ
 обѣщанія и передъ богиней никогда не-
 ремѣняемо не было: и шакъ вмѣсто
 Салима совокупился я съ Асою бракомъ.
 Спусти нѣсколько времени послѣ наше-
 го сочепанія, когда прогуливался я съ
 женою по присшани, шо не малое число
 злодѣевъ окруживъ меня, подхващали
 любезную мою супругу и увезли ее отъ
 меня. И шакъ поѣхалъ спрансчновашъ
 по свѣшу и искашь ее во всакомъ мѣ-
 стѣ.

спѣ. Находясь весьма долгое время въ морѣ, прѣѣхали мы наконецъ къ сему острову, гдѣ хотѣли переправить наши суда и запасшись хорошею водою. Я долженъ былъ сойти съ корабля и посмопрѣть оныя на семъ островѣ. Какъ только я пришелъ къ сему ручейку, кошорой вы передъ собой видите, то вышелъ въ ономъ двухъ дѣвушекъ весьма прекрасныхъ: онѣ купались въ сихъ цѣлищельныхъ водахъ и были совсѣмъ нѣги; одна изъ оныхъ, кошорая казалась поважнѣе другой, разсердившись весьма на меня, плеснула водою, отъ чего въ одну минушу превратился я въ дерево и сдѣлался неподвиженъ. Пошомъ вышедъ онъ изъ ручья, пошли къ моему флоту и превратили его въ нѣкошорой малой островъ и присоединили къ сему, и мы до сихъ поръ пребывали полумертвыми. Кошожь шакова была та дѣвушка, богиня она, или смершная, шого я не вѣдаю, и мы ее съ шѣхъ поръ уже не видали. Ешомъ окончавъ такимъ образомъ свои приключенія, благодарилъ вшорично Аскалона за свое избавленіе; а Алишъ предпріялъ просить Ешомъ, чшобы онъ на

своихъ судахъ отвезъ ихъ на островъ Млаконъ; прогналъ также и Аскалона, чтобы онъ согласился съ нимъ шуда поѣхать, ибо хотѣлъ онъ возблагодарить его такъ достойнымъ образомъ. Великая необходимость согласила всѣхъ ихъ къ одному предпріятію. Ешму во всякую снрану ѣхать было не бесполезно, ибо онъ искалъ супруги своей по всему свѣту. Алимъ долженствоваъ увидѣть свое опечесиво и Аскладу; а Аскалонъ имѣя нештовья мысли, веюду намѣренъ былъ слѣдовать; и такъ исправивъ суда и запасшись всѣмъ надобнымъ, опправилися они всѣ въ желаемой ими пушь.

ГЛАВА XI.

ВЕЧЕРЪ 41.

Продолженіе повѣсти объ Аскалонѣ.

Находяся не малое время въ морскомъ плаваніи, прибыли они наконецъ подъ ечаспавья Млаконскія небеса, и

приставъ къ осирову, вышли на прекрасные берега онаго, гдѣ просидѣли съ Епомомъ, котораго никакъ не могли уговорить, чтобы онъ побылъ съ ними нѣсколько на осировѣ, и такъ отправился онъ въ своей путь. Алимъ и Аскалонъ желая условиться между собою, слѣдовали въ священную роццу, и тамъ хотѣли опредѣлить свое намѣреніе, какимъ образомъ показаться имъ народу, и уведомить обо всѣхъ обстоятельствахъ, какія происходили теперь во владѣніи Алимовомъ. Пришедъ въ оную, нашли они шумъ нѣкоторыхъ жрецовъ, которые обыкновенно отправляли гражданскія жерпвы. Алимъ укрывая какъ свое имя, такъ и происхожденіе, подступилъ къ одному съ великимъ подобострашіемъ, и просилъ, чтобы онъ уведомилъ его объ обстоятельствахъ города и народа. Мы, говорилъ онъ, чужеземцы, желающіе смотрѣть обыкновеніе и обхожденіе людей, путешествуемъ по свѣту и желаемъ уведомиться, какіе природа разсыла шаланны по лицу земному, и въ какомъ мѣстѣ ушѣсенная добродѣтель имѣетъ лучшее свое прибѣжище. Вы здѣсь не сыщете

добродѣтели, отвѣчалъ жрецъ вздохнувши весьма прискорбно; она уже выгнана изъ оубъ насъ, и къ превеликому нашему несчастію думаемъ мы, что никогда уже сюда не возвратишься; мы возвели на пресполъ, продолжалъ онъ, весьма поличительнаго о подданныхъ Государя, коиморой всякой часъ стараея о нашемъ благополучіи, предупреждалъ наши надобности: и словомъ, сколько былъ прозорливъ, что предусматривалъ и отвращалъ всякое зло оубъ подданныхъ. Когда же утвердился онъ любовію нашею на пресполъ, началъ поступать по своимъ присирашійамъ: прежде вѣхъ возненавидѣлъ Княжескую дочь Асклада, коиморую долженъ онъ былъ имѣть своею супругою, ошоемалъ ее оубъ своего лица, и послѣ заключилъ въ пемницу. Тѣ, кои держали ея сторону, лишены всего имѣнія и препровождаюиъ жизнь свою въ изгнаніи. Вчера публикованъ въ народъ указъ, въ коиморомъ объявлено, будто Асклада сдѣлалась виновною со всеми своими сообщниками, будто она имѣла умыселъ, чтообъ ошнрнть жизнь у Государя: и пакъ заипрешняго дня увидише вы здѣсь самое ужасное и

плачевнае позорище ; ибо будещь она сожжена въ первомъ часу по полудни. При семъ словѣ Алимъ перемѣнился въ лицѣ; члены его задрожали, и если бы не поддержали его Аскалонъ и жрецъ; но бы онъ конечно упалъ на землю. Аскалонъ какъ возможно спарался скрывать передъ жрецомъ еѣ подозрѣнїе ; но шонъ имѣя онъ природы пронизательной разумъ, устремляя глаза свои на Алима, и не хотѣлъ отворачивать онъ онаго любопытнаго своего взора. Образъ его показывалъ; что онъ весьма много удивляется Алимовой перемѣнѣ и приключившемуся весьма чудному въ природѣ его волненїю. Сомнѣнїе его онъ часу больше умножалось, когда онъ приводилъ на память неисповѣдимыя божескіе откровенїя, копорые они не за долго предъ симъ получали. Можеть быть спарался бы онъ и скрыть оное, но сердечное нѣкопорое чувствованїе выдешало изъ тажной его образъ.

Но приведенїи въ чество Алимъ не упустилъ оубъ ни малъ дѣшей прозьбы, чтобъ пригласить ихъ къ себѣ въ домъ. Когда же пришли они въ оной, то жрецъ собравъ своихъ товарищей, просилъ Али

ма, чтобъ онъ сказалъ ему, какого онъ города жишель и все принадлежащее до его жизни; но Аскалонъ и Алимъ просили его, чтобы онъ позволилъ имъ нѣсколько успокоиться: ибо предпріяли они какъ возможно освободить Аскляду отъ казни, и для того хотѣли нѣсколько посовѣтовать между собою уединенно, что имъ и позволено; и сіе умножило еще больше жреческое сомнѣніе; ибо нишедъ превеликое сходство въ Алимъ со своимъ Государемъ, не знали они; какъ расподковать сіе приключеніе. Божескіе же ошвѣты означали иногда, что владѣвшіи ими не дѣйствительной ихъ Государь. И шакъ сдѣлалось между ими превеликое волненіе. Они хотѣли изслѣдовать сію шайну, но не имѣли къ тому ни малѣйшаго слѣда. Все было сокрыто онъ ихъ понимая, и самая истина казалась имъ неизслѣдованнымъ невѣденіемъ.

Алимъ и Аскалонъ находясь наединѣ, искали способовъ ко освобожденію Аскляды; но къ превеликой прискорбности спраешнаго Алимова сердца не находили ни одного; одна только храбрость оставалась избавленіемъ оной. Алимъ

предпріалъ твердо поразить своею рукою неисповѣдаго шого самозванца, коимъ похишилъ у него пресшолъ, и познамѣрился лишить его любовницы и супруги самую поносною и презрительною смерщю. И такъ не сыскавъ больше никакого способа, положили непременно принести ярости своей на жертву незаконнаго обладашеля народомъ. Дѣйствительной Млаконской обладашеля препроводилъ всю ночь въ великомъ безпокойствѣ, и не желалъ ни на минушу имѣть онаго. Онъ въ сіе время ходилъ осматривать въ городъ мѣсна, кошорья ему возможность позволяла; между шѣмъ нашелъ пригошовленной срубъ на погубленіе Аскліады, и словомъ высмотрѣлъ все въ расположенію предпріятыхъ имъ мыслей; попомъ ожидалъ съ нешерпѣливосщю упира.

Млаконскія небеса украшались уже свѣшлою синевою, тусклые облака удаляя отъ свѣта падали въ Западное море, горы и долины пили кровавую росу, чѣмъ предвѣщали въ сей день ужасное степенаніе земли; солнце взошедъ на горизонтъ, казалось, какъ будто бы опиврацаетъ свои лучи и не хочетъ гла-

дѣль въ городѣ, а особливо въ то мѣ-
 сто, въ которомъ опочивалъ пиранѣ
 миролюбиваго народа. Обыкновенные
 предвѣстники солнцевъ восхожденія, прѣ-
 атные Зефиры, копорые на ясныхъ во-
 дахъ поднимающъ шихя волны, удаля-
 ся оиѣ города, оснавили поля и доли-
 ны; ибо не хошѣли бышъ свидѣтелямъ
 варварскаго позорища, въ опсушеннѣ
 ихъ горѣль воздухѣ, и казалось, что
 все снхя воспламенялся оиѣ одной
 словомъ, вся природа на семъ островѣ
 казалась въ премелкомъ помѣшатель-
 ствѣ. Граждане опкрывая глаза свои,
 наполняли ихъ слезами, и вездѣ слыш-
 но было сердечное стезаніе, всякой
 прошивъ желанія своего гошовился уви-
 дѣшь смершь законной своей Государы-
 ни, и неволею шелъ на назначенное ему
 мѣсто. Жрецы зашворили храмы, и
 скрившись въ оныхъ, просили боговъ,
 чтобы они опшрашили свой гнѣвъ оиѣ
 народа за невинную Аскладу. Время
 уже приходило къ совершенію дѣла.
 Аскалонѣ и Алимѣ пришедъ сшли на
 шкомъ мѣсшѣ, копорое весьма способ-
 но было къ совершенію ^{ва} ихъ зговора,
 и копорое они прежде уже назначили.

Часть III.

3

Началась плачевная и ужасная сія перемонія: въ началѣ шли нѣсколько шѣлохранищелей съ обнаженными мечами, за ними слѣдовали два жреца въ печальныхъ одеждахъ, кошорые должны были прочинать на срубѣ послѣднія Аскліадъ молитвы; за сими вели двухъ надзирашеляницъ Государыни, кошорыхъ она весьма много любила, и кои ей были всѣхъ вѣрнѣе; передъ Аскліадою шелъ крикунъ, кошорой во весь голосъ говорилъ народу, чшобы они помнили свой долгъ, и никогдабъ не дерзали восставать противъ Государя, видя, какъ преступники законовъ жестоко наказываются. За сими ѣхалъ Государыня на бѣломъ конѣ, кошораго вели два совершшшеля сего нечшшоваго дѣла; она была въ бѣломъ одѣяннш, кошорое было весьма долго и волочилоя позади коня; концы онаго несли два компаншные опшрока, и плакали сшполь горько, чшо казалось, будшо они похороняли родную свсю мать; волосы у нее были распущены и лежали беспорядочно, иные на плечамъ и на груди, а другіе висѣли за спиною, на гонзавъ ея былъ вѣнокъ изъ шшдарснаго дерева, кошорое означашъ

печаль и погребеніе. Капляющіяся по лицу ея слезы, и не чувствительное сердце удобны были привести о ней въ сожалѣніе. Въ рукахъ держала она большой золошой сосудъ, въ кошпоромъ находились разные дорогіе каменья и жемчугъ, чѣмъ она обыкновенно украшалась въ своей жизни. Оныя сокровища, и приномѣ деньги раздавала она своими руками бѣднымъ людямъ, и приномѣ можно было видѣть, что каждой камень омоченъ былъ ея слезами. Какъ скоро народъ увидѣлъ ее въ семъ образѣ, шо ужасно возсеналъ, и началось вездѣ рыданіе. Женщины и дѣвицы не убоившись иираковой власни, опчаянно вопили голосами; нѣкошорыя рвали на себѣ волосы, и хошѣли послѣдовать Государынѣ своей въ неушолмную спихю. Сіе народное смяшеніе ни мало не уменьшало ярости повелишелевой. Онѣ появился народу въ великолѣпной колесницѣ, въ которой ѣхалъ на опредѣленное имѣ мѣсто, чтобы утолишь свою злобу, и насытишься жазнію невинной Асклады. Какъ шолько поровнялся онѣ съ Алимомъ и съ Аскалономъ, шо два сіи раздраженные героя хошѣли бросишь

ся на колесницу, и положишь его на одной мёртвѣ; но самозванецъ предупредилъ ихъ намѣреніе, и скочивъ весьма поспѣшно съ колесницы, бросился передъ ними на колѣни, не смотря ни на своей санѣ, ни на великое собраніе народа. Я не знаю, кто ты шаковъ, говорилъ онъ Аскалону весьма оробѣвши, только вѣдаю то, что ты пришелъ сюда наказатъ меня за мои продерзости. Я припадаю ко стопамъ твоимъ, вниюсь передъ тобою, и подвергаю себя всякому жестокому наказанію. Аскалонъ и Алимъ весьма удивились чудному сему приключенію, и будучи онъ того въ великомъ смятеніи, не знали, какъ расподкованъ имъ шаковое привидѣніе; чего ради тиранъ просилъ ихъ во дворецъ, гдѣ обѣщалъ объяснить вину твою подробно, и попомъ оборотясь къ Алимѣ говорилъ: твоя народъ, твоя и воля, повелѣвай имъ съ сей минушы до конца твоей жизни; ибо боги сдѣлались къ тебѣ милосивы, и меня опдали въ твои руки. Асклада возвращена была отъ казни, и съ превеликою честью проводили ее въ погон. Вместепо плача сдѣлалась превеликая радость; но на-

родная молва превосходила еще оную. Всякой видѣль перемѣну своего Государя, но никто не зналъ шому причины; и такъ объясненіе оной весьма было пошребно къ ошкрышію ихъ судьбины.

ГЛАВА XII.

ВЕЧЕРЬ 42.

Продолженіе повѣсти объ Аскалонѣ.

Алимъ бросилъ прежде всего успокоить возмущенную Аскладау, вывести ее изъ ошчаянія, и увѣришь, что во образъ его неисповой духъ, о которомъ еще и самъ онъ былъ неизвѣстенъ, приключилъ ей всѣ печали и мученія; но онъ нашелъ ее еще безъ памяши, и не надѣялись, чтообы скоро возвратилъ она поперянный свои чувства; чего ради приказалъ всѣмъ придворнымъ врачамъ весьма прилѣжно спарашься о ея здоровьѣ, а самъ слѣдовалъ къ Аскалону, и желалъ съ нимъ вмѣстѣ увѣдо-

мишься о своей судьбинѣ. Когда онъ вошелъ въ свои покои, то извиняющійся передъ Аскляномъ тиранъ сшалъ опять передъ ними и колѣня, и говорилъ слѣдующее: Я волшебникъ, бранъ Аропы, пивоей любовницы, говорилъ онъ Алимю; она влюбяся въ тебя, приняла за себя образъ богини, и показала тебѣ во славѣ на колесницѣ, чшобъ пронуть твою сердце сколько красотою, столько и великолѣпемъ, и еще, что мнѣ ужасно вспомнишь, и за что боги сдѣлались къ намъ немилосерды, она рождала она исцуканъ Проновъ, которой произносилъ противъ желанія своего годсѣ. Я по ея велѣнью принималъ на себя образъ провозвѣстника Перуновыхъ повелѣній, и шолковалъ въ роуцѣ шибъ опивѣнъ Проновъ; пошомъ ея же наученемъ царшвовалъ годъ на твоемъ престолѣ, и въ швоемъ образѣ пришесялъ, сколько возможно мнѣ было, Аскляду, и наконецъ по повелѣнью Аропину хотѣлъ преселить ее въ царшво мершвыхъ; и дѣйствительно бы сіе сдѣлалось сего дня, ежели бы боги не подали вамъ руку помощи, а ей избавленіе въ васъ. Сей чудной камень, которой

ты имѣешь, продолжалъ онъ говоря Аскалону, ошдѣленъ онъ престола адскаго бога. Въ то время, когда мы принимаемъ власть надъ духами, клянемся передъ адскимъ судіею симъ камнемъ; ибо по пресупленіи нашей должности бываемъ мы онымъ мучимы, и въ винахъ нашихъ теряемъ передъ онымъ всю нашу власть и могущество; теперь я въ вашей волѣ, и когда кончилось на мнѣ шептѣніе боговъ, по вы можете со мною сдѣлать все, что вы хотите. Впрочемъ пресупленію сему виновна моя сестра, и она обо всемъ уведомишь васъ обстоятельно. Позвольте мнѣ сдѣлать инокшорья заклинанія, по кшорымъ она весьма скоро явится здѣсь, а вы тѣмъ временемъ старайтесь успокоить Асклѣду, ибо власть наша надъ нею уже кончилась.

Народъ нетерпѣливо желалъ уведомишься о семъ приключеніи: ибо видѣлъ онъ Государя своего въ двухъ подобныхъ другъ другу лицахъ; что ради Алимъ за благо разсудилъ явиться оному вмѣстѣ съ волшебникомъ, и публичнымъ его признаемъ вывести подданныхъ своихъ изъ сомнѣнія. И такъ немедля

возвращаючись они на народную площадь, гдѣ волшебникъ при всемъ народѣ признавалъ себя виновнымъ и неправильнымъ похишителемъ какъ преспола, шакъ и счасіія Алимова. Услышавъ сіе всѣ бросились съ великимъ снремленіемъ на волшебника, и хотѣли разрубить его на часипи; но Алимъ удержалъ ихъ снремленіе, и приказалъ до времени успокоиться. Пономѣ проводили волшебника для заклинаній, чшобы онъ призывалъ свою сесипру, а Алимъ и Аскалонѣ пошли успокоить Аскаладу. Какъ они вошли къ ней, то уже получила она нѣсколько прежней памяти, и была мало предувѣдомлена какъ о своемъ, шагѣ и о народномъ счасіи. Увидѣвъ Алима, возвела она ушомленные ошб слезѣ глаза свои на него, и ошпшь обдившись слезами, говорила ему такъ: Я спрошусь тебя, Государь, и имѣю къ этому справедливую причину, ты мнѣ кажешься ужаснымъ шираномъ, или шакимъ чудовищемъ, кошорое сполько яросипю, чшо не щадилъ шерзати и самаго себя. Я ненавижу тебя и мысленно презираю; но не знаю, продолжала она вздохнувши весьма прискорбно, для

его сердце мое не соглашается съ моими мнѣніями. Оно себя извиняетъ, и совѣдуетъ уменьшить мою ненависть. Чѣмъ за приключеніе, коимъ оно вѣрно возмутило смущенныя мои мысли? Какое не слыханное доселѣ приключеніе послѣдовало въ вашемъ городѣ? Начало его я слышала нѣсколько смущенно, но дѣйствительнаго и яснаго доказательства еще не могла узнать ни отъ кого. Скажи мнѣ, Государь, шонъ ли ты Алимъ, коимъ былъ при вступленіи своемъ на престолъ, или шонъ неистовой обладатель, коимъ шезалъ меня до сей минуты, и наконецъ непозволительную опредѣлилъ казнь, чѣмъ оспрашилъ мое поколѣніе, и обезславилъ всѣхъ владѣтелей моихъ предковъ? Успокойся прекрасная Аскіада, ошибчалъ ей Алимъ, несчастіе твое продолжалось до сего часа, и боги были къ тебѣ не милосщивы сколько же, сколько ко мнѣ. Они предпріяли наказаніе меня; но чѣмъ больше усугубили мое мученіе, опредѣлили и тебѣ быти несчастливою. Я бы хотѣлъ во весь мой вѣкъ пребывать заключенъ подъ несносною мнѣ карою, лишь только бы тебя ви-

дѣшь благополучною. По сихъ словахъ увѣдомилъ онъ ее обо всѣхъ обстоятельствѣхъ, и также о всѣхъ приключеніяхъ случившихся ему во время описаннаго. Попомъ сказалъ ей, что царствовалъ вмѣсто его волшебникъ, братъ той нечистой ширанки, которая приключила ему всѣ несчастія. Представилъ также и избавителя своего Аскалона, котораго благодарила Аскліада онъ искренняго сердца и самыми чувствительными словами. Ибо выслушавъ всѣ приключенія, въ одну минуту забыла она всѣ прешершныя ея досады и огорченія, и вмѣсто превеликой ненависти къ Алимѣ наполнилась она еще больше прежняго къ нему спрасцію.

Аскалонъ казался тогда въ превеликомъ смущеніи; на лицѣ его написано было нечестное его желаніе. Всѣ бывшіе шумъ примѣчали его движенія; но Алимъ и Аскліада будучи наполнены великою радостію, со всѣмъ не спарались предузнавать грозившей имъ новой бѣды еще злѣе прежнихъ. Человѣкъ, имѣющій испорченной нравъ, весьма склоненъ къ поползновенію. Склонности перемѣняются поминутно, и приближа-

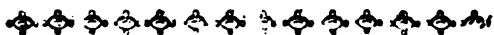
ются больше къ худому, нежели къ хо-
 рошему: ибо добродѣтель не присутст-
 вуетъ въ такомъ сердцѣ, которое на-
 полно злобою, и разумъ ни мало не со-
 вѣствуетъ о истинномъ пути: ибо онъ
 самъ живетъ въ такомъ человѣкѣ подъ
 власною пресирасной негодныхъ. По-
 роки царствующии шунъ, откуда уда-
 ляется добродѣтель, и на все привесити
 его въ сснхннн. Аскадонъ какъ скоро
 увидѣлъ Асклѣду, то забывъ не при-
 стойную спроситъ всю къ сснхннн,
 шоль сильно влѣбился въ Асклѣду,
 что желалъ лучше потерять жизнь,
 нежели не получить удовольствія по-
 роному своему желанію. Досадовалъ
 онъ, и почти выходилъ самъ изъ себя,
 когда видѣлъ, что Асклѣда чувствовала
 къ Алимѣ неизъясненную спроситъ.
 Глаза ея тогда наполнены были ярост-
 нымъ огнемъ, и лице покрыто было
 звѣрскою злосннн. Онъ шрепешалъ, и
 казалось, какъ фурнн шрогающнн не-
 шовое его сердце. Алимъ не преминулъ
 скорѣ спроситъ Бейгама, какъ перваго
 своего друга; и когда уведомили его,
 что онъ находится въ шсннннн, то
 приказалъ немедленно освободивъ ея

представилъ предъ себя, и на пути еще уведомить его обо всемъ происшедшемъ. Бейгамъ какъ скоро вошелъ, то бросился къ ногамъ законнаго своего обладателя, шрепещущими устами цѣловалъ его руку, и оиъ не обыкновеннаго восторга едва могъ произносить слова. Успокойся, любезной мой другъ, говорилъ ему Алимъ, несчастія наши миновались, и ты долженъ благодарить въ началъ боговъ, а по нихъ великодушнаго и храбраго чужестранца Аскалона. Бейгамъ оидавъ ему должную честь, благодарилъ его весьма приспойными словами; а Алимъ въ еиошъ часъ обѣщавъ поставишь снаниую на площади народной избавишело своему и его подданныхъ изъ - подъ ига мерзоснчаго обладателя. Однимъ словомъ еспльамбы Аскалонъ попребовалъ пре-снола, но Алимъ имѣвъ добродѣшельное и благодарное сердце, конечно бы не ошказалъ ему въ семъ шребованн; нбо согласился бы оиъ лучше владѣшь одною Аскалодою, нежели всюю землею шроштранная вселенной. Но Аскалонъ наполнялся тогда совсѣмъ шрошшвными сему мыслями. Оиъ шредрѣялъ лишкшъ

Алима Аскляды, що есть, оправивши во ядомъ; а есшьли послѣ не получишь нѣе склонности, шо опредѣлишь меривши и се своею рукою.

Въ сіе время объявили имъ, что прибыла волшебница. Они немедленно пошли все въ залу, выключая Аскляды, которая не хотѣла больше видѣть сенсноваго шого ширана, гдѣ увидѣли волшебницу; она была въ черномъ флоровомъ плашьѣ и съ обыкновенными своими признаками. Увидѣвъ Алима переѣдилась въ лицѣ. Сшудъ, опчаянїе и росада изобразилась на ономъ. Ежелибы не была она прекрасна, шо конечно показалася бы фурїею изверженною изъ ада. Благополучный Алимъ, говорила она, несчастливая шобою волшебница желаю тебѣ опныиъ всякаго благоденїя, наслаждайся счащїемъ вмѣстѣ въ мою соперницею; она осталась неубѣжденною, а я подвержена шеперь шшуду и опчаянїю. Когда же я не получила швоей склонности, шо не желаю больше и жить на свѣтѣ. По сихъ словахъ опдая она брану своему волшебную шросиль, зодїакъ, которой наодился на ней вмѣсто перевязи, и ша-

лизманъ висящій на ея груди ; сказавъ сѣе : Возми мое могущество , и будь столько силенъ , сколько была я , но не будь такъ несчастливъ . Пошомъ выняла она кинжалъ и проколала свою грудь ; сказавъ послѣднѣя слова къ Алимѣ : Проси Алимъ , котораго я больше себя любила въ жизни . Алимъ приказалъ вынести ея шѣло , а волшебника заключивъ въ шемлицу до дѣйствительнаго опредѣленія , которое вознамѣрился онъ сдѣлать по совѣшу народному .

ГЛАВА XIII.

ВЕЧЕРЬ 43.

*Продолженіе повѣсти объ
Аскалонѣ.*

Во время несчастія прошедшіе благополучные дни всегда пребываютъ въ нашей памяти , и съ превеликимъ сожалѣніемъ всякую минуточку мы оныя воображаемъ ; а по прешеривніи великихъ бѣдствій , когда вспупаемъ мы въ благополучное пребываніе , то всѣ про-

медшя несчастія какъ дымъ исчезаюиъ изъ нашего пониманія , и никогда уже не возвращаются въ нашу память. Какъ только появилось солнце на Млаконскихъ небесахъ , то началось во градѣ великое шоржесиво, и вездѣ видны были восходящія благодарспивенныя къ богамъ жершвы. Алимъ, Асклада и Аскалонъ были въ Перуновомъ храмѣ, и своими руками приносили богу жершву по обыкновенію шѣхъ жителей, гдѣ Алимъ въ присущствіи всего духовенства и знашныхъ своихъ господъ обручился съ Аскладою, и клялся другу другу вѣчною вѣрносію. Никто не предвѣщалъ тогда никакого больше препятствія симъ двумъ нылающимъ сердцамъ, а всякой думалъ, что по прешерпѣніи ими шеликихъ бѣдствій будишъ они веси дни жизни своея весьма благополучи, и никакой уже разлуки послѣдоваиъ имъ не можеиъ: но несчастія ихъ еще не кончились, и имъ определено было увидѣиъ самое свирѣвое злополучіе.

Аскалонъ съ сихъ поръ сдѣлался задумчивъ и безпокоенъ, и вмѣсто дружества къ Алиму за его всегдашнюю

благодарность и за безпримѣрное уго-
щеніе начиналъ чувствовати неописан-
ную независѣсть, и злосѣть его шѣмъ
болѣе возрастала, чѣмъ болѣе ви-
дѣлъ онъ Аскалдино ласканіе къ своему
сопернику. Неисповное его сердце пош-
чѣмъ согласовалось со звѣрскимъ его
разумомъ. Какого права человекъ, пѣ-
кѣ и предпріятія бывающѣ по его раз-
сужденію. Случился въ то время на
островѣ шонъ Индѣецъ, Аскалонъ увѣ-
домившись о семъ, послалъ за нимъ, и
приказалъ привезти къ себѣ, обѣщавъ
ему множество сокровищей, и шѣмъ
склонилъ, чшобы онъ изготавилъ ядъ,
какіе выдуманы въ ихъ государствѣ;
но чшобы сей соснѣвъ не менѣе, какъ
черезъ медѣлю началъ дѣйствовать во
упробѣ. Индѣецъ весьма въ скорое время
соснѣвилъ его, или можешъ бышь имѣлъ
уже онъ и зѣшовой, принесъ къ Аска-
лону, и сказалъ ему такъ: Когда ты
будешь сидѣшь за столомъ съ шѣмъ,
кошорато намѣренъ умеривши, то вы-
нявъ сей соснѣвъ, кошорожно намажь
онимъ одну сторону своего ножа, раз-
рѣзывать имъ пищу, и подѣвай ему шѣ
часши, кошорыя будущъ онъ споромъ

намазанной ядомъ. Симъ способомъ безъ всякаго подозрѣнїя останешься ты не-вредимъ, а непрїатель твой умретъ злою смертію. Аскалонъ съ превеликою радостию и съ успѣхомъ произвелъ предпрїятїе свое въ дѣйство, и во время вечерняго сна кончилъ свое намѣренїе. Съ зтихъ поръ сдѣлался онъ веселъ и показывалъ всѣмъ, что весьма охотно обитаетъ въ ихъ городѣ. Всякой день посѣщалъ онъ Аскладу безъ запрещенїя и безъ всякаго подозрѣнїя отъ дружихъ: начиналъ онъ нѣкопторыми околичностями открывать ей свою страсть; но впрочемъ та не имѣя ни малой къ тому дороги, совсѣмъ не примѣчала неискренняго его желанїя, и почитала его превеликимъ себѣ другомъ.

Бейгамъ имѣя проницательной разумъ, къ превеликому волненїю своего сердца предусматрѣлъ вѣпоричное паденїе своего Государя: ибо поступки и намѣренїя Аскалоновы, которыя хотя и были скрыты, ясно оное показывали. Онъ предпрїявъ открылъ сомнѣнїе свое Государю, но не зналъ, какъ приступить къ оному: ибо вѣдалъ, что Алимъ споль много чувствуетъ дружбы и пре-

Част. III.

И

данности къ Аскалону, что никогда не согласишься тому повѣрить: однако усердіе Бейгамово къ своему Государю преодолѣло сію невозможность, и онъ въ нѣкоторое удобное къ тому время выговорилъ Алимѣ сіе: Великій Государь! сомнѣніе мое сочти ты лучше заблужденіемъ моего разума, нежели незнаемою мною къ кому нибудь ненавистию; въ храбромъ Аскалонѣ починаемъ мы нашего избавителя и воскресителя почпи уже умершаго нашего счастья. Сомнѣнія въ шомъ нѣтъ, чтобъ мы не починали его великимъ; мы его признаемъ и жершвуемъ всѣмъ, что только можешь соспавишь не изъясненную нашу благодарность. Онъ человекъ добродѣтельной и старающійся всегда о благополучіи человѣческомъ; но любовь не рѣдко колеблетъ добродѣтель и вручаетъ сердца наши и разумъ негоднымъ приспращіямъ. Всякой великодушной человекъ, упоающій безпредѣльно въ сей сласти, не чувшвуешь, какъ страдаешь его честь, забываешь о тѣхъ людяхъ, которымъ онъ долженъ дѣлать благодѣянія, не радишь о собственномъ своемъ благополучіи, и бы-

ваетъ наконецъ незнаемъ никому. Тотъ же прелестной предметъ, передъ которымъ онъ безстыдно воздыхаетъ, пожираетъ его добродѣтель, честь, покойснвѣе и имѣнїе; ибо она всегда имѣетъ въ памяти то, что онъ ее когда нибудь оставилъ; слѣдовапельно сожалѣнїя объ немъ никакого не имѣетъ. Сїе, Государь, сказалъ я только для того, чтобы объяснить передъ шобою, сколько любоеъ имѣетъ власти надъ колеблющимся нашимъ разумомъ. Я примѣчаю въ Асколонѣ неизъясненную снраснь къ будущей швоей супругѣ. Всѣ его движенїя, внѣшнїя и внупреннїя чувства ясно показываютъ его желанїя; и по шому разсуждаю, что естли бы онъ былъ челѣвѣкъ добродѣтельной, то дѣйсшвительно не предпрїялъ бы снхъ мыслей. Хотя правда, что сїя снраснь не по волѣ нашей владѣетъ нами; но мы имѣемъ разумъ, довольное средство ко обузданїю оной, и сверхъ шого чрезъ шакое короткое время не могла было оной усилився шакъ много въ его сердце, ежелибъ не было на шо собсшвеннаго его произволенїя; и сншли, Государь, боги къ намъ еще

не сдѣлались милосѣивы, и во избави-
шель нашемъ увидимъ мы злѣе пер-
выхъ несчастіе, по чѣму тогда начнемъ,
когда гибель наша поразитъ насъ не
гопovýchъ къ тому.

Алимъ слуша сѣи слова находился
; въ себя: образъ его показывалъ тогда
великое удивленіе смѣшенное съ невѣ-
роятіемъ; природное свойство въ немъ
не умолкало, и сердце предвѣщало сдѣ-
ланную уже ему гибель; но врожден-
ная въ немъ добродѣтель заимѣвала его
предвѣщаніе. И шакъ, чѣтобъ не огор-
чить Вейгама и опврашишь напрасное
его подозрѣніе на Асклона, сказалъ онъ
Бейгаму, чѣто будетъ стараться усма-
тривать сѣе самъ. Время уже приходи-
ло, и данной ему ядъ началъ дѣйство-
вать во утробѣ, весьма скоро измѣнил-
ся онъ въ лицѣ, и потерялъ всѣ свои
силы. Почувствовавъ дворъ толикое не-
счастіе, весь возволновался, и сей не-
челюной припадокъ своего Государя не
знали чѣму приписать; а о данной ему
оправѣ никто не вѣдалъ. Первое при-
ложено было стараніе укрывать отъ
народа болѣзнь Алимову, ибо въ ономъ
топчасѣ бы начались опчаяныя вопли.

Жрецы тайно приносили жертвы о здравіи своего Государя, и сшарались уми-лосливить разгнѣванныхъ на нихъ боговъ. Сіе прошеніе ихъ услышано было вскорѣ; ибо когда врачи дѣлали совѣшъ о болѣзни Алимовой, то нѣкто изъ оныхъ мужъ весьма старый, которыѣ ѣздилъ нѣкогда въ Египетъ для окончанія своей науки, усмоирѣлъ, что Государь отправленъ былъ ядомъ, извѣснымъ тому врачу уже издавна: погорди предложилъ онъ всему собранію своихъ шовзрищей и шакже Двору, что онъ одинъ будешъ имѣть стараніе о излеченіи Алимовомъ, и съ помощію боговъ надѣеся учинить его здоровымъ. Въ-дая всѣ великое его искусство въ Медицинѣ, и зная припомъ, что онъ довольно показадъ не вѣроятныхъ въ оной опышовъ, безъ всякаго сомнѣнія опдали Государя въ собшвенное его пользо-ваніе. Онъ ни мало не мѣшкая соспашелъ другой ядъ совѣшъ прошивной тому, копорой данъ былъ Алимѣ, и склонилъ Государя принять немедленно оной. Какъ скоро Алимъ принялъ, то въ одну минушу увидѣли его мершваго. Члены его оледенѣли, и лице покрылось

мертвюю синевою, одно только весьма слабое дыханіе въ немъ осмалось. Страхъ и опчяніе вселилися въ сердца окружающихъ его боярѣ, и они не инаковымъ его починали, какъ съ кошорымъ должны были простишься на вѣки; но врачъ твердымъ голосомъ и спокойнымъ видомъ обнадеживалъ ихъ въ семъ опчяніи, и уговаривалъ, чіобы они ни мало не спрашались. Боги помощники намъ, примолвилъ онъ, въ кошорыхъ я твердо увѣренъ, что по преперпѣніи нами толкихъ бѣдсильнѣй начинающѣ они бышь къ намъ милосивы. Цѣлые сутки находился Алимъ на смертномъ одрѣ; наконецъ началъ имѣшь движеніе, и вскорѣ получилъ прежнїя свои чувства къ неописанной радости его подданныхъ и къ великой славѣ искуснаго врача, кошорой однако не хотѣлъ никому опкрышь сего, что Государь ихъ былъ оправленъ ядомъ, и даже, что и самому ему не хотѣлъ опкрышь онаго, и казалось ему столь сіе спрашнымъ, что безъ великаго пренепа не можешъ онъ и вообразишь онаго.

ГЛАВА XIV.

ВЕЧЕРЬ 44.

Продолженіе повѣсти объ Аскалонѣ.

Во все несчастливое къ Алимѣ время Аскалонѣ находился безвыходно у Аскляды; ибо онѣ думалѣ, что скоро услышишь о смерти своего соперника, и для того не опасаясь ни мало, начиналѣ уже дѣлать ей нѣкошорыя любовныя извѣщенія. О болѣзни же Алимовой Аскляда совсѣмѣ была неизвѣстна, попомѣ что старались какѣ возможно скрывать онѣ нее отъ нея; слѣдовательно она не имѣла причины и печалиться объ ней. Несчастливой Аскалонѣ радуясь весьма погибели Алимовой и имѣя для того весьма спокойныя мысли, предпріялѣ употребить всѣ хитрости и лукавства прошивѣ невиной Аскляды. Онѣ прежде всего старался узнать всю ея горькость къ Алимѣ и послѣ искалъ способѣ ко употребленію въ ней оной страсти. Предпріяніе было весьма не основательное и достойное всякаго презрѣнія; но Аскалонѣ положила завѣсу на

лице свое и на сердце, которую ни
спыдѣ, ни благоприсшюносиль проник-
нуть не могли, опредѣлилъ себя не-
исповсшву и сраму на жершву. Прекрас-
ная Асклада! говорилъ онѣ ей избравѣ
къ шому удобное время, сколько благо-
полученѣ шотѣ человекѣ, который обла-
даетѣ швоимѣ сердцемѣ, и его счастье
миѣ кажется несравненно ни сѣ чьимѣ
на свѣшѣ. Естѣли же онѣ шого досто-
инѣ, шо имѣй къ нему сѣю горячность,
которую ты имѣешь; предпочитай его
миѣ, или лучше, и ему свѣшту, полагай
вѣ немѣ все швое счастье, естѣли онѣ
тебя не обманитѣ, веселись кляшвами
его, когдѣ онѣ происходитѣ не онѣ
пришворсшва, до шѣхѣ самыхѣ порѣ,
покамѣстѣ твоя судьба покажетѣ тебѣ
весь его обманѣ и коварсшво. Прежде
обѣясненѣя всѣхѣ его къ тебѣ пришвор-
ныхѣ ласкашельствѣ обѣявляю тебѣ пре-
красная, что я сѣ шого часа, какѣ вѣ
первой разѣ тебя увидѣлъ, неизѣяснен-
но шобою сшрадаю; прелестни швои во-
шли глубоко вѣ мое сердце, и господ-
сшвуютѣ душою моею и моимѣ поня-
тѣемѣ: но не подумай, чтобы сѣя сшрасшѣ
была шому причиною, что я вознамѣ-

рилея передъ тобою обнести Алима ; онъ мой другъ и останется онымъ вѣчно , елики перемѣнишь негодныя свои приспращіи , все добродѣтельное сердце не можешь шорпѣшь ни одного порока и никогда съ нимъ не сообщается ; я единственно изъ сожалеянія къ тебѣ описываю звѣрское его памѣреніе , и объясню тебѣ , что онъ недоспонѣшь любви швоей и дружбы . Онъ по дружескипу открывался мнѣ нѣкогда , что чувспвуетъ великую горячность къ нѣкоторой здѣсь благородной дѣвицѣ ; а о тебѣ еказалъ онъ съ усмѣшкою , что и слышашъ не хочешъ ; снзхожденія же дѣлаешъ тебѣ единспвенно шолько въ угодносп народную . При семъ словѣ вошелъ къ нимъ Алимъ ; сколько ни смущился симъ видѣніемъ Аскалонъ , однако умѣлъ скрыти свое нешповспво , и показывалъ весьма оспорожво , что онъ очень радуется выздоровленію Алимову ; но въ самомъ дѣлѣ гоповъ былъ шупъ же мершваго положить его передъ собою ; а Асклада оспалась въ томъ же удивленіи , въ которомъ она находилась слушая слова Аскалоновы , и для того весьма смутно ошвѣчала на извиненія

Алимовы, которыхъ онъ дѣлалъ въ томъ, что дѣлая сутки не посѣщалъ ея.

Алимъ находяся въ восхищеніи, что освободился отъ смерти, ни мало не примѣчалъ неспрошнаго шеченія ея мыслей; но прозорливой Бейгамъ не упустилъ безъ изслѣдованія умомъ сей тайноспи; чего ради предложилъ Государю о ожидаемомъ ими бракѣ. Алимъ имѣя самъ къ тому нестерпимое желаніе, просилъ на се позволенія у Аскляды, и когда получилъ оное, то приказалъ Бейгаму объявить при Дворѣ и въ городѣ о прѣугошовленіи къ тому, а самъ пошелъ за должностъ посовѣшоваши съ Аскалокомъ и съ другими людьми о томъ, что угошоваши приличное къ великому сему шоржесшвованію, и когда было все уложено, то началось прѣугошовленіе въ Ладномъ храмѣ; при Дворѣ и во всемъ городѣ, всякой слышаеъ се былъ въ превеликой радости, и старался показати себя великолѣпнымъ. Храмъ украшали фесшонами и всякими различными цвѣтами; жертвенникъ шонъ, къ которому должны были присшупиши сочешающіеся бракомъ, обшавливали розами и лилеями:

однимъ словомъ , весьма въ короткое время вездѣ и все было изготовлено ; ибо прѣугошворяли сѣ шоржество усердіе и любовь къ Государю. Наканунѣ брачнаго дня угошванъ былъ мостъ отъ дворца до храма, которой усланъ былъ зеленымъ бархатомъ съ золотою бахромою ; по сторонамъ онаго поставлены были пѣдешалы обвѣшенные фестонами , а на нихъ золотыя превеличайшія чаши со всякимъ благовоинымъ куріемъ ; въ вечеру подвезли къ крыльцу двѣ колесницы, ибо шамъ было такое обыкновеніе , убранныя разнаго цвѣша камнями ; бахрама и кисии на омыхъ сдѣланы были изъ шакихъ же блистательныхъ и мѣлкихъ камней. Надъ шую , въ кошорой должно было ѣхать Аскіадъ, сдѣланъ былъ купидонъ держащій миршовой вѣнокъ, а надъ Алимовой видѣнъ былъ Гименъ со своимъ покрываломъ, также и другія различныя украшенія, принадлежащія къ вѣдѣ и къ брачному сочешанію.

Весь городъ находился въ превеликой радости, и ожидали наступающаго дня съ ужаснымъ нешерпѣиёмъ ; но несповой Аскалонъ дышалъ тогда зло-

бою и ненавистію на невинныхъ любовниковъ, и такъ какъ самой лютой звѣрь искалъ всякую минуту разрушить ихъ счастіе. Онъ зналъ, что завтрашній день долженъ будетъ распаться съ Асклядою на вѣки, и для того положилъ непременно или исполнить свое неистовое желаніе, или умертвить ее своими руками. Весь вечеръ выдумывалъ способы къ произведенію намѣренія своего въ дѣйство, наконецъ призвавъ къ себѣ надзирапельницу Асклядину, склонялъ ее на свою сторону, обѣщая множество ей за сіе сокровища; но когда увидѣлъ, что была она непоколебима въ своей вѣрности, то взявъ книжалъ, поспавилъ ей прошивъ груди, и говорилъ: въ сію минуту извлеку изъ тебя душу и положу тебя мертвою передъ моими ногами, если ты не исполнишь моего намѣренія, и знай, что ежели я обѣщавши измѣнишь, то и тогда отъ ярости моей не укроешься: ты вѣдешь, что я имѣю средство обратить все ваше государство въ камень, а тебя послать на вѣчное мученіе; знаешь и то, что волшебники, волшебницы и всѣ адскіе духи мнѣ под-

власны, и исполняютъ повелѣнїя мои со шрепешомъ ; поди, продолжалъ онъ, въ спальню къ Асклїадѣ, выпли всѣхъ, которыя тамъ находяшся, а сама оставшись съ нею одна, не запирай дверей, и ожидай вскорѣ моего шуда прихода. Успрашенная надзирательница все по его приказу исполнила, и онъ наполнившись яростїю и ошчаянїемъ немедленно пришелъ въ спальню къ Асклїадѣ, которая уже тогда опочивала, бросился на колѣни передъ кроватью, взявъ за руку и разбудивъ ее, говорилъ ей : прекрасная Асклїада, ты видишь передъ собою спрасшнаго любовника, которой жадеишь въ сей часъ ко всему удобной или насытнись твоими прелеснми или умереть передъ шобою, и я никакъ нь могу снести разлуки моей съ шобою. Смущенная и успрашенная Асклїада кликала своихъ прислужницъ ; но какъ услышала, что никто не ошдаешъ ея голоса, то начала кричать весьма громко ; Аскалонъ старался ее уговорить, наконецъ узналъ, что старанїя его напрасны, и что онъ будешъ обруганъ всѣми; чего ради выхватилъ въ яростн кинжалъ, которымъ ударилъ въ прекрас-

ную грудь невинную Аскладу, чѣмъ прервалъ голосъ ея и дыханіе, и такъ скончалася сія невинная дѣвица опѣ руки безбожнаго пирана и ненасытимаго варвара, которой весьма поспѣшно ушелъ опѣ нее въ свои покои, гдѣ препроводилъ всю ночь въ злыхъ и неистовыхъ воображеніяхъ.

Мрачная ночь опускалася уже въ море, и пошопляла вмѣстѣ съ собою счастье и шоржесиво Млаконское. Плачевной день восходилъ на небо, и вмѣстѣ радостей выносилъ плачь и рыданіе гражданамъ, но никто сего еще не предвидѣлъ. Алимъ вснавши съ поспѣли ни о чемъ больше не помышлялъ, какъ о начинающемся шоржесивѣ и о плашѣ къ оному приличномъ. Жрецы при восходѣ солнечномъ принесли великую жертву Свѣповиду, шакъ какъ Богу свѣта, чтобъ сей радостной день былъ къ нимъ благосклоненъ, послѣ наполнили Ладимъ храмъ различными куреніями, и одѣвали всѣ кумиры багряними епанчами, какъ обыкновенно бывало у нихъ во время браковъ. Знающие господа помышляли о восшавленіи по дорогѣ

войска и другихъ къ тому потребныхъ людей; простые граждане украшали себя богатыми одеждами, наполнились великою радостію, и готовились, увидѣвъ великое торжесшествованіе. Пошомъ наполнился весь дворъ различными и великолѣпными колесницами, а княжескіе покои знашными боярами обоего пола, копорые имѣвъ почтеніе и усердіе къ всему Государу, и чтобы показати, что имъ торжесство сіе весьма пріятно, прѣехали ранѣе обыкновеннаго времени.

ГЛАВА XV.

В Е Ч Е Р Ъ 45

Продолженіе повѣсти объ Аскалонѣ.

Алимъ хотѣлъ уже выйти въ собраніе, какъ вдругъ Бейгамъ взбѣжалъ къ нему весьма поспѣшно, облившись слезами палъ предъ нимъ на колѣни, и отъ превеликой горести едва могъ про-

изнести сіи слова: Великій государь! не стало швоей нареченной супруги, а нашей Государыни. Алимъ услышавъ сіи слова покашлялся со спуга, и поше-
рялъ всё чувства. Сдѣлалось ошъ сего ужасное смященіе при Дворѣ, и хопя спарались скрыть сіе ошъ народа, но въ одну минуту и пошъ извѣстился объ ономъ, и какое произошло тогда волненіе, шо никакшо описать сего подро-
бно не можешъ; раззореніе града, или плѣненіе цѣлаго народа столько бы слезъ и рыданія произвеси не могло, всякой въ ошчаянїи хопѣлъ ошмщевзпъ, но не вѣдали кому, бѣгли всё, иekali убійцу, но онъ сокрыпѣ былъ ошъ ихъ поняшїя. Врачи и нѣкоторыя еще оспал-
лись помогашъ безчувственному Алимѣ, а другїе пошли смотрѣшь плачевнаго позорища. Асклѣада лежала на посшели размѣшавши руки, и въ груди ся вон-
зекный кнжалъ орошенъ былъ весь ея кровію, какого еще плачевнѣе сего по-
зорища всякому ошдцпъ было должно. Служащїя ей, которїя не смѣли ошѣ-
лвинъ Государю прежде Бейгама, били себя въ груди, рвали на себя волосы, и споль ошчаянно были, чшо я думаю,

привелибѣ въ сожалѣніе и нещастоваго того вѣрвара, кошорой умеривилѣ се шакѣ безчеловѣчно, но его шумѣ не было, и онѣ пришворилсе, будшо бык былѣ въ превеликой онѣ того болѣзни. Всякой возвращалсе домой, и вмѣсто свѣплой одежды надѣвалѣ черную, кошорую оплакивѣ довольно прѣвзжалѣ во дворецѣ; шоржесшвенныя колесницы покрывши чернымѣ сукномѣ повезли къ Ладину храму, кошорой уже зашворили жрецы и не хошѣли приносишь ей жершвы; ибо думали, чшо въ сей несчашной день оп овержено будешѣ все ихѣ владѣніе, опусшосшатсе храмы и разошршсе всѣ освѣщенныя мѣста.

Наконецѣ всѣ опредѣлили какѣ возшожно спарашсе не пускашь Алима смонрѣшь мершвое шѣло Аскліады, чшобѣ имѣ не лишимсе имѣ и своего Госудѣря. Предпрѣшше се удалосе имѣ сѣ успѣхомѣ исполншшь, и они упопрешбля всякіе обманы, цѣлые два дни не допускали Алима къ Аскліадиному шѣлу, кошорое въ шо время оплакивали граждане всякаго сосшолнѣя, а особливо усердныя женщины. На шрешѣй деиь вру-

Часть III.

I

чено было Бейгаму письмо слѣдующаго содержанія :

„ Заключенной и забытой всѣми
 „ волшебникъ добродѣпельному Бейгаму
 „ желаетъ здравія.

„ Я извѣстенъ обо всемъ смятеніи
 „ произшедшемъ въ вашемъ государствѣ,
 „ и весьма много о томъ сожалею; впро-
 „ чемъ ты знаешь силу мою и власшь;
 „ но получивъ еще оной отъ сестры мо-
 „ ей , усугубилось мое могущество; ве-
 „ ли освободить меня и предсавишь
 „ передъ себя ; я дамъ тебѣ совѣты ,
 „ копорыми ты можешь быть облег-
 „ чить печаль своего Государя.

Бейгамъ прочитавъ оное ни мало не медля велѣлъ освободить его и по-
 челъ дѣйствительно за нужное попро-
 сить его совѣта въ семъ ошчальнѣмъ на-
 родномъ. Волшебникъ пришедъ передъ
 него , говорилъ ему слѣдующее : Если
 ли ты общаешься мнѣ похитить вол-
 шебной камень у Аскалона , и вручишь
 его мнѣ , не къ поврежденію смертнаго
 рода ; а я ошнесу его въ наше собраніе
 и положу въ то мѣсто , гдѣ оныя хра-
 нялися , а именно : на пресполѣ Черно-
 боговомъ ; въ чемъ кленусь тебѣ симъ

богомъ , волшебнымъ камнемъ и всемъ
 адомъ , что я сіе конечно исполню ;
 печаль вашу и великое сіе опчяніе пре-
 мѣню я въ радость такого же великаго
 рода , каковы болѣзнь ваша и сѣшваніе.
 Бейгамъ передъ домашними богами ве-
 дѣлъ ему уличить вшорично данную имъ
 клятву ; и обѣщала прозбу его испол-
 нить. Не медля пошелъ къ Аскалону ,
 и нашелъ его въ ищеликомъ безпорядкѣ ;
 можешь бышь дѣйствовали въ немъ
 снѣдъ , раскаяніе и сожалѣніе ; сіи
 снѣдши вкореняюща иногда и въ вар-
 варскіи сердца. Бейгамъ нашелъ шализ-
 манъ его изъ шодъ и къ нему присоеди-
 венной камень , копорой онъ песьма ос-
 шоржно отвязалъ и имѣлъ уже при себѣ ,
 поспаравшись ищсколько воздержать его
 онъ печали , кошорую онъ по видимому
 ищсколько чувствовалъ , распался съ
 нимъ , и унесъ неодѣвенную для себя до-
 бычу , прѣхавши домою вручилъ оную
 волшебнику , копорой взявъ камень
 прошился съ нимъ на ищсколько вре-
 мени ; ибо онъ говорилъ , что ни од-
 ной минушы не можешь удержашь у се-
 бя божеспвеннаго шого залога ; и сверхъ
 шого , сказалъ онъ , что надобно ему

запаснись нѣкоторыми вещами, которыми онъ будешь служишь Аллиму и всѣмъ его подданнымъ.

Бейгамъ расставшия съ нимъ, и будучи еще не весьма много обнадеженъ, пошелъ немедленно къ Государю, и со всѣми шамъ бывшими спарался весьма прилѣжно какъ о исцреленіи его печали, такъ о здравіи и о порядочномъ печеніи его мыслей; ничто не могло возвратишь потеряныя его чувства, и облегчишь хотя на минупу его печаль: ибо Асклѣзда не ошсипупно обила въ его воображеніяхъ; предспявлялися ему весьма живо всѣ шѣ прѣяшности, которыя она въ себѣ имѣла. Любовь не дала ему покоя, и разрывала спрасшное его сердце на части, и онъ бы конечно въ скоромъ времени сошелъ за нею во гробъ, ежели бы не по средсшво, которое упопрелилъ волшебникъ къ его избавленію, и оно было такое, что ни кто ни предвѣщашъ, ни видѣшь, ниже вообразишь не могъ. Какъ скоро появился онъ въ домъ Бейгама, то приказалъ шопчасъ призвать его изъ дворца, и пришедшему говорилъ слѣдующее: Боги въ вамъ милосшвы, и вы хотя и не-

годовали на ихъ опредѣленіе , но они
 совершили все въ вашу пользу; по чему
 узнаете , что судьбы ихъ несповѣди-
 мы. Изъ чаши сей , которую онъ дер-
 жалъ въ рукахъ и показывалъ Бейгаму ,
 наполненной горесшю и ядомъ, завтра
 при восхожденіи солнечномъ вкусите вы
 сладосшь , которую боги по особливоѣ
 своей благосклонности изливають на
 роду : она дана мнѣ изъ рукъ великаго
 Чернобога , и я нынѣ посланъ отъ него
 избавишелемъ, и во мнѣ увидите вы не-
 изъясненное ваше благополочіе. Поди къ
 Алимѣ , продолжалъ онъ , и увѣдомивъ
 его обо всемъ , вели сдѣлать приказъ ,
 чтобъ завтра поутру съѣзжались ко
 двору всѣ господа обоюга пола въ свѣш-
 лыхъ и торжесшвенныхъ одеждахъ ; так-
 же, чтобъ и просшой народъ онымъ слѣ-
 дуя собирался къ Княжескому двору ;
 чтобъ жрецы ошворили всѣ храмы , и
 гошovy были приносишь благодарст-
 венныя и великія милосшивымъ къ вамъ
 богамъ жершвы , чтобъ воинсшво соб-
 равнишь ожидало повелѣнія къ радосш-
 нымъ восклицаніямъ ; а меня оставь до
 утра въ уединеніи , и не дерзай войши
 ко мнѣ , а больше всего усумнишься въ

моихъ повелѣнїяхъ , естли не хочешь
 бышь подверженъ жестокому гнѣву бо-
 говъ ; и такъ распался онъ съ Бейга-
 момъ, кошорой весьма усумнясь слѣдо-
 валъ къ Государю ; но сердце его пре-
 пензало онъ иъ кошорой совсѣмъ нево-
 ображаемой имъ радости ; пришедъ къ
 Алимѹ обьяснилъ онъ ему все. Государь
 услышавъ сіе, какъ будто бы онъ крѣ-
 икаго сна возбудился ; ибо человекъ
 провождая плачевной вѣкѣ, и изъ опча-
 янїа надежду извлекаешь , или можетъ
 бышь произволеніе боговъ дѣйствовало
 въ то время спрадающимъ его сердцемъ.
 Въ одну минушу приказалъ онъ вездѣ
 разгласить повелѣнїе волшебникова , и
 бышь всѣмъ завшра къ Двору въ тор-
 жеспвенныхъ одеждахъ. По полученїи
 сего приказа народъ весьма усумнѣлся,
 и не зналъ какъ располковать шакой
 поступокъ своего Государя ; всякой съ
 неперпѣнїемъ ожидалъ ушра, или луч-
 ше не извѣстныя и не ожидаемыя ни-
 кѣмъ шакой судьбины , кошорой въ ес-
 шесшвѣ никогда сбышся не случилось.

Многіе граждане и можетъ бышь
 весь городъ препроводили ночь безъ сна:

различныя воображенія не давали имъ успокоить своихъ мыслей. Наконецъ настала не извѣстная судьбины день; всѣ княжескіе покои и весь его дворъ наполнился народомъ; всякой сипоялъ имѣя смущенныя мысли, и ожидалъ неизвѣснаго; потомъ вышелъ въ собраніе и Алимъ, какъ было приказано оиъ волшебника въ свѣтлой одеждѣ и со всѣми знаками приличными Государю.

Сей вечеръ кончилъ я такимъ образомъ; ибо наступило уже время, въ которое должны мы были успокоиться. По ушу поварищъ мой употребилъ шпоричную прозбу къ Аленонѣ, чшобы позволила она ему опяшь оказати свое краснорѣчіе нѣсколько вечеровъ, а мнѣ бы шѣмъ временемъ успокоиться, и собрать новыя воображенія важнѣе кончить Алимовы похождения. Впрочемъ я симъ доволенъ не былъ, что оиъ перерывалъ у меня всегда на важныхъ мѣстахъ исторіи: и шакъ Аленона, чшобъ успокоить меня, сказала, когда я кончу Силославово похождение, то тогда безперерывно будупъ слушать у меня всякую исторію. Въ слѣдующій же вечеръ началъ шоварищъ мой рассказывать шакимъ образомъ :

ГЛАВА XVI.

ВЕЧЕРЬ 46.

Сказка о рожденіи тавтяной мушки.

Я весьма негодую на всѣхъ ученыхъ людей, и иногда дохожу до того, что почитаю ихъ неучивыми прошивъ нѣжнаго женскаго пола; они писали о началѣ свѣта, писали о началѣ людей и языковъ, о произхожденіи имперій и царствъ; но я бы спросилъ ихъ, для чего они упражнялись въ толь не нужномъ для щегольского общесства дѣлѣ, и не писали того, въ чемъ нынѣ почи всѣмъ намъ превеликая нужда. Надбно ли напримѣръ щеголихъ знашь, что Массагетяне и Скифы убивали своихъ ошцовъ, и сваривъ ихъ ѣли съ великимъ пированіемъ; она не только что не пожелаешь имѣшь о томъ свѣденіи; но и одно воображеніе толь варварскаго обыкновенія приключитъ ей обморокъ, ошъ котораго никакой врачъ исцѣлишь ее не можешъ. И такъ по етому видно, что господа разумные люди напрасно

теряли время. Нынѣ нужда въ томъ ,
 что можешъ украсить природу и при-
 дать большую лѣпότη и ѣжному женс-
 кому иѣлу. На примѣръ, черная шафля-
 ная мушка , привлеченная къ шапѣ на
 лицѣ , усугубитъ красоту щеголихи ,
 сдѣлаетъ видъ ея важнымъ и пріятнымъ.
 Хотя сей божественный даръ не имѣетъ
 усиѣ и голоса , однако извѣщаетъ же-
 ланіе поѣ , на лицѣ коей она налѣпле-
 на ; и ежели любовникъ увидитъ свою
 любовницу , то ещѣ божественный
 вѣстникъ объявитъ ему потчаеѣ ,
 въ какомъ соотноѣи мыѣшній день
 находится его красавица , что она ду-
 маетъ , и какъ гошовишя его принять .
 Виргилій и Гомеръ со всею ихъ премуд-
 росію , миѣ кажутся , не споютъ и од-
 ной ноги того великаго мужа , второй
 сочилиѣ сподъ полезной для щеголь-
 скаго обществя реестръ мушкамъ ; а
 что касается до Эзопа , то онъ со сво-
 ими баснями и въ кучеры къ нему не го-
 дится , Эзопъ далъ языкъ и голосъ звѣ-
 рямъ , скопамъ , птицамъ и гадамъ толь-
 ко ; а сей безпримѣрный мужъ и не
 одушевленной твари отверзъ уста , е
 разумѣютъ лешимешры и кокепки .

Предпринимая се важное дѣло, спрашусь я скуднаго моего шланпа, и думаю, что не въ силахъ объяснить шоль важныя и великолѣпныя на свѣтѣ вещи; однако видя оную ошѣ всѣхъ людей въ забвеніи, осмѣливаюсь рассказать объ ней. Ежели слоги мой будетъ не шекущъ и извясненія темны, шо весь прекрасный полъ, и ты госпожа Алена, примовидѣ онѣ, должны извинишь меня моимъ усердіемъ, копорое одно только причиною, что я присипуаю рассказы-вать о непоняшной и неприсипуной вещи для мужа, а се же будетъ сказка, а не романъ; а въ нихъ позволено разсуждать обо всемъ.

Упомнишь я не могу, или лучше не знаю, въ ко шоромъ вѣкѣ, шолько уже очень давно, въ великомъ Новѣгородѣ заведенъ былъ Университетъ. Въ ономъ Университетѣ учился студентъ, называемый Нехъ; онѣ былъ очень веселаго нраву, собою хорошъ и разуменъ, учипели и шоварищи его всегда имъ были довольны: онѣ имѣлъ все, что касается до ученика, шолько шакже имѣлъ и одинъ припадокъ, копорымъ не помогаютъ всѣ ученые люди, шо ешь день-

гами былъ гораздо не богачи. Природа награждаетъ людей разными талантами ; однимъ кладетъ она въ сундуки множествѣ денегъ, а въ то мѣсто, гдѣ долженъ лежать разумъ, Арабскую цифру 0 ; другимъ кладетъ въ голову множеству разума, а въ карманъ денегъ ни копѣйки. И шакъ Неохъ былъ изъ того числа людей, у которыхъ карманы всякой день бывающъ пусты ; онъ часто хаживалъ въ гости , и во всякую бесѣду приходилъ всегда первой, а къ себѣ никого не зывалъ для того, что почитавъ ему было ничемъ ; не заслѣбчивые люди много разъ ему за то выговаривали , однако онъ всегда извинялся шулками приличными студенческой ошвагѣ.

Въ такомъ худомъ и безденежномъ состоянїи препроводилъ онъ цѣлые дванцать три года, и въ это время научился довольно исправно. Наукамъ его ни роскошь, ни любовь преняшшвїя не дѣлали, которыхъ не рѣдко или насъ много научающъ, или и послѣднее поняшше оцнмающъ ; а онъ не видалъ ни того, ни другаго : слѣдовательно одна только Пеня присушшвовала въ его сердце , лучшая изъ всѣхъ прїятельница Ми-

нервѣ. На двадцать четвертомъ году его возраста, не знаю, какое то проворное божество шепнуло въ ухо Неховой тещкѣ, которая жила въ другомъ городѣ, чшобъ ссудила она племянника своего нѣкоторую суммою денегъ, что она и исполнила. Когда принесли къ Неху деньги и сшали ему отдавать, то онъ чуть не упалъ въ обморокъ, насилу могъ опомниться съ радости и не много не получилъ горячки; шакъ то деньги малы шому, кшо онъ роду не имѣлъ ихъ въ своемъ карманѣ. Сдѣлаг чись полнымъ надѣ ними господиномъ, кошѣлъ онъ употребить ихъ въ свою пользу, и предпріятъ узнать, сколько изо всего Университета сыщется ему пріятелей, а о друзьяхъ уже онъ и не думалъ: ибо въ нынѣшнемъ вѣкѣ дружелюбное масперешво давно крапивою заросло. Желая же предпріятіе свое расположить по своему соизволенію, нанялъ онъ нарочно для шого домъ и трактирщика, чшобъ довольствовашь его и пріятелей его цѣлыя сушки.

Всякъ вѣдалъ, что Нехъ знаменитъ былъ бѣдношю въ городѣ, не усшупалъ въ шомъ самому послѣднему гражданину,

и могъ назваться правильно пресвѣдующій герой съ котомкою, и для того, какъ онъ думалъ, не пойдеть ни одинъ человѣкъ къ нему въ гости. Онъ написалъ рессуръ, въ которомъ не менѣе, какъ дванцать пять человѣкъ начилъ помянно; и такъ съ такою радословною пошелъ къ первому и просилъ его завтрешній день къ себѣ опкушашъ, приномъ показалъ шонъ рессуръ, и сказывалъ, что всѣхъ эшихъ людей намѣренъ онъ пригласишь къ своему столу, чшобъ возблагодаришь ихъ за шарую хлѣбъ соль. Званой имъ гсепъ захохопалъ, и снявши колпакъ кланялся Неоху, благодаря за его одолженіе, и приномъ просилъ, что не извелишь ли Неохъ завтрешній день у него опкушашъ, хошя у меня и не будетъ такого великолѣпія, говорилъ онъ смѣясь, какъ за вашимъ столомъ; однако я думаю, что вы за ешо не погниваете, мое дѣло не богатое, такъ надобно жишь на свѣшъ сколько нибудь поскромнѣе; и такъ посмѣявшись надъ нимъ и надъ его столомъ оппустилъ его онъ себя съ чеснію и съ любзію. Неохъ осшавивъ его домъ поше, къ

другому, и идучи разсуждалъ самъ въ себѣ, что удобнѣе на днѣ рѣки погруженному желѣзу всплыть на верхъ воды, нежели бѣдному ч-ловѣку сдѣлаться вдругъ богатымъ. Званой имъ госпъ можешъ бышь подумалъ, что Неохъ дѣлаешъ надъ нимъ какую нибудь шутку, кошорыхъ уже много ои оиъ него видали; и шакъ въ уплашу прежняго Неохова одолженія посмѣялся оиъ и надъ нимъ нѣсколько: „Каково кликнешя, „ шакое и ошкликнешя. Пришедши къ другому, шочь вшочь шакое же получилъ ошказъ; и шакъ далѣе изъ дваццати пши ч-ловѣкѣ обѣщали посѣишь его домъ шолько чепверо, и шо шакіе, кошорые были одного шисненія съ Неохомъ, и жили съ нимъ побратски; ночью были всѣ раздѣпы, а днемъ всѣ наперо одѣвались въ два поношенные кафшана, кошорые служили имъ по жеребью.

Пришедши домой не углубился оиъ въ философію, и не спалъ разсуждать о ложныхъ прѣяшеляхъ, а впусшлся въ горячее вино, и напнулся его споль шправно, что едва едва узналъ свою посшелю, легъ на нее и съ превеликимъ удовольствіемъ заснулъ. Что грезшся

ему во снѣ, того я не вѣдаю, а только это знаю, что онъ уснулъ столько сладко, что проспавъ до самыхъ шѣхъ поръ, покамѣснѣ начну я рассказывать второй вечеръ веселаго его похождения; а теперь въ угодиши моему Герою отправимся и мы на свои посшели, чтобъ не разбудить и не пошревожить его нашими рассказами.

ГЛАВА XVII.

ВЕЧЕРЪ 47.

Продолженіе сказки о рожденіи тавяной мушки.

Тогда уже разсвѣло, когда Неохъ проснулся. Онъ призвалъ къ себѣ трактирщика, и приказалъ гошовишь ему вечерній столъ, ибо вознамѣрился гошей своихъ попчивашъ совсѣмъ новымъ манеромъ: приказалъ пригласить музыкантовъ, и также другихъ людей къ тому принадлежащихъ, и словомъ, все то, что надобно ему дѣлать. Потомъ обвязалъ голову свою платками и на-

дѣлѣ сверху теплой колпакѣ, надѣлѣ шулубѣ и епанчу, которое все купилѣ на присланныя ошѣ шешки денги, легѣ въ постелю и дожидался въ оной госпои по обыкновенію приказныхѣ служившей, которые не рѣдко принимающѣ пакѣ челобитчиковѣ. Дѣло уже подходило къ обѣду, Неохѣ увидѣлѣ у себя въ комнашѣ пяшь человекѣ, которые были не послѣдняго званія въ городѣ. Онѣ съ великимѣ восхищеніемѣ поворачиваясь на поспелѣ, просилѣ ихѣ, чтобы они сѣли; вскорѣ пошомѣ и сѣ излишкомѣ наполнилась его комнаша; вчера обѣщали шолько чешверо, а терерь человекѣ и до пятнадцати уже набралось. Шькоторые изѣ нихѣ пришли прямо пообѣдашь, по шому что желудки ихѣ были опорожнены; а въ другомѣ мѣснѣ можешѣ бышь нужды не имѣли запасшисѣ шоловою провизіею; а другіе пожаловали согласясь посмѣляшь надѣ хозяиномѣ; знали они, что онѣ бѣденѣ, слѣдовательно думали, что ему иъчемѣ ихѣ попошчивашѣ; а о присланныхѣ ошѣ шешки деньгахѣ были не извѣстны.

Неохѣ вопервыхѣ началѣ передѣ шим извиняшьсѣ, что въ вечеру сдѣлалсѣ

ему жестокой припадокъ, и такъ принималъ онъ по утру лекарство, которое привело его въ превеликую слабость и не позволяешъ вснать съ постели; просилъ онъ, чшобъ гости его съли, и когда находились уже все по мѣсамъ, но вмѣсто шого, чшобъ приказанъ поднесши имъ по чаркѣ водки, какъ обыкновенно бываешъ передъ обѣдомъ, надулъ онъ философическіе органы, и началъ предлагашъ имъ нозую систему о свѣшъ. Все голодное собраніе не заснѣчивымъ образомъ докладывало ему, что такія безконечныя задачи предлагаются послѣ обѣда, и что когда желудокъ въ хорошемъ здоровьѣ, шогда и разумъ бываешъ поняшиѣ. Неохъ вздохнулъ чрезвычайно немоглымъ образомъ, и говорилъ имъ такъ: Государи мои, видя меня въ шаконъ слабости и почти уже при послѣднемъ издыханіи, удовольствуйше нѣсколько мое желаніе; вы мнѣ все прѣятели, а у прѣятелей легко все выпросишь можно; помнише ли, одинъ премудрый человекъ сказалъ, что вино помрачаешъ разумъ, а у меня за шлоломъ его будешъ весьма довольно, и такъ набравшись его, не такъ уже бу-

Част. III.

К

деше вы здраво разсуждать о свѣтѣ. Гости хотя и голодны были шакъ какъ волки, однако захошѣли бышь учпивы. Чшобъ не потревожить больнаго, слушали мнѣнїе его часа съ шри, шолько увидѣли изъ его разсужденїй, чшо система его и до завшренняго дня не умолкцелъ; и шакъ большая половина вспавши и поблагодари хозяина за хлѣбъ и за соль, пошли искашь обѣда гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, шолько не въ такомъ, гдѣ вмѣсно онаго предлагающїхъ о свѣтѣ.

Ешо былъ чешвертой часъ по полудни, Неохъ осшавшимся у него госшямъ приказалъ поднесши по чаркѣ водки съ шѣкопорою весьма малаго рода закускою, копорая, чшобы не ушолляла ихъ голодъ, но больше бы приводила оной въ совершенство, и началъ съ новыми силами продолжашъ мнѣнїе свое о свѣшѣ. Ешо правда, онъ говорилъ очень красно и замысловато, и когдабъ гости его покушали, шо не поскучали бы слушать и цѣлые три дни. Солнце уже прищурилось и уснуло, мрачная ночь покрыва небо черною своею спанчею, можешъ бывать сыльные и роскошные граждае по

•лѣ ужины начинали уже и дремать, а гости Неоховы еще и не обѣдали; однако онѣ не переснавалѣ рассказывать, а обѣдѣ продолжалѣ скрываться; дурная шушѣ надежда покушашѣ, гдѣ во всемѣ домѣ ни одного куска хлѣба не видишѣ. И шакѣ еще нѣсколько человекѣ положивѣ шляпы подѣ мышки, вѣсивѣ со шульевѣ и поблагодаря ушивымѣ образомѣ хозяина за его угощеніе, пошли не обѣдавѣ искашѣ ужины. Тутѣ оспашѣлись шолько чешверо шѣ, которые обѣщались пришши кѣ нему обѣдашѣ; они говорили Неоху, шакѣ шы братѣ, шолько же богашѣ, какѣ былѣ и прежде и пошчивашѣ гостей своихѣ по старому своему обыкновенію? Однако чтожѣ дѣлашѣ, мы не винимѣ себя швоею бѣдностію, по крайней мѣрѣ вели намѣ дашѣ хопѣ хлѣба сѣ водою: новая швая система о свѣшѣ насыщашѣ нашѣ разумѣ, а желудокѣ безѣ пищи не соглашашѣся больше слушашѣ швом извѣшенія.

Неохѣ прыгнулѣ шотчасѣ сѣ постели, сбросилѣ вѣ одну минушу сѣ себя все больное плашѣе, и надѣлѣ здоровое, шоторое споило хорошихѣ денегѣ. Смотрите на меня, говорилѣ онѣ своимѣ прѣ,

ящелямъ , и узнайте теперь, въ какомъ я состоянїи; потомъ отворилъ боковыя двери, гости увидѣли въ другомъ покоѣ накрытой столъ; совсѣмъ не приличной бѣдному человеку. Неохъ сдѣлавшись хозяиномъ , просилъ ихъ весьма учтиво за столъ. Какъ скоро сѣли они за оной, то столько же числомъ вышло къ нимъ напудренныхъ госпожъ, которыя пошчасъ обошлись съ ними ласково, и также сѣли вмѣстѣ. Сдѣлалось за этимъ прїапельскимъ столомъ людей мужскаго и женскаго пола дважды по пяти, и такъ десять особъ. Всѣ они веселились другъ передъ другомъ лучше и задачнѣе. Неохъ пошчивалъ гостей весьма усердно , однако себя припомъ больше всѣхъ. Онъ зналъ очень хорошо Гусское обыкновение, что хозяину прежде всѣхъ надлежитъ быть пьяному , а безъ того и гости веселы быть не могутъ. Дурныя нынѣшнїя обыкновения, шутъ не мѣшались, гдѣ присупсировалъ пьяной Бахусъ и зардѣвшаяся Венера ; изрядное вино усладило мужской полъ, ибо они его черезчуръ усердно подтягивали, и принуждало уже нѣкопорыхъ и дремать, а въ женскомъ мозгу произ-

вело охоту панцованъ; тотчасъ заре-
вѣла не складно наснроенная музыка,
и пошли всѣ правильно ходитъ по ком-
натѣ; женщины снупали важно и за-
мысловапо, дѣлали прїятные виды и
ужимки, а мушнны ходили на ряхѣ, и
не рѣдко пошалкивали лбами на снупля
своихъ красавицѣ, что однако не исп-
ребило въ нихъ охоты къ пляснїю.
Онѣ предложили пьянымъ кавалерамъ,
чтобѣ начать прыгашъ голубца: тот-
часъ всѣ согласились и начали поды-
манъ ноги. Очень скоро въ одномъ углу
что то спукнуло; а снпо одинъ вселѣ
вспрыгнулъ не кшатѣ высоко, и уда-
рился зашылкомъ обѣ снѣну; потомъ въ
другомъ углу двое какъ то ненарокомъ
сподкнулися лбами и раскрыли себѣ
головы: однимъ словомъ, вездѣ подня-
лось головное сраженїе, и всякой чувст-
вовалъ себя пораненымъ. Тракширцикѣ
и нѣсколко другихъ людей сжалившись
надъ ихъ несройнымъ веселїемъ, за-
чали распаскиванъ ихъ по поспеламъ.
Когда уже сжалился надъ ними такой
человѣкъ, сѣ копорымъ честь и совѣспь
никогда не встрѣчающся, то мнѣ чело-
вѣку не шорговому и подавно надлежитѣ

оказать мое сожалѣнїе, и перестать описывать дурное и пьяное ихъ состоянїе, и ежели еще скажу я хоть словъ пятьдесятъ въ сей вечеръ, то дожидая омаго перебыются они всѣ до смерти. И такъ окончимъ съе ихъ веселїе и оставимъ ихъ въ покоѣ, дадимъ окончишь по Венерѣ, чпо началъ Бахусъ; попомъ услышимъ, чпо, заговоряиъ они на другой день, въ шо время, какъ начну я рассказывать прешей вечеръ Нехова приключенїя.

ГЛАВА XVIII.

ВЕЧЕРЪ 48.

Продолженїе сказки о рожденїи тафтяной мушки.

Гости и хозяинъ оставивъ постели охнули раза по три, иной о поверхносни, а другой о внутренносни головной, для шого что головы ихъ какъ опъ вниз, такъ и опъ сраженїя изрядно были попревожены; однако остатками опъ вчерашней пирушки напудрили они

въ полпьяна ихъ и кыйъ : и такъ расставшись съ Граціями, пошли всѣ куда каждаго должносць позывала. Неохъ какъ скоро появился въ Университетъ, шо приняли его шамъ всѣ какъ осьмое чудо ; вчерашніе его госпи хохотали глядя на него ; иной хвалилъ его вино, которое онъ пилъ за споломъ, другой кушанье, и шакъ далѣе. А какъ бывшіе у него увѣрили сихъ , чшо они пошчиваны были вправду весьма великолѣпно, шо перемѣнили они смѣшную рѣчь на учпивую , и начали привѣтсшвовашъ Неоха единсшвенно шолько для шого , чшобы онъ позвалъ и ихъ къ себѣ въ госпи. Неохъ понявши сію загадку, не преминулъ просишь ихъ завпрешній день къ себѣ ошкусашъ ; всѣ были ради и гшповились съ превеликимъ восхищеніемъ. Какъ шолько масшало обѣднее время, шо всякой спѣшилъ, чшобы пришпи ему первому и захвашишь онъ Неоха большую почестъ ; наконецъ всѣ собрались , и за великолѣпнымъ споломъ ешоль подвеселились, чшо имѣли много случаевъ къ хорошей между собою дракъ ; нбо диспушовались они на Латинскомъ языкѣ о многихъ шрудныхъ вещахъ. По

окончаніи стола Неохъ всталъ прежде всѣхъ, взялъ шляпу, и вынувъ половину золотой тривны далъ хозяину, говоря при томъ, что онъ очень хорошо доволенъ спивуемъ всякаго за деньги; поблагодаривъ его, пошелъ потомъ домой. Пьяные госпи имѣли полную власть подкованъ Неохову поспупку съ хозяиномъ къ своему избавленію; а какъ они встали и хотѣли итти вонъ, то хозяинъ докладывалъ имъ, чтобы они заплашили каждой за себя за кушанье: иные безъ отговорки заплашили, узнавъ каково покушанъ прошивъ воли у Неоха, а другіе спорили и плашили не хотѣли; по шрактирщиковы отважные къ кулашнымъ поединкамъ слуги уговорили ихъ къ томъ разнаго рода оплеушцами. Пирушка эта кончилась печально, и для того въ городѣ смѣялись сколько, сколько кому за благо разсудилось; извѣстно, что слезы бываюшъ причиною смѣха, а смѣхъ передко бываетъ причиною плача.

Я бы могъ говорить и еще о нѣкоторыхъ приключеніяхъ, которыя Неохъ учинилъ памяшными въ своей жизни; однако знаю, что какъ бы дѣла велики

яны были, да ежели произведены онѣ молодымъ человекомъ, то онѣ большаго числа высокихъ людей принимаются съ презрѣніемъ. И такъ, чипобъ такимъ низкимъ повѣствованіемъ не причинишь скуки. важному уху, оставляю я другія приключенія; ибо довольно знаю, чипо наши молодые граждане охотнѣе читають романы, нежели сказки. Сверхъ того уже время приступилъ мнѣ къ насмѣяющему дѣлу, и показатъ то, въ чемъ есть необходимая нужда касающаяся до сей самой сказки.

На двадцать четвертомъ году Неохова возрасла упрямое его счастье, которое всегда онѣ него убѣгло, и даже до сихъ поръ никогда съ нимъ не встрѣчалось, явилось ему въ полной силѣ, и вознесло имя его и его самаго на высокую степень. Я знаю, какимъ образомъ, да и вы легко уведомишесь, пришевелъ онѣ, ежели не поскутите слушать дала.

Когда утомонится солнце, и граждане начнутъ называть время это вечеромъ, Неохъ имѣлъ обыкновеніе прохаживаться по городу или для того, чтобъ принять хорошаго воздуха, или

для той причины, что въ безденежномъ состояніи сидѣшь дома очень скудно. Въ нѣкоторое прѣшное вечернее время шелъ онъ по улицѣ, копорая знаменита была изъ всего города, вдругъ ошановилъ его по голосу человѣкъ, а по платью пылкое живописное, наследникъ покойнаго Меркурія, а именно, скороходъ, кошорой подавъ ему письмо съ превеликою поспѣшностію ушелъ изъ его глазъ, не сказавъ ему ни слова. Неохъ пѣ мошря на письмо увидѣлъ, что оно подписано на его имя, ничего о томъ не думая распечашалъ его и началъ читашь; оно было слѣдующаго содержания:

„ Неохъ, завтра послѣ полудни въ
 „ восьмомъ часу долженъ шы бышь за
 „ городомъ подлѣ дуба Рапана, (*) и
 „ дожидашься того, что я тебѣ назначу.

покор. слуга твой незнакомый.

Естьли бы Неохъ былъ волокиша, то бы конечно прочитавъ сіе письмо

(*) Сей дубъ имѣлъ отъ города разстояніа изъ одну версту, и шуть обыкновенно прощались съ тѣмъ человѣкомъ, кошорой выѣжалъ изъ города: короче сказать, были шуть разстани, такъ можетъ бышь онъ сего дубъ получилъ сіе имя.

испугался, и подумалъ, что пишешъ се-
кѣлему какой нибудь соперникѣ, и на-
значиваешъ мѣсто, на которомъ бы по-
щekoшннл его нѣсколькo шпагою; од-
нако Неохъ былъ весьма далекъ отъ
шайки нарцнзовъ, и не зналъ еще со-
всѣмъ ни любви, ни волокншы; сверхъ
же шого въ Новгородѣ не слышно было
шогда о поединкахъ. И такъ онъ дн-
вился шолько шому необычайному и
нечаянному случаю, и предпрнвлъ ожи-
данш назначеннаго ему времени съ не-
шерпѣливосншо. Онъ же не былъ изъ
числа шѣхъ людей, кошорые бѣгають
по дворамъ высуня языкъ отъ нешер-
пѣливосши, и разсказывають всѣмъ лю-
дямъ шо, что имъ сказано отъ другаго
за шайну. Пришедши въ Университетъ
не сказалъ онъ никому о своемъ при-
ключенн, а предчувснвовалъ, что съ
ешой минушы будешъ онъ дѣйснвую-
щнмъ лндемъ въ шомъ романѣ, кошо-
рой сочинншелю пишашъ за благо раз-
судилось. Неохъ шеперь въ полнш его
власши, и онъ будешъ повелѣвашъ имъ
шакъ, какъ своимъ невольникомъ, мо-
жешъ одѣть его въ снпранную одежду,
надѣнешъ на него золошой кирасъ съ

желтою епанчею, на голову дасишь ему бѣлую чалму съ желтыми полосами, лице покроешь чернью и вздвигнешь въ уши ему вмѣсто серегъ по крупной жемчужинѣ, вручишь ему лукъ, а за плеча колчанъ со стрѣлами, подпояснешь его экваторомъ, и оботынешь платье зодіакомъ вмѣсто позумента, и такъ покажешь его людямъ собраніемъ чешырехъ часней свѣта, или еще и больше. Ежели соизволишь, дасишь ему скипетръ и посадишь на престолъ, свѣргнувши съ онаго заключишь въ шемницу, дасишь ему любовницу и опять ошъвишишь оную, сдѣлаешь изъ него превращеніе, и пошлешь выше облаковъ къ солнцу; а ежели сойдесть съ ума по общему обыкновенію писателей романовъ, шо повернешь землю вверхъ дномъ, и сдѣлаешь его какимъ нибудь баснословнымъ богомъ; ибо онъ романиста все невозможное спашься можетъ; а я, продолжая расказикъ, какъ сказываю сказку, шо безъ всякихъ пышныхъ украшеній буду продолжать мое повѣствованіе съ начала. На другой день, когда настало Неоху назначенное время, шо онъ прибрался нѣсколько порядочнѣе обык-

новениаго, и пошелъ на то мѣсто, гдѣ долженъ былъ ожидать неизвѣснаго. Препроводивъ съ полчаса на ономъ времени, увидѣлъ, что шершавые въпры подняли великую пыль въ полѣ, попомъ нѣ густыхъ земныхъ облаковъ означились шестъ живошныхъ четвероногихъ, копоры шацили за собой не весьма дурную карешу. Сидящій на козлахъ кучеръ съ гордыми усами и съ важнымъ видомъ повелѣлъ оспаноринься лошадямъ шушь, гдѣ Неохъ дожидался; пошомъ вчерашнй скороходъ подошедъ къ нему говорилъ слѣдующее: Государь мой, мнѣ приказано просить шебя, чтобы ты поѣхалъ въ ешой карешѣ, а куда, объ епомъ мнѣ сказывать не вельно; согласишь ли ты на шо, примолвилъ онъ: со всею охотою, ошвѣчалъ ему Неохъ. Очень хорошо, продолжалъ зашой, должно вамъ шеперь завязать глаза, а мнѣ сидѣть съ вами въ карешѣ, и смолрѣшь, чтобы вы ихъ не развязывали. Неохъ при семъ словѣ разсмѣялся; онъ никогда не сочинялъ ни сказокъ, ни романовъ, а такъ подумалъ, что въ самой вещи начинается съ нимъ какая нибудь ве-

села повѣсиль, или забавное приключеніе. Нѣмѣ на свѣтѣ швари онѣважнѣе Спуденша во всякомѣ не извѣстномѣ случаѣ; а какѣ Неохѣ изѣ такихѣ людей былѣ не выродокѣ, то шолчасѣ и согласился. Скороходѣ не только одинѣ глази, но всю голову опушилѣ ему полошномѣ, которѣе онѣ сѣ собою привезѣ; по чему видно, что рачительнѣо приказаніе исполнилѣ того, кому эшо надобно было. Когда Неохѣ помѣсшилѣе со скороходомѣ вѣ карешѣ, то ешошѣ романтической, или по проснѣ, дурацкой маскарадѣ вѣдилѣ часа сѣ два по неизвѣстнымѣ Неохѣ мѣшамѣ, которѣе время все прохохоталѣ незрячій Спуденшѣ. Онѣ воображалѣ себя, что сдѣлалѣе героемѣ глупой сказки, или вздорнаго приключенія, по шому что начало неизвѣстнаго случая казалѣе ему смѣшнымѣ и не обыкновеннымѣ. Ежели надобно шому, кѣ кому меня везушѣ, думалѣ онѣ, незрячаго, такѣ вѣ нашемѣ городѣ довольно найдешѣ слѣпыхѣ; можно бы одного изѣ нихѣ вѣ эшо употребилѣ, а по я, размышлялѣ онѣ, которой вижу обѣими глазами, долженѣе заступилѣ безѣ нужды мѣсто слѣпаго.

Наконецъ размышляя долго попалъ онъ на истинной путь разума, и узналъ, что писатель романовъ желая привести читателя въ восхищеніе, получишь громкую славу, присвоишь себѣ Пегаса, и получишь Парнасской лавръ, не только это, но и на воздухѣ палаты построишь можешь, ежели только захочешь.

Карена остановилась, Неоха изъ оной приняла, и повели по лѣстницамъ на высокое крыльцо. Онъ шелъ поддерживая двумя человекъ, которые сказывали, какъ должно ему подымать ноги по мѣрѣ сдѣланныхъ ступенекъ. Сіе отважное живописное помиралъ со смѣху въ то время, и жалѣлъ о томъ, что ногъ своихъ не выучилъ ходить по ступамъ, а то бы слушая голосъ проводниковъ и по тому ихъ произношенію поднималъ ноги иногда выше, а иногда опускалъ, или бы двигалъ оныя равно, смотря на восклицанія провожаемыхъ. Ведя очень долго, наконецъ остановили его и развязали ему глаза; онъ увидѣлъ себя въ маленькомъ покоѣ, въ которомъ не было ни одного окошка, и весь освѣщенъ былъ бѣлыми свѣчами, стояла въ немъ великолѣпная кровать, сподъ ѿ

иѣсколько самыхъ мягкихъ и покойныхъ креселъ, также стѣнные часы удивительной и рѣдкой работы, на стѣнахъ были зеркала и картины, а полъ покрытъ былъ зеленымъ сукномъ. Сіе описываю я для того, что сочинитель романовъ долженъ бытъ непременно историкъ, и не упускаетъ ничего, что принадлежитъ до вранья и басенъ; а ежели онъго мы, хотя я и не въ числѣ оныхъ, романисты употреблять не будемъ, то скоро всѣ люди потерюшъ къ намъ должную честь, и шрудами нашими будушъ обверпывать купцы шовары, а пешимешры завивать волосы. Скороходъ просилъ Неоха, чшобы онъ сѣлъ и подождалъ хозяина, о кошоромъ увѣрялъ, что пришии на замедлишъ. Неохъ безъ всякаго шруда угадашъ могъ, что это дѣло важно и шребуешъ великой осторожности: того ради не хотѣлъ и спросить объ имени хозяина, и ошался шупъ одинъ. шолько, безъ всякаго шраха. Чшо же онъ думалъ объ этомъ, я не вѣдаю, хотябы и должно было мнѣ описать его смущеніе и движеніе сердца; но сочинители романовъ, ежели видѣшъ гдѣ непоняшное ихъ уму, то всегдѣ

да оставляютъ то безъ описанія, чтобъ не шибко много невѣжество ихъ открывалось передъ шими, которые починаютъ ихъ разумными и учеными.

ГЛАВА ХІХ.

ВЕЧЕРЪ 49.

Продолженіе сказки о рожденіи тафтяной мушки.

Очень скоро вошла къ немъ женщина въ черномъ плашѣ и въ мазкѣ. Она имѣла благородную осанку и очень хорошее положеніе плѣда, только видно было это, что она уже была не любовница, и онаказала се названіе другимъ, которыхъ ея нѣсколько помолдеже. Неохъ какъ скоро увидѣлъ на ней черное плашье и маску, то подумалъ, что дѣлаешся съ нимъ Овидіево превращеніе; а въ доказательство того ожидалъ, какъ она заговоритъ, стихами, или прозою; и ежелибы она хотя одну рифму сказала, то бы онъ конечно подумалъ, что старинная неодушевленная и нелогія

Часть III.

Л

хочешь воскреснуть теперь передь его глазами. Она вошедши привѣспивовала его самымь чувспивительнымь образомь, или такь какь всякая женщина принимаешь весьма надобнаго ей мушину, то есть, такого, которой вознамѣрился обожать красоту ея и разумь. По учиненіи съ обѣихь сторонь обыкновенныхь учспивостей сѣла она въ креслы, не позабыла также просить о томь и Ешуденна. Ты, господинь Неохь, говорила она, вчерашній день получиль письмо, и думаю, что не мало удивился его слогу, также не меньше я думаю, удивишь ся и швоему сюда прѣвзду; дѣло это важно, и шребуешь весьма великой осторожности; и ежели бы шы зналъ, въ какомь шы теперь домь, то бы конечно сказаль, что мы еще не довольно осторожно его предпринимаемь. Писалъ хь шебѣ женщина; она дѣлаешь тебѣ свою преданность и препоручаешь себя хь швоимь услугамь; а какь шы человекь довольно знающій свѣпскія обыкновенія, то, думаю, короткое мое описание обьяснило швоему понятію все наше шребованіе. Я понялъ, сударыня, что значашь швои слова, онвѣспиво-

валъ ей съ поспѣшливостію Неохъ; понимаю и то, продолжалъ онъ, что съ вашимъ предпріятіемъ начинается мое благополучіе; я человекъ такой, изъ котораго вы все сдѣлать можете, что только похотишь; я могу быть самой нѣжной Адонидъ, проворной Меркурій и искусный шряпчей; буду за вашими дѣлами ходить съ такимъ усердіемъ, какъ будто бы за моими собственными. изволишь только выговорить, что вамъ онъ меня надобно. Послѣ сихъ словъ женщина усмѣхнувшись говорила Неоху: ты очень проворенъ на языкъ, только шаковъ ли въ самомъ дѣлѣ. Клянусь шебъ пламеннымъ Чернобогомъ и всѣми адскими богами, что я надѣлаю еще больше, нежели ты думаешь. Потомъ женщина подала ему золотую шабакерку, наполненную золотыми деньгами: вошь шебъ, сказала она, начало явного снизхожденія; да еще еще не что иное, какъ только предвѣстіе къ тому благополучію, которое для тебя назначено. У насъ есть рѣка, которая течетъ золотомъ; и ты можешь всегда изъ нее черпать, когда только захочешь, только будь проворенъ и не заснѣчивъ.

Неохъ былъ внѣ себя, когда трепещущими руками принималъ подарокъ, и восшоргъ, произшедшій въ немъ отъ золота, помѣшалъ порядочно возблагодарить свою благодарительницу. Етому вы удивляться не должны, продолжалъ сказывальщикъ, ибо деньги имѣютъ великую силу надъ нашимъ сердцемъ, а писанель романовъ еще большую. После сего разговаривали они очень долго; хипрая эпа женщина старалась имъ узнать Неховъ разумъ, его скромности и проворство, которыя всѣ потребности были въ предпріятіи ими дѣла; однако напала она не совсѣмъ на просняка. Онъ съ своей стороны старался примѣнить свою судьбину, и вывѣдывалъ изъ ея ошвѣповъ, въ какую должность назначенъ онъ будетъ. Женщина какъ бы хипра ни была, но въ нужныхъ случаяхъ показываешь свою слабость, и прошивъ воли ошкрываешь тайны, которыя одной только ей вѣдать бы надлежало. Сверхъ же того Неховъ имѣлъ очень хорошее лице, сипанъ презрѣдней, разума съ лишкомъ и вольные поступки; прошивъ шакого предмета и Пенелопино постоянство вѣрно

бы поколебалось. Онъ между учтивыми рѣчьми спрашивалъ у нее, кто она такова, чей зпощъ домъ, и кто его просилъ съ себя для свиданія, однако не получилъ на то никакого отвѣща. И такъ поговоря о пользѣ любовнаго приращенія, о движеніи любовныхъ планетъ во внутренности еспрасивныхъ людей, о Купидоновой сферѣ и о другихъ прочихъ явленіяхъ на Венериномъ небѣ, позже нежели въ полночь распались. Неоха опять отвезли такимъ же образомъ, какимъ и привезли, и приказали въ наступающей день въ томъ же часу и на томъ же мѣстѣ явиться, напоминая припомъ ему о скромности, какъ ешакъой вещи, безъ кошорой ни одинъ человекъ въ свѣтѣ прожить не можетъ, ниже самъ сочинилъ романовъ.

Неохъ вступалъ въ Университетъ богатымъ, не смощря на то, что часовъ съ пять тому назадъ вышелъ изъ него бѣднымъ. Счастіе вселлепся и въ ослабную голову, да иногда еще и скорѣе; такъ ешо не удивительно, что оно встрѣшилось съ Неохомъ, да удивительно то, что съ разумнымъ человекомъ; такого досшоисша люди, миѣ

кажется, при рожденіи получающѣ что праго, чшобѣ весь свой вѣкѣ изытншь ся бѣдчыми и не имѣшь учасшя въ рѣдкихъ и блестящихъ металлахъ. Какъ скоро пришелъ онѣ дѣмой, то высылалъ на сполѣ деньги и посипѣвалъ шзбакерку, призвалъ своихъ шоварищей, и говорилъ имѣ: Друзья мои! Я шенерь богатшѣ, когда прохаживался по городу, то встрѣнился со мною богѣ богатшсша и подарилъ мнѣ эшо сокровище; всѣ начали его празднвалншь, и казалось, какъ буднщѣ бѣ предцрлнли уже его и починншь; чего деньги не сдѣлающшѣ. Неохѣ изволилъ шушѣ обманушься, и наполнился великою радосшю, шого ради послалъ за хорошимѣ виномѣ; въ одну минушу комнаша его наполнилась бунылками, а не много погода всѣ Сшуденшы и ученики наполнились хмѣлемѣ; шушѣ ничего болше не слышно было, какъ шолько: другѣ и прѣшель. Прешроводили они всю ночь въ семѣ веселомѣ упражненш; сонѣ позабылъ совсѣмѣ эшу веселую компаню, и не входилъ нѣ нимѣ въ комнашу. Во время всего празднссша деньги и шзбакерка лежали на сполѣ; иной правдивой и

поспоянной человекѣ подходилъ къ нимѣ и бралъ ихъ, почиая Неоха должникомъ своимъ прежде; другіе брали ихъ на собственныя свои нужды, обѣщая послѣ возвратити; а нѣкошорые, имѣвъ къ шому время и мѣсно, пробовали себя, могутъ ли они искуснымъ образомъ украсити; и шакъ къ упру не оспалось ни одной копѣйки. Золошая шабакерка во все ешо время переходила изъ рукъ въ руки; иной хвалилъ се самое, другой выхвалялъ искусство масшера, шрешій благодарилъ шого, кшо се подарилъ Неоху, и шакъ далѣе. Наконецъ замѣшалась она во множествѣ пальцевъ и отъ пошнихъ рукъ шакъ много пошускла, чшо послѣ ее уже и увидѣти было не возможно. Такимъ образомъ скончала она пребываніе свое у Неоха.

По упру, когда просиулся шпороватой Сшуденишъ, шо увидѣлъ, чшо онъ ешодько же богашъ, какъ былъ и прежде; слѣдовашельно не имѣлъ и шого, чѣмъ бы ушодити пары, кошорые подымались въ его головѣ ошъ вчерашней пирушки. Сшрасити скупыхъ людей и соболѣзнованіе о деньгахъ въ одну ми-

ишу родились въ его сердцѣ; онъ пре-
 клиналъ себя, укорялъ безуміемъ и не-
 оспорожностию; однако утомившись
 нѣсколько, ибо онъ еще не совсѣмъ былъ
 изъ числа нешороватыхъ, предпріалъ по-
 ступашь впередъ повоздержіе; но со-
 всѣмъ шѣмъ препроводилъ весь день въ
 превеликомъ сѣтованіи, такъ какъ са-
 мой исправной мошѣ, или снрастной
 картежной игрокъ. Когда же настало
 ему назначенное время, то поспѣшилъ
 онъ на то мѣсто съ неперпѣливымъ
 желаніемъ; по счасію его тамъ уже
 его дожидались, и съ такимъ же обря-
 домъ, какъ и прежде привезли въ пошъ
 домъ.

Съ четверть часа сидѣлъ онъ одинъ
 въ шой комнашѣ, и безпокоился весьма
 много какъ воображеніями, такъ и го-
 ловою, кошорыя дѣлали его совсѣмъ
 неспособнымъ къ изъясненію мыслей.
 Вошла наконецъ къ нему женщина въ
 мазкѣ, однако это была не вчерашняя
 его благодѣтельница; прелести ея про-
 никали и сквозь безобразное прикрытіе.
 Она была споль складна станомъ, что
 Неохъ не видалъ во всемъ городѣ такъ
 прекраснаго положенія тѣла. Руки, ко-

торыя онѣ могѣ безпрепятственно ви-
 дѣшь, довольно удобны были и одиѣ
 пронуть еще не страшное Неѣхово серд-
 це; платье на ней было презрядное,
 да и такое, какѣ буди по бы сама любовь
 старалась оное украсить, и сами Граци
 шили его своими руками, и предста-
 вилась она ему не инаковой, какѣ всѣ
 нѣжности и прѣшности служили сей
 земной богинѣ. Похмельной Сшудемшѣ
 какѣ скоро ее увидѣлѣ, но не ожидавѣ
 такого предмета ошолбенѣлѣ, и не-
 мѣшался нѣсколько вѣ разумѣ; онѣ самѣ
 не чувствовалѣ, что глаза его прикова-
 ны кѣ красавицѣ, а онѣ кѣ тому шулу,
 из кошоромѣ сидѣлѣ. Сѣя прелесница
 должна была ему напомнить, что бы
 онѣ сдѣлалѣ ей учшivosнѣ. Неохѣ у-
 слышавѣ сѣе, какѣ буди по бы отѣ
 крѣпкаго сна пробудилсѣ, вѣ одну
 минушу пропало его смущенѣе и безпо-
 койство; онѣ пришелѣ вѣ нѣкоторую
 шшылдливую робоснѣ, принялся за учши-
 выя слова и за модные поклоны, искалѣ
 оправдаться острыми выдумками и ош-
 борными сочиненѣями рѣчей: и словомѣ,
 старался всѣмѣ, чтобы исправилѣ
 свою непростишельную погрѣшность;

а складно ли онъ говоритъ, то услышите вы въ началѣ пятаго вечера сей книги, ежели я не поскучу сказывать, а сочишпель производитъ продолжашь сию книгу; ибо онъ еще не скучитъ, и чѣмъ больше пишеть, тѣмъ больше родится въ немъ охота продолжашь сїи сказки.

ГЛАВА XX.

ВЕЧЕРЬ 50.

Продолженіе сказки о рожденіи тафтяной мушки.

Государыня моя! такой худой поступокъ мой ни чѣмъ инымъ извиненъ бышь не можеть, какъ врожденнымъ снизхожденіемъ вашему полу: я не сомнѣваюсь, что сколько вы прелесны, то столько сердце ваше ижно и снизходительное; припишите его, сударыня, моему удивленію, а не незнаемой мою неучивости. Я какъ скоро васъ увидѣлъ, то сдѣлался неподвиженъ; ежели бы вы не столько были прелесны,

то первое сіе свиданіе не сдѣлало бы такъ великой во мнѣ перемены. При-
знаюсь вамъ, что красота являла и мое
удивленіе сдѣлали меня безсловеснымъ.

Извѣстно, что такія привѣщившія
женщины принимаютъ съ превеликимъ
удовольствіемъ и радостію, и что онѣ
для нихъ пріятнѣе, нежели шонъ, ко-
торой ихъ выговриваетъ. Кто въ ны-
нѣшнемъ вѣкѣ имѣетъ еще дѣло,
чтобъ угодить модной шеголихѣ, то-
му безъ сомнѣнія отворены все безчи-
сленныя двери Венерины храмы, и онѣ
всякое въ свѣтѣ благополучіе получить
могутъ, чему ясное доказательство у-
видимъ мы и въ Неохомѣ похождения
Владимира, такъ называлась пришед-
шая госпожа, слушая его слова поза-
была совсѣмъ маленькое неудовольствіе
оказанное ей Неохомъ, и при семъ пер-
вомъ случаѣ оказала ему снотъ вели-
кую благосклонность, которая ни съ
чемъ сравниться не можетъ. Въ чемъ
же она состояла, то сіе вѣдую я одинъ,
да сочиню, и не только всѣмъ, но
и вамъ того не открою, ибо его дѣ-
ло не богатое: такъ живучи въ свѣтѣ,

надобно бытъ сколько нибудь поскромнѣе. Чшо жѣ Владимира поступила шакѣ рѣшиво въ любовныхъ упражнеціяхъ, шо еше произошло отѣ шого, что она была дѣвушка свѣшская и знала больше, нежели бы ей надобно было; читала романы, и изѣ нихъ научилась презираншъ людей, и передо всѣми гордишья: узнала почишашъ за бездѣлицу нужныя вещи, и пользовашья шѣмѣ, что запрещашъ сшудѣ и благоприсшойноешъ; уразумѣла, какѣ пересѣхашъ своихъ сесшерѣ, да шолько шѣхъ, которыя ее умнѣе; поняла, какимѣ образомъ презираншъ свою вѣру и ошечешиво, а любишъ чужесшранныхъ обманщиковѣ: и словомѣ, все шо, что принадлежишъ до разврашшой шеголихи. Сверхъ же шого Нсохѣ былѣ какѣ разумомѣ, шакѣ и лицомѣ не дуренѣ, а прошивѣ шакого предмета нынѣшняя жекешкая добродѣшель какѣ малая шросешъ прошивѣ вѣшра шашашъся. Много бы мы шеряли, ежели бы всѣ дѣвушки и женщины были шакѣ заснѣчивы, какѣ бывали онѣ въ спарину. Сшудѣ и благоприсшойность, сѣи два не смосные варвара, хошя не всѣми, однако многи.

и совѣмъ уже истреблены; и мы же нынѣ рѣдко имѣемъ ещо несчастіе, шобъ увидѣшь у дѣвушки въ лицѣ траску въ шо время, когда мущина изъявленіѣ ей свое желаніе. Кажешся мнѣ, что природа по временамъ перемѣняешся, ещо шитосшное бремя ложится на насъ по шому, что мы начинаемъ бышь спыдливѣе женщинѣ. Знакомешво у рѣшивой къ любви дѣвушки съ опважнѣемъ. Сшуденпомъ въ одну минушу взошло на высокую спешень, и начали они сшоль дружно другъ друга осязать, какъ будто бы спаринной супругъ съ древнею сожшительницею; а нынѣшнѣ люди, которые обязуются бракомъ совѣмъ не съ шѣми мыслями, гораздо къ шому неспособны, и для шого примѣромъ я ихъ здѣсь не посшавилъ. Чшожъ они еъ сѣ время говорили, шого посшавить здѣсь не разсудилась мнѣ за благо: ещо бы одно сѣсшавило ужасной величины книгу, кошорую бы за огромношю я чаю никшо чшшань не спалъ. Сверхъ же шого любвицы въ такомъ случаѣ говоршѣ корошко, но прѣшшо; смушно, но чувспвительшо; шнхо, но голосъ сшхъ Сш ешѣ

проходимъ во внутренность нату и касается сердца; не понятно, но разумъ нашъ скорѣ всего понимаетъ ихъ загадки; онъ рѣчей не начинающъ, и о концѣ оныхъ никогда не думающъ, а мы догадываемся, начинаемъ и оканчиваемъ, и съ такимъ усѣхохъ, что всегда попадаемъ на ихъ мысли, чему въ доказательство служилъ еще, что между множесва наукъ не видимъ мы науки любовныхъ дѣлъ, но въ оныхъ учились нашъ сама природа; разумъ переводчикъ сердца нашего, а глаза исполкователи нашего желанія. Слѣдовательно описаніе ихъ разговора мало бы принесло увеселенія, а можемъ бышь подало бы случай къ соблазну, чего весьма опасаясь, осмивляю оное безъ всякаго изъясненія.

Почомъ вошла къ нимъ Навѣра, надзирательница Владимирна, и сказала ей, что оццѣ ся спилъ уже въ свою волю. Ну, шкъ мы теперь безопасны, говорила Владимира, и можемъ цѣлую ночь наслаждаться прѣшностиами безъ всякаго помѣшательства. Время уже намъ уведомить Неоха, продолжая сна, почомъ обо, осившись къ не-

му говорила : Я дочь первосвященника Чернобогова, и дыю его домъ, въ которомъ ты находишься теперь. Сіе говорила она уже безъ маски; а когда ее скинула, шого я не видалъ, ибо не все въ свѣтѣ усмотрѣть можно; Неохъ услышавъ ея слова задрожалъ, сердце его окаменѣло, кровь засшыла, и онъ не зналъ, что и ошвѣчать, ибо первосвященникъ былъ въ то время спрашите и самаго ужаснаго ширана; и ежели не лѣсныя жрецамъ, выговоришь самую правду, то они шакъ и пошупали съ народомъ для шого, что правление онымъ было въ рукахъ первосвященника, которой всегда казался благополучнымъ и набожнымъ; однако проливалъ шолько человѣческой крови, сколько Волховъ приносишъ прибыли въ шо мѣсно, въ которое онъ впадаетъ, и можно было примолвишь шушъ пословицу. , Въ „ шихомъ омушъ больше черши ведушъ „ ся. „ Владимира примѣшивъ не обычайную перемѣну въ Неохъ, узнала шощасъ, сколько ошецъ ся милъ и пріятенъ народу, и для шого шщралася какъ возможно ободушъ унылаго любовника. Она изъивляла шо знаками,

что сердечное чувствовала отвращеніе къ своему онцу, и желала, чтобъ освободиться отъ него какимъ нибудь легкимъ и не подозрительнымъ случаемъ. Она уже начинала презирать его и искала всегда своей воли; а чтобъ, сдѣлавшись госпожею надъ своими поступками, по горю была на все согласна; ибо нѣтъ ничего прѣятнѣе женщины, какъ господствовать надъ другими, а самой ни отъ кого не зависѣть; и отъ сего произошло, „ что у бабы волосы „ долги, да умъ коротокъ, „ . Въ нынѣшнемъ вѣкѣ не рѣдко видимъ мы такіе примѣры, и такъ вы слушатели должны освободиться отъ удивленія, ежели вы до него охотники. Неохъ уразумѣвъ ея желаніе, въ пущее пришелъ отъ него помѣшательство, такое усердіе къ родителю вселило въ него совсѣмъ противныя прежнимъ мысли; а Владимира подумала, что сіе его смущеніе значить согласіе, обрадовалась весьма поному, и предлагала всѣ свои сокровища ко услугамъ своего заблужденія; а какъ дѣло пришло къ тому, чтобъ принимать ему довольно оныхъ изъ рукъ Владиміриныхъ, тогда уже находился

онъ въ полномъ и совершенномъ разумѣ, чему въ доказательство служишь эю, что онъ не ошибся, и положилъ ихъ въ шопъ кармаиъ, копорой свободенъ былъ онъ книгъ и ошъ бумаги. Первое сие свиданіе имѣло у нихъ двойной успѣхъ: возвысили они свою любовь до такого градуса, что заспѣчивые и робкіе любовники не могли бы и въ три года сего исполнить. Другое, что сдѣлали нѣкошорой изрядной заговоръ, о копоромъ я умолчу, чтобъ не осрамишь жаднаго къ деньгамъ Смуденша и маломную красавицу. Въ семъ согласіи надзирапельница была главною особою, и она давала всѣ пошребныя къ шому наспавленія двумъ нашимъ глупымъ любовникамъ, и все сие предпріятіе дѣлося по ея наученію. Наконецъ началъ уже показывашься день, и прекрашилъ ихъ увеселеніе и согласіе. Время перешло плаа въ надъ сими неншовыми въздыхашедями, и Неола ошвели домой по обыкновенію, а Владимира и Навѣра зашлашли шо ушру, чѣмъ должны были онъ ночи.

Заглянемъ шенерь въ Университетъ, что дѣлаешъ нашъ новомодной любов-

Часть III.

М

никѣ; онѣ опять впустился опорожнить бушылки: по яному видно, что его никакая мораль удержатъ отъ вина не можешъ. Его окружающъ всѣ тѣ же ярилшели, копорые и первому его подарку оказали честь: съ почтеніемъ. Онѣ, какъ надобно думать, изъ того числа людей, копорые вмѣсто Сомна и Морфея употребляютъ Бахуса; ибо онѣ одинѣ увеселяешъ лучше наши мысли, нежели тѣ двое: Снуденшъ не спалъ всю ночь, шолько и утро не принудило его успокоитъ свою природу; онѣ жерпвовалъ равно какъ Афродитшъ, шакъ и Минервѣ; однако всѣ сѣи божества собравшись вмѣстѣ, успокоила наконецъ усерднаго Бахуса въ обѣщаннхъ сладкаго и крѣпкаго сна.

ГЛАВА XXI.

ВЕЧЕРЪ 51.

Продолженіе сказки о рожденіи тафтяной мушки.

На другой день Навѣра не умедлила ранѣ проснушья; она не только

что была надзирательницею надъ Вла-
димирую, но управляла сверхъ того
всѣмъ домомъ; и такъ, чтобъ не по-
терять о себѣ хорошихъ мыслей, дол-
жна она была противъ воли бодрство-
вать и казаться, что ей ничто спать
не мѣшало. Женщина сія имѣла видъ
набожной и добродѣтельной старухи;
казалась всегда важна и поспоянна,
кротость и смиреніе написаны были на
ея лицѣ; но всѣ наружныя свойства не
согласовались съ ея сердцемъ, которое
было къ зависти склонно, коварно и
гошова было все неисшное предпріятіе,
только бы вышелъ изъ того какой ни-
будь прибытокъ. Тѣ люди весьма сча-
сливы, которые изряднымъ наруж-
нымъ видомъ могутъ прикрывать всѣ
свои испуренія бездѣльства, и въ нихъ
самой разумной и прозорливой человекъ
обмануться можетъ, ибо лица насъ ча-
сто обманываютъ. Первосвященникъ хо-
тя и всегда разсматривалъ испурен-
ности жершвеннаго скопа, и узнавалъ
по онымъ произволенія боговъ; но во
испуренности сего коварнаго скопа не
могъ онъ усмотрѣть того яду, кото-
рой гошовило ему сіе злобное сердце;

Онъ столько былъ увѣренъ въ сей старухѣ, что никогда не сомнѣвался, чтобъ дочь его могла поперять честь и благоприсойность подъ смотрѣнїемъ сей ехидной Горгоны. Воспитанїе и часное обхожденїе съ людьми весьма много дѣлаютъ переменны въ нашихъ нравахъ, а особливо когда мы еще не въ совершенныхъ лѣтахъ: каковы предводитель, таковы бывають и шѣ, которые слѣдуютъ его примѣру. Владимира заняла онъ Навѣры всѣ нѣ дурныя качества, которыя ее еще въ молодыхъ лѣтахъ уже испортили. Какъ скоро она просмулась, то надзирательница начала выхвалять ее любовника съ презерикимъ воспоргомъ. Она описывала его такими красками, чтобы всякая добродѣтельная женщина согласилась на время оставить честь и благоприсойность. Такія усердныя надсмотрщицы великую власнь имѣютъ надъ дѣвушками, и своимъ совѣшамъ на все привести ихъ могутъ. Епѣ правда сударыня, говорила она Владимірѣ, что ты не ошиблась въ своемъ выборѣ, но то человекъ, какъ ешашенъ, хорошъ, уменъ, и мнѣ кажется, что часъ отъ часу я больше

вхожу въ немъ пріятности; а что довольно похвалить въ немъ не можно, шакъ ащо шо, что онъ въ угодность женщинъ все въ состояніи сдѣлать: подлинно сокровище ты получила; я говорю чистосердечно, что я с парухой будучи, конечно бы все въ его удовольствіе сдѣлала. Владимира слушая сіи слова была въ превеликомъ восшоргѣ и благодарила Павлу, что она помощію ея сдѣлалась благополучною.

Что говорили онъ о первосвященникѣ, шо я къ стыду и посрамленію срой надзирашельницы и малоумной красавицы шого не извѣсню; ибо знаю, что подверженныя равному съ ними пороку, кошорые еще до исполненія своихъ предпріятій почищаются людьми изрядными, не съ большей охотою оное слушашь будучи, и шакъ желая освободиться отъ нареканія, умалчиваю о всѣхъ ихъ неисшосвахъ, а буду говорить шолько о шомъ, что можно безъ большой къ нимъ независи внесши въ сію книгу. Когда уже опредѣлили онъ себя во всегдашнія любовныя упражненія, шо не бывали никогда розно съ Неохомъ, кошорому хопя и говорила час-

шо совѣсть, но свѣшдая монета дѣла-
ла всегда ей зашмѣне; когда же умо-
кли въ немъ честь и добродѣшель, то-
гда и онъ согласился на несповное пред-
пріятіе; все уже было къ иному гошо-
во, только недоставало одного, что
рокъ не приближался къ тому, чьей
искали они смерти.

Первосвященникъ имѣлъ обыкновеніе
каждой вечеръ прохаживаться въ своемъ
саду. Навѣра согласилась съ Неохомъ
такъ, что она спрячетъ его въ удобное
и зноемое ей мѣсто; когда же ночь бу-
детъ въ полной силѣ и всѣ успокоюш-
ся, то она удержавъ долѣе обыкновен-
наго въ саду спарика, подведетъ къ
Неоху, и чтобы онъ шотчасъ его засп-
рѣдилъ. Пьяной и опважной студентъ
не долго размышлялъ на сіе согласишь-
ся, и начали всѣ ожидать съ радостию
вечера. Сбираясь на такое храброе и
похвальное дѣло, Неохъ не позабылъ
хорошенько запастись Бахусовыми при-
пасами; ибо въ нихъ только въ одинъ
и полагадъ онъ всю свою надежду и
опвагу. Когда насталъ вечеръ, то над-
зирашельница пошпеннымъ проходомъ
провела Неоха въ садъ, и тамъ его спря-

пала , сама пошла подзыватьъ перво-
священника прогуливаться ; а госпожа
Владимира осналась въ своихъ покояхъ
въ превеликомъ смущеніи , и просила
боговъ , чшобѣ они смягчили праведной
свой гнѣвъ , и не жестоко бы наказали
ее за ея беззаконіе.

Первосвященникъ съ надзирапельни-
цею прогуливались въ саду довольно
долго ; и когда настало время къ испол-
ненію ихъ намѣренія , тогда Навѣра под-
вела его къ иному мѣсту , въ которомъ
Иеохъ находился. Тотѣ , какъ скоро у-
слышалъ шумъ подходящихъ къ нему
людей ; шо такъ испугался , что бы
гошовъ былъ и самъ въ ту же минуту
заспрѣлился ; однако подхватилъ ружье
и выспрѣлилъ изъ него потчасъ ; хмель,
страхъ и противящаяся судьба ошвра-
тили пулю ошѣ первосвященника , и
язградили ея госпожу надзирательницу
въ лобъ ; она перемѣнила сшричка , и
вмѣсно его сошла въ Плушоново владѣ-
ніе и поселилась шамъ на вѣки. Сіе зна-
чипѣ : Не копай для друга ямы , самъ
попадеши въ нее прежде. Первосвящен-
никъ испужался и упалъ на землю пе-
чувствившелемъ , и шакъ дозволилъ Иеоху

убрашья изъ саду благополучно, кошорой идучи думалъ, что безъ сомнѣнїя переселилъ его душу въ царство мертвыхъ. Страху и смущенїя тогда уже съ нимъ не было, и онъ готовъ былъ хотя десятокъ такихъ похвальныхъ дѣлъ надѣлать: того ради съ превеликою радостїю прибѣжалъ ко Владимиру, и объявилъ ей кончину ея отца. Владимира залилась тогда слезами и бросилась въ постель, и казалась такою дочерью, которая бы никогда не согласилась на ошнїяшїе жизни у своего родителя. Женщины шакъ искусно припворяшья умѣюшъ, что правды и неправды никогда изъ нихъ не выведася. Можешъ бышь и въ нынѣшнемъ вѣкѣ есш такїя, которыя не ошказушя послѣдовашь Владимиру, шо я дѣйствительно знаю, что онъ возненавидяшъ меня за сїе ошсанїе; однако и шо мнѣ извѣсно, что всѣми никогда любиму бышь не можно. Я живу подъ покровищельствомъ судьбины, слѣдовательно она мой защитникъ. Наружная Владимирна печаль ни мало не согласовалась съ сердцемъ, и шакъ въ одну минушу кончилось ея шенанїе; а когда

вообразилъся ей всѣмъ увеселеніямъ, которыми она теперь безпрепятственно наслаждаешься можешь, то какъ будто бы по неволѣ взглядывая на Неоха, начинала она съ пріятностію улыбаться. Догадливой любовникъ видя ее въ маленькомъ смущеніи, принялся шопічасъ за философическія морали, и началъ извинять свой и ея поступокъ сильными доказательствами. Онъ говорилъ, что врсжденное въ насъ челоѡколюбіе требуетъ иногда того, чтооь опнять жизнь у ближняго въ то время, когда онъ становится несносенъ свѣту, упѣсняетъ людей, и ведетъ весьма порочную жизнь. Словомъ, онъ наговорилъ ей столько, что она почла шо добродѣтелью, что доспойно всякаго наказанія. Такъ мы уже теперь счастливы, говорила она съ вѣскопрымъ робкимъ восхищеніемъ Не чу, и намъ уже ничто помѣшать не можешь въ нашихъ увеселеніяхъ. Признаюсь тебѣ, что я до сихъ поръ жила такъ, какъ въ темницѣ, и была невольницею богатства моего и природы. Нравливой мой отецъ никогда не хотѣлъ, чтобы я показалась свѣту, и всегда старался скрыть ме-

ня отъ всѣхъ людей самымъ тиранскимъ образомъ ; а теперь я чувствую всѣ удовольствія , какія только выдумать можно ; къ подтвержденіюжѣ того столько имѣю богатства , что могу построить при Египетскія пирамиды , ежели только вздумаю ; и дѣйствительно опредѣлили было они на Волховскомъ берегу поставить при большія пирамиды ; но слѣдующія приключенія воспрепятствовали ихъ предпріятію , и такъ Россія до сихъ поръ осталась безъ того украшенія .

Теперь надобно намъ , сударыня , обойти всѣ пакы , говорилъ Нехъ и осмотрѣшь , что въ нихъ есть ; надобно все перепечатать , чтобъ не распало ; Навѣра я чаю уже тамъ , и намъ должно быть съ нею вмѣстѣ . Жадность жаслѣдниковъ къ полученію богатства столько велика , что никакое перо описать ее не можетъ ; и ежели бы они захотѣли признаться , то бы мы увидѣли всѣ тѣ худыя слѣдствія , которыя могутъ испортить и самаго добродѣтельнаго человека . Когда вошли они въ кабинетъ первосвященниковъ , то Нехъ съ жаднымъ восторгомъ смо-

шрѣлъ на всѣ шѣ вещи, копорыя ему попадались, и чѣмъ которая спонла дороже, шѣмъ больше приводила его въ ненсшовое восхищеніе. Онѣ починалъ уже ихъ своими собственными, и вноелъ для памяти въ записную книжку, также не позабылъ внести нѣкошорыя и въ карманы для запасу на первой случай. Ибо человекѣ при полученіи множесива богашсшва всякесе порочное пахальсшво сдѣлать въ сосшояніи. Чесшь бѣдныхъ людей не сполько шверда, сколько людей богашныхъ; ешо я разсуждаю какѣ такой человекѣ, кошорой желаетѣ угодншъ свѣшу, и ежели мнѣ прикажушѣ, шо я въ угоднесшъ моихъ злзкомыхъ едѣлаю предисловіе къ ешой книгѣ въ двашцашъ чешыре шомз, и вшмѣ докажу, что я на все согласенѣ.

Неохѣ не пересшавалѣ осмашривать мнѣніемѣ свое имѣніе, помѣщалѣ его въ карманы, какѣ возможно усерднѣе, а Владимира спаралася прибрать важныя записки покойнаго родителя; и когда находились они въ семѣ расположеніи, шо два служилеша ввели подѣ руки пришедшаго въ чувсшво шарика. Какѣ скоро взглянули они другѣ на

друга всё шрое, то всё равно ошполбе
нѣли и сдѣлались безсловесны; перво-
священникова должность была опамя-
товаться прежде всѣхъ, онѣ шакѣ и
сдѣлааѣ; спрашивааѣ Неоха, какѣ не
званаго госпя, какиаѣ образомѣ зашѣаѣ
онѣ вѣ его кабинешѣ, и какую имѣаѣ
кѣ тому нужду? Студеншѣ принимался
много разѣ отвѣчать на его вопросѣ;
но не могаѣ ни поворошншѣ языка, ни
собрашѣ воихѣ мыслей; ибо страхѣ и
опчаянше владаѣ имѣ больше, нежели
краснорѣчше и моральная Философя.
Первосвященникѣ изѣ такого большого
его смущеня могаѣ заключншѣ, что онѣ
быаѣ учаешникомѣ вѣ исканяи его смер-
ши, вѣ чемѣ и не погрѣшилѣ прошиаѣ
чести и добродѣтели.

ГЛАВА XXII.

ВЕЧЕРЪ 52.

*Продолженше сказки о рожденяи
тафтяной мушки.*

Кѣ великой прискорбношши такого
ошца, кошорой любилѣ дочь свою

чрезвычайно, долженъ былъ онъ признать и ее участницею изготовленной ему гибели. Шарикъ проливая горькія слезы спрашивалъ у Владиміры, что понудило ее возсичъ прошивъ ошца, и забывъ страхъ Божій, некашь его смерти? Владиміра не могла ничего отвѣчать ему на сіе, и была въ ужасномъ испуленіи; она смо рѣла на ошца опчаяными глазами, и азалася, какъ будно бы совсѣмъ лишалась употребленія разума. Первосвященникъ велѣлъ ее проводишь въ ея покой, и какъ возможно стараться о приведеніи въ чувство; а Неоха, какъ шакого госпя; кошорой безъ зову посѣтилъ его кабинетъ, приказалъ онъ опорожнивъ его карманы проводишь къ .рецамъ въ показную, и шамъ весьма за крѣпкимъ караулѣмъ содержишь до разобранія дѣла, и чшобы никого къ нему не подпускашь, шакого бы званія кшо ни б лѣ. Служивели первосвященниковы не весьма учшиво провожали Неоха до храма Чернобогова, и уговаривали его самымъ не полищичнымъ образомъ, по есшь, пощечинами и оплеушинами. Солнце шому свидѣтель, что они расколоши-

ли ему всю голову, и весь воздухъ тогда наполнилъ былъ жалоснымъ воплемъ. Они уже были въ оградѣ храма Чериобогова, какъ вспрѣшился съ ними шонъ жрецъ, которому должно было заключить Неоха въ шемницу и принудить его къ покаянію, что жрецъ шѣлъ немедленно и учинилъ. Неохъ идучи въ присподнюю, укорялъ свою судьбину, и говорилъ такъ: Лъшное и не справедливое счастье, шы мнѣ показалося на часъ или для шого, что бы омерзѣшь передо мною, или для шѣй причины, чтобы поругашься мною. Я зналъ и прежде, что знаки швоего снзхожденія лживы и не долговѣчны; они показывающяся людямъ не имѣвъ начала, слѣдовательно бѣдшвенное окончаніе всегда гошова; нѣшъ къ свѣпѣ перемѣчивѣе себя и въпреннѣе; кто желашъ получить швою благосклонность, шонъ не аная и не чувсшвшельно ищешъ своей гибели и падешъ съ шобсю на дно злоключеній; можешъ ли шы бышь хорошимъ проводникомъ, когда шы слѣпо; можешъ ли бышь воздержаніемъ, когда шы не умѣренно; можешъ ли бышь спасеніемъ, когда шы зависшливо шакъ,

какъ Гарпія? Однако при всемъ епомъ ты мамъ милѣе всего на свѣшъ. Сіе нравоученіе посмѣливо шушъ не кстапъ; но епо самое и красота книги, стихи украшаешъ; ифма, а романы или сказки украшаются нравоученіемъ поставленнымъ не кстапъ, и еще больше, какъ заяшымъ изъ какого нибудь хорошаго сочиненія.

По правиламъ сочиненія романовъ или сказокъ въ семъ мѣсшъ должно описывать разлуку любовниковъ, какъ они проклинаяшъ свою жизнь, желаюшъ всякой часъ смерти, ищущъ чемъ заколонься, но въ ошчаянтіи не находяшъ, желаюшъ прекрашшъ оную ядомъ, но ядъ не скоро уморишъ, и такъ ошдумывающъ, шеряющъ наконецъ всъ свои чувства, и вмѣсто обморока засыпающъ и спяшъ до шѣхъ поръ, покамѣсшъ шеряющъ желаніе къ смерти, и вздумаяшъ начинашъ жить снова хошя и безъ любовника. Но я послѣдую лучше здравому разсужденію и буду сказывать шо, что больше съ разумомъ и съ природою сходно. Смерши не шакъ весело ожидать, какъ свадьбы; и для шото Неохъ не спѣшилъ увѣнчашься земляною діа-

димою; сверхъ же того зналъ онъ и еще, что онъ мнѣ весьма надобенъ для продолженія моей сказки, а сочинилъ для продолженія книги; я же человекъ не прикизной, следовательно есмь во мнѣ сожалѣнъ, и причиною его смерти бытъ мнѣ не должно. Могъ бы я послѣдовать нѣмъ сочинителямъ, которые желая украсить свое изданіе какими нибудь важными случаями, грошающъ по цѣлой арміи въ суши; но я не желаю заиречь Адонида въ Марсову колесницу, и Венеру никогда не опдамъ въ солданы, какъ многіе еще дѣлающъ подъ разными видами; знаю, что безъ разума удивляшь людей, знакъ подлой души и неспособнаго пущомели.

Ошчаянной человекъ подобенъ тому, котораго шонешъ въ морѣ, и что ему ни кинь, онъ за все хващается, и во всемъ полагаешъ свою надежду и спасеніе: равно и Нехъ находясь въ заключеніи выдумывалъ всякіе способы къ своему избавленію, но всѣ оныя казались ему слабы; наконецъ совѣтуя самъ съ собою очень долго, нашелъ одинъ случай, которымъ безъ сомнѣнія надѣлся освободиться изъ шемницы.

Тотъ жрецъ , которой его заключилъ въ оную , былъ не извѣстенно скупъ ; и упражнялся больше въ собираиіи богатства , нежели въ церковныхъ сѣрдахъ ; чинъ его ѣле мѣшалъ ему утѣснять людей , оснимать ихъ имѣніе и проливать слезы. Онъ часто вступалъ въ приказныя дѣла , и смиреннымъ образомъ оснималъ насильно у другаго имѣніе сосѣмъ ему не принадлежащее , часто доносилъ на многихъ духовныхъ особъ не правильно , и тѣмъ получалъ себѣ половину ихъ имѣнія. Впрочемъ часто поучалъ на каедрѣ народъ , и больше , чшобъ имѣли любовь къ ближнему , такъ какъ сами къ себѣ , и извѣснялъ сїи слова съ такою крѣпостію , какъ будто бы онъ самъ никакому пороку подверженъ не былъ. Много было такихъ людей , которые держали его сторону , и ни подъ какимъ видомъ согласишься не хотѣли , чшобы онъ имѣлъ какое нибудь свѣтское приспращіе. Неохъ дѣйствительно былъ увѣренъ въ себѣ , что онъ всякаго человѣка склонить можетъ на свою сторону , а особливо ежели узнаетъ его приспращія. И такъ позвалъ къ себѣ шемничнаго приспав-

Часть III.

Н

ника, и велѣлъ доложить жрецу, что онъ имѣлъ до него чрезвычайную нужду, и что нужда эта времени не перепиетъ; Имэй, такъ назывался жрецъ, услышавъ сіе отъ присланика, приказалъ привести передъ себя Неоха, котораго принялъ грубымъ видомъ и суровыми словами, потомъ выславъ всѣхъ воиновъ, ожидалъ отъ невольника изъясненія. Неохъ ставши передъ нимъ на колѣни и принявъ на себя смиренный и опечаленный видъ, говорилъ ему такъ: Великій священникъ Чернобоговъ, я вижу, что я противей богамъ, и жизнь моя въ скоромъ времени скончается, но должно мнѣ показаться во всѣхъ сдѣланныхъ мною согрѣшеніяхъ и просить тебя, чибобы ты молишвами твоими предстательствовалъ о мнѣ великому Чернобогу. Во время вчерашняго жертвоприношенія во храмъ отошелъ я на другую сторону каплицы, гдѣ увидѣлъ прекрасную дѣвушку, которая умоляла великаго Чернобога со слезами, чибобы не давно умершему ея брату облегчилъ наказаніе во адѣ. Я вслушавшись въ ея слова дерзнулъ на непросимельной грѣхъ, вошелъ

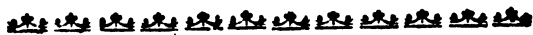
весьма осторѳжнѳ вѳ каплицу, при-
крытѳ будучи завѳсами оныя говорилѳ
божескимѳ голосомѳ, что я намѳреѳ
посѳшнѳ еѳ нынѳшнюю ночь, и пока-
затѳ ей все мое снизхожденѳе. Услы-
шавѳ мои слова пришла она вѳ вели-
кое замѳнашельство, а наконецѳ при-
шедѳ вѳ радости обѳщала принести мнѳ
золотую жертву у себя вѳ домѳ. Но мнѳ
уже теперь никакое сокровище не надо-
бно, и я желалѳ бы только, чтобѳ
грѳхѳ сей мнѳ былѳ опущенѳ. Имай
при семѳ словѳ усмѳхнулся, и вмѳсто
строгаго нападенѳа на Неоху, хвалилѳ
его изрядную выдумку. Правда, гово-
рилѳ онѳ съ веселымѳ видомѳ, что ша-
кое дерзкое предпрѳянѳе достойно вса-
каго наказанѳа; но шакому молодому че-
ловѳку, какѳ ты, нѳсколько прости-
пельно; я бы хотѳлѳ посмотреѳть еѳу
весьма суевѳрную дѳвушку, не для обѳ-
щанной тебѳ корысти, но единствен-
но только для того, чтобы вывести еѳ
изѳ заблужденѳа. Неохѳ уразумѳвѳ еѳ
вѳгадку, говорилѳ ему: отецѳ Имай,
ежели изволишь, я тебе провожу кѳ
оной, долѳгѳ твой того требуешь, что-
бы ты исправлялѳ людей впадающихѳ

въ прегрѣшенія. Жрецъ съ превеликою радоспїю на сіе согласился, и начали они пригошоваляться.

Неохъ выпросилъ у Имая жреческое плашье, надѣлъ его на себя, чшобъ удобнѣе и безъ подозрѣнїя изъ монастыря могъ выпши. Имай прибрался нѣсколько попорядочнѣе; ибо въ немъ не одна страснь къ прибышку дѣйснвова-ла, но вселилось нѣчто и другое, и такъ выступили они за ограду Чернобогова храма. Неохъ привелъ жреца къ нѣкошорому большому двору, и просилъ, его, чшобы онъ нѣсколько подождаль, а онъ поиделъ и увѣдомилъ хозяина о пришеснвїи къ нимъ в ликаго Чернобога во плоши. Онъ зналъ, чшо дворъ стоилъ былъ проходной, и шакъ убрался благополучно, а жрецу оставилъ надежду и пишулъ самаго израднато дурака. Въ городѣ оспашься ему ни какъ было не возможно, и шакъ не дожда. свѣпн поручилъ себя произволенїю судьбины, и сдѣлался въ первой разъ пушешеснвенникѣмъ въ свѣчѣ; можешъ бышь сдѣлалъ онъ сіе по необходимости, а можешъ и въ угодноснп сочиннпеля; все спашься можешъ. Имай

дождался съ превеликимъ нетерпѣніемъ и гошовилъ оказать свое краснорѣчіе, чтобъ имъ больше походить безсмертнаго. Въ семъ его веселомъ воображеніи прошла уже вся ночь, онъ увидѣлъ свѣтъ, и съ нимъ узрѣлъ вмѣстѣ, что онъ обманутъ, и что всего ему было досаднѣе, такъ то, что въ пакомъ почтенномъ чину и въ глубокой старости весьма искусно одурченъ. По чему видно, что старость и высокіе чины не дѣлаютъ насъ разумными; они производятъ только къ намъ въ другихъ почтеніе, а дурачества нашего у насъ они отнять не могу. Онъ столько озлился на незнаемаго имъ Неоха, что въ шужь минушу гошовъ былъ позабыть все свое смиреніе и растерзать его на части; и дѣйствительно бы се сбылось, ежелибы Неохъ ему попался въ руки: ибо со жреческою злобою и ехидна сравнишься не можешь. Они не такъ, какъ мы просолоудины, злясь до шѣхъ поръ, покаместъ положатъ его во гробъ, и засыпаютъ землею; но другіе говорятъ, что они и во адъ не забываютъ своего свирѣпства. Однако какъ бы шло было, а Имай принужденъ былъ воз-

вратиться домой, и принести въ оной вмѣсто золотой жершвы превеликую досаду и огорченіе. Онъ предпріялъ сказашь, что невольникъ разломалъ двери и ушелъ изъ-подъ караула; ибо другаго не вздумалъ ничего къ своему спавданію.

ГЛАВА ХІІІ.

ВЕЧЕРЬ 53.

Продолженіе сказки о рожденіи тафляной мушки.

Солнце съ воспоку сыскало дорогу на небо, а Неохъ изъ города не могъ найши оной до Ильменя озера; но языкъ до Кіева доводишъ. Онъ находился въ пути два дни, и обшедъ на другую сторону озера, присшалъ къ жрецамъ Лздина храма. Сіи роскошныя живописныя усомшра въ немъ опмѣнную онъ прочихъ добродѣтель; ибо онъ весьма способенъ былъ ко всякимъ острымъ выдумкамъ и разнымъ удивительнымъ хитросшямъ, приняли его въ свое со-

общество, и удостоили получить ему равную съ ними часть отъ жертвы. Посвящать его было не надобно, ибо онъ и безъ того имѣлъ на себѣ жреческое платье; и такъ сказалъ имъ о себѣ, что онъ жрецъ и перемѣнилъ имя. Съ этихъ поръ будешь онъ именоваться Вишолшаромъ до времени. Жрецы когда уже удостоили его бышь своимъ товарищемъ, то не были они ни въ чемъ сокровенны, и объявляли ему все безъ всякой застенчивости. Въ иѣкопной день послѣ келейной трапезы, которая изрядно подвеселила ихъ чувства, начали они ошкры⁴ пься отцу Вишолшару другъ передъ⁶ другомъ усердиѣ; одинъ говорилъ, что онъ еодержишь на своемъ иждивеніи прекрасную дѣвушку, которая въ угодность его живешь очень не далеко отъ ихъ храма, и копорую пощцаешь онъ ночью; другой рассказывалъ, что получаешь великую благоклонность отъ одной управительской жены, и всегда бываетъ у нее въ то время, когда мужъ выезжаетъ изъ дому; третій хвалился, что онъ весьма счастливъ въ иѣкопной знашой госпожѣ, у которой по поспамъ отправляетъ до-

мовую службу; иной говорилъ, что онъ влюбленъ въ молодую Секретарскую жену, и за большую ея благосклонность намѣренъ выпросить мужу ея Ассессорской чинъ, что уже ему и обѣщано; еще нѣкопорой говорилъ, что будто онъ управилъ одного приказнаго служителя въ ссылку за то, что тотъ препешивовалъ ему имѣть свиданіе съ его женою; словомъ, они наговорили Внидолпару сколько много, что ежелибы описать все подробно, то вѣе сочиненіе соизвило бы Арабскую библіотеку, которой, какъ сказываютъ, нѣкопорой своейравной владѣлъ шесть мѣсяцовъ топилъ свои комнаты. Но наспояшель какъ чиномъ, такъ и любовными дѣлами превосходилъ всѣхъ прочихъ; онъ сказывалъ, что монастырскіе доходы дѣлишь на три части, одну употребляетъ на храмъ, другую беретъ себѣ на собственныя свои нужды, а третью шраптишь на содержаніе нѣкопорога числа благородныхъ дѣвицъ, а именно: только на двухъ. Онъ живущъ великолѣпно, говорилъ онъ, имѣющъ множество слугъ, довольно карещъ и лошадей; въ домъ ихъ бываетъ собраніе старухъ, женщинъ

и двѣвухекъ набожныхъ: шутъ ни о чемъ больше не говоряшъ, какъ о богословѣ; всякой день полкуютъ библію и хощяшъ переложить ее на сѣихи. Важныя и замысловатыя женщины дѣлаютъ нравоученія мущинамъ, и сочиняютъ великую книгу о посюяснѣ въ прошивноснѣ : всѣмъ свѣщскимъ Авшорамъ ; а чпобъ книга сѣя имѣла опличность отъ другихъ, шо первой шомъ хощяшъ онѣ напечатанъ розовыми чернилами , другой зелеными , а шрешій , кошорой буденъ не шолько важенъ , какъ первый, шобснаго цвѣта краскою. Мнѣ кажешся , что сѣи женщины, продолжалъ расказъ къ , нѣсколько замѣшались въ разумѣ, и не худо , ежели бы онѣ спросились о напечатаніи своей книги у нѣкопорыхъ здѣшнихъ еще новомодныхъ сочиншпелей , изъ копорыхъ одинъ видѣлъ Аполлона въ Валдаяхъ , и хощенъ на сей случай сочинить героическую поему , въ началѣ кошорой думаенъ скинуть съ Гомера сандаліи и обушь его въ лапши. Другой дѣлаенъ комедію стихами подъ именемъ „ преселеніе боговъ „ изъ Фессаліи на Волгу „. Въ первамъ вступленіи оной носяшъ работники

землю , кладущь ея въ кучу , и шѣмъ старающа сдѣлать Олимпъ ; все первое дѣйствіе продолжается въ сей работѣ ; ибо складывающь большую гору весьма много надобно времени ; сверхъ же того обѣдающь , ужинающь , ложатся спать , и во снѣ бредящь работники снѣнками ; въ концѣ же сего дѣйствія поющь они Русскія пѣсни вмѣсто Италіанскихъ арій , копорья сочинилъ сдѣлалъ съ Италіанскаго и Французскаго манера на Русской ладѣ весьма не складно .

Во второмъ , по окончаніи горы планирующь имъ за работу , и копорому дано меньше , поющь съ превеликою нассѣєю говорящь большей монологъ , и укоряющь въ ономъ человѣческое беззаконіе ; а шѣ , копорые довольны , что заплачено за труды ихъ безъ всякаго извѣстія , пляшущь на шапрѣ , изъ чего составляется нѣкоторое подобіе балъна ; и шѣмъ кончилось второе дѣйствіе . Въ третьемъ , приходятъ боги въ разныхъ и смѣшныхъ одеждахъ , копорое украшеніе означенъ сочинилъ разумъ ; жалуются чрезвычайно на безпокойство , копорое они претерпѣли

въ дорогѣ; иной говоритъ, что спервѣ
 енѣ больно ногу, и хочешъ сдѣлаться
 больнымъ; другой говоритъ, что онѣ
 уже и такъ боленъ: ибо весьма много
 гресилудился, и не въ состоянїи сидѣшь
 на деревенскомъ Олимпѣ. Во всемъ семъ
 дѣйсвіи слышно сшешанїе и вопль;
 мушѣ поюшѣ печальныя арїи, кошорыя
 сочинишель взялъ изъ песенъ и изъ
 другихъ сочиненїй разумныхъ Авшоровъ;
 ибо по правиламъ комедїи шренше дѣйс-
 ствіе должно бышь печально и украше-
 но крадеными стихами и мыслями. Въ
 чешвертомъ, Авшорѣ желая показашъ
 все театральное великолѣпіе, выпус-
 каешѣ богинь, кошорыя вмѣсто спа-
 ринныхъ колесницѣ выѣзжаютъ на пе-
 ашрѣ на купеческихъ чешвероколесныхъ
 дрогахъ и на прешошнихъ деревенскихъ
 лошадяхъ, кошорое все досшалось со-
 чинишелью по наслѣдшву. Въѣздѣ ихъ
 приключишся при огромной музыкѣ,
 кошорая сосшавляешся изъ вѣлынокъ,
 рожковъ, балалаекъ и рылей; пошомъ
 сходяшѣ онѣ съ колесницѣ, османшриваютъ
 новое мѣсто, чрезвычайно имъ лю-
 буюшся, рвушѣ болошныя цвѣшны, и
 сдѣлаеш изъ оныхъ вѣшны, надѣваютъ

себѣ на головы, и вмѣсто зеркаловъ смотря въ непрозрачную болошнюю воду. Деревенскіе жители весьма радуясь ихъ принесенію, поштиваяшъ съ превеликимъ усердіемъ просиымъ виномъ и пивомъ, боги ошговариваются и пишь шого не хопяшъ: и сіе-шо сосназвляешъ самое лучшее всшупленіе въ комедіи, и можно сказашъ, что оно коронуешъ сочинителя. Въ пяпомъ дѣйсшвіи самъ Авшоръ являешся между боговъ на шеашрѣ, увѣнчанный словыми вѣшьями; ибо въ деревняхъ о лаврѣ не знающъ, да онъ же шого и не досшощъ. Сколько велико ешо поняшше и высокой замыелъ, шолько онъ малъ росломъ, и походишъ на самое не нужное самодвигалище; шрагическимъ образомъ и правильными шшхами, которые онъ въ случаѣ нужды дѣлашъ умбешъ, просишъ боговъ, что бы они позволши и ему жишь съ ними на Олимпѣ. Услышя сіе боги и богини начнушъ между собою великой споръ въ кошоромъ съ позволеніемъ сочинителя кричашъ весьма громко, изъ чего сосназвляешя душъ, шрѣо и кварпешъ, и сіе всшупленіе походишъ нѣсколько из оперш комикъ. Пошомъ угомонившисъ совѣшу

онъ между собою безъ всякаго крику, гдѣ же не слышно и музыки; наконецъ Юниперъ опредѣляеиъ ему жишъ на Олимпѣ, выковаривая приномъ сѣи слова: ежелибы онъ дерзнулъ просишъся на Фессалійской Олимпѣ, то за такую его смѣлосиъ превраишили бы его боги въ квадратшную черепаку, а на семъ Олимпѣ можешъ онъ жишъ безъ всякаго препяишсшвѣя; ибо шушъ большая половина навозу, и, да чего нышъ поезія его ичешъ изъ навозной Ипокрены. И такъ Авшоръ всходишъ на вершину горы, гдѣ кленешъ въ прозѣ передъ всѣми богами, что надѣлаешъ онъ премножесшво оперъ, а особливо важныхъ, и выправишъ совсѣмъ Руской азкѣ. Все сѣе драматическое сочишсѣе кончшся сочишшелевою паншомимомою; ибо онъ съ Олимпа прощяишъ къ зришселямъ руку, и сдѣлаешъ видъ весьма прискорбиный, чемъ изъвѣляешъ, что бы заплакили ему за работу.

Къ сему сочишсѣю сдѣлано у Автора предисловіе, въ котшоромъ онъ описалъ поколѣиіе свое такимъ образомъ: я родился въ небольшемъ Россійскомъ городкѣ, сшоящемъ на берегу рѣки Вол-

ги ; дѣдъ мой былъ столпъ стариннаго правовѣрїя и Кавалеръ алаго козыря, кошорой носилъ справедльцы на запылкѣ ; кафшанъ носилъ геометрической изъ коринтневаго сукна въ знакъ смиренномудрїя ; на рукѣ имѣлъ всегда перстень , кошорой не уступалъ древностию Кремлю городу, и въ кошоромъ задѣлана была весьма искусно часиль ногтя съ указательнаго перста пронополъ Аввакума ; борода его сосшолла изъ сорока осми волосѣвъ, и была она осмиугольная ; и онъ ушверждалъ , что въ такой бородѣ обитаешъ душа человеческая и всякой волосъ необходимой членъ въ нашей жизни ; усы имѣлъ изъ двашцати шесши волосѣвъ, и шакъ все было на немъ пропорціонально. Члюжъ до разума его принадлежишъ , шо онъ былъ весьма несравненной мужъ въ знадїи , и всѣ сшики , кошорые изпечатаны позади азбуки ; зналъ наизусшъ , и училъ оными другихъ ; узнавалъ людей по шапкѣ , кому одесную , и кому опую сшояли ; вѣдалъ , въ какой шапкѣ сидишъ сашанъ , и какой боишся. На Макаръевской ярманкѣ разсуждалъ весьма разумно о бородѣ и о усахъ , онъ чего

накопиль довольно имѣнїя, которыми пользуется теперь и сочинилъ; и словомъ, бывалъ шонъ мужъ вердъ, выключая церквей, куда не ходилъ имѣлъ онъ свои причины. Кто нюхалъ шабаль, то шѣхъ людей онсылалъ онъ безъ допросу во адъ. И шакъ Авиторъ сей приводилъ, что премудрость доспалакъ ему по изслѣдству, и пишеть онъ снѣхи по вдохновенію дѣдову, съ котораго въ Брынскихъ лѣсахъ списанъ пориришъ, и храниша весьма рачительно.

ГЛАВА XXIV.

ВЕЧЕРЬ 54.

Продолженіе сказки о рожденіи тафтяной мушки.

В скоромъ времени прѣхалъ изъ Новогорода присланной онъ первосвященника, которой обляеналъ онцу намѣстнику, что присланъ онъ шребованъ онъ лего пресвѣтника. И шилъ, говорилъ онъ, волею боговъ забодѣлъ, и не въ состоянїи увнщечать народъ для шого, что больной врачъ не можеть пользоваться

немоглыхъ. Приказано было готовиться ошцу Внидолшару, и вспупишь въ должносшь народного учишеля ; онѣ чего нѣсколькo было онѣ усумнѣлся, однако предсшавивѣ себѣ шо, что первосвященникѣ видѣлѣ его одинѣ шолько разѣ, и шо мелькомѣ, разсудилѣ, что шонѣ его не узнаешѣ ; а когда же пришла ему сѣя надежда въ голову, шо онѣ сѣ превеликою радосшю хонѣлѣ ошправинься, и ошправилѣся. Въ дорогѣ ничего сѣ нимѣ важнаго не случилосъ, ибо онѣ не былѣ изѣ числа шѣхѣ храбрыхѣ людей, кошорые находянсь въ дорогѣ, обижаютѣ кресшьянѣ по деревнямѣ, ошпымаюнѣ у нихѣ насильно лошадей, берутѣ сѣбѣшныя припасы и за нихѣ не плашянѣ, не имѣя кѣ шому ни малѣйшаго права, и послѣ ласкашели называюнѣ ихѣ людѣли добродѣпелными.

Внидолшарѣ прѣѣхавѣ въ Новгородѣ, позванѣ былѣ кѣ первосвященнику, кошорой срашивая его очень долго, похвалилѣ его разумѣ и знаніе : и шакѣ приказано было ему готовинься кѣ проповѣди приличной кѣ шому шоржественному дню, кошорой еѣ скоромѣ времени имѣешѣ наступишь. Новой про-

повѣдникъ не столько старался о поученіи, сколько о новомъ и порочномъ своемъ предпріятіи; ибо онъ опять взялся умершвишь первосвященника; а чшо его любовница еще здравствовала, о шомъ увѣдомишь сшоило ему не великаго труда. Онъ призывалъ къ себѣ жреца, кошорой опрекнись мѣра, не опрекся онъ денегъ, и любилъ ихъ шолько, чшо погибель ближнему сдѣлашь за деньги никогда не раздумывалъ; съ нимъ они согласились, какимъ образомъ, и чшо изъ шого послѣдовало, извольше слушаешь, примолвилъ сказывальщикъ, я буду рассказывать.

Слышали вы въ повѣсти о Сило-славѣ, чшо исшуканъ Чернобоговъ былъ пущою, и когда надобно было давань ошвѣны, шо первосвященникъ входилъ въ оной, и шамъ запирался, и говорилъ ушнами Чернобога; а послѣ, какъ онъ изъ него выходилъ весьма опорожно шо наполняли исшуканъ нарочно при-, гошовленнымъ къ шому подъ пресполомъ пламенемъ весьма въ скорое время по выходѣ жреческомъ, чшобъ шѣмъ доказашъ, будшо бы никого въ исшуканъ не

Часть III.

О

было. Когда насталъ тотъ торжественной день, и начали люди собираться въ храмъ, тогда Вицдолшаръ возшедъ на возвышенное мѣсто, поучалъ народъ весьма съ превеликимъ успѣхомъ при похвалѣ народной, и не только не знающіе его люди, но и сами его пріятели въ немъ обманулись. По сошествіи съ кафедры бросилъ онъ подъ престолъ Чернобоговъ, и шамъ изготовился совѣмъ въ своему предпріятію. Первосвященникъ находился уже въ исшуканъ, и готовъ былъ давать ошвѣны приснувшему къ нему духовенству и всему народу; но въ самое это время отецъ Вицдолшаръ запалилъ изготовленные подъ престоломъ горючія маперіи, и началъ жарить великаго жреца въ исшуканъ. Идолъ варевъ не по божески, а такъ, какъ просполудимъ подъ башогами. Первосвященникъ какъ въ немъ ни вершѣлся, однако принужденъ былъ вариться безъ всякаго разумнаго ошвѣна. Весь народъ пришелъ ошъ того въ превеликое помѣнашельство, великой страхъ и блѣдность изобразилась на ихъ лицахъ, всякой хшѣлъ подасть скорую помощь исшукану; но вся

кой и препещалъ причесунить къ оному; ибо какъ человѣческая сила можетъ подати помощь небесному жителю. Въ скоромъ времени идолъ поленѣлъ съ престола на полъ. Жрецы, чинящъ скръсть свое невѣжество, бросились весьма поспѣшно ухватить оной; но руки ихъ приварило въ раскаленной мѣди, и они закричали не складнѣ своего бога. Все сіе великое шоржество попоршилось, и походило больше на собраніе блуждающихъ людей, нежели на празднующихъ. Видалшуръ сочинивъ шаковую пошѣху, радовался, что произвелъ намѣреніе свое съ превеликимъ успѣхомъ, и сія радость была причиною его гибели. Сколько онъ былъ ни хитръ, однако позволилъ признаться другимъ жрецамъ, что приключеніе сіе не миновало рукъ его и желанія. Въ одну минушу безъ всякой худой размолвки взяли его, и посадили въ самую страшную шорьму, копорая находилась подъ городского снѣжною, и куда обыкновенно заключали плѣнниковъ. Тамъ онъ былъ свободенъ задумывать различные способы къ своему избавленію, и ничто ему не мѣшало

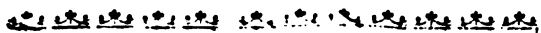
выпши изъ оныя , шолько препяиси
воелаа одна невозможности.

Томъ жрецъ , которой согласилс
со Внидолшаромъ , не меньше боялся
сколько и Внидолшрѣ ; дѣло сдѣлан
было вмѣстѣ , слѣдовательно и наказа
ниемъ наградили бы ихъ не розно . Он
былъ въ числѣ шого совѣша , которой
дѣлалъ приговоръ убійцѣ , и въ кошо
ромъ опредѣлено было смертию его каз
нить . Жрецъ совѣшовалъ шакъ , чшобѣ
скрышь сѣе онѣ народа , шо послать его
въ заточеніе на Валдайскія горы , и
тамъ уморить голодомъ . Все собраніе
на сѣе согласилось , и отправили пре
ступника на назначенное пми мѣсто
сѣ чешырю шѣдохранишелями покойна
го первосвященника ; ибо первой жрецъ
означалъ шогда и духовную и владѣше
леву особу . Не опѣхали она еше онѣ
города и десяти вершѣ , какъ увидѣли
что поспѣшаешѣ за ними гонецъ , ко
порой опведши Внидолшрѣ на шоро
ну , вручилъ ему тихимъ образомъ пшашѣ
десяшѣ золошыхъ гривенѣ , и сказалъ
пришомъ , чшо жрецъ шомѣ , которой
имѣлъ сѣ нимъ заговоръ , прислалъ ему
сѣя дельги на избавленіе , и чшобы Ли-

долша; ъ упопрѣбилъ ихъ въ свою пользу такимъ образомъ, какимъ за благо разсудилъ, и шакъ просмившись съ ними возвратился гонецъ въ городъ.

Внидолшарѣ получивъ шоликое сокровище, ни мало не умедливъ упопрѣбилъ его въ свою пользу, и въ первой деревнѣ, гдѣ они ночевали, условился онъ съ проворнымъ мужикомъ, чпобъ произвешн дѣло хорошимъ порядкомъ и избавишься ему оиѣ неволи. Дѣйствіе же сіе происходило шакимъ образомъ: когда всшали они по ушру и поѣхали въ пушь, тогда согласившійся со Внидолшаремъ мужикъ запрягъ хорошихъ шрехъ лошадей, и положилъ на возѣ сороковую бочку вина, поѣхалъ въ слѣдъ за ними. Доещитши ихъ началъ онъ весьма бошно бить лошадей кошоры бѣжали очень скоро, и шакъ мужикъ будшобы упавъ съ воза выдернулъ гвоздь у бочки, и осшался на дорогѣ, а лошади, какъ сшали обгоняли неволника съ воинами, шо были удержаны. Солдаты увидя, что вино шеченѣ бесполезно разземлю, подшавили шелошы, и мацѣдивъ въ оныя, оказали себя въ семъ случаѣ, что они вина испишь умѣли

довольно изрядно, и такъ изсопдланнѣ
 исправно носы, не могли больше про-
 должашь своего пуши, легли почти
 безчувственна на шрапѣ. Солнце согрѣвало
 ихъ наружность, а вино горячило вну-
 шренность; сонъ усынилъ ихъ члены,
 а хмель угомонилъ бодрость и всякое
 бдѣніе, и такъ уснули они крѣпко, что
 никакой шрапѣ, ниже предстоящая
 имъ бѣда разбудить ихъ были не въ
 силахъ.

ГЛАВА XXV.

ВЕЧЕРЬ 55.

*Продолженіе сказки о рожденіи
 тафтяной мушки.*

Креспыянинъ и отецъ Внидолшаръ на-
 ходились тогда преземыи, слѣдо-
 вательно избавились онѣ всякой нево-
 ли; ибо преземой у пьянаго, такъ какъ
 разумной у дурака, подѣ сморѣніемъ
 бышь не можешъ. Внидолшаръ кошѣлъ
 очень скоро оставишь сихъ безчувст-
 венныхъ конновъ; а мужикъ уходомъ
 онѣ оныхъ доволенъ бышь не разсудилъ

за благо. Онъ вынялъ изъ пазухи мыло и бризву, изцѣдилъ въ шинакъ вина, и началъ мылить солдатнамъ головы и бришь ихъ до гола, ошъ чего и нынѣ ходишь между проспыымъ народомъ басня подъ именемъ,, Деревня плесивыхъ; и когда начали лосниться прощней солдцз воинскія головы, шо Видолшаръ и крестьяниниъ осшавили ихъ опочивашъ покойно. Мужикъ идучи, сказалъ Внидолшару, чшо онъ ошменилъ солдатнамъ бришьемъ за шо, что они ѣзда по деревнямъ обижаютъ весьма много крестьянъ.

Какъ скоро перешли они по поле, на кошоромъ осшавили упившихся воиновъ, шо увидѣли на другомъ дубинное сраженіе, кошорое происходило между мужиками за землю. Въ ихъ глазахъ одинъ опважной съ глупосшью крестьяниниъ ударилъ другаго въ самое пѣмя оглоблею, не сказавъ ему, чшобы онъ посшпоронился, шакъ не осторожно, чшо мужикъ шошъ въ одну минушу переселился на шошъ свѣшъ, и здѣлалъ изъ своей особы лишняго покойника въ мірѣ. Когда же кончилась сія мужицкая брань, и все деревенское воинство разо-

шлоя по домамъ, то остана мершвой крешьянинъ на рашномъ полѣ, въ знакъ побѣды и завоеванія сельскаго. Внидолшаръ предложилъ своему шоварицу, чшобъ нарядишь мершваго мужика въ жреческое плашье и положишь въ кибипку къ солдатамъ, а ему одѣшься въ крешьянское, чшобъ шѣмъ укрьишь свой побѣгъ, и опврашишь п дозрѣнїе; какъ согласенось, шакъ и сдѣлаю. Въ сіе время отецъ Внидолшаръ оидалъ жреческое плашье, и скинулъ съ себя духовное имя, кошорое долго время прикрывало всѣ его дурные оишъ опважности производящіе пороки. Мершвой крешьянинъ въ жреческомъ плашьѣ опнесенъ былъ къ снющимъ воинамъ; рашное поле очищено, Внидолшаръ прегращенъ въ Неоха, а солдаты осшавлены выпашься въ покоѣ. Неохъ и мужикъ поблагодари другъ друга, одинъ за одолженїе, а другой, что заплачено ему за оное весьма изрядно, расшались. Куда пошелъ крешьянинъ, обѣ ешомъ я не извѣсненъ; а что касается до Неоха, шо хошя я не шелъ за нимъ слѣдомъ, однако знаю всѣ его намѣренія, и что впередъ съ нимъ случишься можетъ.

Слова сїи хопя и не означаюшѣ загадки, однако нѣчто такое, чего я и самѣ, правду выговорюшѣ, не понимаю.

Неоху ии коимѣ образомѣ не можно было возвратишѣся вѣ Новгородѣ, и для того отправилѣся онѣ вѣ Винешу, гдѣ иишелѣ для себя изрядное мѣсто, а именно сдѣлалѣся онѣ у одного знашнаго господина Секретаремѣ такихѣ дѣлѣ, кошорыя онпправлялися у его Высокопревосходительсннва вѣ спальнѣ. Начало всшупленїя Неохона вѣ сїю должностѣ весьма было изрядно, но конецѣ несравненно сдѣлалѣся лучшимѣ; ибо онѣ сего изчалось прямое его счасїе, лучшее продолженїе испорїи, веселыя приключенїя, вѣ кошорыхѣ начнепѣ показывашѣся Неохѣ гереемѣ сей повѣснн, разумнымѣ и добродѣшельнымѣ человекомѣ, великимѣ Министромѣ, кошорымѣ чиномѣ награжденѣ онѣ будепѣ вскорѣ, снрасшнымѣ любовникомѣ и изобрѣшашелемѣ великїя вещи, а именно: шафїяной мушки, копорая скрывалѣся до сего вѣ модномѣ Лавирннѣ, вѣ коемѣ храняпся всѣ сїи рѣдкостї.

Когда солданы возвратившись въ городъ объявили жрецамъ о смерти мнимаго ошца Внидолшара, тогда сѣи ведѣли разгласить по всему городу его пресшупленіе. Народъ услышавъ сѣе просилъ его шѣла, и шобѣ сдѣлать достойное ему поруганіе: чего ради жрецы ни мало не медля, опредѣлила згечь его всенародно. Сѣ назначенное къ шому время всѣ жишели великаго Повагорода собрались на шо поле, на которомъ должно было истребить виновнаго, выключая одной шолько Владимиры, а можешъ бышь и многихъ, чего я ушверждашь не смѣю, хошя несѣма онава кенѣ въ моцхъ предпріятіяхъ и храбрѣ довольно. Храбросшь же мою оказываю я временемъ; въ горницѣ иногда сражаюсь сѣ мухами; а когда бываю въ лѣсу, шо воюю сѣ коморами, или со всякою шакою шварью, кошорая меня боишся; ипрочемъ, часшо рассказываю о бапаліяхъ, о раззореніи городовъ, о убійствѣ великаго числа солдатъ, о смерти во время войны многихъ Полководцевъ безъ всякаго шрашу, и ушверждаю, что ежели бы я былъ шамо, шобѣ надѣлалъ великія чудеса, и удивилъ храбросшю

моею цѣлую половину свѣта; но въ самой вещи не токмо военной службы, но и одной военной одежды боюся: чпо не ложь, шо правда, а чпо неправда, шо новая испинна, богиня приказныхъ служилелей шѣхъ, копорые охопники до вязшковъ, или шѣхъ людей, кои подобны мнѣ въ храбрости, коня и находяща въ военной службѣ, но шрусашъ войны больше, нежели я, копорой лгу самъ на себя, будшо боюся умереть; знаю, чшо шѣ скорѣе въ гробъ лжашся, копорые всего боюся.

Въ глазахъ всего народа поспрадалъ невинной мужикъ за беззаконнаго сшуденца; шѣло его было созжено и прахъ развѣянъ по вѣпру, копорой расшаскали Ориѣнны дѣши, такъ какъ молву и смятеніе народное. Владимира жалѣла ли объ олицѣ, объ епомѣ я не извѣсненъ; ибо она мнѣ сего не сказывала, а лжи пишашъ я не намѣренъ; хспид совѣсно вы говорипъ, чшо и сама правда безъ краснаго слова не казиспа; однако надобно знашъ время и распорядипъ часы, когда лгашъ и говорипъ п, звду, чшообъ не сомѣмъ прожипъся соѣспью для шого, чшо сущъ у насъ два рода лю-

дей : одни чрезвычайно любящъ бесовскихъ и льстецовъ, а добродѣтельныхъ ненавидящъ; а другіе жалуютъ людей правдивыхъ и совѣстныхъ, напрошивъ шого льстецовъ и обманщиковъ шедящъ не могутъ: чего ради должны мы стараться быти и шо и другое, ежели хотимъ получить счастье въ людяхъ. Чшо жъ касается до Неоха, шо госпожа Владимира не выпускала его никогда изъ своихъ мыслей; ибо она въ него влюбилась; а чшобъ влюбиться, шо на сипс не много надобно времени, довольно одной минушы. Время покунался весьма дорого, не смояря на шо, чшо мы на бездѣлицы его шрашимъ; а эшо производящъ ошъ шого, чшо мы сами себя не понимаемъ. Всѣ дни препроводила она въ великомъ сѣтованіи. Полученная свобода и осшавшееся ей послѣ родшешя имѣніе не приносили никакого облегченія въ печали; ибо она думала, чшо дѣйствительно созженъ былъ Неохъ подъ именемъ Внидолпаровымъ; о жречешивъ его (была она извѣстна, и обо всемъ, чшо происходило до посланія Неохова въ залпоченіе. Возненавидѣла она сама себя, и гошова бы-

да пресѣчь дни своея жизни трагическимъ образомъ, но есмь, заколошья кинжаломъ, иди выишишь ядъ, чинобъ преселишья ей въ царство мершвыхъ, и шамъ соединившисъ съ любовникомъ начинашь жить снова. Когда же находилась она въ семъ ошчаяни, но чрезъ нарочно посланнаго получила письмо оиъ Неоха слѣдующаго содержания :

ГОСУДАРЬНЯ МОЯ !

„Человѣкъ, преселившійся на тоиъ свѣиъ, ни читаешь, ни пишешь уже не умѣишь, а особливо лбъвныхъ писемъ; я писалъ сіе письмо своею рукою: слѣдовательно я живъ; а должносшь живаго Неоха желаншь тебѣ всякаго благополучія, любишь тебѣ чрезвычайно и быишь вѣрнымъ до гроба. Я нахожусь теперь въ Винешъ во всякомъ благополучи; а какъ чельзя мнѣ прѣхашъ въ Новгородъ, но про ту тебѣ прѣхашъ въ Винешу, въ кошоромъ ты найдешъ вѣрнаго и починающаго тебѣ Неоха, еспли оиъ тебѣ надобенъ. Ожидая ошвѣиша, и не желая ни когда съ тобою разлучишья, ошшаюсь охотный твоей слуга,

Неохъ.

Сей вечеръ и третья часть сказокъ кончены такимъ образомъ : сказывальщикъ перешалъ продолжашь Неоховы приключенія, а сочинитель и по неволѣ замолчалъ долженъ, ибо говорилъ онъ чужими ушами. И шакъ предпріялъ спараться объ окончаніи сей сказки, кошорая начаа имъ подъ именемъ : „Рожденіе шафляной мушки. Окопчавъ же сію часнь, имѣнѣ онъ въ мысляхъ сію пословицу : „ конць вѣнчаенѣ „дѣло.

БОЛЬШЕ НИЧЕГО.

ПЕРЕСМЪШНИКЪ;
Григорій, Михайлъ Дмитріевичъ
ИЛИ

СЛАВЕНСКІЯ
СКАЗКИ.

ЧАСТЬ IV.

изданіе третіе съ поправленіемъ.

МОСКВА.

Въ типографіи Пономарева,

1789.

891.78
C56pe
1789a
v.4

534585-172

ПЕРЕСМѢШНИКЪ;
ИЛИ
СЛАВЕНСКІЯ СКАЗКИ.

ГЛАВА I.

ВЕЧЕРЬ 56.

*Продолженіе повѣсти объ Аска-
лонѣ.*

Когда случится человѣку увидѣть
какое нибудь чрезвѣщное
дѣйствіе, и бысть самому онаго
свидѣтелемъ, то въ самую ту
минушу овладѣетъ имъ великое изум-
леніе, не рѣдко выходящее изъ сво-
его понятія, и бываетъ въ шакомъ за-

Часть IV.

А 2

блужденіи, что самъ себя не чувствуетъ, и гошовъ вѣришь, что все невозможное сплаться можетъ въ природѣ. Сте приключеніе учинилось съ Млаконскимъ народомъ. Какъ скоро Алимъ появился въ собраніи, тогда отворились въ залѣ шѣ двери, которыя были къ сноронѣ Аскладной спальни; изъ оныхъ вышелъ волшебникъ, держащій большую золотую чашу въ рукахъ, и пришедъ передъ пронѣ носивилъ ее на приготовленной нарочно къ тому столнкѣ. Пошомъ поднявши руки къ небу, началъ дѣлать весьма чудныя шѣлодвиженія. Предсходящіе чувствовали, что шѣрещали въ немъ тогда кости, и кровь пришла въ необыкновенное движеніе, лице его въ скоромъ времени поблгровѣло, глаза закашились подѣ лобъ; а изъ рошу начала бить клубомъ пѣна, которая падала въ поставленную имъ чашу, и дѣлалась весьма послѣщно Синксовою черною водою, кипѣла на подобіе ключа, и производила въ сосудѣ весьма сильной шумъ. Находясь нѣскольхо минушъ въ шакомъ нешшовспивѣ, пришелъ онъ, какъ казалось, въ свое понашѣ, прикрылъ чашу Зодѣакомъ,

которой на немъ вмѣсто перевязи находился, оиъ чего шопчасъ унялось въ ней клокошаніе, и сшавъ порядочно передъ Алимомъ, говорилъ ему слѣдующее съ важнымъ и весьма бодрымъ видомъ :

Произволеніе всесильныхъ боговъ открылася тебѣ Алимъ и швоему народу мои уши. Я избранъ, по особой оиъ оныхъ благодати, воли ихъ исполковашелемъ, и долженъ окончить въ сію минуту неушолимую печаль въ тебѣ и во всѣхъ швоихъ подданныхъ. Асклада мершва, по за чрезмѣрную швою добродѣшель и за ея испорочность милосердые боги даруютъ ей живишъ, а вмѣсто ея посылаютъ во адъ Бламинишу душу, которая повинилася воли Аскладовой, и впустила его въ спальню къ своей Государынѣ. Оиъ убійца Аскладишъ; шолько не учинивъ ему ни малаго вреда сошли съ сего острова, и снабди всѣмъ нужнымъ: ибо наказаніе его сосшошъ въ волю боговъ, которое ни мнѣ, ни вамъ открышо не будетъ. Окончавъ сіи слова поднялъ оиъ чашу, и пригласивъ съ собою Бейгама, пошелъ въ Аскладины покровы, гдѣ приудилъ

Бламыну пить изъ принесеннаго имъ сосуда, кошорая какъ скоро вкусила, ше начала ужасно сщещати. Всякое мученіе приключилось ей въ одну минушу, и съ превеликою скорбію испустила свою душу. Пошомъ волшебникъ сшавъ на колѣни передъ домашними идолами, чиншавъ совсѣмъ неизвѣстныя Бейгаму и всѣмъ предшоящимъ шушъ молишвы; маконецъ подошедъ къ шѣлу Аскліадину опровинулъ на оное чину. Вдругъ Аскліада обьяшпа была вся гущымъ дымомъ, шакъ чшо образа ея увидѣшь ни коѣмъ образомъ было не возможно, невоображаемымъ благоуханіемъ исполнилась вся комната, и казалась свѣплѣе нѣсколько обыкновеннаго. Въ скоромъ времени исчезъ гущой дымъ, и Аскліада какъ будто послѣ крѣпкаго сна открыла глаза свои и начала чувствовашь. Бейгамъ не могъ воздержашь себя ошъ радости, бросился предъ нею на колѣни, и началъ было изъясляшь ей свое восхищеніе; но волшебникъ удержалъ его и шакже всѣхъ прислужницъ, кошорыя въ радости кричали: Государыня наша! Ибо необыкновенное восхищеніе препяшшвовадо имъ изъяснишь порядочно свои мы-

сли. Онъ приближился къ Аскладѣ, и весьма со смиреннымъ видомъ объяснялъ ей все происшедшее въ ихъ государствѣ, для того, что извѣстнѣе сіе непременно ей потребно было; также и Бейгамъ со своей стороны получивъ къ тому позволеніе отъ волшебника, не упустилъ изъяснить ей все надобное при семъ случаѣ.

Когда волшебникъ объявлялъ передъ Алимомъ произволеніе боговъ, тогда Аскалонъ находился шутъ же. Услышавъ обличеніе себя, пришелъ въ неисповодное помѣшательство разума; образъ его перемѣнился, и походилъ больше на мучущуюся фурию. Алимъ имѣя отъ природы добродѣтельное сердце, и видя его въ превеликомъ волненіи, приказалъ тихимъ образомъ своимъ шлохранителямъ охранять его здравіе; а самъ, сколько силъ его было, старался извинить его у народа, которой тогда находился въ превеликой ярости на Аскалона. Всякой смотря на него скрежещалъ зубами, и горювъ былъ забыть волю боговъ, и положить его мертваго передъ собою: однимъ словомъ никто не соглашался въ сіе время послѣдовать Алимовой до-

бродѣтели, и противъ воли его желали опмщашь его обиду; однако прозьба и увѣщанія Государевы сильнѣе были ихъ стремленія, и народъ по неволѣ долженъ былъ усмириться. Алимъ много разъ подходилъ къ Аскалону, и начиналъ съ нимъ разговаривашь; но шотъ будучи въ превеликомъ рахвращеннн, не ошвѣчалъ ему ни слова, и снопалъ на подобіе безгласнаго дерева. Въ сіе время вывелъ волшебникъ Аскладу, совсѣмъ уже одѣшую кѣбрачную одежду. Народъ увидѣвъ ее возгласилъ весьма радосшно, а Алимъ увидѣвъ свою любовницу окаменѣлъ; сердце его препенало, и онъ не вѣрилъ самой истинн, и думалъ, что глаза его обманулись. Какъ только вознамѣрися онъ броситься передъ нею на колѣни, то въ самое ешо время упалъ Аскалонъ безъ чувствва на землю; ибо онъ не могъ снести присутствія Асклады. Добродѣтельной Государь увидѣвъ сіе, предпочелъ дружбу любви, и бросился помогашь безчувственному Аскалону. Сей случай удивилъ его подданныхъ, и всѣ увѣрились шогда, что владѣшель ихъ имѣешъ въ себѣ безпримѣрную добродѣшель; ибо благодарносшь

въ его сердцѣ преодолѣла два непоколебимыя дѣйсвія, шо есшь, неизбясненную любовь къ Аскладѣ и неограниченную ненависть къ Аскалону за учиненное имъ несповое и звѣрское смершоубиство. Подняли Аскалона и попесли въ его покои. Алимъ препроводишь прискорбнымъ видомъ и смушными глазами мнѣмго своего друга, подошелъ къ Аскладѣ и избвлялъ ей восхищеніе свое съ превеликимъ движеніемъ сердца, увѣрлялъ ее о своей искренности, и вшоричю далъ клятву къ соединенію. Попомъ говорилъ имъ волшебникъ, что боги опредѣлили сей день бышь ихъ брачному сочешанію; и шакъ ни мало не медля слѣдовали любовники въ Ладинъ храмъ и всѣ присушсвующіе туишъ бояре, за конорыми шелъ народъ, и ни мало не переснавалъ избвляяшь своей радости, усердія и удовольсвія.

Храмъ любовной богини сшоялъ за городомъ на западной сшоронѣ оспрова въ посвященной ей рошѣ; видъ имѣлъ онъ круглой, и вмѣсто сшѣнъ просширалися. онѣ столбовъ решешки, едѣланныя избразныхъ благоуханныхъ цѣшповъ, между конорыми сидѣли голуби и ца-

ловались другъ съ другомъ, Прозрачная
 на ономъ кровля сдѣлана была весьма
 искусною рукою, и походила весьма мно-
 го на чистую морскую пѣну, въ копо-
 рой плавали играя лебеди; на самой се-
 рединѣ сей крышки сплывала въ волнахъ
 богиница колесницъ, сдѣланная изъ ра-
 ковины. Внутри на стѣнахъ онаго оби-
 шали игры и смѣхи; на шолбахъ спо-
 яли каршины самыхъ славныхъ масте-
 ровъ, которыя изображали приношенія
 жертвы богинѣ великими Государями,
 разумными министрами, храбрыми пол-
 ководцами, премудрыми философами,
 искусными художниками и всякаго зва-
 нія народами; подъ оными находились
 снѣгуи; оныя предсказывали благоскло-
 носни богиницы, снѣзхожденія къ богамъ
 и къ смертному племени, наказанія за
 презрѣнїе ея воли, разлуки любовни-
 ковъ, свиданія и шайныя переговоры,
 соединенія, браки и вѣрность; однимъ
 словомъ, всѣ любовныя дѣйствїя изо-
 бажены были въ сей божицѣ, по сре-
 динѣ кошорой на блестящемъ престо-
 лѣ сплывала нагая богиня въ одномъ шолько
 шанишвенномъ поясѣ, надъ головою ея
 видна была разноцвѣтная радуга пере-

плешенная парцизами и розами; окружали ее грации, копорыхъ прѣшныя виды приводили сердце и мысли въ великое востхищеніе. Богъ любви споялъ по правую сторону, копорато держада богиня за руку, и онѣ казался какъ будто бы всякую минушу ожидаеиъ онѣ нее повелѣнїя, чшобѣ възжигашь сердца неизвѣснечною любовію боговъ и человекѣвъ.

Какъ шолько предспали любовники передѣ жершвенникѣ богининѣ, гдѣ кланяся другѣ другу вѣчною вѣрносшїю, жрецы запѣли всѣ божесшвенныя пѣсни, и во всемѣ воинсшвѣ началась огромная музыка. Изѣ храма шесшвѣе было шакимѣ образомѣ: Напередѣ шли четыре жреца въ бѣлыхъ одеждахъ и въ лавровыхъ вѣнкахъ; въ рукахъ несли они желшныя епанчи; за сими слѣдовало множесшво духовенсшва, копорые были не украшены еще сѣдиною; оныя пѣли пѣсни сдѣланныя въ честь богу браковѣ; за ними ѣхала Асклѣада въ великолѣпной и торжесшвенной колесницѣ; бросаа она по сторонамѣ жемчугѣ, каменья и золошныя слишки, копорые подбирали послѣднаго сшелени народы. Пошомѣ

ѣхалъ Алимъ въ своей побѣдоносной колесницѣ, изъяслялъ свою благодарность, и обѣщалъ великую благосклонность поздравляющему его народу, воинству своимъ усшами опредѣлялъ награжденіе, и обѣщалъ все то, что для него было выгодно. Когда приблизились они ко дворцу, то всѣ компаніи служившихъ, мужчины и женщины, одѣтые въ бѣлыя одежды и стоящіе въ порядкѣ, приклонились на землю и ожидали оубъ великой Государыни къ себѣ благосклонности, кошорыкъ Аскліада обнадеживъ свою милостию, приказала всташъ. Потомъ великій священноначальникъ повелъ Аскліаду на крыльце услаиное соболями, и привелъ нарочно въ пригошвленную къ шому залу, кошорой полъ, сѣны и пошолокъ убраны были мѣхами такихъ же звѣрковъ; ибо вѣрили, что сіе должно сшвовало бытъ знакомъ будущаго счастья и благополучія. Новобрачные пришедъ сѣли на соболиныя подушки, надѣвши напередъ изъ шого же мѣха верхня шубы. По достоинствамъ и чинамъ начали подходить бояре и поздравляшъ своего Государя и Государыню. Алимъ повышалъ шогда иныхъ чинами, а иныхъ

плешенная парцизами и розами; окружали ее грации, копорыхъ прѣшныя виды приводили сердце и мысли въ великое восхищеніе. Богъ любви споялъ по правую сторону, копорого держала богиня за руку, и онѣ казался какъ будто бы всякую минушу ожидаеиъ онѣ нее повелѣнїя, чшобѣ възжигашъ сердца неизвѣстенною любовію боговъ и челоуѣковѣ,

Какъ шолько предстали любовники передѣ жершвенникѣ богининѣ, гдѣ клялся другѣ другу вѣчною вѣрносшю, жрецы запѣли всѣ божесшвенныя пѣсни, и во всеиъ воинсшвѣ началась огромная музыка. Изѣ храма шесшвѣе было шакимѣ образомѣ: Напередѣ шли чешыре жреца въ бѣлыхѣ одеждахѣ и въ лавровыхѣ вѣнкахѣ; въ рукахѣ несли они желштыя епанчи; за ними слѣдовало множесшво духовенсшва, копорые были не украшены еще сѣдиною; оныя пѣли пѣсни сдѣланныя въ честь богу браковѣ; за ними ѣхала Асклѣада въ великолѣпной и торжесшвенной колесницѣ; бросала она по сторонамѣ жемчугѣ, каменья и золошпыя слишки, копорые подбирали послѣдняго сшелени народы. Пошомѣ

ѣхалъ Алимъ въ своей побѣдоносной колесницѣ, изъявлялъ свою благодарность, и обѣщалъ великую благосклонность поздравляющему его народу, воинству своими усшами опредѣлялъ награжденіе, и обѣщалъ все то, что для него было выгодно. Когда приблизились они ко дворцу, то всѣ компаньные служивые, мужчины и женщины, одѣтые въ бѣлыя одежды и стоящіе въ порядкѣ, приклонились на землю и ожидали оубъ великой Государыни къ себѣ благосклонности, кошорыкъ Асклѣда обнадѣживъ своєю милостию, приказала встать. Потомъ великій священноначальникъ повелъ Асклѣду на крыльце услащенное соболями, и привелъ нарочно въ пригошовленную къ тому залу, кошорой полъ, сѣны и пошолокъ убиты были мѣхами такихъ же звѣрковъ; ибо вѣрили, что сіе должно сшвовало бытъ знакомъ будущаго счастья и благополучія. Новобрачные пришедъ сѣли на соболиныя подушки, надѣвши напередъ изъ того же мѣха верхня шубы. По достоинсшвамъ и чинамъ начали подходить бояре и поздравляшъ своего Государя и Государыню. Алимъ повышалъ тогда иныхъ чинами, а иныхъ

жаловалъ цѣпями и шубами (*); потомъ просилъ Аскалада, чѣобы она сдѣлала женщиной учасницами сей радости. Жаловала также оныхъ Аскалада, и обѣщала всегдашнее къ нимъ снизхождение. Наконецъ пошли всѣ къ сполу, гдѣ волшебникъ почтенъ былъ особливою честью, и въ серединѣ обѣда просившись со всѣми, распался онъ съ Алимомъ на вѣки и скрылся изъ его глазъ. Аскалонъ тогда шушь не присутствовалъ, слѣдовательно не было никакого препишства и помѣшательства великому веселію, которое продолжалось до половины ночи, или можетъ быть и долѣе, въ которое время перзался Аскалонъ ревностию, неавностию, и вымышлялъ способы къ погубленію новобрачныхъ.

(*) Въ древнія времена носили на себѣ серебряныя и золотыя цѣпи черезъ плечо вельможи, жалованные отъ Государей такъ, какъ нынѣ кавалеріи; и сіе означало Сенатора и Тайнаго Совѣтника; а пожалованная Государемъ шуба знакомъ была, что сей господинъ былъ въ особой милости у своего Князя.

ГЛАВА II.

ВЕЧЕРЬ 57.

Продолженіе повѣсти объ Аскалонѣ.

Бейгамъ и другіе подобныя ему разумныя министры во время разсвѣтанія наступающаго дня сдѣлали между собою совѣшъ, въ которомъ опредѣлили, какъ возможно, спараться склонить своего Государя къ тому, чѣобы онъ въ епошъ же день выслазъ Аскалона изъ своего владѣнія: ибо думали они, что покойшво ихъ не можешъ ушвердишься до шѣхъ поръ, покамѣшъ не избудушъ сего разбойника и варвара съ миролюбиваго острова, и не очисшишъ домъ Государевъ онъ сего смерти носнаго лдъ, для того что великое опчъ нѣе Аскалоново грозило имъ новою бѣдою. Того ради собрались они въ домъ Государевъ ранѣе обыкновеннаго; и когда проснулся Алимъ, то вмѣсто брачныхъ обрядовъ, которые по общему обыкновенію должны употреблены бышъ въ семъ случаѣ непременно, предложили ему о изгизніи Аскалоновомъ. Государь былъ

на сіе согласенъ : ибо онъ и самъ весьма много опасался немисловства Аскалонова ; и шакъ поручилъ сіе Бейгаму, какъ первому министру и вѣрному своему другу. Бейгамъ обрадовавшись сему ни мало не медля опвелъ его на нарочно изготовленной къ тому корабль , и приказалъ начальнику онаго спешши Аскалона на отдаленной какой нибудь островѣ, и шамъ бросилъ безъ всякаго попеченія, чего не приказано было онъ Алима; и сіе свирѣпство, кажешся мнѣ, проснишельно весьма огорченному человеку. Такимъ образомъ подняли на корабль парусы и отправились въ путь. Когда разнеслося эхо въ народѣ, что Аскалонъ сосланъ съ ихъ шрова, тогда радость въ ономъ усугубилась и исчезло всякое сомнѣніе , которое между восхищеніемъ обитало въ ихъ понятии. Весь дворъ и городъ умисжили свое усердіе, и сіе въ народѣ восхищеніе продолжалось болѣе мѣсяца. Всѣ дѣла, суды и предпріяшія оставлены были въ сіе время , винные освобождены были отъ наказанія, отворены вездѣ шемницы и всѣмъ дана была свобода; по чему видно, что обитали тогда на Млаконѣ и Нибъ миръ , веселіе и шишина.

Корабельщики, везущіе Аскалона по седмидневномъ путешествіи, имѣли великую къ нему ненависть, согласились бросить его въ море; чѣмъ не избежишь злое сіе произрастѣніе до конца; а во градѣ вознамѣрились они сказать, что во время великой бури упалъ онъ самъ съ корабля, или такъ, чѣмъ будучи въ великомъ ошчаяніи бросился въ воду, чего и они усмотрѣть не могли; но судьба Аскалонова прошивилась ихъ желанію и не захотѣла сдѣлать ихъ виновными, чѣмбы пострадали они за ошнѣшіе жизни у сего нечестоваго варвара, и для того намѣреніе сіе было уничтожено. Послѣ того благополучной вѣшерѣ дулъ онъ осировавъ Млакона и Нія, и они въ скоромъ времени ошѣхали весьма далеко; наконецъ пришли къ нѣкоторому осиреву, коимъ издали казался неприступнымъ; великіе камни и высокія горы предспавляли его совсѣмъ дикимъ мѣстомъ. Начальникъ корабля разсмотрѣвъ его порядочно, опредѣлилъ оставить на немъ Аскалона. И такъ вывели на берегъ, и давъ ему нужное для жизни человѣческой, простидись съ нимъ и возврати-

лись къ своимъ осировамъ, куда прѣхавъ благополучно увѣдомили о семъ своихъ согражданъ и осмались послѣ того въ покоѣ.

Аскалонъ сидя на березу сего дикаго мѣста весьма долгое время не чувствовалъ своего несчастія, тупая въ сердцѣ великую злость и ненависть къ Алимѣ. Наконецъ озрѣвшись назадъ прошиву воли, началъ осмапривать новое свое обитаніе; высокія и каменныя горы, провалины и глубокія пещеры, въ дали дремучія лѣса и топкія болота, и словомъ, вся дикая и спрашная сія пустыня дышала шакимъ ядомъ, которой довольно удобенъ былъ на опнытіе у него жизни. Вселились страхъ и опчаніе въ неисповное его сердце, и началъ онъ жеспоко плакаться; слезы его извѣляли больше досаду и огорченіе, и ни мало не означали его печали, которой въ немъ совсѣмъ не бывало; но былъ онъ въ сію минути въ шакомъ заблужденіи, что жизнь свою опнашь, преселмись во адъ и терпѣшь шамо всякаго рода злыя мученія соглашался съ охотою, только бы опмсишь Алимѣ за учиненную имъ, по мнѣнію его, неправедную

Часть IV.

Б

обиду. Всталъ и пошелъ съ великою запальчивостію искать способа ко ошмщенію Алиму, ежели сіе будетъ возможно; а когда не шакъ, то прекрашншь жизнь свою самымъ шيرانскимъ образомъ: ибо онъ и въ шомъ находилъ удовольствіе, чшобъ мучншь самого себя, ежели нѣшнъ способовъ вредншь другому. Злоснъ его шѣмъ больше возрасшала, чѣмъ больше находилъ онъ спраху въ шомъ дикомъ и незнаемомъ никому мѣсшѣ. Первая ночь была для него жестокимъ ударомъ; ибо спрахъ онъ него не опсшавалъ, слѣдовашельно великое безпокойство прешерпѣвалъ онъ во все сіе время; а въ двѣ слѣдующія за нею была ужасная буря и громѣлъ сильной громъ безпрешанно; блисшаніе молніи зашмѣвало его зрѣніе и почпи опадяло на головѣ его волосы; передъ нимъ не въ дальномъ разшояніи въ разные удары разшнбло шри высокія дерева. Въ скоромъ времени сдѣлалось великое шрясеніе земли на шомъ ошровѣ, и провалилась одна каменная гора, кошорая начала кидашъ изъ себя огненную машерію. Съ половины ночи началось сіе дѣйствіе, и продолжалось до по-

ловины дня. Аскалонъ въ сѣ время прикрывался въ одной каменной пещерѣ; а когда ушшло стремленіе огня, тогда пошелъ онъ для осмотрѣнія сего чуднаго въ природѣ приключенія. Какъ только сналъ онъ подходитъ къ горѣ, то увидѣлъ на оной двухъ человекъ, кошорые какъ видами, шакъ и лѣшами другъ другу были не подобны: одинъ изъ нихъ былъ лѣшнъ осмидесяти, и походилъ больше на жреца, нежели на свѣшскаго человека; а другой имѣлъ еще самыя цвѣпуція лѣша. Аскалонъ ни мало не удивился увидѣвъ ихъ, и безъ всякаго разсужденія вбѣжалъ поспѣшно на гору; и когда спалъ ихъ привѣншвовашъ, то примѣшилъ, что они весьма много оробѣли и удивлялись, смонрл другъ на друга, внезапному его пришестію. Тако наконецъ спарей мужъ, кошоромъ прежде молодата освободился отъ удивленія, спрашивалъ Аскалона, какимъ образомъ пребываетъ онъ на семъ пустомъ острову, и какъ зашелъ въ такое незнаемое мѣсто? Аскалонъ укрылъ въ семъ случаѣ дѣйствительное свое приключеніе, а сказалъ, что по разбиіи корабля, на кошоромъ онъ ѣхалъ, ос-

стался одинъ , и выкинулъ моремъ на сей неизнаемой никому островъ.

Рѣдкой человекъ узнашь можешь качества незнакомаго, и съперваго взгляду измѣришь хороша и дурна его свойства ; но Рандей, такъ назывался старый мужъ, имѣя онъ природы оспорожня разсужденія , въ одну минушу проникъ во внутренность Аскалонову , и узналъ хотя не все, однако многія презрѣнія достойныя его склонности. Изпротивъ того Кидалъ, такъ именовался молодой человекъ , почувствовалъ было въ себѣ великую склонность къ Аскалону. Рандей не показывая своего безпокойства , которое онъ чувствовалъ, увидѣвъ Аскалона, просилъ его къ себѣ въ хижину, гдѣ хотѣлъ уведомить о своихъ приключеніяхъ. Когда шли они туда, то встрѣтились съ тремя чешыре человека , которые вознамѣрились также посмотрѣть прорвавшейся горы, и которымъ приказалъ Кидалъ , какъ возможно скорѣе, оттуда возвратиться; по чему узналъ Аскалонъ, что оныя ихъ служили. Пришедши въ хижину увидѣлъ Аскалонъ , что жили они совсемъ не по пустынически; великое до-

вольство и уборы дѣлали Кидала Царскимъ сыномъ, а Рандія его опекуномъ: но изъ повѣсти ихъ услышалъ онъ совсѣмъ прошивное своему мнѣнію. Мы, государь мой, кунцы, такъ началъ увѣдомляшь Аскалона Раялій, Славенскія обласни, мѣсто рожденія нашего на берегу рѣки Дунал; я несчастной отецъ, а ешо мой сынъ, говорилъ онъ указывая на Кидала, мы также какъ и ты претерпѣли на морѣ несчастіе, суда наши разбины бурею, и пошъ корабль, на кошоромъ сидѣли мы съ сыномъ, выкинуло на мѣль сего острова. Мы вышедъ на берегъ, а ошалося насъ только шесиперо, которыхъ ты видѣлъ всѣхъ, и еще двѣ женщины, кошорыхъ ты не видалъ, и онѣ находящіяся для насъ служащими, старались всѣ соединенными силами вышаскашь все изъ корабля какъ возможно скорѣе; и когда по счастію нашему выбрали мы изъ него довольно, шо прибылою водою унесло его ошъ насъ въ море, и мы ошались здѣсь жить благополучно къ великому нашему несчастію. Другой годъ пребываемъ уже на семъ пустомъ островѣ, и не видали еще никакого корабля, кошорой бы проходилъ

мимо насъ, и мы уже совсѣмъ лишились надежды видѣть когда нибудь наше опечество. А какъ долгу великии помогашъ людямъ, которые находяшся въ равномъ съ нами несчастіи, то я наблюдая сіе, могу сдѣлать тебѣ у себя призрѣніе, ежели оно тебѣ надобно. Аскалонъ благодарилъ его за сіе весьма холоднымъ образомъ; и какъ объявилъ онъ, что есть пѣчю съ нимъ изъ нужнаго для его содержанія, то Рандіи послалъ поспѣшъ съ нимъ двухъ служителей, которымъ приказалъ повиновашься Аскалону, и принесши къ нему все то, что незнакомой прикаженъ.

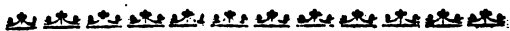
Описавши же его употребилъ Рандіи въ свою пользу, и призвавъ къ себѣ Кидала, просилъ его онъ сокрушеннаго сердца, чюбы онъ, какъ возможно, бѣгалъ сообщенія съ симъ незнакомымъ. Я примѣтилъ, говорилъ онъ ему, что Аскалонъ не просшаго рода, но имѣетъ весьма испорченной нравъ и досшойные всякаго презрѣнія поступки. Имъ обладаешъ теперь великое смущеніе, и досада занесена на глазахъ его: по чему узнаю я, что онъ привезенъ на сей островъ, и шумъ брошенъ безъ всякаго сожалѣнія.

Слова его утверждающѣ сѣю истинну, и данной ему припасѣ служитѣ дѣйствишельнымѣ къ тому доказательствомѣ. Повѣсннваніе о его походеи не имѣешѣ ни конца, ни начала; по чему догадывашѣся должно, что выдуманное сказывалѣ онѣ о себѣ описаніе. Кидалѣ почувснповавѣ вѣ себѣ сѣ перваго разу любовь и дружеснво къ Аскалону, не весьма удобенѣ былѣ принудитѣ себя удалашѣся онѣ онаго; однако по крайней мѣрѣ желалѣ слѣдовашѣ волѣ своего наснавника, и такѣ прошивѣ желанія своего казался Аскалону дикимѣ и необходимельнымѣ человекомѣ.

Аскалонѣ пребывая у нихѣ болѣе недѣли, не видалѣ ни онѣ шого, ни онѣ другаго усерднаго къ себѣ привѣтствія; чего ради наполнялся пущею злобою, и выдумывалѣ такія предпріятія, копорыхѣ и самѣ адѣ шренешашѣ принужденѣ былѣ: но всѣ оныя оснались безѣ успѣха, ибо неисновой изобрешатель оныхѣ находилѣ шогда безѣ силѣ. Вѣ нѣкопоре время при разсвѣшаніи дня ендѣлѣ Аскалонѣ на берегу ошрова на еамомѣ шомѣ мѣстѣ, гдѣ оснавили его Млаконцы, смонрѣлѣ вѣ шу ешорону,

гдѣ Алимъ счастливо наслаждается прелесіями Аскліады, мысленно завидовалъ его счастію, питалъ сердце свое неутолимою злобою, и думалъ только о способахъ, какъ бы расперзати его на части, и послѣ овладѣвъ Аскліадою; а чтобы больше прибавлялась въ немъ досада и огорченіе, но рѣзалъ ножемъ у себя перси и испускалъ кровь свою на землю. Злобное его сердце услаждалося собственною своею бользію и готово было на все неистовое согласіеся. Когда же находился онъ въ семъ заблужденіи, то увидѣлъ вдали челоуѣка, котораго видъ принудилъ его дрожать и забыть совсѣмъ ненависть къ Алимѹ. Образъ того челоуѣка имѣлъ нѣчто ошмѣниное въ себѣ онъ всего смертнаго племени; вдали казался онъ больше духомъ, нежели челоуѣкомъ; шло его иногда видѣлось проицательнымъ, а иногда казалось плоснымъ; видѣлось временемъ прикрытое плащемъ, а иногда представлялось нагимъ; шелъ онъ по воздуху, но казался на воздухѣ; имѣлъ ростъ челоуѣческой, и въ шужіи минушю представлялся равенъ высокимъ деревьямъ и толстѣ на подобіе горы, зашмѣ-

валъ собою солнце, и двался меньше Сильфы. Иногда вдавливалъ ногами въ землю камень, сыпалъ великія пропашши, сучья и хвороснѣ прещали подъ его цыпами, а иногда былъ легче воздуха; а чѣмъ ближе подходилъ къ Аскалону, шѣмъ больше уподоблялся человеку; и подошедъ къ нему весьма близко сказалъ: всмань и сшуй за мною.

ГЛАВА III.

ВЕЧЕРЬ 58.

Продолженіе повѣсти объ Аскалонѣ.

Аскалонъ сколько ни отраженъ былъ въ своихъ предпріятіяхъ, однако шоль много чувствовалъ въ себѣ страху идучи за нимъ, что сего никакъ изъяснить не возможно. Наконецъ пришли они къ одному великому камню, кошорой въ одну минушу поднялся, какъ только проводникъ допронулся до него кезломъ, кошорой онъ имѣлъ въ рукахъ. Іедъ нимъ означился просцранной под-

Б 5

земельной ходъ и весьма широкая изъ
 черного мрамора лѣсницы; а по сторонамъ
 на оной въ разномъ разстояніи стояли
 хрустальные высокіе столбы, въ
 которыхъ горѣлъ весьма ясно огонь, и
 освѣщалъ собою весь епошъ удивительной
 сходъ. Потолокъ сдѣланъ былъ изъ
 разноцвѣтныхъ камней, которой казался
 произведенъ самою природою; камни
 блистали въ ономъ на подобіе яркихъ
 звѣздъ, ошъ чего и свѣшъ и красота
 въ ономъ усугублялись. Аскалонъ за
 проводникомъ своимъ слѣдовалъ по лѣснице
 весьма долгое время; наконецъ
 сошли они на пространное мѣсто, которое
 совсѣмъ подобно было сходу. Земли въ
 ономъ не видно было, и весь иушъ полъ
 состоялъ изъ черного мрамора, а потолокъ
 изъ такихъ же камней; множество хрустальныхъ
 столбовъ и такихъ же лампадъ со свѣчами
 представляли мѣсто сіе превращеннымъ
 свѣтомъ. Аскалонъ ни конца пространства,
 ни числа столбовъ и лампадъ ни какимъ
 образомъ узнать не могъ. Между
 оными находилось множество людей; но
 они походили больше на облака или на
 духъ, нежели на человѣковъ, и каза-

лось Аскалону, что никто изъ нихъ не дошрогивался до полу: но что его больше всего усширашило, шакъ то, когда увидѣлъ онъ снхъ дюдей совсѣмъ въ другомъ образѣ; иные имѣли изъ нихъ козьи головы, другіе змѣиные, прешьмъ львиныя, и шакъ далѣе. Всякое безобразіе на людяхъ обшало въ семъ мѣстѣ. Нѣкошорые были обѣ одной ногѣ и имѣли множесиво рукъ; у иныхъ увидѣлъ онъ глаза на грудяхъ, а руки сверхъ головы; нѣкошорые ни рша, ни носа не имѣли, и свѣшился у нихъ одинъ глазъ во лбу, и шакъ далѣе. Гомалисѣ, шакъ назывался проводникъ Аскалонѣ, примѣшивъ въ немъ необычайной сшрахъ, спарался всѣми силами ободрить его и наполнить ошважносшю. Въ семъ укрѣвленіи Аскалона пришли они къ ворошамъ, кошорыя сдѣланы были изъ чуднаго мешалла, и походили больше на угрюмую шучу, нежели на зашворы. Гомалисѣ немедленно приказалъ ошворить ошя. Сѣ превеликимъ шумомъ ошверзли, какъ думалъ Аскалонъ, адскія двери. Какъ шолько вышли они изъ сего осеященнаго огнемъ обшанія, шо Аскалонъ ошолбенѣлъ, и вмѣшо вели-

каго страха вселилось въ него еще большее удивленіе, и онъ слыль много изумился, что принужденъ былъ остановившись и не могъ продолжашь пути своего за Гомалисой. Что съ шобою сдѣлалось, говорилъ ему проводникъ, или сей новой свѣтъ привелъ тебя въ шоль необычайное удивленіе? Не шокмо приводишь во удивленіе всѣ еи новосни, ошвѣчалъ ему Аскалонъ, но я самъ себя позабываю, и пераю совсѣмъ понятіе мое и шройное шеченіе мыслей; шеперь вижу шо, чего во всю жизнь мою увидѣшь бы мнѣ было не возмжно, ниже бы я могъ вообразить когда нибудь объ ономъ.

Аскалонъ видѣлъ тамъ хрустальное небо, онъ земли не весьма возвышенное, на копоромъ держалось все великое пространство водъ неизмѣримаго моря. Всѣ чудовища, рыбы и гады, плавающія въ безднѣ водъ, видны были сквозь сей прозрачной сводъ; и что всего чуднѣе было, шо плавающія на поверхности воды всякія суда такъ какъ въ близи осматривашь было можно; солнечные лучи проникали сквозь воду, и проходили сквозь хрусталь на

землю, гдѣ . . . весьма въ отдаленномъ оиѣ приходившихъ разстояній видны были огромныя и весьма великолѣпныя палаты, которыя сдѣланы были изъ чистаго и желтаго мшала, подобнаго золоту, но оиѣ блискалъ пуще онаго; по серединѣ на верху оныхъ сидѣлъ Англии, который имѣлъ необыкновенную величину въ положеніи своего шѣла, и держалъ на себѣ весь шопъ прозрачной сводѣ. Къ сему зданію сдѣланы были весьма искусною рукою прямыя дороги, которыя обсажены были не высокими, но густыми деревьями прекраснаго и благоуханнаго рода, и оиѣ шоль были нѣжны, что когда допротивался до нихъ Аскалонъ своими руками, то оныхъ листья сверпывались и въ одну минушу блекли; на нихъ видны были различнаго рода цвѣшны и шакъ часно, что казалось, будто бы число цвѣшовъ превышало число листьевъ. Вся земля покрыта была зеленою и весьма нѣжною травою, до которой ни серднише вихри, ни великія дожди, ниже всякая дурная погода допронуться не смѣли, а одна нѣжная заря орошала ее своими слезами. Вдали видны

были другія презрѣдныя зданія, кото-
 рыя какъ видомъ, такъ и цвѣтами другъ
 другу были не подобны ; ведущія къ
 онымъ долины украшены были цвѣта-
 ми, между кошорами ходили различна-
 го рода большія пшцы. Когда вышли
 они на нѣкоторую круглую площадь,
 по срединѣ кошоры сшояла на велико-
 лѣнномъ прешолѣ весьма великая сна-
 шуя, кошора на груди, на рукахъ, на
 крыльяхъ и на ногахъ, и словомъ, по
 всему шѣлу имѣла ошкрышыя глаза,
 кошоры казались живыми, и находи-
 лись въ безпрешанномъ движеніи. Тушѣ
 Аскалонѣ увидѣлъ безчисленное множе-
 ство прямыхъ дорогъ, и на концѣ каж-
 дая по великолѣпному зданію; по доро-
 гамъ вдали и близко, какъ гдѣ случи-
 лось, прохаживались женщины велики-
 ми шолпами, и были всѣ въ бѣломъ
 одѣянн; головное и другое украшеніе
 сосшояло у нихъ изъ цвѣшовъ; и когда
 прохаживали онѣ мимо Аскалона и Го-
 малиса, то послѣднему весьма низко
 кланялись: почему догадывался Аска-
 лонѣ, что проводникъ его въ семъ мѣс-
 тѣ обладашелемъ, и для шого началъ
 просить его меошсшупно, чшобы онѣ

увѣдомилъ его, гдѣ онъ находится и за чѣмъ приведенъ въ сіе сверхъестественное обнищаніе. Гомалисъ сѣлъ на лавку, приказалъ тожъ сдѣлать Аскалону, и началъ увѣдомлять его такими словами.

Аскалонъ, когда уже опредѣлилъ ты не повиновашься волѣ боговъ, а слѣдовашь всегда собственнымъ и своимъ прихирасніямъ, то сіе для меня великое счастье : ты находишься теперь подъ моимъ покровительствомъ, и все, что для себя угодно, выпросишь у меня можешь; а для Гомалиса все въ свѣтѣ возможно, выключая освященныхъ вещей; къ онымъ однимъ только прикоснушься я не смѣю. Не усиранись, при молвилъ онъ, услыша мое происхождение, я дьяволъ и князь надо многими духами. Когда свержены мы на землю, то праотецъ нашъ Сапана раздѣлилъ намъ владѣнія; иные обнищали въ воздухѣ, другіе на землѣ, а мнѣ досталось обнищаніе въ водахъ. Сіе все, что ты ни видишь, мое подданство, и всѣ повинуются волѣ моей безъ всякой упорности; здѣсь большая часть обитающихъ духовъ, но суть множеству и

изъ смертныхъ, которые пожелали от-
даться волѣ моей самопроизвольно. Бы-
вашь и въ некоторое время въ году, что
приходивъ на ошдавшихъ мнѣ людей
великая жоска и жалѣніе о свѣнѣ, ис-
пускающъ они великой и опчаянкой
плачь обѣ оплученіи опѣ боговъ, и всѣ
соединенными силами приснузюишъ къ
воронамъ и желаютъ ошсюда выпти:
иногда все множество демоновъ, кошо-
рыхъ ш.л. видѣлъ въ проходѣ, защища-
ющъ ш.к. огромныя ворона, въ кон мн
прошли, и ш.т.м. удерживаютъ ихъ въ
семъ мѣстѣ до опредѣленнаго къ нака-
занію ихъ времени. Сія шапул, про-
должалъ онѣ указывая на глаза шого
чудовища, послана ко мнѣ изъ ада, и
дана подмогою власни моей и силы;
но сей узнаю я, что дѣлаешся въ мо-
емъ владѣніи, и она все, что я ни
вздумаю, предсавляешъ; въ доказатель-
ство шому увидитъ шы шеперь онышъ.
Пошомъ сказалъ онѣ громкимъ голосомъ
Аскліада! Въ одну минушу сдѣлалася
изъ шой шапули супруга Млаконскаго
обладатели. Аскалонѣ увидѣвъ сіе при-
шелъ въ великое удивленіе, вскочилъ и
бросилъ передъ Гомалисомъ на колѣни и

началъ его просить, чтобы онъ не изъясненнымъ своимъ могущесствомъ призвалъ дѣйствительную Аскададу въ сіе мѣсто, за что обѣщавъ всегда исполнять его волю и бышь послушнѣе всѣхъ изъ его подданныхъ: однимъ словомъ, совсѣмъ отдавался во власть демона Гомалиса. Князь духовъ обѣщавъ ему сіе исполнишь, и хотѣлъ отдать въ руки его Аскададу съ шѣмъ уговоромъ, ежели Аскадой поклянешя Сапаною и всѣмъ адомъ, и дашь емъ рукописаніе своею кровію, и попомъ, что онъ ему ни прикажетъ, по Аскадой исполнишь. На все согласился сей нечестивой злодѣй, и слѣдовалъ за Гомалисомъ для исполненія своего обѣщанія. Приняли они въ то великолѣпное зданіе, и шамъ на мѣстѣ закланія опиривался Аскадой боговъ и своихъ редишелей, и послѣ далъ на душу свою рукописаніе. Возрадовался тогда адъ, и всѣ бѣсы шоржесничовали въ сіе время; послѣ положили на него печать со изображеніемъ и съ именемъ Сапаны.

Гомалисъ окончивъ сіе радостное для себя дѣло, поручилъ исполнить

Часть IV.

В

ему первое такое приключеніе. Слушай возлюбленной мой Аскалонъ, говорилъ онъ ему, и въ люди, съ которыми ты теперь обиаешь, суть не купцы, Кидалъ владѣтель и кошораго города, подлѣ границы Кишайской, кошорой называся Омаръ, а Ранлій первый министръ того государсва и опекунъ Кидаловъ. Аршанра, мать сего владѣтеля, еще при жизни мужа своего, храбраго Государя Кланга, влюбилась чрезвычайно въ своего сына, и желала совокупиться съ нимъ плотию, но страхъ и позорная молва удерживали ее отъ того до самой смерти Кланговой; а теперь, когда уже не опасается она власни мужней, то положила непременно исполнить свое желаніе. По смерти отца своего сѣлъ Кидалъ на родительскомъ престолѣ, и первое, къ великому своему безпокойству, примѣтилъ въ матери своей сію порочную къ себѣ спраснь, и размышляя очень долго самъ съ собою, предирялъ не открывать того никому, а какъ возможно старался самому отвраишь родительницу свою отъ сей презренной всѣми любви. Аршанра подъ видомъ совѣщанія сво-

ему сыну посѣщала его каждой вечерѣ, спиралась всегда въ шакое время, въ которое былъ уже онъ на постель. Кидалъ весьма долгое время пренебрегалъ сія неисшовае підприєміе мате и своей, и укорялъ ее беззаконіемъ, ушпранялъ за сіе божескимъ гнѣвомъ и всемъ адскимъ мученіемъ. Наконецъ внезапно почувшвовалъ въ себѣ слабость и узналъ, что и въ его сердце велацась сія порочная спраспъ, и въ одно удобное къ шому время едва воздержался онъ сего непрощительнаго грѣха; ибо Аршайра, осшавивъ всякую благопріисшосность, была передъ нимъ весьма дерзкою. Кидалъ увидѣвъ, что сплъ его не достатенъ къ воздержанію, ошкрылъ сіе Ранлію, котораго спрогоя добродѣшель и весьма просвѣщенной разумъ шощасъ изобрѣли средшво къ ушущенію сего неисшоваго пламени въ двухъ единой крови сердцахъ. Въ шомъ же самой вечерѣ сѣлъ онъ на корабль, къ чему пригласилъ и Кидала, и шкъ прѣхавъ на сей ошровѣ осшалея, шущъ воздерживанъ Кидала онъ шакото грѣха, кошорой никогда безъ наказанія не осшанешся. Аршайра шеперь въ великомъ

опчаяиши, и прилагаешъ всѣ силы, чѣпобѣ
 найши своего сына ко исполненію своей
 спрасни. Ранлѣй живешъ подѣ покрови-
 шельснвомѣ боговѣ, и добродѣшель
 его споль велика, чшо мы, сколько
 ни стараемся, никакѣ не можемѣ ее по-
 колебати; онѣ уже почти ошвращилѣ
 Кидала онѣ шой спрасни, и шеперь
 стараемся привесни его кѣ большему
 починанію боговѣ. Оспашаеши весьма
 короткое время, вѣ которое можемѣ мы
 еще искушитѣ Кидала; безѣ Ранлѣя со-
 гласиши онѣ на шребованіе машерно.
 Сей грѣхѣ весьма рѣдко случаетѣся изъ
 свѣтъ, и для шого, кшо доведешъ изъ
 насѣ смершныхѣ ко оному, шому быва-
 еши великое награжденіе онѣ князя
 хсѣхѣ духовѣ.

ГЛАВА IV.

ВЕЧЕРЪ 59.

*Продолженіе повѣсти оѣ Аска-
 лонѣ.*

Аскалонѣ понялѣ изъ сего описанія,
 какая услуга надобна онѣ него Го-

мзлосу, ибо онъ ни о чемъ больше не помышлялъ, какъ о злодѣйствахъ и смершубѣйшвѣ. Я догадываюсь, сказалъ онъ князю духовъ, надобно тебѣ, чтобъ я убилъ Раилѣя, для того что вамъ къ нему прикоснуться не можно. Сіе въ угодиость твою охотно я исполню, и обещаю, что завтрашній день увидишь ты меня въ семъ мѣснѣ съ головою незнакомаго мнѣ чужеземца. Гомзлнсь былъ шѣмъ весьма доволенъ, и приказалъ вывести Аскалона на поверхность острова. Сей злодѣй чело-вѣческаго рода еще при первомъ свиданн сшарался узнать, имѣющъ ли великую преданность къ Раилѣю его слуги, и съ охотою ли они повинуются его власси, и узналъ, что они по неволѣ пребываютъ заключены на семъ островѣ, и принуждены прешерпѣвать все лишася своихъ роднпелей, женъ и знакомыхъ, и оснавивъ дѣшею и дома. И такъ обнадежилъ ихъ своею милоспїю, обѣщавъ наградишь каждого и дашь имъ свободу, увѣрилъ, что ошвезетъ ихъ въ ошечесство, и шѣмъ склонилъ каждого на свою сторону. Какъ солнце стало клонаться, и ночь гошова уже была

взойши на небеса , Ранлэй , котораго рокъ велъ уже къ концу его жизни , пригласилъ съ собою Аскалона и пошелъ въ нѣкоторое прѣянное мѣсто съ онымъ прогуляшьяся. Намѣреніе его состояло въ томъ , чшобъ дать наставленіе Аскалону къ исправленію зѣрскаго его нрава и весьма вредныхъ склонностей. Пришедъ во уединенное мѣсто , шолько чшо хошѣлъ было онъ произвесши похвальное свое намѣреніе въ дѣйствио , но нещовой Аскалонъ предупредилъ его желаніе , и выхвативъ весьма поспѣшно свой мечъ лишилъ невиннаго и добродетельнаго Ранлѣя жизни ; и какъ шолько ошрубилъ ему голову , шо нечаянно увидѣлъ , чшо прислали къ ошрову и весьма близко къ шому мѣсту , гдѣ онъ находился , два большіе и военные корабли ; съ оныхъ воины выскакали весьма поспѣшно на берегъ и разстѣлись повсему ошрову. Тѣ , которымъ случилось напасшь на Аскалона , подхватили его и шощасъ предшавили къ нѣкоторой женщинѣ , которая была весьма прекрасна и одѣша въ воинскую одежду ; она шла еще шогда съ корабельной лѣстницы , поддерживаемая двумя храбрыми

воинами- Какъ скоро увидѣла Аскалонъ обгреннаго кровію и держащаго въ рукахъ голову: увы, милосердые боги! возопила она тогда опчаянно; не накажише меня еще большимъ несчастіемъ, конорого уже силъ моихъ сносить не достанешъ. Пошомъ приближившись къ нему весьма робкими стопами спрашивала: скажи мнѣ, незнакомой, государь ты или подданной, варваръ или законной опмщенишель умерщвленному шобою человѣку? Государыня моя, опвѣчалъ ей Аскалонъ, ты не имѣешь никакого права требованъ опчета въ моихъ дѣлахъ: подданые швон войны послушали со мной весьма дерзко, за что или они, или ты прешерпишь достойную мещъ; не думай, что я безсиленъ и не въ соотношн опмщеванъ шому, кшо весьма нагло со мною поступаешъ, чему въ доказанельство служилъ держама мною голова; всякой не избѣжишъ сего рока, ешльди дерзнешъ опчяшь у меня даную мнѣ опъ боговъ волю.

Сти произнесенныя Аскалономъ слова показалишъ Плакешъ, шакъ называлась сія женщина, опчаяннаго и нахо-

дящагося еще въ яросни по ошмщенію чѣловѣка , чего ради предпріяла было она обойтись съ нимъ какъ возможно ласковѣе. Но въ самое это время пришли къскольکو изъ воиновъ, и объявили ей, что нашли они еще пять чловѣкъ на семъ островѣ и двухъ женщинъ имъ служащихъ. Пошомъ увидѣли идущаго къ себѣ Кидала , и какъ узрѣвъ онъ въ рукахъ Аскалоновыхъ голову, то пошчасъ узнавъ, что оная ошнана была у его опекуна. Въ одну минушу прослезился и началъ весьма не утѣшно плакать; въ сей злѣйшей горесни не могъ произносить словъ , чтобъ уведомиться о несчастной судьбинѣ Рандіевой. Наконецъ собравшись нѣскольکو съ силами, упалъ на плечо къ Аскалону , и говорилъ ему слѣдующее: Скажи, любезной мой другъ, какіе варвары прѣѣхали на сей островъ, и сія прекрасная женщина , которая, думаю , повелительница надъ оными, мнѣ кажешся, превосходитъ люшоснію своею всѣхъ свирепыхъ звѣрей на сѣнѣ. Не уже ли сей незлобивой и добродѣтельной мужъ Рандій при первомъ свиданіи приключилъ ей столько досады и огорченія , что она велѣда сѣ-

являть у него жизнь такимъ мучительнымъ образомъ? Праведное небо! на что ты въ такое прелестное шло вложило варварскую душу, что ни лѣшны, ни смиреніе, ни добродѣшель, кошорую имѣлъ въ себѣ мой предводитель и питомецъ, не могли привесши ее къ сожалѣнію о немъ. Такъ, сударыня, продолжалъ Кидалъ обращая къ Плакешъ, а называю себя ширанкою, и вмѣсто обыкновеннаго къ вашему полу почтенія и преданности чувствую омерзене и опвращене за учиненное ш об о ю зврство.

Плакеша слуша сїи слова пришла хъ првеликое удивленіе, и ожидала на она ошвша ошъ Аскалона, копорато ни спыдъ, ни совѣшь тогда не прогали, и онъ весьма спокойнымъ образомъ говорилъ Кидалу сїе: Я удивляюсь швоему малоумію, и приписываю его не иному чему, какъ молодымъ швоимъ лѣшамъ и не созрѣлому еще разуму; вмѣсно чувствуемой шобою печали и ненависти долженъ шы блугодарить Ранлѣва убійцу. Боги вручили шебѣ правленіе народомъ, о кошоремъ долженъ шы имѣть хсякое попеченіе; но вмѣсно оазъ

го бросилъ пресполъ, послѣдуя сему
 грубому и своенравному сиварику, заклю-
 чилъ самопроизвольно себя на семъ ос-
 шровѣ, предпочелъ неволю коронѣ, и
 сдѣлался изъ самовласнаго господина
 слугою; или ты не представляешь ни-
 когда, чшо разоряюща швои поддан-
 ные, ушеснены будучи можешъ бышь
 какимъ нибудь налогомъ, или неправед-
 ною войною, шерпаншъ жестокиа гоненія
 лишася своего защитишеля и покрови-
 шеля, можешъ бышь всякой день про-
 ливающъ слезы ожидая швоего къ нимъ
 возвращенія; а ты шолько жестоко-
 сердъ, чшо никогда о нихъ и помыслишь
 не хочешь, за чшо конечно получишь ты
 оншъ Бога и оншъ природы жестокое на-
 казаніе. Уехалъ ты сюда для воздер-
 жанія себя оншъ нѣкошорой извѣстной
 шобѣ и миѣ порочной любви. Сіе глу-
 пое измѣрене досшойно смѣха; и дол-
 жно предирѣшно бышь закоренѣлымъ въ
 спарыхъ людяхъ своенравіемъ, не могъ
 ли бы ты воздерживашъ себя владея
 народомъ, и миѣ кажешся, чшо удобнее
 можно преодѣлшъ себя шогда, когда
 великія дѣла занимающъ больше швой
 разумъ, и почти выгоняющъ изъ памя-

ти всякое пристрастїе. Я убилъ Рандлѣя, ненавиждь меня, а къ сей незнакомой героинѣ имѣй должное почтенїе: ибо мы оба не знаемъ еще ея сложенїя. Плакеша не говорила тогда ни слова: ибо она не знала ни малѣйшаго происхожденїя сего дѣла; однако видя незнакомаго Кидала въ неущодимой печали, спаралася всѣми силами воздерживаншь его оубо оной: но всѣ ея старанїя не имѣли нимадѣйшаго успѣха. Кидалъ ошдался опчаянїю, и не говоря ни слова Аскалоу пошелъ въ свое жилище, и шамъ кошвалъ оплакиваншь своего добродѣшельнаго друга, а Плакеша приказала воинамъ своимъ похоронить шѣло, о кошоромъ не знала она ничего, и слѣдовала весьма поспѣшно за Кидаломъ. Пришедъ къ нему нашла его лежащаго на носелѣ въ великомъ опчаянїи: чего ради не желая беззаконшь, призвала къ себѣ его служителей и увѣдомилась обстоятельно, кшо онъ шаконъ, и для чего живешъ на семъ пущомъ островѣ.

Ночь находилась уже въ полной силѣ; и для того Плакеша пошла для успокоенїя своего на корабль, а подлѣ

Кидала оставила своихъ шблохрани-
 шелей, и приказала, чпобы оныя соб-
 людали жизнь его со ошчбннымъ раче-
 нбемъ. Пришедъ шуда кошбла она ош-
 дашься прбйшному сну, ибо время уже
 оное наснуило; но вывешо чземаго по-
 кою начали разныя воображенб шер-
 зашь ея сердце, сшройное шеченб ея
 мыслей пришло вб великой безшорядокъ;
 нбкошорая шоска вселнлась вб грудь
 ея, и нчала помбу разврщашь ея раз-
 умъ. Думала она весьма крбико, но о
 чсмъ, шого сама не понимала. Похваль-
 кое намбренб, для кошораго вбздила она
 по свбшу и прбвхала на сей ошровъ,
 начало нечувешвенельно исчезашь изъ
 ея новашя, всб предпрбшя и располо-
 женб вб ея разумъ пошухли, и ошз-
 валась одна шолько шбнь оныхъ, нбж-
 ное ея сердце почувешвовало пошомъ со-
 всбмъ неизвбшную. Плакешъ жалоснб,
 побвдоносныя глаза наполнились сле-
 зами, и прошибъ воли орошали пре-
 красное лице ея. Сбе приключенб при-
 вело се вб нбкошорую робоснб, и для
 шого вешала она сб поштели и позвала
 къ себб Брамину, какъ учашщцу сво-
 ихъ шавнб и вбрную другнню; и когда

начала рассказывать ей о чувствуемомъ ею теперь непонятномъ безпокойствѣ, но въ одну минушу жаркая кровь въ ней взволновалась, сныдѣ покрылѣ ея прекрасной образѣ, и она не окончивъ легла опять на постелю; добродѣтельная Брамна проникла шончасѣ сютайну, и будишо совѣмѣ оной не понимая, сказала Плакешѣ, что можешѣ быши прешерпѣнное ея безпокойство тому причиною, совѣшовала ей какъ возможно успокоинься, и увѣряла, что по ушру все оное пройдеши. Плакеша не отвѣчала ей ни слова, и лежала прикрывишия подушкою; чего ради Брамна оставила ее въ покоѣ, или лучше еще, въ большемѣ прежняго безпокойствѣ, въ которомѣ находилась она всю ночь. При разсвѣшантн дня нѣсколькo зачылась сѣя безпокойная Государыня, и лишь шолькo зашворила свом глаза, но мечшалось ей, будишо Кидалѣ въ великомѣ ошчаянтн, сожалѣя о своемѣ предводишелѣ, хотѣлѣ заколонь себя кинжаломѣ, чего шолькo испужалась Плакеша, что въ шужѣ минушу проснулась, сердце ея шрепенгло, и наяву уже лишалась своихѣ чувствѣ.

Пренебрегая все, хотѣла бѣжать къ нему сама и увидишься о его судьбинѣ; но образумясь нѣсколько, узнала, что сіе порочно и не похвально, хотѣла послать Брамину; но спыдѣ воспрепятствовалъ ей произвешти и сіе предпріятіе въ дѣйство. Въ семъ случаѣ узнала она причину своего безпокойства, съ великимъ прискорбіемъ сожалѣла о потеряннѣ своей волности, съшовала о своемъ безпокойствѣ; но въ самое ешо время чувствовала нѣкоторую въ себѣ радость, которая прошивъ воли ея обладала ея сердцемъ. Сіе слѣдствіе вкореняющейся въ сердца наши любви разсѣявало ея разумъ и приводило мысли совсѣмъ въ непомятое ей движеніе; всякое воображеніе въ ея разумѣ имѣло окончаніемъ предметъ не давно ею овладѣвшей. Всѣ предпріятія, желанія и самое сердце прилѣплены были къ прекрасному образу Кидалову. Напрасно старалася Плакеша, не извѣстясь о немъ, уѣхать съ острова, все влекло ее увидѣться съ онымъ; но неслыханное доселѣ въ женщинахъ мужество преодолѣло ея желаніе. Она послала одного изъ своихъ воиновъ приве-

ти на корабль осшавленныхъ у Кидала шѣлохранищелей, кошорые пришедъ обѣ-
 явили ей, что Кидалъ не столько уже
 чувствуетъ опчзанія ; и приходишь по-
 малу въ прежнія свои чувства. Плаке-
 ша укрѣпивъ свое сердце и собравъ по-
 тши уже всѣ пошеряныя силы, прик-
 зала подняшь парусы и поѣхала онѣ
 осшрова, осшавила Кидала ; но любви
 въ нему осшавишь ей было не возмож-
 но, кошорая поминушно возрасшала въ
 ея сердце.

ГЛАВА V.

ВЕЧЕРЪ 60.

*Продолженіе повѣсти объ Аска-
 лонѣ.*

По маломъ забвеніи, когда опворилъ
 плачевныя глаза свои Кидалъ, шо
 первое предпріялъ возблагодаришь не-
 знакомую Героиню за оказанное ей обѣ-
 щемъ сожалѣніе, пошелъ онѣ на шопѣ
 берегѣ, подлѣ кошораго стояли кораб-

ли ; и какъ увидѣлъ , что оныхъ уже нѣтъ , но вздрогнулъ необычайно и пришелъ въ великое удивленіе ; сердце его въ то время шронулось и облилось кровію , какъ самъ онъ сіе чувствовалъ . Первое, вообразилась ему весьма живо всѣ прелести ушедшей Плакши , началъ онъ воображать ее поминутно , и чемъ больше думалъ , тѣмъ шановилась она пріятнѣе и вкоренялась больше часъ онъ часу въ его прелуценныя мысли . Время удаляло Плакшу отъ острова и умножало въ сердцахъ сихъ двухъ любовниковъ наченную внезапно сираспъ . Кидалъ вдругъ пораженъ былъ двумя нечаянностями ; шю еспъ , великимъ сожалѣніемъ , и еще больше шого любостію : чего ради находился уже совсѣмъ неспособнымъ сносипъ уединенія . Онъ возвратился домой совсѣмъ не съ шѣми мыслями , кошорыя имѣлъ вышедъ изъ онаго . Печаль его о Рандіи начала уснупать мѣсно любви , сѣшваніе его исчезло и родилась на мѣсно онаго великая задумчивость . Три дни не говорилъ онъ со своими служившелями , и находился въ шакоемъ глубокомъ смущеніи , что они ончаявались видѣшь его

живаго. Въ чепивершой день, когда находилея онъ въ шакомъ мѣсѣ, на кошоромъ имѣлъ первое свиданіе съ Плакешою, и просширая плачевной свой взоръ въ пространное море, увидѣлъ нечаянно сраженіе между собою двухъ морскихъ чудовищъ, кошорыя поражая другъ друга приближались къ ошрову; и когда приближались весьма близко къ оному, шо Дельфинъ побѣдилъ своего непріишеля, кошорой очень скоро скрылся во глубину, и больше уже не показывался. Кидалъ увѣренъ былъ дѣйствительно, что Дельфины не допускаюиъ ушонуиъ челоуѣка, и выносяиъ иъ моря на швердую землю. Не ошпуская его далеко оиъ берега, бросилса съ горы въ воду. Дельфинъ озрясь шончѣь назадъ, увидѣлъ, что челоуѣкъ бѣснся между волнами, возвращилса, и посадя къ себѣ на спину, поплылъ къ той шоронѣ ошрова, гдѣ находилса мѣль и можно безъ всякаго препяишвѣя взойши на берегъ и шуиъ хошѣлъ ошавишъ Кидала: но онъ не сходилъ со спины его, и держалса за оную весьма крѣпко; по чему узналъ Делфинъ, что челоуѣкъ сей не хошѣиъ

Часть IV.

Г

быти на етомъ ошровѣ, и шакѣ пустился съ нимъ въ пространное и неизмѣримое море.

Аскалонѣ по ушествіи онѣ него Кидзла пошелъ къ тому камню, подѣ которой сходилъ съ Гомалисомъ, и шамъ ожидалъ къ себѣ князя духовъ, держа въ рукѣ голову невиннаго чловѣка, копорую принесъ онѣ жерпвою демону. Гомалисъ немедленно вышелъ къ нему изъ водянаго ада, и приписавъ ему достойную похвалу за весьма важную услугу, говорилъ: за сіе дамъ я тебѣ Аскладу, и ты чю хочешь, по можешь надъ нею сдѣлать. Вошъ тебѣ перошень, продолжалъ онѣ подавая оной Аскалону, въ немъ обитаетъ духъ, копорой будешь тебѣ послушенъ шолько въ шомъ, что принадлежишь до Асклады, а епрочемъ власни твоей болѣ повиноваться не будешь; мепа же больше ты не увидишь до шѣхъ поръ, покаместъ судьба не лишитъ тебя жизни: съ Кидаломъ чю воспослѣдуешь, и чю утипишь Аршанра, я ешо знаю и откышь тебѣ мнѣ онго не возможно; голову сію похорони ты вмѣстѣ съ

и въломъ, и послѣ предпринимай все, что тебѣ угодно, только опасайся каяться въ томъ, что ты далъ мнѣ рукописаніе: ибо прежде еще опредѣленнаго окончанія твоей жизни заключу тебя во адъ на все неизбѣжные мученія. Прощай: выговоривъ сіе Гомалисъ исчезъ, а Аскалонъ пошелъ положишь голову къ швлу, и когда сіе исполнилъ, то пришедъ въ Кидлово обнипаніе, нашелъ слугъ его въ жестокой пачали и погруженныхъ въ слезахъ. Они объявили ему, что Государь ихъ пропалъ, и думали, что какой нибудь звѣрь поглотилъ его живаго. Аскалонъ памятуя слова Гомалисовы, обнадеживалъ ихъ, что онъ живъ, и прилагалъ стараніе цѣлую недѣлю для сысканія его: ибо онъ не вѣдалъ, куда скрылся Кидаль; а какъ въ сіе долгое время не могъ найти его, то и подумалъ, что Плакеша какимъ нибудь тихимъ образомъ увезла его съ собою.

Оставивъ попеченіе о сысканіи Кидала, предпріялъ стараться, какимъ бы образомъ ирѣхать ему на островъ Млаконъ: чего ради пришедъ въ уединен-

ное мѣсто, и отвязавъ отъ тализмана данной ему Гомалисомъ персень, надѣлъ его на руку, и увидѣлъ передъ собою человека, которой готовъ уже былъ исполнять его повелѣнія. Слушай, мой другъ, говорилъ ему Аскалонъ, мнѣ надобенъ корабль для отправленія въ Алимово владѣніе. Завтра оной будешь къ сему острову, освѣчалъ ему духъ: ибо по повелѣнію Гомалисову нѣкоторые мореходцы пошеряли на морѣ пушь; они заѣдушь завтра сюда, и я долженъ бышь проводникомъ ихъ. Ты Аскалонъ, дѣлая меня человекомъ, долженъ персень епошь имѣшь на рукъ; а если ли гдѣ не должно миѣ быть, то снимай его и привязывай къ тализману, тогда я видимъ не буду. Аскалонъ благодарилъ его за сіе увѣдомленіе, и возвращаясь къ Кидаловымъ служилецамъ приказалъ имъ готовиться къ отъѣзду. По утру проснувшись увидѣли они пришедшій корабль, и мачальникъ онаго пришедъ къ нимъ въ обшпаніе, просилъ ошъ нихъ помощи и показанія дороги. Аскалонъ обѣщалъ ему сдѣлать сую услугу, а въ воздаяніе за оную просилъ, чтобы ошъ отвезъ его на островъ Мла-

конѣ. Мореходецъ съ радостію къ иному
обязался, и начали попомѣ пригошпов-
лялись въ пушь. Корабельщички почини-
вали на суднѣ снаряды, запасались свѣ-
жею водою, и радовались, что имѣющіи
нужду сыскаши поперянной пушь. Слу-
жишели носили ихъ имѣише на корабль,
гошповили мѣсто Аскалону, такъ какъ
своему поведишелю, и ожидали нешер-
пѣливо пришешивя его на оной; а онъ
въ уединенномъ мѣстѣ располагалъ вред-
ное свое предирѣятіе, и усердно спа-
рался о произведеніи своего злаго на-
мѣренія въ дѣйство, и какъ началъ
думать, что весьма хорошо располо-
жилъ свои мысли, то пришелъ на ко-
рабль и приказалъ оной ошвалишь оиѣ
берега.

Въ четвертый день ихъ пушеше-
спвя, въ кошорые во всѣ дулѣ имѣ бла-
гополучной въшерѣ, увидѣли они ко-
рабль брошенной на мѣль и почши со-
всѣмъ поврежденной. Аскалонъ посылалъ
туда на маломъ суднѣ, и прѣхавшіе
объявили, что корабль шомѣ стоннѣ
пяшой мѣсяцѣ на семъ мѣстѣ, и люди
на ономъ сѣли всѣ свои припасы, а
теперь бросающіи жеребьи и ѣдяшѣ но-

го, на кошораго падеть сѣ несчастіе, Аскалонъ доѣхалъ самъ на шонѣ корабль, и когда вступилъ на оной, шѣ люди, копорыхъ уже весьма мало остана-лось, бросились къ нему, и упавши передъ его ногами просили избавленія, копорыхъ приказалъ онѣ перевести на свой корабль; попомъ ходя по каюшамъ нашелъ въ оной сидящаго мушину и держащаго на колѣнахъ своихъ прекрас-ную женщину, копорая казалась при послѣднемъ уже издыханіи. Мушина на-зывался Менай, а женщина Ливона, какъ послѣ уже о томъ узнали. Менай сидѣлъ безчувственъ, и смотрѣлъ на Аскалона недвижными глазами; у Ливоны въ ропу былъ его рукавъ, копорой сшоль крѣпко сжала она своими зуба-ми, что насилу выняшь у ней оной могли. Аскалонъ не сжался надъ нею, но почувшовавъ скѣпское желаніе, пред-пріялъ какъ возможно стараться о при-веденіи ее въ хорошее состояніе, послалъ на свой корабль за припасами, и велѣлъ весьма скоро изготовить хорошее ку-шанье. Между шѣмъ, какъ оное готови-ли, шерзался сей нечестивой звѣрь ре-вносно, и въ одну минуту вмѣсто

ожидаемой милости возненавидѣлъ онъ Меная, какъ своего соперника, и приказалъ одному изъ своихъ воиновъ или служишелей взявъ несчастнаго Меная опивезши онъ корабля далѣе, и шамъ бросить его во глубину. Приказаніе его немедленно исполнено, и сей несчастной человѣкъ хотя уже былъ безъ чувствъ, однако когда вели его съ корабля, то думалъ онъ, что подающъ ему руку спасенія и избавляющъ онъ голодной смерти; на ушомленныхъ глазахъ его благодарноснѣ была написана, и онъ цѣловалъ руки у тѣхъ воиновъ, которые вели его на погибель: ибо говорить уже онъ не могъ, и только возводилъ глаза на небо, прося, можетъ быть, у него милости и покровительства своимъ избавишелямъ. Но сія его надежда и съ жизнію вмѣстѣ кончилась въ скоромъ времени: ибо бросилъ его безъ всякаго сожалѣнія во глубину морскую.

Аскалонъ неусыпно стараяся о излеченіи Ливоны умѣренною нищею, которую самъ давалъ ей своими руками, привелъ ее въ нѣкоторое чувство. Она начала уже имѣть движеніе. : получи-

ла спокойное теченіе своихъ мыслей : въ скоромъ времени началъ клонить ее сонъ , и Аскалонъ не мѣшалъ ей успокоиться нѣсколько; а самъ въ то время приказалъ сносить съ корабля сего на свой все шо, что находили они для себя надобное и нужное. Ливона во маломъ времени проснулась и спрашивала у незнакомой женщины , которая сидѣла подлѣ ее, и которая привезена была съ корабля Аскалонова для услугъ ея, куда ошлучился ошъ нес Менай , живѣ ли онъ , и можешъ ли она его увидѣшь ? Малка, шакъ называлась служительница Кидалова , ошвѣчала ей , что она объ немъ ничего не знаешъ , а думаетъ , что ошъ перевезенъ на ихъ корабль, куда и всѣ пересажены люди. Пошомъ уведомила она Аскалона, что Ливона проснулась, которой ни мало не медля пришелъ къ ней и съ помощію другихъ перевезъ ее на свой корабль , гдѣ приказалъ починать ошмѣнною чеснію ; и какъ всѣ взятыя съ разбишаго корабля люди нѣсколько оправились, шо Аскалонъ приказалъ продолжать свой путь, которому былъ проводникомъ духъ данной ему ошъ Гемалиса.

На другой день сего ихъ путешес-
твія Ливона получила почини уже всѣ
пошеряиныя силы, просила неопшступ-
но Аскалона, чтобы онъ позволилъ ей
видѣться съ Менаемъ, о кошоромъ увѣ-
рали ее, что онъ живъ: и находится въ
пользованіи лекарскомъ, для чего уви-
дѣться съ нимъ никоимъ образомъ бы-
ло ей не возможно. Непштовое сердце Ас-
калоново находилось иногда въ великомъ
удовольствіи, и онъ радовался безмѣр-
но, что предвидѣлъ опасносшь и избѣ-
жалъ спрашнаго для себя совмѣшника;
однако не хотѣлъ ей объявишь объ ономъ
до ихъ поръ, покамѣснъ придетъ со-
всѣмъ въ свое здорсье: ибо опасался,
чтобъ не преселилась она въ царство
мершвѣхъ, услышавъ о смерти своего
мужа. Наконецъ когда пришла въ совер-
шенное излеченіе Ливона, тогда Аска-
лонъ увѣдомилъ ее, что мужа ея не
спало, и сколько ни старались о его ис-
цѣленіи, только было все оное напрас-
но. Услышавъ сіе упала Ливона безъ
чувства на постелю, на кошорой тогда
сидѣла, пошеряла живой образъ и каза-
лась мершвою. Всѣ бросились помо-
гашъ ей, и усердныи спараніями при-

вели опять въ чувствво. Такъ тебя уже нѣтъ, возлюбленной мой Менай! говорила она образумившись, и я уже никакой не имѣю надежды увидѣшься съ тобою: немилосердое Небо, на что ты дало жизнь, когда ошпало у меня мужа и любовника! я для него жила на свѣтѣ, а теперь жизнь моя такое для меня бремя, котораго силъ моихъ снести неспособна. Власть твоя была возвращишь мнѣ неадекватное здоровье, а моя теперь воля прекратишь несчастные дни моей жизни. Выговоривъ себѣ бросилась она опять въ постель, будучи обвѣнана великою печалію. Аскалонъ не зналъ, что дѣлать и какъ воздержашъ ее отъ сей чувствуемой ею горести; чего ради разсудилъ за благо оставишь ее на время въ покой,

ГЛАВА VI.

ВЕЧЕРЬ 61.

Начало Ливонина повѣствованія.

Время прошло уже довольно въ печальныхъ обсипящельснвахъ Ливоны, и

вмѣсто чаемаго Аскалономъ утѣшенія наполнялась она еще большимъ опечаленіемъ, и казалась, что супруга своего сполько любила, что и подлинно имѣла свою жизнь для него одного. Всѣ способы и старанія употреблены были Аскалономъ къ воздержанію ее оубъ безпокойства; но однако ничто не помогало. Онъ предпріялъ увѣдомиться оубъ нее, какого она роду и изъ котораго города; сего ради просилъ неосмущенно, чтобъ сказала ему о себѣ все, что ни принадлежитъ до ея похождения; ибо онъ думалъ хотя симъ позабудешъ она нѣсколько своей печали. Несчастливой человекъ не рѣдко находишъ удовольствіе въ изясненіи своихъ напастей другому, и кажешся, что чувствуетъ онъ того нѣкоторую оспраду. Какъ бы несчастія велики ни были; но частымъ повѣствованіемъ объ оныхъ дѣлающа онъ меньшими, и наконецъ почти исчезающъ изъ нашего понятія; привычка бываешъ иногда сильнѣе естества, и что при первомъ случаѣ кажешся намъ несноснымъ, непонятнымъ и совсѣмъ чрезвѣщественнымъ, къ тому не рѣдко мы привыкаемъ и дѣлаемся шакъ спо-

собными, какъ будто бы къ тому одному родились. И шакъ Ливона, чѣмъ наслаждаться ей пуцею горестію воспоминаніемъ возлюбленнаго своего супруга, начала рассказывать Аскалону слѣдующимъ порядкомъ:

Я родилась въ городѣ Приняпѣ, сполнащѣмъ на берегу сего моря, родитель мой купецъ, хоня не первой въ городѣ, однако и не послѣдней; воспитана была во всякомъ довольствѣ, со ошмѣвною любовію ошѣ шѣхъ, которые произвели меня на свѣшѣ. Они прилагали всѣ старанія, чѣмъ сдѣлашь меня добродѣтельною и вкоренишь знаніе о сохраненіи моей чести, шакъ какъ о первой добродѣтели женской. Отецъ мой былъ весьма набоженъ и добродѣшель наблюдалъ сколько снрого, чѣмъ потеряшь свое имѣніе, лишиться жизни, почиталъ ни за что, шюлько чѣмъ бы всегда обитала съ нимъ похвальная кшпинна. Мать моя слѣдовала сему изрядному примѣру, и была непоколебимѣ его въ семъ намѣреніи. Пяпнатцашѣшѣ прожила я отъ рожденія моего, не зная никакого несчастія и безпокойства, и думала, чѣмъ вся жизнь моя

пройденъ въ тишинѣ и спокойствіи; но немилосердное небо не благоволило провести оспаившіе дни мои счастливо, послало на меня всѣ гоненія и напасты, опдала меня во власиъ несправедливаго рока и сдѣлала игролищемъ развращаго несчастія: однимъ словомъ, какъ непостоянное море восколебалось подмною и пожрало все мое благополучіе.

Боманъ, такъ назывался браніи отца моего, былъ человекъ весьма набожной и строгой почишатель закона и добродѣтели, или лучше сказать, такимъ онъ казался подъ симъ похвальнымъ видомъ, кошорой носилъ на себѣ повсеміруно, зналъ весьма хорошо склонности человѣческія, и умѣлъ вкрадываться въ сердца просолюдиновъ. Родители мои почишали его великою чеснію, и думали, что боги посылали имъ оимѣнную свою благодать за то, что дядя мой жаловалъ въ нашъ домъ. Оному поручили меня подъ смопрѣніе, и Боманъ находилъ у меня безвыходно; онъ показывалъ мнѣ начальныя основанія вѣры и училъ богопочишанію. Въ мѣкошорое время въ вечеру, когда ни

отца ни матери моей дома не было, остался онъ у меня долѣе обыкновеннаго, и началъ изъяснять желаніе свое такимъ образомъ: Взлѣвъ мою руку и просилъ, чтобы я показала ему перстни, которые на ней иногда были; чувствовала я, что находился онъ въ необыкновенномъ движеніи, и безъ всякаго разсудка началъ цѣловать мою руку, которую я у него шопчаомъ вырвала, предпріяла возблагодарить его такимъ же образомъ, чему онъ ни мало не противился; наконецъ обналъ меня и поцѣловалъ въ груди. Сей его поступокъ хотя и означалъ нѣсколько дурное его намѣреніе; но близкое родство съ онымъ не позволяло мнѣ тогда ничего ономъ подуманъ. При всей его ошважности старалась я всѣми силами искоренять изъ себя вредныя о немъ мысли, которыя начинали уже вкореняться понемногу въ мое понятіе; чему причиною было великое его смущеніе, робкіе пощупки и глаза, изъясляющіе совсѣмъ его желаніе. Весьма поздно расстался онъ въ сіе время со мною и не бывалъ ко мнѣ цѣлые три дни; по прошествіи же оныхъ объявилъ отцу и матери, что

онъ не домогалъ, а какъ мнѣ казалось, то
 боролся со своею совѣстію. Посидѣвъ у
 меня нѣсколько, наконецъ пошупилъ
 глаза свои въ землю и началъ говорить
 мнѣ такъ: Государыня моя, мнѣ ка-
 жется, ты не удивишься, ежели я ска-
 жу, что я тебя люблю: ибо снрасть
 сія сродное свойство всѣмъ людямъ и
 всякой долженъ любить самого себя;
 но сія любовь такъ, какъ шло безъ
 души, ежели не любишь припомъ бли-
 зняго, великая добродѣтель имѣешь
 началомъ любовь, и къ кому чувстви-
 емъ мы преданность, шому желаемъ
 добра больше, нежели другому, Я тебя
 подтверждаю, что тебя люблю; но
 любовь моя превосходитъ гораздо лю-
 бовь дружескую: ибо шечень она изъ
 шакоег испочинка, въ кошорѣмъ заклю-
 чается жизнь наша и всякое природное
 удовольствіе: словомъ, Государыня, я
 люблю тебя такъ, какъ самой снрас-
 тной любовникъ, а не такъ, какъ ближ-
 ній сродникъ. Сродство въ шакомъ
 случаѣ служитъ только однимъ пус-
 шымъ воображеніемъ, и не можешь быть
 ни малымъ препятствіемъ шому, кто
 правильно разсуждаетъ умѣешь; и еже-

ли бы было сіе шяжкое беззаконіе, то не думаю, чшобы боги бѣли первые тому причиною. Предсхавъ себѣ, Ливона! продолжалъ оубъ: Великій Перунъ избралъ супругу себѣ сеснуру свою родную, Свѣшовидъ совокуплялся часшо съ Ладюю, шакже съ родною своею сеснурою, Купзало жензшъ на своей племзшницѣ, и шакъ дзлѣе; по сему видно, что я не безъ разсужденія вдался въ сію пріятную спрзшшь и позволилъ сердцу моему наслаждзшсья ливонши прелесшзми. Добродѣтель моя не можешъ шерѣшть ливкакого порока, и для шого избралъ я шебя, какъ ничему еще неповинную. Сіе должна почишзшь шы великимъ счастьемъ и не прошивишься моему желанію. Много естъ и свѣшъ женщинъ, кошорыя почишзють меня ошмѣнно; но я презирзш дурныя ихъ свойсшва, ошдаю сердце мое во власшшь шебѣ и прошу удосшоншть меня приняшѣешъ онаго. Родишели швои можешъ на сіе не согласзшсья, и для шого не надобно обзвзлять имъ онаго. Услышавъ сіе, пришла я въ великое замѣшашельсшшо, и не ошвѣчая ему ни слова пошла вошъ чзъ своей команди. Стшрался оубъ меня

удерживаешь, однако не могъ, и такъ пришелъ за мною къ моей маперн. Робость моя, и великое удивленіе были причиною тому, что я не открывала приключенія сего никому и оставила его въ забвеніи.

Въ то время заняли разсужденіе мое различныя воображенія, и я совсѣмъ не знала, какимъ образомъ освободиться мнѣ отъ сего опаснаго любовника. Объявляешь о томъ родителемъ моимъ почитала я за излишнее для того, что они бы мнѣ не повѣрили, и можетъ бы предали еще проклятію. Чтожъ оставалось дѣлать мнѣ въ такихъ опасныхъ для меня общошельствахъ? Разсуждая долго сама съ собою, положила я на слабыя свои защищенія, и предпріяла отъворотить его сама; но чѣмъ больше представляла ему дѣйствіе сіе богопротивнымъ и позорнымъ, тѣмъ больше сей разпращенной человекъ уможалъ въ сердцѣ своемъ неистовую страсть и страшное желаніе. Онъ грѣшавалъ ко мнѣ поминутно, и видя за- всегда мое упорство, вознамѣрился въ вѣкошорѣе время употребить къ тому свои вмѣстѣ съ дьявольскими силами.

Часть IV.

Д

Увидѣвъ сіе я закричала, и грозила ему, что непременно объявлю о семъ моимъ родителемъ; и какъ дѣйствительно вознамѣрилась было я сіе учинить, то Боманъ видя, что произойдеиъ изъ сего весьма дурное для него слѣдствіе, предпріялъ предупредить намѣреніе мое, какимъ бы то образомъ ни было. Опасаясь много пошеранія своего имени и досадуя на меня весьма много, спелелъ сіе нелѣпое приключеніе, которое было для меня великимъ ударомъ и окончаніемъ благополучныя моея жизни.

Вызвавъ въ нѣкоторое время ошца моего въ садъ, и тамъ прогуливаясь съ нимъ весьма прискорбно вздыхалъ, и казалось ошцу моему, что вздохи его происходили ошъ сокрушеннаго сердца: онъ иногда плакалъ, а иногда возводя глаза на небо просилъ у онаго ошпущенія грѣховъ нѣкому, о имени котораго не упоминалъ тогда. Ошецъ мой ошъ природы сколько былъ добродѣшелеиъ, сколько, или больше еще, легковѣренъ; увидѣвъ такую переменъу въ своемъ брашѣ, перемѣнился въ лицѣ и почти пошералъ свои чувства. Боманъ видя, что злое его намѣреніе имѣеиъ хорошій успѣхъ,

и въ семъ первомъ жару говорилъ роди-
 шелю моему слѣдующее: Несчастной
 ошецъ, ты долженъ весьма много съ-
 знать о швоемъ рожденїи, и съ сего
 времени чли лишнншья швоей дочери,
 или по всю швою жизнь шерпнть онѢ
 не великое безпокойство и мученїе;
 боги шѢя сїю наказали, и оча дана
 намѢ онѢ немилосердаго рока поноше-
 ниемъ всего нашего племени. Могъ ли
 ты себѢ когда нибудь предшавнть,
 что она подвержена блуду, и всякую
 ночь посѣщенѢ ея одинѢ молодой че-
 ловѢкѢ весьма дурнаго сложенїя, и ко-
 шорей имѢеши презренныя всѢмъ горо-
 дамѢ пошунки? Я знаю сїе уже давно
 и заснзвалѢ много разѢ ихѢ вмѢстѢ,
 двалѢ ей за сїе весьма грозныя выго-
 воры, грозилѢ жестокомѢ наказанїемѢ
 какѢ здѢсь, такѢ и во адѢ; шерннїе мое
 долго продолжалѢ надѢ мною, но на-
 концеѢ я увидѢлѢ, что она совеѢмъ
 пренебрегала мои совѢшы и впускалась
 онѢ часу больше въ сїи позорныя обра-
 щенїя, онѢ чего великодушїе мое кончи-
 лось, и я принужденѢ былѢ сказаць
 шеѢ объ етомѢ. При семъ словѢ за-
 ндѢся сїи лицемерѢ припворными сле-

лами и пересмалъ говорить ожидая отъ вѣща онѣ пораженнаго сею несносною вѣспію отца моего, коиморой сшоялъ тогда: окаменѣлымъ и не могъ произнести ни одного слова очень долгое время. Наконецъ пришелъ онѣ въ великую запалтивость, и сшоль неограниченную гсчувствовалъ ко мнѣ злоснъ, что въ шу же минушу хотѣлъ опниашъ у меня данную мнѣ имѣ же жизнь безъ всякаго сожалѣнія; но варварѣ его удержалъ и сказалъ, что оное успѣшнѣ онѣ произнесни еѣ дѣйство тогда, когда своими глазами увидишѣ мое беззаконіе. И шакъ спредѣлили ожиданнъ наступающаго вечера, въ коиморой хотѣлъ Романѣ показаннъ отцу моему шого минмаго моего любовника и со мною вмѣстѣ: ибо былъ уже подговоренѣ имѣ шаконъ же плушнѣ, шаконѣ онѣ и самѣ, ко исполненію сего ценшоваго дѣла.

Я находясь тогда въ помѣшашельствѣ разума, не знала ничего о нхъ предпріятіи, всякую минушу спрашнлась моего рока, и была опчаянна имѣшнъ успѣхъ въ сбѣясненіи родншелю моему о негодной ко мнѣ спрашни сего бранна. Тогда находилалъ я въ снхъ раз-

мышленіяхъ, то вошелъ ко мнѣ въ горницу Боманъ и привелъ съ собою нѣкотораго молодаго человека, котораго обошелся со мною весьма ласково. Сіе новое позорище удивило меня несказанно, и я съ превеликою жадностію ожидала вдалѣ его произхожденія. Боманъ со смиреннымъ видомъ, какой онъ обыкновенно имѣлъ, началъ просить у меня прощенія въ непрощительномъ своемъ заблужденіи; послѣ того говорилъ онъ мнѣ, что сей приведенный имъ человекъ будетъ посредникомъ нѣкотораго дѣла весьма для меня нужнаго; попомъ всталъ, идучи вопъ онъ насъ сказалъ, что возвратишся весьма скоро переговоривъ нѣкоторое дѣло съ моимъ оцемъ. И такъ осмалась я одна съ незнкомымъ мнѣ человекомъ, не предвѣщая себѣ никакого изъ сего худаго происхожденія. Сей плути обходился со мною вольно. Въ самое ешо время увидѣла я моего онца, котораго вошедъ въ комнату показался свирѣпымъ, и какъ только подошелъ ко мнѣ, то шопъ незнакомой, которой сидѣлъ со мною, бросился бѣжать изъ моей комнаты, чипобъ большае податъ подозрѣнія легковѣрному оцу моему,

кошорой не говоря миѣ ни слова, взялъ за руку и повелъ на крыльцо; сошедши съ онаго сѣлъ со мною въ дорожную коляску и поѣхалъ безъ служившей не знаю куда, что меня весьма много удивило и испугало.

ГЛАВА VII.

ВЕЧЕРЬ 62.

Продолженіе Ливонина повѣствованія.

Ночь была тогда свѣтлая, и я могла разсмаширивать, какими улицами ѣхала; ошецъ мой нигдѣ въ городъ не оспанавливался и выкесъ меня на поле. Я спрашивала его, куда онъ со мною ѣдетъ; но какъ онъ не ошвѣчалъ миѣ не сіе ни слова, шо я весьма испугалась, и не знала, что о шомъ подумать; наконецъ оспановился подлѣ нѣкошорой роши, и вызвавъ меня изъ коляски повелъ въ середину онаго лѣса, и тамъ вынявъ кинжалъ приказалъ сшань миѣ на колѣни, и сдѣлавъ послѣднее пока-

аніе Богу проситя его обѣ опущеніи
 тяжкаго моего прегрѣшенія. Последун
 его воля учинила я по сѣ великою ро-
 боснію и послѣ просила его о извясне-
 нии моего предѣлимѣ просупка ; но онѣ
 въ великой ярости сказалѣ мнѣ , умри
 прокляная , и ударилѣ меня кинжаломѣ
 въ груди . Симѣ жестокимѣ пораженіемѣ
 ошналѣ у меня всѣ чувства и оснзвалѣ
 бездыханія на шомѣ мѣснѣ . Невинность
 моя не могла защищити меня и изба-
 вить онѣ жестокаго родинельскаго гнѣ-
 ва , которой чувствовалѣ онѣ ко мнѣ
 весьма не правильно .

При разсѣнаніи дня прошивѣ жела-
 нія моего получила я пошеряныя мои
 чувства , и кѣ нущему для меня ошча-
 лнню почувствовала , что данная мнѣ
 ошцемѣ моимѣ рана была не смертель-
 ная . Я бы конечно въ то время прекра-
 яила сама возвращившуюся мою жизнь ,
 ежелибы имѣла кѣ шому способѣ , но
 орудія у меня никакаго тогда не было .
 Такимѣ образомѣ , что я въ то время
 думала и кѣ чему вознамѣривалась , пере-
 сказати яебѣ шого ни конимѣ образомѣ
 не могу ; но только ено помню , что
 я жалѣла обѣ ошцѣ моемѣ , и предспа-

даяла себѣ, какъ онѣ терзался тогда совѣстію, думая, что я переселилась въ царство мерзвыхъ, соболѣзновала о моей мащери, которая съ великою болѣзнію должна была услѣшать какъ о моемъ преснупленіи, шакъ и о смерти, кошорыхъ совѣтѣ со мною не случилось. Думая сіе, внезапно увидѣла передъ собою человека, котораго окружали множество его служившелей; глаза его показывали тогда сердечное обо мнѣ сожалѣніе, и онѣ едва не плакалъ, видя меня въ шакомъ горестномъ состояніи. По маломъ удивленіи приложилъ онѣ всѣ старанія подати нужную въ то время мнѣ помощь. Чего ради самѣ и служивши его понесли меня на рукахъ въ близко сходящій онѣ того загородной дворѣ; отшуда немедленно послалъ за лекаремъ, кошорой весьма скоро и прѣѣхалъ, перевязалъ мою рану, и обнаджилъ меня, что я въ скоромъ времени здорова буду. И въ подлинну чувствовала я весьма малую боль, и сама могла узнатьъ, что жизнь моя онѣ того не прекратилась; однако Менай, ешо былъ мой мужъ: увы! горестное воспоминаніе, возгласила она опчаянно и

облилась слезами , приказалъ лекарю , чтобъ онъ не уѣзжалъ отъ меня до тѣхъ поръ , пока совершенно я выздоровѣю. Сей врачъ приложилъ всякое обо мнѣ стараніе , и въ короткое время исцѣдилъ совсѣмъ мою лзву.

Менай видѣвъ меня совершенно здоровою , былъ пому чрезвычайно радъ. Въ семъ случаѣ разсмѣирился я его прекрасной образъ и узнала всѣ презрѣдья его свойства : онъ былъ человекъ весьма тихаго нрава , разуменъ , добродѣшеленъ и прекрасенъ , видѣ имѣлъ весьма веселой. Си похвальныя его дарованія сдѣлали по , что я почувствовала къ нему неизъясненную снрасть , и была въ семъ случаѣ сполько счастлива , что Менай предупредилъ меня симъ же чувствованіемъ ко мнѣ. Мы писали спрѣчь сѣю въ сердцахъ нашихъ не безъ позволенія другъ отъ друга , и въ такѣхъ не обыкновенныхъ обстоятельствахъ , въ какихъ я иногда находилась , ни мало не старалась воздерживать себя отъ сей любви : по чему думаю , что снрасть сѣя начиналася въ насъ съ позволеніемъ неба ; но теперь върокзволеніемъ немилосердаго рока сдѣ-

сдѣлалась она для насъ громовымъ ударомъ, кошорой поразила насъ совсѣмъ къ нему негошовымъ. Нѣпомянаніе сихъ обещаній умножае мое мученіе и дѣлаеиъ неспособною продолжаніе описаніе нашихъ приключеній. Довольно и сего, что мы другъ друга полюбили сколько много, что въ шонъ же первой случай клялись другъ другу вѣчною вѣрностію и обазались брачнымъ сочешаніемъ. Менай не зила, кто я шакова, а я не хонѣла онкрыиъ моего произхожденія, къ чему онъ меня и не принуждалъ; и такъ спустя нѣсколько времени поѣхали мы на его родину, которая онешояла онъ города сонъ на лянъ версиъ. Прѣѣхавъ шуда предсказилъ онъ меня своей манери, кошорая сперва хонѣла извѣстиишья о моемъ поколеніи; но какъ онаго узнать сѣ было не возможно, шо наименовавъ меня подлою, ужасно освирѣпѣла и ругала своего сына, что онъ безъ позволенія ея женился. И такъ начала я прешердѣвать независиъ и гоненіе онъ моей свекрови; но все оное презирала, когда имѣла въ глазахъ моихъ возлюбленнаго моего мужа, кошорой починалъ за

первую себѣ должность увеселять меня поминушно. Время продолжалось больше году, въ которое не спрашивалась я никакой напасти, только сожалѣла о моихъ родителехъ, которые были въ великомъ невѣдѣнн съо мнѣ. Наконецъ пришелъ плачевной день, злой часъ и пагубная минуша, которые разлучили меня съ жизнью ошнакъ Мсая: ибо сказано было ѣхать ему на войну. Взять меня съ собою ни коимъ образомъ ему было не возможно; и шакъ прощаяся со мною споялъ онъ на колѣняхъ передъ своею машерью и облившись горькими слезами просилъ ее о несомнѣнн меня, какъ шаккой супруги, съ которою сопряжена жизнь его и благополучіе. Я уже не помню, какъ я съ нимъ распалась и о чемъ его тогда просила.

По двунедѣльной съ нимъ разлукѣ узнала всю злоспъ неистовой моей свекрови, и чшо она была женщина шаккая, которая почишающа злѣе Фурій и не спрашатся самаго ада. На всякой часъ осыпала она меня бранными словами, и укоряла совсѣмъ неизвѣспнымъ мнѣ чарованіемъ, сказывая, будшо бы я околдовала ся сына. Злцлась она на

меня за то, что принуждена была отказаться и въ кошорой боярынь, копорую она выбрала сыну своему въ невѣснѣ. Наконецъ приказала отвести меня на нѣ мѣсто, на кошоромъ они нашли, и шамъ бросить безъ всякаго поначенія. Сіе со мною исполнили, и я осталась шамъ бѣднѣ всякой швари, не имѣя ни мѣста, ни пристанища, ниже какой нибудь надежды къ полученію онаго. Что должно было начать въ шакомъ бѣдственномъ состояніи и въ чемъ искашь спасенія, куда обратиться, и съ кошорой стороны ожидать себѣ помощи? Совсѣмъ ошчаянна спала я тогда на колѣни, и возведши глаза на небо обилася слезами и просила милосердяхъ боговъ о низпосланіи миѣ помощи ошъ нихъ; ибо гонима я была людьми, елѣдовательно въ нихъ однихъ осшавалось мое спасеніе.

Я находилась долгое время въ нихъ молитвахъ; наконецъ шихя ночь принудила меня нѣсколько успокоиться. Сколько сонъ покоилъ мои члены, шото я не вѣдаю, для шото, что нѣкошорое сшешаніе, кошорое происходило подлѣ меня весьма близко, прекратило

оной, и возвратило мнѣ опять горестныя мои мысли. Приподнявшись нѣсколько отъ земли услышала я, что человекъ весьма горестно плачетъ. Страхъ меня обуялъ, какъ послышалось мнѣ мое имя, которое шепчѣтъ человекъ упоминалъ весьма часто, и еще нуще пришла я въ превеликое удивленіе, когда голосъ его показался мнѣ похожимъ на голосъ моего отца. Я вснула потчасъ, пошла на голосъ, и при помощи слабаго сіянїя отъ луны издѣлалась разсмотрѣнь шого человека. Милосердые боги! въ какое пришла я тогда удивленіе, какъ увидѣла отца моего, которой припадая оплакивалъ то мѣсто, на которомъ, по мнѣнію его, умертвилъ меня невинную! Подошедъ къ нему близко я османоуіася и дожидалась, что изъ шого произойдетъ. Въ скоромъ времени взглянулъ онъ на меня, и упавъ опять на землю, говорилъ сіе: Праведные боги, я убійца моей дочери и достоинъ за сіе жестокаго наказанїя; разише меня по вашему соизволенїю, только не посылайше мечнаться передо мною лѣни ея; я знаю, что она пришла мучить меня, до ны изгладиле

сперва избъ меня душу, и допомѣ опредѣлише на всѣ адскія мученія; а будучи еще въ жизни моей, не могу я безъ великаго страха взирати на шквнѣ моей дочери. Выслушавъ сіе, говорила я: Возлюбленный мой родителъ, ны напрасно починяешь меня мертвою, я жива и достойна называться швоею дочерью; попомѣ увѣдомила его о всемѣ, что произошло со мною тогда, какъ онѣ осматривалъ меня послѣ пораженія, и какимѣ случаемѣ пришла я опять на сіе мѣсто. Послѣ сего возвелъ онѣ глаза свои на меня, кошорые исполнены были страха и удивленія, и жадно осматривалъ меня долгое время. Такъ я не обманываюсь, сказалъ онѣ пренебрежши, и боги для меня сколько милосивы, что прошивъ воли моей избавили меня непрестаннаго грѣха и всѣхъ адскихъ мученій за оной. Дѣйствительно такъ ошвѣчала я ему, и ны, родителъ мой, но долженъ сумнѣваться больше о моей жизни. Но сихъ словахъ спалъ онѣ на колѣни и благодарилъ милосердое небо онѣ сокрушеннаго сердца; слезы его проливались уже тогда онѣ радости, а не онѣ жестокой печали; по-

помѣ обнялъ меня и лобызалъ въ великомъ восхищеніи, просилъ прощенія за учиненную мнѣ не правильно обиду, о которой не хотѣлъ увѣдомить меня прежде свиданія моего съ матерью. И такъ немедленно пошли мы въ городъ.

Но пришедши въ домъ сдѣлалась въ ономъ такая радость, что изъяснить оной ни коимъ образомъ не возможно. Мать моя бросилась ко мнѣ на шею, и цалуя меня не могла оиѣ великой радости выговорить ни одного слова. Всѣ домашніе упали къ моимъ ногамъ и цаловали чужие руки, а другіе плашье, всякой радовался и орошалъ меня своими слезами; отецъ не зналъ что тогда дѣлать, и только кричалъ, чтобъ въ одну минуту собрали всю нашу родню, которые немедленно всѣ и съѣхались. И такъ вся ночь прошла у насъ въ великой радости, во удивленіи и во взаимныхъ привѣтствіяхъ; наступившей день былъ шаковъ же, и два еще за онымъ слѣдующіе. Пріехали отца моего знакомые и не знакомые услышавъ о такой радости, сходилися шопами въ нашъ домъ, поздравляли отца

моего со обрѣщеніемъ погибшія его дочери, и желали еще шого времени всякаго ему счастья.

На четвершой день желала я непременно увѣдомиться о превратившейся моей судьбинѣ, и будучи одна съ моею машерью, просила ее, чтобы она увѣдомила меня объ ономъ. Ты должна просишь швоему лицу, говорила она, что еще, не зная швоей невинности, поступилъ съ тобою шолико строго, для шого что должность его шого требовала; и мы бы починали себя до сихъ поръ виновною, ежелибы Боманъ при смерти своей не объявилъ намъ о шомъ подробно. Онъ при послѣднемъ уже издыханіи покался въ семъ пресупленіи передъ богами и передъ нами, просилъ у насъ и у себя прощенія, и сдѣлавъ сіе покаяніе скончался. Узнавъ, что шы ни мало не виновна овладѣла нами шюка и сожалѣніе, и ешлыбы плачешное сіе время еще нѣсколько продоллось, тогда уже бы шы не увидѣла меня живую. Ошщъ штой каждой вечеръ ходилъ оплывавшъ по мѣсно, на которомъ тебя шакъ звѣрки умершвилъ, а я наполняла мочамъ слезами и воплемъ все мѣ-

ѣта въ нашемъ обитаніи : однимъ словомъ , сдѣлался нашъ домъ домомъ плача и опчаянія. Многие ходили къ намъ и воздерживали насъ отъ печали; но увидѣвъ, что мы никакъ утѣшиться не можемъ, оставили наконецъ во власнь рыданія нашего и смертельной печали. Мужъ мой и я лишилася было упопребленія пищи , и положили оба вмѣстѣ ожидать конца жизни нашей непременно , и сами сѣбѣ готовили все , что ни принадлежишь къ печальнымъ обрядамъ; но боги ѣжались, можешъ бышь, на нашу печаль, и услышавъ наши молишвы , кошорыя мы каждой часъ возсылали на небо, послали намъ свою неизреченную милосшь, кошорая всякое ихъ милосердіе превосходишь ; возвратили намъ шебя , чѣмъ перемѣнили плачевную жизнь нашу въ радосшную и благополучную.

ГЛАВА VIII.

ВЕЧЕРЬ 63.

Конецъ Ливонину повѣствованію.

Сыскавъ къ тому способное время, увѣдомила я родишелей моихъ подробно обо всемъ шомъ, что со мною ни происходило, и просила извиненія, что безъ позволенія ихъ сочелась бракомъ, что просили они мнѣ безъ всякой упорности; и такъ начала я жить спокойно, но безпокоилась весьма много о Менаѣ, увѣдомишь его ни какимъ образомъ было не возможно, ибо не знала, гдѣ онъ находится. По прошествіи полугода вышла изъ шеришья и послала нарочно въ домъ къ моему мужу увѣдомишь его, что я нахожуся въ Приняшьк у моихъ родишелей; въ ожиданіи же сего человека препроводила я время увеселя ошца моего и мать. Въ нѣкошорой день завхалъ къ намъ лекаръ, кошорой пользовалъ моего ошца; поговоривъ нѣсколько съ нимъ, хощалъ онъ ѣхать домой; я просила его, чтобы онъ осшлся у насъ на время: ибо былъ онъ весьма веселаго духа и обходился съ людьми весьма изрядно, и такъ чтобы

вселяте препроводишь намъ съ нимъ время ; но онъ сказалъ мнѣ , что поспѣшавшій къ одному молодому господину , коимъ прѣхалъ сюда въ городъ для сысканія своей жены , и коимъ не нашедъ оной , пришелъ въ великое опчяніе , получилъ сильную горячку , и теперь опчянно боленъ . Какъ его имя , спросила я у лекаря ? Онъ называется Мелчій , опивчалъ мнѣ врачъ , и господиный не послѣдній нашего государства . По сихъ его словахъ не могла я скрыть моей радости , бросилась къ лицу моему и къ мащери и кричала имъ , что я нашла моего супруга . Родилели мои бѣжали его вспрѣвшишь и изъявишь ему свою радость ; но лекарь увѣдомилъ ихъ , что онъ опчянно боленъ и находится по незнанію своей жены въ другомъ домѣ . Что касается до мела , то я снѣшила какъ возможно скорѣе его увидѣшь , и просила врача , чтобы онъ указалъ мнѣ его домъ ; но онъ на сіе не согласился , и говорилъ мнѣ , чтобы я воздержала свое спремленіе : ибо симъ свиданіемъ , коимъ пронешишь весьма много больнаго , могу его лишиться на вѣки . Желаніе мое перевоз-

могало всякую опасность, и я неотступно просила его, чтобы лекарь сыскалъ мнѣ какой нибудь способъ увидѣть въ тотъ день возлюбленнаго моего мужа, для того что я и самой истиннѣ не вѣрила, и думала, что слухъ меня обманываетъ. Лекарь предложилъ мнѣ шушя, чтобы я одѣвнись въ мужеское платье предсшавила изъ себя аптекарскую особу, только чтобы произвешисе весьма оспорожно. Сіе предложеніе такъ мнѣ понравилось, что я тотчасъ появилась къ нему аптекаремъ; и такъ поѣхали мы къ Менаю, котораго нашли почти при послѣднемъ издыханіи. Врачъ въ то время не только пользовалъ больнаго, сколько удерживалъ меня, чтобы я не открылась моему супругу: ибо отъ того зависѣлъ его животъ и мое благополучіе и жизнь, и для того приказалъ мнѣ ѣхать домой, а самъ хотѣлъ начать дѣлать открытіе моему мужу обо мнѣ, и то весьма оспорожно и при случаѣ хорошемъ. Такимъ образомъ оставила я ихъ и прѣѣхала домой съ великою радостію, не спасаясь ни мало кончины своего мужа: ибо сердце мнѣ того не предвѣщало, а сей вѣсшникъ никогда насъ не обманы-

ваешѣ и естъ справедливѣ на свѣтѣ. Всякой день увѣдомлялѣ меня лекарь о сосшоянїи моего мужа, и какѣ ошкрылѣ ему обо мнѣ, по поминутно началѣ онѣ получаѣ новыя силы кѣ своему облегченїю. Освободясь совсѣмѣ отѣ болѣзни прїѣхалѣ вѣ нашѣ домѣ, и какая проишла тогда между нами радость, о томѣ я умолчу; ибо такїя происхожденїя увеселяютѣ однихѣ только любовниковѣ. Вѣ семѣ случаѣ благополучїе мое свершилось и продолжилось еще не меньше года, кошорое время жилѣ Менай вѣ домѣ опца моего вѣ угодность его и моеї матери; шакже опасаясь и своей родительницы, кошорая не только меня, но его прокляшїю предавала. Наконцѣ увѣдомили его, что мать его скончалась, проспивѣ его и меня при своей смерти. Вѣ вїе время начали мы собиранѣ на Менаеву опчизну, и можешѣ бышѣ опредѣлено было рокомѣ скончатѣя моему мужу. Вздумалѣ онѣ ѣхатѣ моремѣ, онѣ чего хошя и всѣ удерживали его, однако не согласился онѣ оставишѣ своего предпрїятїя. Проспившись со всѣми сѣ великими слезами, сѣли мы на корабль и ѣхали до

шого мѣсяца, на кошорахъ вы насъ нашли, весьма благополучно. Но восшавшая вдругъ необыкновенная буря посадила насъ на сіе мѣсто, изломавъ напередъ мачты и оборвавъ парусы и спасши. Четыре мѣсяца пробавлялись мы съ самыми припасами: ибо на сколько времени готовлено было оныхъ, и ожидали какого нибудь спасенія; но до вашего не видали мы ни одного корабля. Въ началѣ нашего плывенія уже намъ было лишаться, и шакъ начали мерещь слуги наши и манрозы; мужъ мой сохранялъ для меня нѣсколько оснашковъ изъ пищи нашей, но и та вся уже изшла; плывшей не имѣла я въ рошу своемъ ничего, и шакъ ошъ сего пошеряла силы и пришла наконецъ въ безпамятство; какимъ образомъ пришли вы на нашъ корабль, какъ ошлучили меня ошъ Меная, и какъ спасли ошъ смерти, шого ничего не помню, ибо была я шогда совсѣмъ уже безъ чувствва.

Такимъ образомъ окончала Ливона свое повѣствованіе, и вдаласъ въ пуцее ошчаяніе вмѣсто чаемаго дѣялономъ облегченія. Съ сихъ поръ ошворилися испочинки слезъ изъ глазъ ея и ни на

одну минуту не осутали ея лица. Аскалонъ не чувствуюя въ себѣ ни совѣсти, ни малѣйшаго сожалѣнія, началъ безстыднымъ образомъ открывать ей свою страсть, кою Ливона ни мало сошнѣшнвованъ не хотѣла, и укоряла его шѣмъ, что онъ имѣетъ варварское сердце. Неудовольной избавишель видя, что ласкою не можеть получитьъ онъ все своего желанія, употребилъ къ тому силу и власть свою. Но семъ презрѣннымъ поруганіи Ливона сдѣлалась совѣмъ ошчаянною, и въ наступившую ночь прекранила свой живонъ и прибывше съ нешновымъ Аскалономъ, кою по ушпру велѣлъ ее бросить въ море безъ всякаго сожалѣнія.

Въ сей день объявилъ духъ Аскалону, что находящяся они не въ дальнемъ разшояніи онъ осирововъ Млакоиа и Нія; чего ради шпорично началъ Аскалонъ выдумывать способы, какимъ бы образомъ прешупишь ему къ своему намѣренію. Первое, просилъ онъ духа, чтобъ перемѣнилъ онъ видъ его и голосъ, кою немедленно оное исполнилъ, и далъ ему образъ лѣшъ осмидесяти человека, украшеннаго большою

бородою и сѣдиною. Такимъ образомъ сдѣлались прикрыты все его звѣрскія и презрѣныя доспойныя свойства симъ почтеннымъ видомъ и плашьемъ къ шому приличнымъ, и сей адской Хамелонъ находился уже вдвое способнымъ вредить смертному племени. На другой день прислади они къ Млаконскому берегу и испросивъ позволеніе, впущены были въ гавань. Аскалонъ прежде всего старался увѣдомиться объ обшояшельствахъ Алима и Аскляды, кошорое все рассказали ему безъ всякаго сомнѣнія, и увѣдомили его, что они находящіяся въ благополучіи, и что согласіе и любовь народа не дѣлающъ имъ никакого безпокойства: однимъ словомъ, имѣющъ они такую жизнь, кошорой лучше желать не должно, и кошорую рѣдко сыскать можно.

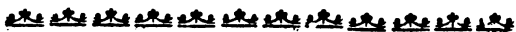
Ничто такъ скоро подвигнуть не могло на неизрѣченную злосць Аскалона, какъ благополучіе Алимова. Услышавъ о семъ не хотѣлъ ни минушы медлить, и желалъ въ то же самое время лишить сугруги Млаконскаго обладателя: но духъ согласенъ на сіе не былъ и говорилъ, что имѣетъ приказаніе отъ

Гомалиса, чшобѣ произвести сіе дѣло тайнымъ образомъ, а не явнымъ; и такѣ совѣщовалѣ Аскалону оппустить корабль и со всѣми своимъ служителями: ибо тебѣ въ немъ нужды не будетѣ, говорилѣ онѣ Аскалону, коптою и приказалѣ немедленно оное учинить; а духъ продолжалѣ совѣщованъ, чшобѣ ишии имѣ въ близкую онѣ города пущыню, и шамѣ вселишься до времени. Какѣ согласились, такѣ и сдѣлали. Пришедѣ въ назначенное ими мѣсто, сыскали они пещеру при подошвѣ нѣкошорой высокой и крушой горы и шупѣ вселились. Рѣдко случается на свѣтѣ, чшобы нащелѣ кто двухъ чершей пущыниковѣ; но въ шо время бы найши ихѣ можно было, шо есмѣ Аскалона и его духа. Расположившись шупѣ приказалѣ Аскалонѣ злему своему духу сыскаць для него мершвую человѣческую голову, исшуканѣ какого нибудѣ бога, большую, но не писанную книгу, зеркало и чернаго флеру большой лоскунѣ, кошорое все немедленно было принесено его духомъ. Исшуканѣ посшавилѣ онѣ на сполкѣ, подѣ ногами его положиѣ головной черепѣ, а передѣ нимѣ разогнутую

книгу, зеркало повѣсилъ на стѣнѣ и закрылъ его флеромъ. Пономъ оборо- нясь ко своему демону, говорилъ ему повелишестнымъ образомъ: Заклинаю тебѣ всѣмъ адомъ, саманою, швоимъ обладашелемъ и Гомалисомъ великимъ княземъ духовъ, сдѣлай мнѣ сію книгу, чшобы она показывала въ себѣ будущее, и открывала по моему желанію каждому человеку его судьбину; а зеркало сіе прешвори въ неслыханную доселѣ вещь, и учини, чшобы оно показывало все шо, о чемъ кто ни вздумашь. Бѣсъ выслу- шавъ сіе, неходилъ нѣсколько времени безоловесенъ, наконецъ спросилъ Аска- лона: принадлежишь ли сіе до Асклі- ады? Конечно, ошвѣчалъ ему повели- шель: ибо симъ намѣренъ я совершишь мое предпріятіе и имѣшь въ рукахъ мо- ихъ супругу здѣшняго Князя. Когда шакъ, продолжалъ демонъ, шо я дол- женъ по приказанію Гомалисову тебѣ повиноваться. Ты долженъ Аскалонъ на нѣсколько времени вышши изъ сей пе- щеры: ибо не можешь снесши шѣхъ шпраховъ, которые при исполненіи се- го могушь тебѣ приключишь; я дол- жемъ созываць къ себѣ множество лю-

варицей, которыхъ виды и обхожденія
 умерившишь себя можешь. Аскалонъ по-
 слушавъ его словъ и вышелъ изъ пеще-
 ры пребывавъ цѣлую ночь въ густошѣ-
 лѣсной, но и при разсвѣтаніи дня не
 смѣлъ пойти къ своему духу, а ожи-
 далъ принесивія его къ себѣ. Оный по-
 явился ему совсѣмъ въ другомъ видѣ,
 и казался объявиъ весь пламенемъ. Ис-
 полно по своему желанію, говорилъ
 демонъ Аскалону, зеркало предсказъ-
 явиши все, что ты ни вздумаешь; а
 книга шаковой, какую ты желалъ, весь-
 ма и вся наша сила сдѣлашь не могли,
 а вмѣсто дѣйствительнаго прорицанія
 наполнили ее лживымъ и ласкашель-
 нымъ всякому человеку. Пойдемъ, я
 тебѣ покажу его опыти. Аскалонъ пре-
 жде всего хотѣлъ узнать, для чего онъ
 показался ему въ огнѣ. Для того, го-
 горилъ онъ, что только сію минушу
 вышелъ изъ ада, гдѣ не только мы,
 но и самъ князь духовъ повсяминушо
 мучился. Пришедши въ пещеру, на-
 крылъ онъ Аскалона шѣмъ чернымъ фле-
 ромъ, и велѣлъ смотрѣти въ зеркало,
 и шовъ все, что ни вздумывалъ видѣлъ;
 потомъ посадилъ его на очарованной

спуль накрышаго шѣмъ же флеромъ ; раскрывъ передъ нимъ книгу ведѣль чинашь, гдѣ Аскалонъ находилъ для себя тысячи благополучій, копорыя про-рекадися ему различными образами. И такъ, будучи симъ весьма доволенъ, положилъ ожидать къ себѣ Алима, и сими вещами получить себѣ онъ него великое почшеніе и преданносшь, овладѣшь его разумомъ и склонишь на свою сторону.

ГЛАВА IX.

ВЕЧЕРЬ 64.

Продолженіе повѣсти объ Аскалонѣ.

На друго йденъ приказалъ своему духу, какъ возможно, спарашься привлечь Алима въ ихъ пустыню, копорой ни мало не медля показалъ въ семъ дѣлѣ великое свое могущество и проворство: ибо для дьявола хощя не все, однако многое на свѣтѣ возможно. Превращилъ ся онъ въ свирѣпаго кабана и выбѣжавъ

изъ лѣсу, разгонялъ стада, пасущіяся на поляхъ, и потомъ скрылся опять въ томъ же лѣсу. Пастухи сіе увидѣвъ объявили въ городъ, и въ скоромъ времени вѣспѣ сія дошла до Алима, коимъ будучи великой охошникъ и оберегатель своихъ подданныхъ, велѣлъ изгнать ихъ къ сраженію съ онымъ, и похалъ самъ искать того звѣря. Долгое время находились они въ лѣсу, и не могли сыскать вепря, ибо и искали его по напрасну; наконецъ Алимъ нашелъ злодѣя своего и дьявола. Любопытствуя вошелъ онъ въ ихъ пусыню; въ то время Аскалонъ стоялъ передъ искуканомъ, будто исполняя молитвы, но въ самомъ дѣлѣ соплешая ближнему гибель; увидѣвъ сего почтеннаго мужа, поклонился ему Алимъ весьма низко; а Аскалонъ просилъ его къ себѣ милости и благодарилъ за посѣщеніе; дьяволъ стоялъ тогда смиренно и готовился услуживать своему повелителю. По многихъ учивосіяхъ съ обѣихъ сторонъ сѣли они кому гдѣ случилось, и Алимъ просилъ Аскалона, чтобы онъ уведомилъ его о себѣ и также о богоугодномъ ихъ житіи. Меня называли

въ мѣрѣ Врашусакомѣ, а услужника моего Губнасомѣ. Сїи выдуманная имена сказываны были кешашѣ, также и то описаніе, которое объявилъ о себѣ Аскалонѣ; и Алимѣ никоимъ образомъ увидѣшь было не возможно ихъ обману: ибо онѣ не могъ проицашъ во внутренность человѣческую. По окончаніи выдуманной повѣсти говорилъ Аскалонѣ Алимѣ, что онѣ любезнаго своего гостя за пощженіе возблагодарилъ до самой послѣдней услуги. Скажи мнѣ, говорилъ онѣ Алимѣ, кого бы ны желалъ шенерь увидѣшь прежде всѣхъ; ибо думалъ Аскалонѣ, что пожеланіе Алимѣ увидѣшь Аскладу, которую онѣ весьма горячо любилъ; но Алимѣ отвѣчалъ ему прошивное. Добродѣтельной мужъ Врашисанѣ, началъ говорить ему Млаконской обладашъ, я починаю за верьхъ моего благополучія и всегда некусь, чтобъ узнать мнѣ моего родителя, но еслили ны сшоль любезенъ богамъ и снисходительнѣ къ смертнымъ, что можеть показашъ мнѣ сїю милость, и давъ сверхъ естественное зрѣніе, откроеть мнѣ образъ моего родителя, то я со всѣмъ ошдамся во власъ твою

и всякую услугу сдѣлаши тебѣ въ состояніи. Аскалонъ нѣсколько подумавъ, обѣщавъ сдѣлаши ему сіе открытіе, чѣмъ сколько обрадованъ сшавъ Алимъ, что находился тогда въ себя.

Аскалонъ велѣвъ ему вснати, взявъ черной флеръ покрывъ его и приказавъ смонрѣши въ зеркало. Видѣніе было Алимъ шакое: Представилось ему проснранное и снаршное подземельное жилище, кошораго снѣны сдѣланы были изъ камней, но весьма ошѣ долгаго времени въ нѣкошорыхъ мѣснхъ развалились, и казались, что обросли ядовишою шравою; по серединѣ онаго висѣла лампада, кошора я давала умѣренной свѣшѣ всему плачушему зданію; впереди снаояла софа, на кошорой лежалъ облокопясь на руку еще въ самой порѣ почипенный мужъ въ домашнемъ, а не въ воинскомъ плашѣ. Въ головахъ и въ ногахъ у него сидѣли два воина съ ошаженными мечами, кошорые облокопясь шакже на руки снали; спокойснвіе и шншина обшпали въ семъ мѣснѣ, и казалось, что все снаралось снхъ снащихъ мужей обременящъ снамъ до скончанія вѣка. Плашье на оныхъ было

Славенское, и сей почтенный мужъ спод-
 ко походилъ на Алимъ, или Алимъ на
 него, что двѣ капли воды не могли
 бытъ ихъ сходиже; надъ головой его
 повѣшена была доска, на которой изо-
 бражены были сѣи слова: „ Сей госу-
 „ дарь и два при немъ воина опочива-
 „ ютъ дванацать лѣтъ не прѣсынаяся
 „ ик на минушу; но воскреситъ ихъ ошъ
 „ сего смершнаго сна чужестранецъ яръ-
 „ ъхавшій сюда на Дельфинъ, тогда
 „ начнешя опять счастье сего народа. „
 Что долженъ былъ думать Алимъ,
 увидѣвъ отца своего въ первой еще разъ
 ошъ роду и въ такомъ жалкомъ состо-
 ятїи? Собирая силы свои и укрѣпляя
 сердце, просилъ Врашисаа, чтобъ по-
 казалъ его родителницу, также брать-
 евъ и сестеръ. Смотри, сказалъ ему
 Аскалонъ. Второе видѣнїе предсави-
 лось Алимѹ слѣдующаго содержания:
 Высокая и неприступная гора, окру-
 женная вся моремъ, по се; еднѣ; копорой
 прикована была женщина весьма тол-
 стыми желѣзными цѣпями, копорой
 двѣ хищныя птицы шерзали грудн; и
 ея женщина шерпѣла великое мученїе;
 и находилась тогда въ ончалїи. Алимъ

увидѣвъ се прослезился: ибо болѣзнь
 машери его весьма много тронула его
 сердце; пошомъ увидѣвъ онъ сест-
 ру свою, кошорая изыпалась Плаке-
 шою: она стояла между деревъ, под-
 держиваема двумя воинами и была об-
 яна великимъ страхомъ или опчаянї-
 емъ, чпо образъ ея въ то время пока-
 зывалъ; окружена многими воинами,
 кошорые находились въ великой печали.
 Пошомъ Аскалонъ снялъ съ него покры-
 вало и повѣсилъ на зеркало. Алимъ спра-
 шивалъ у него, для чего не могъ онъ
 увидѣшь своихъ братьевъ. Для шого,
 ошвѣчалъ ему Аскалонъ, чпо и чшъ уже
 ихъ на семъ свѣшъ, или совсѣмъ пы
 ихъ не имѣлъ. Чудно казалось шогда
 превращенному Аскалону, чпо Плакеша
 родная сестра Алимѹ; однако не ош-
 крылъ онъ ему, чпо имѣлъ свиданїе
 съ нею на ошровѣ; ибо по сему могло
 бы пасть на него нѣкошорое подозрѣнїе,
 и шакъ не говорилъ онъ о шомъ ни сло-
 ва. Алимъ сидѣлъ шогда въ великомъ
 удивленїи и думалъ, чпо бестѹешъ онъ
 теперь съ какимъ нибудь богомъ или
 по крайней мѣрѣ съ шакимъ человекомъ,
 кошорой угодилъ имъ весьма много, для

Часть IV.

Ж

того что сіе чрезѣспественное показаніе превосходило его помяніе. Въ одну минушу возгорѣлася любовь въ сердцѣ Алимовомѣ ко своимѣ родителемѣ; началъ онѣ чувствовати обѣ оныхѣ сожалѣніе, и предпріятѣ сысканіе и видѣніе непременно; и такѣ просилъ Враписана, чпобѣ оной уведомилѣ его о мѣснѣ его рожденія, и какѣ оное называется; чего Аскалонѣ открыти ему не хошѣлѣ, ибо онѣ и самѣ того не вѣдалѣ. И такѣ Алимѣ поблагодарилѣ Враписана отѣ искренняго сердца за такую неслыханную милость, обѣдая сему пусшыннику усердное свое покровительство и всегдашнія услуги, поѣхалѣ во дворецѣ исполненѣ будучи различными воображеніями.

Сіе благополучіе, мнѣ кажется, превосходнѣе всякое на свѣтѣ, чпо не знавѣ отѣ роду своимѣ родителемѣ имѣніе счастья ихѣ увидѣши. Алимѣ прѣѣхавѣ домой съ радостнымѣ веселоргомѣ, обѣявилѣ о томѣ Аскалѣдѣ, которая весьма долгое время не соглашалась сему вѣрнѣ; наконецѣ убѣждена будучи ясными доказательствами отѣ своего мужа, кѣ превеликому удивленію узнала, чпо

что правда, и для того вселилось въ нее несшерпимое желаніе увидѣшь того почтеннаго мужа. Но когда Алимъ объявилъ ей свое желаніе, что хочетъ онъ на время ее оставишь, поручишь правленіе свое Бейгаму, какъ первому своему другу, и ѣхашъ искашь своего отца; то вдругъ она оробѣла, и не знала, что говоришь мужу своему въ то время. Тренсущее ея сердце почувствовало можешъ бышь, что она должна впоследствіе съ нимъ просишься, и ешо сердечное предвѣщаніе было причиною тому, что пролкая горькіе слезы удерживала своего мужа, не выговаривая ему никакихъ важныхъ причинъ, кошорыя въ женской ея печали не всходили можешъ бышь ей на разумъ.

Въ наступавшій день, когда уже Алимъ дѣйствишельно вознамѣрился искашь своего родишеля, приказавъ всему народу собраться на публичную площадь, и шамъ вознамѣрился опкрышь имъ свое желаніе, и при всѣхъ поручишь правленіе Бейгаму въ опущеннн своемъ, чипобъ былъ къждой самі свидѣшелемъ его опредѣленія; и когда собрался весь народъ, шо говорилъ онъ имъ

слѣдующее : По окончаніи моей вмѣстѣ
 съ народною печали обнищаетъ благопо-
 лучіе на островахъ нашихъ , которое
 милосшію всецѣдрыхъ боговъ кажешся
 намъ непоколебимо. Миръ и изрядное
 состояніе народа приводитъ сердце мое
 въ великое удовольствіе : ибо благопо-
 лучіе моихъ подданныхъ почишаю я боль-
 шимъ для себя счастьемъ , нежели бла-
 гополучіе моего дому ; хотя и сопряже-
 но оное съ народнымъ , но я о немъ не
 столько спараюсь, сколько о соспояніи
 всего общесства , въ которомъ полагаю
 все мое счастье и защищеніе. Но прене-
 рѣніи многихъ мною безпокойшимъ и
 мученій сдѣлались боги ко мнѣ мило-
 серды , вручили мнѣ опняшой пресполь
 и ушвердили державу мою во вѣки ; но
 нынѣ снизходишь на меня большее ихъ
 милосердіе ; они открыли мнѣ моихъ
 родителей , и я вчера извѣстился объ
 оныхъ : для того намѣренъ васъ на время
 осшавить ; въ осшущствіи моемъ пору-
 чаю правительсство Бейгаму , и прошу,
 чинсь оному повиновались вы шакъ ,
 какъ своему Государю , а я надѣюсь воз-
 вращишься къ скоромъ времени. Думаю,
 что сіе мое намѣреніе приняшо будетъ

опѣ васѣ съ великимъ удовольствіемъ , всякой вообразя любовь къ родишелямъ , узнаешѣ , сколько они нужны въ нашей жизни. Народѣ повиновался безѣ прекословія его волѣ , и шакѣ съ сихъ порѣ началось прѣугошповленіе къ предпріятному нуши. Аскліада не имѣя никакой надежды ѣхашѣ съ своимъ мужемъ , просила его неосшсупно умолиши Врашисана , чшобы онѣ согласился жишѣ во дворцѣ вмѣсшѣ съ нею : ибо намѣреніе ея было шакое , чшобѣ имѣть завсегда въ глазахѣ Алимма помощію шого чрезѣсмешвеннаго зеркала , и думала она еще , чшо Врашисанѣ имѣя добродѣтельную жизнь и весьма просвѣщенной разумѣ , будешѣ воздерживать ее онѣ печали. Человѣкѣ имѣешѣ шакое глубокое невѣденіе , чшо не рѣдко ищеть самѣ своей погибели и усердно спарается ввесши себя въ бездну злоключеній. Алимѣ желаніе ея хошѣлѣ непременно испосишѣ : ибо думалѣ онѣ , чшо сдѣлаешѣ ей шѣмѣ великое облегченіе въ печали; и для шого поѣхалѣ онѣ одинѣ въ нушыню къ Аскалону , и просилѣ его неосшсупно о шой милосши. Развращенной набожникѣ долгое время на сіе не

соглашался, чшобѣ больше утвердши о себѣ невинну и увѣрши невѣдущаго Алима въ своей добродѣтели. Онѣ представяла ему, чшо сущая жизнь для него никакое время, кошората своеншъ онѣ не можешѣ, и всякое людей обращеніе почитеншъ сущимѣ, и для шого нежелашѣ имѣти съ ними никакого сообщеніа; наконецѣ по мѣстахъ ошговоркамѣ, какѣ будшо бы по асволѣ, а угожда шолько шѣмѣ своему Государю, объявилѣ свое желаніе, и хощалѣ переселити ся въ шо время къ Аскладѣ, когда Алимѣ оставишѣ сей островѣ.

Млаконскій обладашель въ невѣдѣніи съ превеликою радоснію объявилѣ сію пагубную вѣсшъ своей супругѣ, кошорая не меньше его радовалась незнаемой своей погибели. Когда же объявили Алиму, чшо все изгошвлено къ ошѣзду, шогда учредя всѣ свои дѣла сѣ довалѣ онѣ въ Перуновѣ храмѣ, и шамѣ при приношеніи жершвы просилѣ милосердаго Бога о покровишельствѣ народа и шакже своей супруги въ ошесущеніе его. Пошомѣ снявши першень съ руки своей положилѣ его на престолѣ передѣ всшуканомѣ во общему обыкновенію

всѣхъ Славенскихъ Князей, которые ошѣ-
 ѣзжая куда нибудь изъ своего владѣнїя
 осмѣивали оныя залогомъ, чинишь оныя
 шуда возвращившея: и сдѣлавъ земное
 поклоненїе, освѣнуилъ онѣ идола. И
 такъ просившиехъ со всѣмъ народомъ
 и съ своею супругою сѣдвалъ на ко-
 рабль, куда провожали его подданные
 съ великими слезами и воплемъ; но со-
 крушенїе Асклядино преоскородило всѣхъ;
 и она пришла тогда въ безпамятство,
 какъ не знала гаруги и побѣхал онѣ
 берега. Алимъ неодоленъ тогда въ не-
 описанной печали, и думалъ, что ве-
 ликое и умножающееся поминунно въ
 немъ сокрушенїе будещъ причиною его
 смерти. Аскляда не вы откла изъ его
 поняшїя, и сердечное чувствованїе яс-
 но предсказывало ему, что онѣ въ по-
 сѣднїй разъ съ нею просишя; но пред-
 сказанїе сего вѣшника понимашъ мы
 неудобны. И такъ Алимъ продолжалъ
 свой пушъ; Аскляда неизвѣстннн о
 немъ сокрушалась; народъ находился въ
 великой печали, а Аскалоу радовался,
 что предпрїанїе его имѣешъ счастли-
 вый успѣхъ. Печальная супруга Млакн-
 чкаго обладашеля, досшоймал всякаго со-

жалѣнія , какъ скоро нѣсколько очу-
сшивовалась , но просила Бейгама , ко-
торой онъ нее ни на минушу не ослу-
чался , чинобъ привелъ онъ къ ней вели-
каго шого мужа , коюрой обичаешъ въ
пусыщѣ. Бейгамъ угождая своей Госу-
дарынѣ , и желая весьма усердно изба-
вить ее отъ печали , въ короткое время
исполнилъ ея желаніе. Аскалону ошвели
вмнзшу подлѣ спални Аскалѣдиной , и
онъ расположился въ ней совсѣмъ къ
звѣрскому своему намѣренію. Пришедъ
къ ошчалной Государынѣ съ важнымъ
видомъ и будио онъ добродѣшельнаго
сердца , совѣщовалъ ей какъ возможно
воздержаться отъ печали , и говорилъ ,
чио сіе нескосное для нее время ми-
нуешся скоро , и чио всякая печаль не
быгаешъ вѣчною , по прещерцѣни кошо-
рой прѣишиѣе бываешъ радосиѣ.

Аскалада упошребила къ нему вся-
кую прозьбу и ласкашельсшво , чинобы
онъ удосшвилъ ее шой неслыханной ми-
лосши , кошорую показалъ ея мужу. Чио
касаетя до моей , Государыня , къ шебъ
услуги , говорилъ ей Аскалонъ , шо мы
можешъ пользоваться оною до возвраще-
нїя швоего мужа : ибо оному далъ я

слово, что все его путешествіе будешь ты имѣшь его въ глазахъ своихъ; изволь ищи въ мою комнату, которая всякую минушу будешь шебъ представляшь любимаго шобою супруга, и шѣ мѣша, въ кошорыхъ онъ будешь находишься.

ГЛАВА X.

ВЕЧЕРЬ 65.

Продолженіе повѣсти объ Аскалонѣ.

Супруга Лаконскаго обладашеля пришедъ въ Аскалонову комнату и сквозь околованной флеръ къ превеликой радости увидѣла своего мужа, кошорой сидѣлъ тогда на посшели и находплся еъ великой печали. Сіе чрезъвешешвенное дѣйшвіе показалось ей шоль великимъ и удивительнымъ, что съ самой шой минушы начала она почишашъ Брашисаи хоша не первоснашейнымъ, однако не послѣднимъ богомъ, и гошова была на все согласишься, чего бы ни пожеладъ.

Ж 5

Враписанъ. Послѣ сего показалъ ей Аскалонъ книгу, и какъ Асклада разсматривала ее не покрывшись флеромъ, но видѣла, что въ книгѣ той ничего написаннаго не было; а какъ накрылъ ее Аскалонъ флеромъ, то тогда чинила она все хороша для себя предвѣщанія. Сіе неслыханное доселѣ странное приключеніе приводило Аскладу иногда къ страху; для чего Аскалонъ старался ободрить ее, говорилъ, что онъ имѣлъ покровителями себя боговъ, которыхъ всегда обвиняетъ съ ними благодать: чему Асклада вѣрила безъ всякаго сомнѣнія.

Большую минуту смотрѣла она въ это зеркало, и почти никогда онъ него не ощущала, примѣчала все шаги и предпріяшя любовника и супруга своего Алима; любовь къ нему каждую минуту возрастала въ ея сердцѣ, съ кою умножалось желаніе всегда его имѣть въ глазахъ; однако не насыщались глаза ея зрѣніемъ, а сердце тѣнію Алимовою: она просила неослупно Враписана, чтобы онъ неизвѣстною съ собою силою сдѣлалъ ей свиданіе съ возлюбленнымъ ея мужемъ: ибо она безъ сомнѣнія ду-

ала, чю сѣ В. аписану возможно, и
 въ можеть въ природѣ произвешти все
 во, чю только захочеть Развращен-
 ный Аскалонъ долго не соглашался на
 е желаніе, и говорилъ чю хотя емо
 му возможно, но весьма трудно; а въ
 томъ дѣлѣ онъ се обманывалъ и го-
 шовилася исполнить немощное свое же-
 ланіе; наконецъ будно съ чувешвуя ве-
 ликую преданность къ Асклядѣ, согла-
 сася дати ей свидѣніе съ супругомъ и
 принесли его на время въ его государ-
 ство, чему Аскляда сеголѣю обрадо-
 валася, чю не знала, чымъ будетъ ей
 въблагодарить сего великаго и добро-
 дѣшельнаго мужа Браисака за сѣ не-
 слыханное одолженіе.

Аскалонъ обѣщавшись сдѣлать ей
 сѣю услугу, говорилъ: надобно, суда-
 риня, приготохитесь къ шому такимъ
 образомъ: Завтра ввечеру поѣдемъ мы
 въ Пронову рошу и не доѣжая до оныя,
 ославимъ шупѣ всѣхъ служителей и
 велимъ имъ возвратиться въ городъ, а
 чрезъ нѣсколько времени явись на шомъ
 же мѣстѣ: ибо не должно имъ бытъ
 свидѣтелями шого дѣйснвія, кошорое
 понаше смертнаго гораздо превышаетъ.

Млаконская Государыня не предвидя себѣ никакой изъ шого опасности и погибели, безпрекословно соглашалась на все предсказанія мнѣшемъ добродѣтельного Враписана; и еслибы человекъ предугадалъ свою погибель, то бы конечно не вдавался въ оную самопроизвольно. На другой день, когда наступило вечернее время, по Аскладѣ не терпѣливо пожелала бытъ въ посвященіи великому Провѣ роцѣ, чѣмъ шамъ благосклонностію сего бога увидѣвшись ей съ возлюбленнымъ своимъ супругомъ. Аскалонъ со злобнымъ своимъ духомъ и она отправились немедленно шуда. Служитель ои ощутили, какъ согласенось было о шомъ еще до исполненія дѣла. Враписанъ приказалъ своему духу прежде вспупленія въ роцу, чѣмъ онъ осмопрѣлъ, нѣшъ ли шамъ какого человека, кошорой не сдѣлалъ бы помѣшательсѣна въ похвалномъ его намѣреніи; и когда шомъ увидомилъ, чѣмъ она находится пуща, тогда Враписанъ вспупилъ въ средину оной, веда за руку Аскладу, кошорая шренешала онъ радости, чѣмъ найдешъ въ оной любимаго ею Лима.

Блѣдная луна въ то время не закрыта была облаками, и слабыми своими лучами освѣщала всю роу. Асклада прежде всего пошла къ Пронову испукану, и сдѣлавъ ему поклоненіе, просила Вранисана о обѣщанной имъ милосши, кою которой оборотился ко своему духу сказалъ: Сними съ меня сей образъ и возврати мнѣ шовъ, кою которой я имѣю ошъ природы. Въ одну минушу исчезъ почтеннаго вида пусшынникъ, а явился передъ Аскладою нечистой Аскалонъ. Асклада узнавъ его, въ шужъ минушу пришла въ великое ошчаянне, и увидѣла ясно изгншвленную ей погнбель. Великій Прове! возгласила она озрѣвшись къ испукану, шевъ все возможно на земли, избавь меня ошъ сего варвара и вырви изъ рукъ сего злодѣя, я не имѣю шеперь никакой помощи, ни зашщненія; и ешшли шы для меня милосшнъ, шю шронись моими слезами и поспѣши избавишь меня ошъ смерши. Аскалонъ видя шолкое въ ней ошчаянне, предпрѣлъ было воздерживать ее ласкою, но когда не имѣлъ онъ въ шомъ ни малаго уснѣха, шю упошребилъ силы къ шкшскому своему желанію; однако

произволеніе судьбины не допустило его исполнить зѣвское свое намѣреніе: ибо несчастная Государыня видя, что не можешь имѣть ни откуда и никакой помощи, весьма послѣдно прекратила жизнь свою и пала безчужеивенна на землю. Аскалонъ увидѣвъ ее мерзую, сномъ много осердѣлъ; чиня выхвашивъ свой мечь конѣмъ раздробилъ ее на части; но дьяволъ, въ семъ случаѣ сдѣлавшійся чужеземцемъ сего развращеннаго человека, воспретившювалъ ему злостное намѣреніе произвести ѿ дѣйствъ. И шакъ безъ всякаго сожалѣнія оставили они Аскалону шѣло, позоренное на земли и облившее невинною кровію короля безъ ошмщенія онъ богами: они здеа бышь никогда не можеть. Чиниъ предпріялъ по семъ Аскалонъ? Онъ ни мало не расказалъ ѿ семъ непростительномъ прегрѣшеніи, и конѣмъ, какъ возможно мнѣребилъ Сейгана, какъ перзата врага своего на семъ осиревъ, и просилъ для шого духа, чинюбы онъ сказалъ ему средство для погубленія шого добродѣшельнаго мужа. Духъ отвѣчалъ ему за сіе, что онъ больше служишь ему

не долженъ , какъ только опнеси съ
 его острова , куда онъ изволишь : ибо ,
 говорилъ онъ , имѣю я такое приказаніе
 отъ Гомалиса ; и ешьли вы хочешь
 опспастся на семъ островѣ , то я шебя
 опспавлю и возвращусь въ мое обитаніе :
 мнѣ приказано перенести шебя на швер-
 дую землю ; а ешьли вы шого не хо-
 чешь , то сиво опспазенся въ швоей во-
 дѣ. Аскалонъ опасаяся мщенія за Асклі-
 аду , не хотѣлъ на Млаконѣ опспанься ,
 и говорилъ духу , чшобы онъ перенесъ
 его на прѣливную сторону шой , въ ко-
 торую поѣхалъ Алмъ. И шакъ когда
 приближились они къ берегу , то дя-
 воль бросившись въ море , сдѣлался Дель-
 финомъ , и посадя на спину Аскалона ,
 поплылъ въ извѣстную ему дорогу.

Оппущенные отъ роци служители
 прѣехали къ оной въ шое время въ кошо-
 рое приказаніе мнѣ было отъ Врашиса-
 на , и дожидаясь шунѣ больше двухъ
 часовъ , не дерзнули войши въ роцу и
 шамъ искашь стоей Государыни. Нако-
 нецъ начала показывашься уже заря и
 вскорѣ послѣ оной появилось на небесахъ
 солнце ; шѣкоторые и шажные граждане

шли уже къ испугану Пронову для бш. правленія ушреннихъ моливъ, какъ обыкновенно оное бывало. Великое сомнѣнїе вселилось тогда во всѣхъ людей, которые прѣехали за Аскладою; они не хотѣли больше ожидать ее и пошли сами въ рошу. Не много странія надобно было прилагать, чтобъ нашли они свою гибель и великое сокрушенїе всему ихъ шечесиву. Немилосердая судьба поразила ихъ зрѣнїя и сердца неизбъясненнымъ страхомъ и болѣзнію, нашли они безчувственное шѣло несчастной своей Государыни. Какой вопль и сше. нанїе сдѣлались тогда между ими, то представивъ себѣ могушъ одни шолко шѣ добродѣшельные люди, которые чувствуютъ великую предшпость и усердїе къ милосшивымъ и попечительнымъ своимъ Государямъ. Всякаго роду опчаянїе, шоска и неизбъясненное сшпоянїе лспали тогда по плачевной шой рошѣ, казалось, что и древа сошвѣшшвовали тогда нарочной печали. Въ одну минушу извѣсшился городъ о своемъ несчастїи, всякой гражданинъ оставивъ все бѣжалъ въ Пронову рошу. Въ городскихъ ворошакъ сдѣлалась ве.

дикая шесноша и многихъ передавили тогда до смерти. Прежде никто не смѣлъ коснуться божественной шой рошѣ; но въ семъ ошчавннн , и можешѣ быть въ безпамяшсннвѣ , влазли на древа шѣ люди , кошорымѣ не видно было плачевнаго шого позорища , и въ скоромѣ времени всѣ древа наполнены были народомѣ. Солнце сказывающѣ въ шо время ошчановилось , и перемѣнивѣ яркое свое блиспаннѣ въ кровавые и шускые лучи , удивлялось сему позорищу и соболѣзногало народу : словомѣ , плачущему тогда гражданшснву казалось , что вся земля и всѣ на оной вещи испускали великимѣ обилнѣемѣ слезы; море ушнхло , и одна шолько ешрешающаяся ошѣ ошрова Млакона шонкая спруа несла на раменахѣ своихѣ сню плачевную вѣсть къ Алимѣ , кошораго можешѣ быть перзающееся сердце находилось въ великой шоскѣ ; но горести своей извяснннш было ему не въ силахѣ , кошорой шѣмѣ больше несчастливлѣе былѣ , чѣмѣ больше чувшснвовалѣ любви къ своей суиругѣ.

Первосшашейные бояре , шакже и первенешснвующнѣ жрецы взяли бездушное

Часть IV.

3

и омытое гражданскими слезами Асклѣадино тѣло при великомъ воплѣ народномъ внесли его во градъ, и положили во дворцѣ въ большомъ залѣ, куда дозволили входить всѣмъ неvezбранно оплакивать смерть Государыни и собственное свое несчастіе. На третій день прѣхалъ Бейгамъ: ибо ѣздилъ онъ для исправленія нѣкошорыхъ надобносшей на островъ Нѣ; которой будучи пораженъ нечаянною сею вѣспію, пришелъ совсѣмъ въ номѣшашельство, и приближившись къ гробу Асклѣадину, ударился объ столъ, на которомъ лежало ея тѣло, столь опчаянно, что сей ударъ по маломъ времени былъ смерти его причиною. Въ сіе время вынесли его безчувственнаго изъ зала, дыханіе его пресѣкалось и языкъ не имѣлъ уже больше дѣйствія; къ вечеру онъ скончался и послѣдовалъ за своею Государынею въ въ неизвѣстной всѣмъ смершнымъ нушь. Похоронили его съ должною честію, и въ знакъ неограниченнаго усердія къ Государямъ и великой любви и защищенія отечеству посшавили надгробное украшеніе, высѣченное изъ лучшаго мрамора. Всякой, желая оказашь свое къ оному

усердїе, былъ при провожанїи его шѣла; и доспойно омывалъ оное слезами. По погребенїи сего добродѣшельнаго мужа не старались найти Враписана и его духа: ибо заключили всѣ, что во образѣ пусшынника попушенїемъ боговъ былъ на островѣ ихъ дьяволъ, ненавистникъ всего смертнаго племени; и шалъ сусканъ былъ весьма искусной челоуѣкъ, кошорому приказано было обальзамировать Аскладино шѣло по Египейскому обыкновенїю: и когда оное исполнено, то народъ опредѣлилъ себя со страхомъ ожидать прибытїя Алимона, и что тогда учинитъ съ ними милосердое или прогнѣванное ими небо:

ГЛАВА ХІ.

ВЕЧЕРЬ 66.

*Продолженіе повѣсти объ
Аскалонѣ.*

Пять лѣтъ плавалъ Аскалонъ по морю на демонѣ во образѣ Дельфина, и наконецъ приплылъ къ нѣкошорому камню, кошорой казался великою го-

рою и выдался изъ моря болѣе двашцат
саженей. Подѣвжая къ оному увидѣл
Аскалонъ весьма шодешными цѣпями при
кованную женщину къ самой середин
камня; и чѣмъ ближе подѣвжалъ онъ
къ оному, шѣмъ болше слышалось сте
наніе, которсе испускала въ шо врем
мучущаяся ша женщина: ибо двѣ вели
кія пищцы шерзали ея груди, ошрыва
онѣ оныхъ куски глошали ихъ весем
жадно. Аскалонъ къ превеликому удив
вленію узналъ, что ешо была маш
Алимова, и имѣла шочней шонѣ образъ
въ коншоромъ казалася она въ зеркалѣ
сыну своему и Аскалону, и была въ
шомъ одѣяніи, въ коншоромъ они ее ви
дѣли: но чему узналъ Аскалонъ, что
чрезъбесшесшвенное шо зеркало весьма
бы много шшшло, ежелибы оно послѣ
его ошшлось шакшымъ; но оно по не
полненіи презреннаго его измѣренія сдѣ
лалось безъ дѣйшшя. Азашовъ сывш
когда всшшнулъ на камень, шо шерза
ющія Тризлинны груди, шакъ назыв
валасъ маш Алимова, пищцы улешѣ
ли, и онъ хошя съ шрудомъ, однако
дошелъ до самой Тризлы. Она чувшшво
вала шогда еше боль, и для шого не

говорила ни слова Аскалону, испуская
 чрезвычайное сненаніе; расщербанныя
 ея груди въ глазахъ Аскалоновыхъ ожи-
 влялися, и наконецъ сдѣлались шако-
 выми, какъ будто бы были ни чѣмъ
 невредимы. Въ то время переснала она
 сненаніе, и взглянувъ на Аскалона, го-
 ворила ему: Я весьма радуюсь и боль-
 ше еще удивляюсь тому, какою доро-
 гою прѣхалъ ты на сіе мѣсто: гору
 сію окружающіе ужасныя пучины, и къ
 сему мѣсту ни одно судно достигнуть
 не можешь; а какъ смертные не имѣли
 еще оубо сошворенія міра крыльевъ, то
 я никогда не ожидала увидѣшь здѣсь
 человѣка: ты мнѣ кажешься не духомъ,
 и для того весьма мнѣ удивительно,
 какъ возмогъ ты достигнуть до сего
 мѣста. Аскалонъ отвѣчалъ ей на сіе,
 что человѣческое понашіе и искусство
 доходяшъ иногда совсѣмъ до невозмож-
 наго; я больше удивляюсь, продол-
 жалъ оубо, видя шакъ прекрасную жен-
 щину наказываему или богами, или при-
 родою шѣлико жестоко, и въ томъ ни
 мало не сомнѣваюсь, что шѣ сердце
 ла оное не понапрасну: скажи мнѣ,
 сударыня, за грѣхи швои шерпишь ты.

сіе мученіе , или за грѣхи швоихъ предковъ , или потомковъ , или за пресну-
 пленіе изродное , которымъ , думаю ,
 когда нибудь владѣла ? Я не знаю , го-
 ворила она , для чего шакъ боги не
 справедливы и данную имъ власшь свы-
 ше упопреляють по своимъ пристра-
 сшямъ ! мы не сколько подвержены по-
 рокамъ , сколько они ; всякой часъ и
 всякую минуу услышишь на землѣ
 сшенаніе , которое приключили не по
 справедливости боги или опиятшемъ у
 коего жены , или умерщвленіемъ мужа ,
 или превращеніемъ человека въ какое
 нибудь другое животное . Ошъ начала
 мѣра , какъ мы уже о шомъ извѣспились ,
 сколько сшенали ошъ нихъ Государи ,
 сколько опровержено ими народу , а мы
 еще споль суевѣрны , шшо покарямся
 власши споль неправосудныхъ и споль
 гнусныхъ боговъ съ окошю : они весьма
 за малое преснушение наказали меня
 шoliko злымъ мученіемъ . Сшн хищныя
 птицы , конорыхъ шы видѣлъ , всякое
 утро прилепають ко мнѣ и шерзають
 мши груди , конорыя весьма скоро послѣ
 ихъ совсѣмъ заживляются ; въ семъ му-
 ченш нахожуся я пятнашцать лѣшъ , и

не думаю, чтобъ получила когда нибудь избавленіе, Есиль ли къ тому способъ ? спрашивалъ ее Аскаломъ. Есть, отвѣчала Тризда, но шолько весьма шруденъ и страшенъ; всякой человѣкъ, есильи оной предпріяти хоченъ, шо долженъ непременно опредѣлить себя смерти и ни мало не спрашиться окончаія своей жизни. Бопервыхъ взгляни на сей малой оспровъ, копорой находишся не гораздо далеко отъ той каменной горы, говорила Тризда Аскалону указывая на оной, около его шакія сердишыя пучины, копорыя все въ себя пожирающъ и не дающъ пристиши къ нему ни великой, ни малой вещи; сію невозможную шрудноши преодолѣши должно, Бовпорыхъ, осперегаешъ берегъ сего оспрова великая, сильная и спрашная шпица, копорая спитъ безпрестианно; надобио съ великою ошорожноспію приближишся къ ней и взяшъ ее за голову, коя въ разсужденіи ея роспу весьма мала, и въ копорой заключаешся вся ея сила и могущество; ибо когда голова ея будешъ поймана и обьяша человѣческими руками, шогда будешъ она безсилийе горлицы; а когда человѣкъ движеніемъ сво-

имъ подступая, къ ней разбудилъ, тогда хващася его въ когти, относитъ на середину моря и шамъ повергася его въ пучину. Попомъ за обитаніемъ сей пещицы обнесемъ гесь островъ околдованными деревьями, кошорыя боплатиены сноть часно, чно никакъ пройши сквозь ихъ не можно; сучья, вѣтви и лисны закрываютъ все шо онъ зрѣнія человеческого, чно ни находящя по середни ихъ. И шакъ, чшобъ пройши сквозь оныя, должно сыскать опредѣленной къ шому способъ. Пещица сія спуся шри лѣта послѣ своего рожденія износитъ яйцо, кошорое бывася очень велико; оное хранишъ она въ шайномъ мѣсѣ, шакъ, чно во всю ея жизнь примѣшитъ шого ни коимъ образомъ не можно; всякой годъ обмывася его смирою и пробуеши малымъ своимъ носомъ, не можешъ ли его пробитъ; и когда не пробешъ, шо весьма шому радуешя, бѣгася по берегамъ острова, и поешъ весьма прелесно. Сіе ея веселіе означаешъ, чно насупающій годъ будешъ она жива; а когда пробешъ яйцо, сіе случаетя чрезъ дванцать пашъ лѣтъ, шогда опускаетъ свою

голову, и носишь ее ниже тѣла, что означася великое ея прискорбіе и смершь въ наступающее лѣто, роняешь свои перья, и ко. изходу года бываешь почини гола, и когда увидишь, что вышла подобная ей птица на свѣтъ, тогда убиваешь себя о камень. По разбиши яйца окрываетъ голову свою пшеницѣ и поминутно просишь ѣсть; чего ради одна всегда убѣгаетъ, а другая питается шюю смирою, кошорою обмазано весьма изобильно яйцо, и шакъ перишя и выросашъ въ скорлупѣ, и пребываетъ въ немъ цѣлой годъ, а по прошептѣи онаго бываетъ она, шолько сильна, что можетъ разорвать шое скорлупу. Родившия починяетъ за первую должносшь похоронить своего ошца; для шого беретъ на когти нѣсколько съ яйца оставшейся смиры и оной помазываетъ корень кошората ишбуди дерева и другаго подлѣ его шояшца, ошъ чего сдѣлается отверстіе. Деревья нѣсколько разодвинушя, и будешъ мѣсто, гдѣ похоронитъ ошъ своего родишеля; и какъ шолько закроетъ землю, шю въ минушу выростешъ подобное другимъ дерево и соплетешся съ

ними. И такъ, чѣмъбъ найти сѣ яйцо, по должно примѣчать сѣ: когда почувствуешь на птица, что голова ея осязема была человеческими руками, что должно бытъ причиною ея смерти, по прибѣгаешь она къ шому мѣсту, гдѣ хранишь свое сѣмя, оплакиваешь его подобно человѣку, и стараешься всѣми силами разбить, чѣмъбъ опворишь пупъ своему сыну. Такимъ образомъ должно примѣтивъ то мѣсто, и опогнавъ ее, ибо она будешь тогда безъ силъ, взять на персы нѣсколько смирны и помазать коренья двухъ деревъ, копорыя шомчасъ опворишь шобъ дорогу. Когда выступишь за оныя, по первое увидишь не весьма высокой мраморной столбъ, на копоромъ лежишь богашырской шлемъ съ изображенною на немъ львиною головою и подлѣ столба стоящую булаву. Сей шлемъ должно надѣть, и взявши въ руки булаву изготовишься весьма поспѣшно къ сраженію: ибо въ одну минуту появицца передъ шобою съ шестью головами крылатой змѣй, копорой начнешъ нападать на тебя весьма сильнымъ образомъ. Впервыхъ изъ спрашанныхъ его челюстей обымишь тебя огонь,

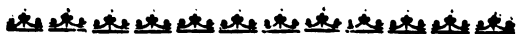
котораго страшишься ты ни мало не
 долженъ, и смотри тогда опверсшими
 глазами, то будешь невредимъ; а есѣ-
 ли придетъ опъ него въ робость и за-
 творишь хотя на минушу свои очи, то
 тиранскимъ образомъ умерщвленъ бу-
 дешь и расперзанъ; сей же огонь опа-
 ляеть тебя не будешь, есѣли- безъ ро-
 бости приступаешь къ нему сшанешь и
 вскорѣ пошомъ скроешься весь. Тогда
 долженъ ты имѣшь сраженіе съ симъ
 чудовищемъ; но поражая его не надобно
 поднимать шебѣ орудія своего выше
 головы, а по шотчасъ послѣдуешь ше-
 бѣ вторичная гибель; ибо пущенной
 изъ него на булаву твою ядъ умерш-
 вить шебя въ минушу. Убивъ сего змѣя
 долженъ ты распоротъ ему чрево, изъ
 котораго выдешъ на землю желчь и за-
 жжешъ оную. Все по мѣсно, которое
 окружають очарованныя деревья, весь-
 ма въ скоромъ времени обѣмется пла-
 менемъ и будешь горѣть на подобіе ки-
 пящей смолы: тогда весьма поспѣшно
 долженъ ты выйти на берегъ острова,
 и шупъ поймавъ шое пшцу держашъ
 за голову: ибо она будешь швоимъ спа-
 сеніемъ, по шому чшо сгорѣть ей не

должно, а инаково спасшися тебѣ не
 можно. По ушолени совсѣмъ пламени
 всшупигѣ въ середину острова увидишь
 ты весьма прекрасное, но не великое
 зданіе изъ смыхъ яркихъ голубыхъ ка-
 меней, и кошорое долженъ ты ишии
 непременно; на крыльцѣ всшрѣдшии те-
 бя два большие леопарда, кошорые сша-
 пней всякую свирѣпость, будущъ лас-
 нишь около тебѣ, подобно какъ знаю-
 щій песѣ; но ты ни приговаривай ихъ,
 ни касайся руками не долженъ. Пошомъ
 свирѣпое чудовище, сосшавленное почти
 изъ всѣхъ жившнихъ, кошорыя нахо-
 дятся на землѣ, ошвориши тебѣ двери
 въ залу; шумъ на удивительной и ве-
 ликовѣпной постелѣ увидишь ты сша-
 цую прекрасную дѣвушку, кошорая
 шакую имѣетъ красоту, что всякой
 смершной въ жизни своей увидишь шакую
 не можешъ, выключая шого, ко-
 шорго судьба приведетъ сюда испол-
 ниши шолико храброе и похвальное дѣло.
 Она будешъ опочивать тогда навзничъ
 свѣсивъ одну руку съ постели, въ ко-
 шорой держать будешъ серебряной шаръ,
 а подъ рукою у нее поставлено будешъ
 на полу большое блюдо изъ такого же

металла. И такъ должно къ пей приближишься весьма осторожно, снѣшь съ мизинца ея перстень, не касаясь къ шару, кошорой она держитъ въ той же рукѣ, не уронишь его въ послѣвленное къ тому блюду, и всѣми силами старайся надобно, чтобы она сего не чувствовала и не проснулась; а когда услышишь, то всѣ сдѣланныя шобою великія дѣла будешь ничто, и ты никакъ не можешь избѣжать своей гибели. Сіе, мнѣ кажется, никакъ не возможно, продолжала Тризла, и думаю, что не същется ни одинъ такой смертной, кошорой бы могъ произвести сіе дѣло съ такою великою осторожностію; всякой, приступая къ сему, устращишься, а робость воспрепятствуетъ ему исполнишь намѣреніе сіе похвально. Еслили же оное удастся, то вздѣвъ ея перстень на свой мизинецъ ишии далѣе по покоямъ; дверей не должно отворять тою рукою, на которой надѣшь перстень: ибо какъ скоро прикоснешься имъ къ чему нибудь изъ сего зданія, то оно въ одну минуту все рассыплется. Въ первомъ покоѣ уславлены стѣны и пошолокъ человѣческими головами,

копорыя изображають званіе , и всё
 онѣ находящія въ шакмѣ положеніи.
 Сію комнашу пробѣжашь надобно весь-
 ма поспѣшно , и должно стараться ;
 чтобѣ не зѣвнушь ни одного разу, ибо
 вездѣ предстоишь тебѣ гибель. Во
 впоромѣ покоѣ найдешь ты множество
 людей, копорыя по всей комнашѣ сидя
 въ креслахъ засыпають ; какъ скоро въ
 оной вступишь , то начнешь морить
 тебя смертельной сонѣ, и такой силь-
 ной , что кажецца пощереешь всё свои
 чувства. Тутѣ надобно пробѣжашь еще
 скорѣе , всеми силами стараться дол-
 жно , чтобѣ не задѣшь никого и не по-
 мѣшаешь ихъ спокойствію. Въ прешней
 комнашѣ увидишь ты весьма покойную
 кровать ; подлѣ копорой находицца
 спашуя изображающая жребій : она дер-
 жишь въ рукахъ своихъ закрытую книгу,
 и кажецца ; какъ хочешь оную раскрышь ;
 на сей кровати долженъ ты успокоить-
 ся ; и тушь увидишь сонѣ , копорой
 откроешь тебѣ окончаніе сего похва-
 маго предпріятія ; что же оной будешь
 значить , того мнѣ отккрыть тебѣ не
 возможно , и объ немъ свѣдаешь только
 одинъ шомѣ, кому здѣсь назначено бытъ.

Тогда будетъ онъ весьма счастливъ, а я получу конецъ жизни моей и неизъясненнаго сего мученія. Придетъ благополучіе ихъ людей, которые до сего времени изнуряемы были различною шягопою; и которые невинно спонали подъ жестокииъ бременемъ варварскаго поколѣнія; а оныхъ находишся цѣлое гсударство:

ГЛАВА XII.

В Е Ч Е Г Ъ 67.

Продолженіе повѣсти объ Аскалонѣ.

Аскалонъ слушалъ сіе повѣствованіе съ великимъ вниманіемъ, и думалъ былъ, что употребить себя къ тому, чтобъ избави. **Т**ризу отъ сего мученія; но великія невозможности и отреченіе его духа бы. **А**ли причиною тому; что онъ принужде. **Н**ѣ былъ оставитъ намѣреніе свое по не. **В**оль; а еслибы согласился на сіе демо. **Ч**ѣ и перенесъ Аскалона на островъ, то бы конечно потерялъ онъ

пушѣ свою жизнь : ибо не съ такимъ
 разумомъ и не съ шакю храбростію ,
 каковы имѣлъ въ себѣ Аскалонъ , дол-
 жно было предпринимати сіе дѣло .
 Сверхъ же того сей неисповой чело-
 вѣкъ не искалъ своей славы , но искалъ
 всегда погибели человеѣческой : ибо ро-
 дился онъ подъ злою планетою , и онъ
 самаго младенчества опредѣлилъ себя
 вредомъ всему смертному племени . Онъ
 препроводилъ съ Трилою цѣлыя сущки ,
 спрашивалъ ее о причинѣ ея мученія ,
 чего однако она ему не объявила , и ска-
 зывала , что приказано ей шанль оно
 всѣхъ . И когда прилежали къ ней пи-
 цы и начали по обыкновенію терзан-
 ся груди , Аскалонъ возлился чрезвыч-
 но на презрѣнныхъ сихъ шварей , и
 шѣлъ убить ихъ изъ пращи ; но де-
 говорилъ ему изъ воды , чтобы осв-
 онъ пагубное сіе предпріятіе , с-
 хоченъ бышь пушѣ же шикова-
 и прешеривавшь равное мучен-
 злою . Тогда неисповой Ас-
 шелъ самъ въ себя , и разем-
 предпріятіе его не разуми-
 шавилъ онъ злою Три-
 сожалѣнія , и сѣвши онъ
 дашь на превр

ценнаго дельфина, приказалъ плытиъ ему къ северной землѣ, и тамъ нѣмренѣ былъ хошия и по неволѣ, однако разсаялись съ нимъ на вѣки

Духъ не желая больше медлитъ, поплылъ весьма поспѣшно на сѣверную сторону Вчряжскаго моря; волны уснували его стремленію, вѣтры не мѣшали продолжати пущи. Спокойное море принесло ихъ весьма скоро къ несчастливымъ берегамъ города Хошыня, которымъ обладали тогда варвары, кои поклонялися луиѣ, и оиѣ того сей народъ назывался Луишниками. Хошынь сшоялъ на самомъ берегу моря при устьѣ великой рѣки, кошорая именовалася Рвань. За шри вершы оиѣ города построена была въ морѣ высокая башня, кошорая называлася по шаринному обыкновенію Флросѣ; на нихъ во время шемной ночи горѣли фонари для лучшаго плаванія кораблей; но сѣя построена была для другаго случая, а именно: находилася на ней многочисленная снаряжа для усмошрѣнїя челоѣка должешвуюющаго прѣхати къ нимъ на дельфинѣ; и когда Асклоиѣ показался въ нихъ глаза, тогда на башнѣ и пошомѣ

Часть IV.

И

во всемъ городѣ сдѣлалася великая тревога. Всѣ жители города бѣжали на берегѣ, и что казалось весьма чудно Аскалону, шѣкъ шо, что нѣкоторые изъ нихъ плакали весьма ошчаянно, рвали на себѣ волосы и перзали свое шѣло, а другіе бѣжали съ великою радоснію, подымали руки къ небу и благодарили сжалившихся надъ ними боговъ. Сія чудная и неожиданная встрѣча привела его въ великое сомнѣніе; онѣ не зналъ, какъ расшолковашь сей народной пошунюкъ, чего ради спрашивалъ у своего духа причины оному: но шошѣ отвѣчалъ ему, что онѣ того не знаешѣ, и при семъ словѣ спустивъ его на берегѣ и взявъ у него перстень пошонулъ въ водахъ морскихъ, прикрывшись шѣми волнами, кошорыя произвелъ онѣ самѣ скорымъ стремленіемъ отъ берега. Какѣ скоро Аскалонѣ выпунилъ на берегѣ, шо множесшво воиновъ окружили его шошчасѣ и обобравъ саблю, шлемѣ, пращу и кинжалѣ, повели прямо въ спрашную и невоображаемую шемницу, и шамѣ заключили его одного. Чшошѣ должно было думать Аскалону о семѣ приключеніи? Онѣ привыкъ самѣ

мучить и поступать тирански со всеми смертными, но теперь находится въ жестокой неволѣ, не зная ни вины, ни преступленія: однимъ словомъ не понимая совсѣмъ своего рока и не вѣдая никакой къ тому причины. Ночь проводилъ онъ въ глубокихъ разсужденіяхъ; однако не думалъ о томъ, что можешь бышь боги переславъ шерсть его беззаконію, опредѣлили наказанъ: ибо сего ему никогда въ голову не приходило. Когда же началъ показывашься въ городъ день, но жители онаго всѣ еще тогда спали, пришедъ множество воиновъ взяли Аскалона изъ шемницы и повели во дворецъ къ Государю. И когда ввели его въ залу, то увидѣлъ онъ великое собраніе жрецовъ, министровъ и прочаго господства, которые осматривали его всѣ весьма жадными глазами. Потомъ когда вышелъ въ сіе собраніе Государь, то приказано было спрашивать у Аскалона, какого онъ роду, гдѣ его опечесиво, съ какимъ намѣреніемъ прѣхалъ въ ихъ городъ, для чего путешествовалъ на дельфинъ, и какую имѣлъ къ тому причину? Когда приступилъ къ нему съ сими вопросами

переводчикъ , ибо Луняпки говорили не Славенскимъ языкомъ : тогда Аскалонъ не изговорясь совсѣмъ къ шому и досадуя весьма много на превращеніе своей судьбины , ошвѣчалъ ему о себѣ шакую нелѣпость , что все собраніе или должны были спрашиться его ошнѣшювъ , или смѣяшсья онымъ , ежели бы они дѣйствительно знали помѣшательство его разума ; и какъ услышалъ Государь , что истинны ошъ Аскалона узнашь ему шикомъ образомъ не можно , шо опредѣлилъ шакъ , чтошбъ бросишь его въ темницу и шамъ уморишь голодомъ . Сте объявилъ ему переводчикъ . И шакъ приказъ Государевъ немедленно былъ исполненъ . Ошвели Аскалона въ шо же смершоносное зданіе , заключили въ него на вѣки и завалили двери великимъ камнемъ .

Сколько бы человекъ золъ ни былъ и съ какимъ бы хопнѣемъ ни опредѣлялъ себя сносить всякія напасти великодушно , однако природа во многомъ бываешъ не согласна съ нашими намѣреніями , всякая скорбь касаешся нашего сердца , а сія часпъ внутренности нашей неудобна многія сносить болѣзни .

ступившій день начать разбирать стѣну, чшобѣ сдѣлать проходѣ къ шому незнакому челоуѣку, о которомѣ вообразалѣ прежде, что онѣ добродѣтельной гражданинѣ и не послѣдняго рода. Слабой свѣтѣ, проходящій въ весьма малое окно его шемницы весьма много способствовалѣ къ произведенію его работы, и онѣ столько сдѣлался въ семѣ случаѣ силенѣ и искусенѣ, что въ одинѣ день разломалѣ крѣпкой той стѣны почти въ мѣру челоуѣческаго роста. Дшиной, шакѣ назывался сидящій въ другой шемницѣ невольникѣ, съ начала пресупленія Аскалонова къ своему намѣренію слышалѣ происхожденіе онаго, и ожидалѣ, что наконецѣ выдешѣ изѣ сего ему привиденія: ибо онѣ шакѣ думалѣ по шому, что находится шунѣ двашцать лѣтѣ, не видалѣ ни образа, ни дѣйствія челоуѣческаго, выключая шолько шо, что всякой день слушалѣ голосѣ начальника шемничнаго, кошорой спрашивалѣ его по ушрамѣ, живѣ ли онѣ, и опускалѣ съ пошолока пищу. А какѣ появился въ шемницѣ его челоуѣкѣ, шо онѣ несказанно испужался, и хожѣлѣ въ скоромѣ времени увѣришься,

что человекъ то, или дьяволъ. Аскалонъ по неволѣ принужденъ былъ имѣть тогда смиренныя мысли; для того что смерть усмиряетъ всякія свирѣпости въ природѣ, и великой страхъ присущій къ оной дѣлаетъ не рѣдко изъ злаго варвара шихимъ и низходящелнымъ человечкомъ: онъ просилъ извиненія у Дашиноя, что осмѣлился некашъ своего спасенія такимъ образомъ, и будучи заключенъ въ шемницу, чтобъ умереть тамъ голодною смертію, просилъ онъ сего невольника принять его въ сообщеніе и удѣлять той лицѣ, которую безъ сомнѣнія посылающъ ему варвары. Дашиной былъ тому чрезмѣрно радъ, что и въ самой злой неволѣ можешъ дѣлать помощь подобному себѣ невольнику: того ради обиадежилъ Аскалона, что прошеніе его исполнено будетъ съ охотою, и что весьма много радуешся несчастной Дашиной, что имѣешъ у себя собесѣдника, которой безъ сомнѣнія раздѣлять съ нимъ будетъ жестокою неволю, несносную скуку, неизмѣримую печаль и тяжкое сожалѣніе о потеряномъ благополучіи.

ГЛАВА XIII.

ВЕЧЕРЬ 68.

Продолженіе повѣсти оъ Аскалонѣ.

Въ такой несчастной жизни, въ какой находился тогда Дашинной, спрашенся челоуѣкъ поминушио искашь какого нибудь увеселенія для препровожденія шоль скучнаго времени, и хошя всякая ошрада оиѣ него ошдалена; однако надежда, кошорая до самой смерти насѣ не ошнавляешѣ, принаешѣ мысли его безпрешинно досиженіемѣ какого нибудь счастья, или хошя шѣни ошго, кошорая ставишся въ случаетѣ шакомѣ за велико. Будучи исполненѣ сими мыслями, предпріялѣ Дашинной увѣдомитѣся оиѣ Аскалона, какимѣ образомѣ пошѣ, будучи чужестранецѣ, попался въ сѣю жестокую неволю, и для какой причины заключенѣ въ шоль шяжкїя оковы. Аскалонѣ сказалѣ ему о себѣ въ коропкихѣ словахѣ, что оиѣ Славянинѣ и воинѣ проснаго рода, ошечеснѣва сѣсего не знаешѣ и сшрансшвуешѣ по всему свѣшу.

Сколько тебѣ лѣтъ, спросилъ его Дашиной? Двадцать два, ошнѣшнвовалъ ему Аскалонъ. Но семъ отвѣтъ зашрешалъ Дашиной, и думалъ, что онъ находишся вмѣстѣ съ племянникомъ своимъ Алимомъ, копорой шочь въ шочь долженъ имѣшь былъ шакія лѣта. Милосердые, но прогнѣванные беззаконіями нашими боги, не ужель въ ерединѣ жешокаго ошчашнїя шроднаго посылаешевы мнѣ шакую радосшь, копорая зашмишъ всѣ собшвенныя мои нешасшїя! Какъ швое имя? продолжалъ онъ спрашнвать у шршедшаго невольника, и ошждалъ на сѣе ошвѣша съ великою жадмоешїю. Но какъ услышалъ, что онъ называешся не шакъ, шо и перемѣнилъ свою радосшь на шрежнее ошчашнїе. Аскалонъ по сему мошъ догадашся, что надобенъ ему человекъ, копорой не извѣшенъ о своемъ ошчесшвѣ, и для шого говорилъ ему: Я знаю нѣкошорато Государя, копорой называешся Алимъ. Онъ . . . Алимъ? . . . перервалъ его рѣчь весьма поспѣшно Дашиной! Праведное небо! сердце мое предчувшвовало, что буду я шреисполненъ радосшїю. Въ кошорой части свѣша имѣлъ ты съ нимъ

свиданіе , и гдѣ его оставилъ , скажи мнѣ незнакомой : ибо виднѣть мы передъ собою несчастнаго его дядю , и можешъ , ежели благоволишъ судьба , узришь также несчастнаго онца его , копорой усыплеиъ чрезъбеснеспивеннымъ сномъ , и почиваетъ уже дванадцать лѣтъ , копорое время сионцевъ наше опечесиво , и народъ изнуряется въ конецъ онѣмъ обладующихъ здѣсь варваровъ ? Аскалонъ по симъ словамъ узналъ дѣйствительно , что онъ находится въ опечесивѣ Алимовомъ , и что заключенъ въ шемницу за то , что прѣхалъ къ Лунаникамъ на дельфинѣ ; а прѣхавшій на ономъ человекъ долженъ прерванъ со всѣмъ ихъ благополучіе и покорилъ власти Олановой , такъ назывался владѣшель Хошыня и опецъ Алимовъ . Увѣдомилъ онъ Диппиол о Млакоцкомъ обладателѣ и о всемъ томъ , что до него принадлежишъ , умалчивая только шѣ случаи , въ копорыхъ имѣлъ онъ самъ участіе . И такъ съ сихъ поръ сей добродѣтельной невольникъ почувствовалъ къ Аскалону великую любовь , и сожалѣлъ больше о его заключеніи , нежели о своемъ ; подавляемую имъ пицу

раздѣлялъ онъ не ровню, и всегда оставлялъ Аскалону большую часть; воздерживалъ его съ великимъ усердіемъ отъ печали, и опредѣлилъ себя во всеконечное услуженіе сему неисповому варвару, которой во многомъ превосходилъ звѣрообразныхъ Лунапиковъ.

Въ одно время, когда уже должно было имъ успокоиться, обѣщавъ Дашинной наупрѣе увѣдомить Аскалона обо всемъ, что принадлежило до ихъ несчастія, и какъ пало ихъ владѣніе и подверглись они подѣруку мучителей; и шакъ съ симъ обѣщаніемъ оспался онъ до утра. Аскалонъ оспавилъ его и пришедъ въ свое обитаніе ондался повсяминутно обладающей имъ злости. Срамъ извѣсняясь сіе богопрошивное дѣло: онъ вознамѣрился умеривить Дашинную, для того только, чтобъ владѣти ему одному подавземою пищею; однако сіе не можешь бышь почнымъ предметомъ его варварства; а думаю, что демонское навожденіе никогда его не оспавляло и поощряло на всѣ сїи неистовства: ибо человекъ отдавшійся въ волю сатаны, не можеть никогда помыслишь о добродѣтели, да и не дол-

жеиѣ, ежели клялся и обѣщался вредити всегда и всему смертному племени, и шакѣ непременно долженѣ исполнять волю демона. Онѣ положилѣ непременно лишить жизни добродѣшельнаго невольника; и для шого былѣ беспокоенѣ цѣлую ночь; а предирѣявѣ услаждашья всегда человѣческою кровію, поучалѣ се беспокойство за нужное дѣйствіе природы. И шакѣ остервеняясь больше и больше, пошелѣ наконецѣ къ Дашиною и нашедѣ его вѣ крѣпкомѣ снѣ, бросилѣ какѣ развѣренной звѣрь шигрѣ и удавилѣ несчастнаго Оланова брата; потомѣ снявѣ его одежду надѣлѣ на себя, а мершваго облекѣ вѣ свою и опнесѣ вѣ определенную ему шемницу. Сіе приключеніе должно поучашь я весьма удивительнымѣ. Сей злодѣй какѣ будто бы предвидѣлѣ грозящую ему гибель, и намѣреніе свое исполнилѣ ко своему избавленію. Нахай, шакѣ назывался владѣпель Лунашиковѣ, приказалѣ, ежели еще не умерѣ Аскалонѣ, сжечь его и прахѣ развѣять по вѣпру; а ежели уже скончался, шю оставишь его вѣ той же шемницѣ, и завалишь ее землею: ибо прошла вѣ народѣ молва, шю видѣли

нѣкоторые граждане другаго человека прѣѣхавшаго въ Хошынъ на дельфинѣ, а спрѣжа для того сведена уже была по пришествіи Аскалоновомъ. Сія молва носилася справедливо: ибо спрѣиснующею все сіе время по морю на дельфинѣ Кидалъ прибылъ къ берегу Хошынѣ и находился уже по градѣ. Счастіемъ его и произволеніемъ боговъ, по прѣздѣ своемъ попался онъ къ Славенскимъ жрецамъ, которые обѣяснивъ ему опасность, научили шанъ пришествіе его на морскомъ чудовищѣ. По ушрѣ, какъ скоро разсвѣло, шо присланные пришли въ шемницу, и увидѣвъ безчувственное шѣло лежащее по среднѣ оной, подумали, что шѣло сіе Аскалоново, а обитающая въ оной шемница была ушверженіемъ сей ложной вѣщныи: ибо размощрѣнъ образа его было не можно, и шѣвъ вышедъ воины воиъ, велѣли завалить ее по приказу Государену землею, а сами объявили Шахаю, что невольникъ шонъ издохъ, и съ оной стороны миновалася ихъ опасность.

Шахай предпріялъ всеми силами спаранься узнать шого человека, которой былъ подобенъ Аскалону прѣѣ-

домъ, но тогда уже сами боги прикрывали Кидала отъ поисковъ Нахдехъ; и какъ долгое время сыскать его не могли, но обладашеть Хошынёмъ, положилъ, что сія народомъ выдуманная баснь есть ложная, и шолько пропущена по городу для того, чтобъ привести его къ страху: того ради прилежалъ онъ въсприимое стараніе успокоивать свой народъ и выводилъ изъ того страха, коимъ уже началъ вкореняться въ сердца его подданныхъ: ибо двазцать лѣтъ препроводили они во всякой тишинѣ и покойствѣ, не слыша никакой молвы о паденіи ихъ благополучія; а въ сіе время со всѣхъ сторонъ слухъ ихъ поражаеа весьма нерадостная вѣсть, и спрашивались они больше того, что въ самой срокъ сбывается надпись надъ Оланомъ.

Въ сіе время пришелъ въ Хошынъ Алимъ во образъ проспаго и бѣднаго человека: ибо онъ вознамѣрился скрывать имя свое, санъ и происхожденіе, которое еще до сего времени было ему неизвѣстно. Пришедши въ городъ поселился онъ у Славенскихъ жрецовъ, у которыхъ находился тогда и Кидалъ. Два

сѣи героя обошлись весьма ласково между собою: ибо Кидаль съ природы былъ пронцашеленъ и шопчасъ могъ увидѣшь, что Алимъ былъ не проспаго роду. Дружесшво соединило ихъ сердца, и любовь наполнила помяшѣ ихъ скорымъ знакомствомъ. Вѣ шакомъ случаѣ непременно пошребно было имъ извѣспишь ся о соспоянн каждаго; Кидаль захошѣлъ бышъ учшпвымъ, и прежде, нежели Алимъ началъ сказывать о себѣ, увѣдомилъ онъ его о соспоянн своемъ шакимъ образомъ: Человѣческое помяшѣ весьма далеко просшраешся, и можно сказашъ, что иногда посшнгаемъ мы онымъ совѣшмъ невоображаемыя вещи; но еспшли воснешся оное до божесшва, шогда ни мало не возносясь выше человѣчесшва познавемъ мы свою слабосш и всѣ несовершеншва. Разумъ нашъ псходишъ онъ всевышнѣя власши, но оной посшгнуть не можемъ: ибо малая часш великую осязашъ не можешъ, и для шого произволенѣ судьбъ совѣшмъ намъ не извѣсно. По сихъ словахъ рассказалъ Алимъ о себѣ все шо, что еказывалъ обѣ немъ Гомалисѣ Аскалону: ибо сѣо справедливо. Наконецъ, когда ж

бросился въ море, продолжалъ Кидаль, но не ошпыльнувшій еще ошъ берега дельфинъ посадилъ меня къ себѣ на спину, и послѣ возвращенія къ острову понесъ меня по пространству неизмѣримыхъ водъ, и находились мы въ семъ пули весьма долгое время; наконецъ при-
 шалъ онъ къ нѣкоторому необычаемо-
 му острову, и шунъ спустивъ меня со
 снены попустилъ въ глубину морскую.
 Лишившись всей надежды, какъ тогда
 думалъ, пошелъ искать на семъ стран-
 номъ и незнакомомъ мнѣ островѣ или
 спасенія моего, или смерти. Но сверхъ
 чаянія моего пришедъ на средину онаго,
 ибо онъ былъ не великъ, увидѣлъ шунъ
 садъ насажденной человѣческими руками;
 ограда была его каменная и мѣстами
 вставлены желѣзныя решетки самой
 древней и удивительной работы; во-
 роша въ оной были решетчатая и за-
 перны большою цѣпью и замкомъ со-
 всѣмъ мнѣ непонятнымъ. Когда при-
 шелъ я къ онымъ и шалъ разсматри-
 вать внутренность сада, то совсѣмъ
 мнѣ не въ примѣшу превеликой водяной
 быкъ ударилъ рогами въ двери столь
 сильно, что чуть они не повалились

Часть IV.

I

я вмѣстѣ со спѣною. Отъ сего удара я нѣсколько оробѣлъ; ибо услышалъ его не въначай; псшомъ, собирая поминушно свои силы, началъ разсмаширивашь се чудо; огненные его глаза на полмены были шогда кровію и сверкали на подобіе яркихъ звѣздъ; изъ роту его падала на полъ кусками бѣлая пѣна; билъ онъ ногами въ землю и подымалъ великую пыль. И шакъ развѣрившисъ еще больше и разбѣжавшисъ ударилъ рогами въ вороша сильнѣе еще прежняго. Чшо должно мнѣ было думатьъ о шакомъ его свирѣпствѣ. Вознамѣрился было я убить его: ибо я вооруженъ былъ шогда пращею, по шому чшо на шомъ островѣ, на кошоромъ я обшшалъ, безъ оной обшшися было не возможно для шожесшва свирѣпныхъ звѣрей; но опашь раздумалъ, опасался, чшобъ не причинишь шѣмъ обшды обладашело шѣмъ мѣшомъ, и не видавъ еще его сдѣлашь шс шкре озлобленіе: ибо, думалъ я, чшо можешъ бышь сдѣлаешся онъ моимъ покровишелемъ. Однако нѣ кошоря непонашная сила принуждала меня воорушисъ совсѣмъ безъ нужды прошишь сего свирѣпаго шовища. Дол-

го я превозмогалъ себя и не хотѣлъ се-
го исполнить; наконецъ пришло на ме-
ня нѣкоторое забвеніе и весьма сильной
сонъ началъ клонить мою голову. Я
лежъ на камень, которой близко меня
находился, и въ скоромъ времени заснулъ.
Какъ только я зашворилъ мои глаза, то
въ забвеніи моихъ чувствъ мечталось
мнѣ сіе происхожденіе: весьма съ вы-
сокой и крутой горы сводили подъ руки
совсѣмъ мнѣ незнакомаго человѣка, ко-
шораго называли проводники Хошын-
скимъ обладашелемъ Оланомъ. Сии про-
водники были боги, одинъ Перунъ, а
другой Свѣшовидъ, во образѣ паспуховъ.
Я сидѣлъ тогда на берегу быспрой рѣ-
ки, кошорая, прошекая съ великимъ
спремленіемъ, омывала мои ноги. Увидѣвъ
сихъ людей идущихъ прямо ко мнѣ,
вспалъ и ожидалъ ихъ къ себѣ съ нѣ-
которымъ подобоспращеніемъ: ибо и подъ
смершнымъ видомъ божеспво ихъ не
скрывалось. Подошедъ весьма близко ко
мнѣ, говорили они Олану: Вошъ швой
избавишель, указывали они на меня;
онъ по опредѣденію нашему прекрашилъ
въ скоромъ времени швое несчастіе, въ
воздаяніе за что выдай за него дочь швою

Плакешу, ибо и сіе смошрѣніемъ нашимъ уже исполнено. Мы дали имъ свидѣніе и начали въ сердцахъ ихъ любовь; я шы, Кидалъ, продолжалъ говоришь великій Перунъ, сорви сію шраву, коя росшешъ подъ шѣмъ камнемъ, на которомъ шы спишь, и приложивъ оную къ замку, оставь на шомъ мѣсшѣ, и вошедъ въ середину убей сего вола, которой изходишся въ оградѣ сего сада: тогда узнаешь шы, какъ можешь освободишь владѣніе Оланово ошъ ига рабства; ибо справедливой нашъ гнѣвъ за нескызанное беззаконіе его жены надъ оными уже кончился? Прими въ швои руки почши уже безчувственнаго Хошынскаго обладателя и будь избавителемъ его. Добродѣшель швоя, прѣянное намъ житіе и чрезвычайнѣя храбрость заслуживаюшъ сію славу. И когда я шолько взялъ подъ руки незнакомаго миѣ и еще до сихъ поръ неизвѣснаго Олана, шо боги оставивъ образа смертныхъ, въ одну мишу скрылись въ облакахъ, и я препроводилъ ихъ съ великимъ шрахомъ и шрепешомъ. Хошынской обладатель шолько былъ слабъ тогда, что не могъ сіюять о себѣ, и какъ шолько облоко-

тился онъ ко мнѣ на плечо, но я поспѣшнѣ проснулся и удивляясь весьма много сему, предпріялъ исполнить божеское повелѣніе.

ГЛАВА XIV.

ВЕЧЕРЬ 69.

Продолженіе Кидаловыхъ приключеній.

Проснувшись, продолжалъ Кидалъ, озрѣлся я на всѣ стороны, и увидѣлъ ту шраву, о кошорой сказывали мнѣ боги: она росла почти подъ самымъ шѣмъ камнемъ, на кошоромъ я спалъ; сорвавъ ее немедленно, поспѣшилъ я къ воротамъ; и какъ только приложилъ оную къ замку, то въ одну минушу упалъ онъ на полъ, цѣпь переломалась и ворота распворились. Я не опасаясь ничего всшупилъ въ шопъ садъ, и когда увидѣлъ, что разъяренной волъ бѣжалъ ко мнѣ съ великимъ стремленіемъ, то я вложивъ поспѣшно въ пращу большой кусокъ желѣза, поразилъ его въ самой лобъ, и шакъ сильно удалось мнѣ его

ударить, что онъ, не шагнувъ послѣ ни шага съ того мѣста, съ великимъ ревомъ издохъ; и какъ шолько вышелъ изъ него духъ, то всѣ деревья находящіяся въ семъ саду вдругъ опустили свои вѣтви и казались совсѣмъ поблеклыми; цвѣтны распуцѣе по дорогамъ облепѣли, и началось подо мною нѣко. порое колебаніе земли, чего я ни мало не опасался и продолжалъ путь мой дальѣ, безъ сомнѣнія сохраняемъ будучи богами. Когда же пришелъ я на середину сего сада, то увидѣлъ шумъ весьма толстое дерево, которое всякую минуту шевелило своими листьями: оно было не весьма высоко, но весьма кудреватно, такъ что подъ вѣтвями онаго поспавшии было можно цѣлое зданіе; кора на немъ была краснаго цвѣта и походила больше на кровь давно уже истекшую изъ челоука; при корнѣ онаго кора сія не много раздвоилась, и на шѣлѣ дерева написаны были сіи стихи:

Богами проклято еще въ началѣ вѣка,
И нѣтъ ни одного на свѣтѣ челоука,
Которой бы хотѣлъ вкусить мои плоды:
Я въ свѣтѣ произвожу болѣзни и бѣды,

Отчаянье, печаль и слово, всё напастн;
 Въ смертные моей препекутъ нынѣ власти.
 Я только для того на свѣтъ пребываю,
 Что счастье въ себя народно пожираю,
 И волей не даю ни малой имъ опрады,
 Гублю всегда людей опустошаю грады;
 А еслии принуждать къ добру меня кто
 станетъ,
 То власть моя тогда на вѣкъ предъ нимъ
 увлечетъ.

Прочитавъ сію удивительную надпись, не могъ я пребыть безъ негодованій, и сколько подосадовалъ на неиспово: ешо дерево, что вынявъ саблю началъ рубить его въ швы: но весьма въ скорое время удержалъ меня иъкошорой гиганшъ за руку, и говорилъ мнѣ: Постой, ты избавишь одного народа, а не всего смертнаго племени; и шакъ искоренишь еѣ древо до основанія тебѣ не должно: возьми, продолжалъ онъ, подавая мнѣ иъкошорой весьма оспрой камень; онымъ ты раздроби голову убишаго шобою вола, изъ мозгу его выдупи два воина, кошорые въ одну минушу убьюшъ другъ друга, и кошорой упадеши изъ нихъ навзничъ, то съ шого сними панцырь, шлемъ и саблю и об-

лекися въ нихъ , тогда способенъ ты будешь освободить Олана отъ крѣпката сна, или способенъ будешь присунуть къ сему дѣлу. И такъ ошданни мнѣ сей камень, подиалъ онъ ошрубленные мною вѣшлен , и посмошрѣвъ на меня съ великимъ удивленіемъ скрылся изъ моихъ глазъ.

Держа въ рукахъ даръ сего духа , думалъ я бросить его на землю : ибо представлялся онъ мнѣ совсемъ ненужною вещью для разрубленія воловьей головы , и размышлялъ я такъ : Имѣвъ при себѣ саблю, долженъ помсти некаяшъ онъ ножа ; но однако пошелъ я съ онымъ къ буйволу, и только пересунулъ шаговъ съ десятокъ, какъ увидѣлъ подлѣ ивкошораго куста крылашаго юношу, которой сидя шумѣ весьма горько плакалъ. Я хотѣлъ знать непременно причину его печали, и для шого ѡстановившись спрашивалъ его, кто онъ иakovъ и о чемъ такъ много скорбишь, и ешьли есть къ шому способъ, шю я обязывался быть въ его услугахъ. Я называюсь Иекусисъ, ошвѣчалъ мнѣ юноша обернувшись ко мнѣ, и есмь Геній несчастнаго города Хошыня ; плакалъ я на семъ мѣ-

ещѣ дванцать лѣтъ съ слишкомъ, и по
 протеснѣннѣ онаго срока часа съ три на-
 ходился въ великой радости, а теперь
 я плачу оныи: ибо Кидалъ хочеть бро-
 сить данной ему ошѣ духа камень и
 разрубиша воловьѣ голову своею саблею,
 ошѣ чего въ одну минушу послѣдуешѣ
 ему погибель. Хошынъ османеша оныи
 подвѣгомъ рабства, а я долженъ до скон-
 ченія вѣка орошашъ сѣ мѣсно моими
 слезами. Услышавъ еѣ пришелъ я въ
 преспедикое удивленіе, и благодарилъ се-
 го Геня ошѣ искреннаго моего сердца,
 и досадуя самъ на себя укорилъ незна-
 ніемъ, и что я такъ мало имѣлъ раз-
 сужденія, что совсѣмъ незнаемая мнѣ
 вещи презиралъ не поснигая того, что
 ошѣ малыхъ великія возраспающѣ;
 и обнадеживъ Геня, что я конечно впе-
 редѣ не буду такъ безразсуденъ, и о
 чемъ не имѣю понятія, того презирать
 не стану, распался я съ симъ добро-
 дѣшельнымъ духомъ, пенушемся всегда о
 сохраненіи вѣреннаго ему смерннаго
 племени. Пришедъ къ шому спрашному
 волю разрѣзалъ его темя, и увидѣлъ,
 что вышли изъ мозгу его два сильныя
 богатыря, которые немедленно сра-

знали между собою, и по долгой и
 сшрашиной битвѣ упали оба мершвы
 на землю. Осматривая оныхъ увидѣвъ
 въ одного, которой лежалъ навзничь;
 немедленно подошедъ къ нему снялъ съ
 него шлемъ и саблю; а кивъ только
 опдѣлилъ я ошъ шѣла его панцырь, шо
 въ одну минушу изъ сего храбраго воина
 сдѣлаася почтеннаго вида весьма сша-
 рой мужъ, которой много походилъ на
 пусшыника, но только плашь дѣлао
 его ошмѣнишымъ ошъ всего смершнаго
 племени; сверхъ ижняго долгаго по-
 лука-панья была на немъ широкая и
 долгая епанча чернаго цѣшна, какъ
 и исподнее плашь, которое опоясано
 было ремнемъ со изображеніемъ днев-
 ныхъ на ономъ знаковъ; чрезъ плечо
 имѣлъ онъ повѣшенную перевязь со всѣ-
 ми знаками мѣсяцовъ цѣлаго года; на
 головѣ его была ошрая шапка, украшен-
 ная пѣпушьими косами; а въ рукахъ
 имѣлъ онъ жезлъ, около котораоо об-
 видасъ большая живая змѣя, а на верьху
 онаго вмѣсто набалдашника укрѣплена
 была звѣзда; и такъ какъ будшо послѣ
 крѣпкаго сна проснувшися всшалъ онъ
 на ноги, и смошрѣлъ на меня весьма

пристально, не говоря мнѣ ни слова. Увидѣвъ сіе превращеніе столько я изумился, что не зналъ, что мнѣ тогда должно было дѣлать; шлемъ и сабля лежали подлѣ моихъ ногъ, а панцырь держалъ я въ рукахъ и споялъ весьма долго неподвиженъ, ожидая оубо проснуться и весьма удивительнаго мужа уведомленія, какъ мнѣ должно съ нимъ обойтиса, такъ ли какъ съ духомъ, или такъ какъ съ человекомъ. Я вижу, говорилъ онъ мнѣ, что ты весьма много удивляешься чудному моему превращенію и необыкновенному плазью, въ которомъ шеперь меня видишь. Хотя шеперь и не такой случай, продолжалъ онъ, однако я уведомлю тебя, что я такой и онъ чьей крови. Ты видишь передъ собою сего славнаго кабадиста, которому не рѣдко повинуюшся бѣсы. Я родомъ изъ Хопыня, отецъ мой былъ верховной первосвященникъ и человекъ весьма разумной; онъ приложилъ все свое снраніе вкоренишь въ меня великое понятіе, и для того послалъ въ Египецъ; тамъ обучался я у жрецовъ, и узналъ науки сей нѣкоторое начало; а какъ уведомился, что знаніе сіе въ

великой силѣ въ Индіи , то немедленно шудъ поѣхалъ , и шамъ у искусныхъ Браминовъ узналъ ее совершенно. Прѣтхаръ въ мое опечесство не засталъ уже я опца моего живаго , а въ воздаяніе за его обо мнѣ попеченія сдѣлалъ ему гробъ изъ такого камня , которой мнѣ одному шолько извѣстенъ ; положи въ оной шбло сщца моего , приказалъ сшояшь ему во храмъ на воздухѣ , и чшобы онъ не касался ни сшѣнъ , ни пола , ни пошолока , которой и по сихъ поръ находится еще шаквымъ , и множество народа изъ дальныхъ странъ прѣѣзжающъ шощрѣшь сего чуда. Послѣ сего опредѣлилъ я себя вовсе въ сшю науку , изыскалъ неизвѣстныя никому книги , и предсказываю по онымъ будущее народное благополучіе и несчастіе ; а чшо слова мои справедливы и наука мнѣ сшя довольно извѣстна , шо сему въ доказательство служишъ , чшо сильнѣе меня иѣкоторыя духи обрашши меня въ вода и приказали оспереташъ сей очарованной островъ , на которомъ заключили они сшасіе нашего народа. Сіе по серединѣ сшоящее дерево , продолжалъ указывая на шо , которое я рубилъ

заключаетъ въ себѣ наше благополучіе, но теперь оное отъ него возмемся; храбростію своею и знаніемъ моимъ мы сіе безпрепятственно исполнимъ; для чегожъ превращенъ я былъ въ шо животное, изъ головы котораго я вышелъ, шого прежде смерти Тризлы, нещювой нашей Государыни, ты не увидашь, шакже и причины несчастія народнаго, и не увидишь несчастнаго нашего обладателя Олана, котораго и сморъшишь шебѣ не должно до шого времени, какъ убиша будешъ Тризла, и ты придешъ пробудишь его. Пойдемъ къ сему дереву: и шакъ приближившись къ оному приказалъ онъ сломить мнѣ десянь вѣшокъ и сплѣсти изъ оныхъ вѣнецъ, которое я все немедленно исполнилъ. Сей вѣнокъ, продолжалъ онъ, надѣнь ты долженъ шогда, когда прѣдешъ въ градъ Хс тынь съ околдаваннаго острова, подлѣ котораго мучишся Тризла, и шогда увидишь, какое страшное и чудное дѣйствіе воздѣмъюшъ сіи листья. Пошомъ привелъ онъ меня къ мертвому бѣйволу, и опломивъ одинъ рогъ у онаго далъ мнѣ въ руки, и говорилъ олянъ: Сей рогъ брось ты

тогда въ море, когда получишь всѣ наставленія отъ Тризлы, какъ вступишь тебѣ на островъ: по сдѣлается тогда изъ него морская раковина, въ которую долженъ ты съснѣ и ѣхать къ берегу весьма осторожно, и долженъ еще стараться, какъ возможно удерживать свое дыханіе: ибо почувствовавъ оное спрашная на пища въ минуту проснулся, о которой уведомишь тебя обстоятельно наша Государыня, и обо всемъ, что долженъ ты тогда дѣлать. По опломленіи рога поднялось шѣло волоче на воздухъ и сдѣлалось обѣяно все огнемъ; однако спояло все на одномъ мѣстѣ; попомъ какъ снало потухаешь, то поднималось снѣ часу выше и скрылося наконецъ изъ глазъ: тогда кабаленшѣ предупредилъ мой вопросъ и говорилъ мнѣ, что сіе подобіе взято было изъ небесныхъ знаковъ, и шакъ онда въ все смертное землѣ возвратилося опять въ небо. Сшупай продолжалъ снѣ, ко исполненію славнаго предпріяшя, дельфинъ уже тебѣ дожидается; онъ привезетъ тебѣ прямо въ устье рѣки Рвани, которая протѣкаетъ надъ городомъ, а я долженъ

еще здѣсь остаться для исполненія нѣ-
которыхъ нужныхъ дѣлъ. И шакъ про-
сшившись съ нимъ съѣлъ я на дельфина
и прѣѣхалъ сюда, имѣя при себѣ шѣ ве-
щи, кошорыя онъ мнѣ далъ.

ГЛАВА XV.

ВЕЧЕРЬ 70.

*Продолженіе Кидаловыхъ при-
ключеній.*

Какъ только переспалъ Кидалъ ска-
зывавшъ случившееся сіе съ нимъ при-
ключеніе, шо верховной священникъ
и другіе жрецы вошли къ нимъ въ ком-
нату весьма съ радостными видами.
Нушрозоръ, шакъ назывался первой
жрецъ, подошелъ къ Кидалу съ вели-
кимъ подобострастіемъ, какого онъ
никогда еще и никому не оказывалъ,
ибо санъ его запрещалъ унижаться
передъ смертными, и говорилъ Кидалу
шакъ: Великій Омарской владѣтель,
соизволеніемъ боговъ избранъ шѣмба-
вшелемъ нашего народа и воскресше-

лемъ добродѣтельную Олапа, чему получилъ я ошкровеніе въ прошедшую ночь. Есть въ кошорое мѣсто окруженное моремъ, на кошоромъ мучима наша злая Государыня; должно шебѣ шуда оправишьса непременно, и она увѣдомишь шебя, что шебѣ надобно дѣлать; въ кошорой же стороне лежишь ено мѣсто или каменная гора, шого мнѣ не ошкрыто; но сказано, что по принесеніи швоемъ къ берегу возмешъ шебя дельфинъ и принесешъ на раменахъ своихъ къ Тризлѣ; сущешъ невелико мнѣ представишь шебя передъ ишуканомъ великаго Перуна во время приходешя жершвы: чего для просилъ я нынѣ разврашнаго Нахал, чтобы приказалъ онъ ошворишь намъ храмъ и принесеш въ онемъ жершву, ибо храмы наши по сошволенію прогнѣванныхъ боговъ всѣ заключены; на что онъ согласилса, и приказалъ, чтобы цѣлой день ошверсна была Перунова божица. Кидалъ немедленно на се согласилса, и пошаш они всѣ въ храмъ великаго Перуна. Первосвященникъ надѣвши жершвенныя одежды, вышелъ передъ капицу сшрашнаго сего бога, и началъ производишь

жертвенные обряды, по окончаніи которыхъ сшадъ Нупрозоръ на колѣни и весь народъ съ нимъ; чиналъ онъ въ слухъ молитвы со слезами, и пѣмъ старался подвигнуть на милость великаго Перуна, кошорой шогда и подлинно почувствовалъ объ нихъ сожалѣніе, и сказалъ плачущему народу такъ:

Снимаю иго съ васъ,
Благословенъ вамъ часъ.

Народъ услышавъ сіе палъ на землю, и зшъ сокрушеннаго сердца благодарилъ милосшиваго бога. Пришедъ изъ храма и поблагодаривъ домашнихъ боговъ за великое ихъ снизхожденіе, сѣли попомъ за сшолъ; и когда подали горячее кушанье, шо ошкрывъ Нупрозоръ увидѣлъ въ сосудѣ весьма чудное явленіе: между другими вареными рыбами въ горячей водѣ плавала одна жиева, у кошорой на спинѣ написаны были сіи слова: „Всего полезнѣй человѣку“. Всѣ пришли опъ шого въ великое удивленіе, и не знали, какъ расшолковать сіе приключеніе. Нупрозоръ Хошѣлъ ее выпустить, но она выпрыгнувъ изъ сшолъ упала на тарелку къ нѣкошорому жрецу. Въ одну

Часть IV.

К

минуту слова на ней пропали и съблалась она подобною другимъ рыбамъ. Вспредѣлили, чтобы употребилъ ее въ пищу шонъ жрецъ, къ которому попала она въ сосудъ; и какъ только раздробилъ онъ на части, то внутри увидѣлъ сѣ слово: „Молчаливощь,, , и когда показалъ всемъ, то не меньше удивились они, какъ и прежнему: но жрецъ вспалъ изъ за спола, и снзвши на колѣни передъ Нушрозомъ, каялся передъ нимъ въ своемъ прегрѣшеніи: ибо намѣренъ онъ былъ объявить о Кидалъ Нахаю и совѣшавши ему, чтобы шонъ не шребилъ его, и шѣмъ бы пресѣкъ намѣреніе ко избавленію Оланову и всѣхъ его подданныхъ. Нушрозоръ выслушавъ сѣ ужаснулся и благодарилъ милосердыхъ боговъ, что они начали уже миловать Хошынское поколѣіе. Онъ не намѣренъ былъ просить жреца, и хотѣлъ послать его въ заточеніе; но Кидалъ и Алимъ употребя неопшшупную свою прозбу, избавили виновнаго отъ наказанія, предсказавля Нушрозору, что когда умилосердились надъ ними боги, тогда уже никакіе происки смертныхъ вредить имъ не могутъ.

По окончаніи стола начали совѣщывашь всѣ о похвальномъ намѣреніи Кидаловомъ, и всякой сшарался наполнить его мужесствомъ. Нупрозоръ увѣрялъ его поминушно о покровительствѣ все-сильныхъ боговъ, и говорилъ, что конечно предпріяшіе его безъ награжденія не останешся; хошя мы и не знаемъ, гдѣ находишся шенерь Плакета, но когда обѣщали шебъ ее боги, шо конечно не можешъ бышь сѣ лживо, и я не думаю, чтобы ты будучи сиолько просвѣщенъ и добродѣшеленъ, опважился сомнѣвашься въ словахъ великаго Перуна, кошорья всегда бываюшъ неподвижиѣ горъ каменныхъ, и когда одинъ разъ сказаны, шо не должно уже ожидать повшоренія. Кидалъ не шолько хотѣлъ когда нибудъ оспавить свое предпріяшіе, но по всякой часъ наполнялся большимъ къ шому желаніемъ, и думалъ всякую минушу отправишься на каменную гору къ Тризлѣ: и для шого говорилъ Нупрозору, что онъ идешъ ѣ часъ ко исполненію божескаго определенія и своего намѣренія; на что говорилъ ему первосвященникъ шакъ: Похвально швое усердіе и добродѣшель

К 2

ко избавленію народному; но время еще не приспѣло, въ которое долженъ ты показать храбрость свою и неслыханную еще доселѣ отважность; въ онкроуеніи мнѣ сказано было богами и сіе: Бѣ въ некоторую ночь заимается луна, и и сдѣлается на нашемъ горизонтѣ такая тѣмь, о которой еще онѣ начала свѣта не слышно было; тогда придетъ великой страхъ на всѣхъ Лунашиковъ, и они оставивъ всѣ свои сражи, скроются въ домахъ: но да должно мнѣ привести домашнюю жертву и съ домашними богами проводишь тебя на берегъ, и шамъ всю сію ночь умоляшь боговъ о благополучномъ успѣхѣ швоего оружія. И шакъ долженъ ты ожидать сего времени, и не прежде производи предпріятіе швое въ дѣйство; а въ ожиданіи сего времени можешь ты уведомиши ся объ обстоятельствахъ нашего владѣнія, разсмотрѣть мѣснѣ положеніе: ибо сіе тебѣ непременно надобно знать, для шого что совокупившись съ Илакешю будешь ты города сего защититель; а чшобъ веселѣе осматриваешь тебѣ оныя, то бери съ собою друга швоего чужестранца, о ко-

поромъ мы еще никакого извѣстія не имѣемъ и не знаемъ его имени, кое онъ оубъ насъ ушаеваетъ, и какія шому причина, мы и шого не вѣдаемъ; но извѣстно только, что онъ имѣетъ въ себѣ безпримѣрную добродѣтель.

Такимъ образомъ осмѣлилъ Кидалъ до опредѣленнаго времени свое предпріятіе, и вознамѣрился по совѣту Нупророзорову осмоирѣшь городъ, всѣ мѣшз, кои досшойны были примѣчанія, гавзнь и берегъ. Въ нѣкопорой день пригласилъ онъ съ собою Алимъ и пошли они въ рошу, копороая спояла на самомъ ушьвѣ рѣки Рвани; пришедъ туда сѣли на берегу морскомъ. Алимъ вздохнувъ весьма прискорбно, началъ говорить Кидалу: Я не сомнѣваюсь, чтобы ты не просилъ мою неучтивость, что находясь съ шобою довольное уже время, не увѣдомилъ тебя, кпо я шаковъ: ибо имѣю я причину ушавать мое поколѣніе и имя онъ сего народа до избавленія его онъ рабшва. Я владѣтель Млакока и Нія двухъ оширововъ, шевъ, думаю, извѣстныхъ, сынъ несчастнаго Оланъ и Тризлы. Что ты говоришь! вскричалъ шогда Кидалъ. Милосердые боги,

продолжалъ онъ такъ, вы дѣлаете меня больше счастливымъ, я буду имѣть въ Алимѣ друга и сродника и обязуете меня, чтобы я служилъ Хошпыни еще съ большимъ усердіемъ. По сихъ словахъ облобызали они другъ друга, и Алимъ продолжалъ говорить ему такъ: Ты выбранъ богами избавишелемъ несчастному ошцу моему и всѣмъ его подданнымъ; опредѣленіе боговъ, чтобы отецъ мой царствовалъ на своемъ престолѣ, а мать бы моя избавяся отъ муки, скончалась, какимъ образомъ, того тебѣ, какъ сказывалъ ты, не извѣстно; и такъ прошу тебя для дружбы твоей ко мнѣ, какъ можно уменьшай прошивъ ее твою свирѣпость, ежели соизволеніемъ боговъ будешь ты такую чувствованъ къ моей матери, и ежели должна она умерщвлена быть твоими руками; и если возможно будешь минованъ тебѣ сѣ опредѣленіе, осмаетъ ее жить на свѣтѣ, но только избавленную отъ сего мученія, которое она теперь претерпѣваетъ. Возлюбленный мой другъ, освѣчалъ ему Кидалъ, не воображай себѣ, чтобы я подумалъ когданибудь о такомъ свирѣпствѣ, и ежели боги

опредѣляшѣ меня ошпяшѣ у нее жизнь, шо я лучше сдѣлаюсь воли ихѣ преслушенѣ, и прешерплю какое нибудѣ за сѣе наказаніе, нежели учиню шакое варварство; будь увѣренѣ, чшо упопроблю кѣ шому всѣ мои силы, чшобы радоснѣ ошца швоего и швоя была совершенна; боги опредѣляютѣ меня избавишелемѣ, а не варваромѣ, и думаю, чшо милосердіе ихѣ избавишѣ меня ошѣ провиннаго добродѣтели моей пошупка. Пошомѣ просилѣ его Алимѣ, чшобы онѣ не обѣявилѣ о немѣ жрецамѣ, и шакже никому, увѣряя, чшо время само покаженѣ его народу, и сердечное чувствованіе Оланово представилѣ ему пошеряннаго сына, которой и самѣ весьма долгое время не зналѣ своего ошца, и не имѣлѣ обѣ ономѣ никакого извѣсшя.

Вѣ сихѣ разговорахѣ увидѣли они два корабля плынущѣ изѣ моря кѣ ихѣ городу; по снаряду оныхѣ не могли они узнатьѣ, какого владѣнія были онѣ суда: оныя впущены были прямо вѣ гавань. Кидалѣ и Алимѣ поспѣшили вѣ оную, чшобы увидѣнѣ, кшо прѣѣхалѣ вѣ ихѣ городѣ; и какѣ шолько пришли они кѣ

кораблямъ , то вышелъ изъ оныхъ , какъ казался по виду , Государь , окруженный множествомъ господъ ; плашье на нихъ было весьма чудное и не походило ни на какое , которое посещъ разные народы обыкновенно , и у всѣхъ закрышы были лица чернымъ флеромъ , и шакъ пошли они во дворецъ , чему Алимъ и Кидалъ весьма много дивились ; но удивились они тогда больше , когда увидѣли на носу одного корабля поставленную человѣческую голову , и прочитали написанныя надъ оною сія слова : „ Голова Ранлїя Омарскаго Вель- „ можи „. Владѣшель того города прочитавъ оное запрещалъ , и не зналъ , что должно было ему думать о такомъ приключенїи ; не меньше его удивился и Алимъ : ибо онъ слышалъ онъ Кидала , что сей добродѣтельной мужъ былъ его опекуномъ и убишъ несправедливымъ пираномъ Азаповымъ сыномъ . Такимъ образомъ , чтобъ не было примѣчено сіе ихъ смущенїе , пошли они немедленно домой , и вознамѣрились наутрѣ развѣдать ея шайну : ибо разрывала она Кидалово сердце , и приводила въ великое безпокойство и Алима .

Судьба Оланова назначила въ сей день начало своего милосердія. Но закатѣ солнечномъ взошла на Хошынское небо луна; окружена она была лучами и казалась свѣтлою больше обыкновеннаго; но въ прешлемъ часу ночи начала меркнуть, и въ скоромъ времени покрылась вся шемною; пономъ охладѣвъ весь воздухъ и такая разлилась мгла по землѣ, что люди не могли ничего видѣть. Лунашки почли сіе божескимъ гнѣвомъ, и думали, что прогнѣвался на нихъ мѣсяцъ; наполнились всѣ великимъ страхомъ и заперлись въ домахъ своихъ ошю всюду, всякой рыдалъ изъ нихъ неушѣнно, ожидалъ послѣдняго конца непременно, и не дерзалъ уже умилосшивляшь прогнѣванную луну.

Нушрозоръ видя, что время пришло къ избавленію народному, позвалъ къ себѣ Кидала, и орошая его своимъ слезами, говорилъ: Возлюбленное чадо, прошу о тебѣ милосердыхъ боговъ, чтобы оныя укрѣпили тебя къ сему претрудному подвигу, и чтобы: всесильная ихъ рука пребывала всегда надъ тобою. Алимъ и всѣ жрецы тогда плакали, подобно какъ будтобы опускали на

смерть Кидала ; но сіе предирѣніе спрашивае было и оной. Пошомъ великій священноначальникъ возжегши домашнюю жершву , сшалъ на колѣни , и облившись горькими слезами просилъ съ великимъ сокрушенемъ боговъ покрышь щедрою своею еще въ цвѣтущихъ лѣтахъ храбраго Кидала ; пошомъ возложилъ на него освященную гривну , о копорой получилъ приказаніе оиъ боговъ , и коя снята была съ Олана для сего предирѣнія. По ушущеніи сей жертвы пресиделся оиъ съ Омарскимъ обладателемъ и приказалъ учинить поже всѣмъ. Всѣ оплакивали тогда Кидала , но онъ наполнился мужествомъ , и ни о чемъ больше не думалъ , какъ о храбросии , весьма пошребной въ семъ случаѣ. И такъ взявши пламенники и нѣсколько кумировъ пошли они на берегъ спокойнаго тогда моря. Жрецъ и всѣ бывшіе шумъ люди учинили шоричное моленіе , и гошовы уже были рашаешься съ Кидаломъ. Вдругъ изъ глубины морской вынырнулъ великой дельфинъ , и посадя Кидала къ себѣ на спину пусѣмился въ пространные море. Въ одну минушу луна освѣщилась солнцемъ и

едѣлалась ночь весьма свѣтлою. Люди увидѣвъ шолкое чудо возблагодарили боговъ опѣ радосныхъ сердецъ, и остались вмѣстѣ съ великимъ первосвященникомъ умиласшивлять боговъ и просить счасшавяго успѣха Кидалу во всемъ шомъ, что будешъ онъ предпринимать ко избавленію ихъ.

Симъ мѣсноимвнѣемъ кончился седмидесятый вечеръ. Теперь должно приняшься за другое и услужить другимъ, по пословицѣ: „Ласковой шеленокъ двѣ маншки сосетъ,,.

ГЛАВА XVI.

ВЕЧЕРЬ 71.

Продолженіе сказки о рожденіи тафтяной мушки.

Владимира прочишавъ письмо и сыскавъ по оному своего любовника, обрадовалась больше, нежели шомъ аспрономъ, кошорой нашелъ на небѣ новую планету; восхищенія ея ни коимъ образомъ описать здѣсь не возможно, по шому что происходило оное весьма

беспорядочно, и казалось, что она въ
 это время нѣсколько одурѣла: ибо вмѣ-
 сто любовника цѣловала присланную
 ошѣ него бумагу. Сѣи поцѣлун, какъ
 думается мнѣ, пропали понапрасну;
 иной бы охопникѣ до оныхъ согласился
 взять ихъ хѣши на вексель, ежели бы
 пѣ шомѣ ему повѣрили; да и правду
 сказавъ, бумаги не знаешь ни любви,
 ни волокиты, следовательно въ поцѣ-
 лухѣ никакой нужды не имѣешь. Сча-
 стливиѣ шомѣ человекѣ; у коего есть
 любовь въ сердцѣ, а деньги въ карманѣ;
 ибо безъ оныхъ и человекѣ не человекѣ,
 и въ шкомѣ-по безлюдн сирасъ сѣ
 находишь не долго; когда карманѣ
 опустѣешь, то и любовь въ женщинѣ
 въ одну минушу къ тому цеголю по-
 шухнешъ, и для возвращенія оной не
 стараешься любовникѣ привлекать къ
 себѣ сердце любовницы; но прилагаешь
 неусынное попеченіе сыскать денегѣ,
 какъ такое средство, на которое не
 только тогары, но сердца и склонные-
 ни дѣвицѣ покупать можно, а особливо
 въ шомѣ мѣстѣ, гдѣ у мужчинѣ изъ
 дурной посуды кушаютъ гости хоро-
 шее яство, а у женщинѣ изъ прекрас-

ныхъ судовъ хлѣблютъ негодныя кушанья. Сочинишеть не просишь господъ чинишелей, чтобы они спрашивали время на отгаданіе сей загадки: ибо она сама по себѣ ничего не сповишь, и должно мнѣ не имѣть почтенія, нежели сія пословица: „ Всякой Еремей про себя разумѣй „.

Еще и до сихъ поръ объ этомъ я не извѣстился, что госпожа Владимира больше ли имѣла денегъ, или любви къ Неоху; да полно что мнѣ и нужды мѣшались въ чужое дѣло, „ ихъ домъ, „ ихъ и воля, а мое дѣло постороннее: однако сердце мнѣ предвѣщаетъ, что чинашеля потребуютъ въ семъ случаѣ ошъ меня ошчешу, какъ ошъ шакого человека, которой и подлинно влѣлся не въ свое дѣло. Быль шакъ, пуцусь въ сіе изслѣдованіе, зная припомъ прежде, что легче перечесть песокъ на днѣ морскомъ, измѣришь глубину Окіяна, удержавъ пивцу на воздухъ, унять купца, чтобы сибъ не бсжился въ шо время, когда продасть свои шовары, удержатъ подычеге ошъ взяшковъ, нежели узнать склонность и намѣреніе шой дѣвушки, которая начинаетъ влюбляться. Золото

пробуютъ на оселку, а любовницу на деньгахъ; камень показываетъ доброту мещалла, а деньги склонности красавицы; слѣдовательно оныя больше моего имѣющъ силы въ любовныхъ дѣлахъ. Однако дѣло шеперь не до нихъ, а до любви Владимириной къ Неоху: я уже сказалъ, что получивъ письмо весьма много она обрадовалась, по чему и недогадливой разумѣшь можешъ, что она изрядно любила Неоха. Орфей любя весьма много Евридику, гонялся за нею и во адъ, однако древніе народы просили ему сіе дураческиво, да онъ же и муштина; а что Владимира погналась за любовникомъ своимъ въ Винешу, то мы должны сіе простить ей непременно, и для того, что она женщина, хвалять безпреспанно шакое ея намѣреніе: ибо въ угодность нашимъ любовницамъ все, что онѣ ни пожелающъ, должны мы дѣлать непременно, и жить не для себя, но только угождая шѣмъ онымъ, сохранять нашу жизнь и не поддаваться смерти для того, какъ онѣ говоряшъ, что имъ весьма будешъ безъ насъ скучно.

Ежели бы были въ сіе время спрое Сшонки, то конечно обвинили бы

меня симъ моимъ мнѣнїемъ ; но я философа сколько не опасуюсь, сколько прекрасной женщины : ибо лишившись сообщенїя съ учеными людьми, могу я препроводить время гораздо веселѣе съ красавицами, кошърыя ошъ природы не засщенчивы и имѣющъ даръ предъузгнѣвать наши желанїя. Ихъ философія удобнѣе проевѣпитъ мой разумъ и научитъ опдѣлять худое ошъ хорошаго, и можно сказать прямо, что нынѣ многіе именующъ собранїе ихъ свѣтскою школою. Тутъ разумные люди дѣлающъся ни о чемъ незнающими, слушающъ правоученїя сихъ новомодныхъ щеголихъ съ ирвеликою охотою, и ради вѣугодность имъ опрокинутъ вверхъ дною всю справедливую систему свѣта. Профессоръ краснорѣчїя бывающъ шушъ шуше деревенскаго дѣячка, искусной Аспрономъ глупѣе пьянаго приказнаго служителя, Докиторъ медицины незнающѣе повивальной бабки, Придворной человекъ невѣдущѣе степнаго крешьянина, и словомъ, всякой ошъ своей Должности опперешъся принужденъ бывающъ, ежели хочешъ слышъ прямо свѣтскимъ человекомъ и знающимъ прѣемы, какъ обхо-

дѣлать съ шѣми женщинами, которыя живушѣ по модѣ; а ешаго уже и довольно для совершенія чловѣческаго благополучія.

Дѣло хошя не по порядку, однако дошло до того, чшобѣ собираншя Владимирѣ въ путь, къ чему не сочинилась ея принуждаешѣ, а вознамѣрилась она сама ѣхашь въ Вилншу къ своему любовнику. Въ семѣ случаѣ не долженѣ я умолчашь обѣ управилелѣ сей молодой госпожи, конорой не шолько въ сей книгѣ, но и въ древней исторіи могѣ бы имѣть изрядное мѣсто; и есшлы не прежде, шо по крайней мѣрѣ первымъ по Езопѣ мудрецомъ почесшя долженѣ, и стоялѣ уже онѣ на линіи сего принадлежащаго ему чина. Онѣ назывался Куромша, имѣлѣ онѣ роду невсипуно восьмдесяшѣ чешыре года: однако ходилѣ безѣ косшыля; можешѣ бышѣ бѣги для збереженія денегѣ прабавляли ему бодрости. Поскупилса онѣ заняшѣ росшу у природы и походилѣ больше на карлу, нежели на цѣлаго чловѣка, и казалса для шого весьма сокращеннымъ живоннымъ. Въ семѣ случаѣ намѣренія природы узнашѣ было не возможно, хо-

тѣла ли она сдѣлать его посмѣшищемъ
цѣлаго свѣта, и пустила по земному
шару для смѣху людскаго; или, чтобъ
глядя на него каялись тѣ люди, кошо-
рые отнимаютъ сами у себя здоровье
и данной отъ природы совершенной об-
разъ. Грудь его брала преимущество
передъ бороною и кошъла имѣть боль-
ше вольности, и для того выдвлась
весьма не скудно впередъ, такъ что
предсавлялся онъ малорослымъ сочи-
нишелемъ, несущимъ запазухою въ переп-
лѣшъ большую книгу, чтобъ на улицѣ
люди, починяя его разумнымъ, не шол-
кали съ дороги. Что же природа отня-
ла изъ его росшу, то положила въ носъ;
оной былъ гораздо побольше обыкно-
веннаго, и казался штукашурной рабо-
ты или высѣченнымъ изъ краснаго мар-
мора; но онъ спрогосни суровой пого-
ды, или онъ неумѣреннаго солнечнаго
сѣянтя во многихъ мѣсяхъ расчелялся;
по срединѣ его былъ гѣрбъ, которой
поискривился нѣсколько на правую сто-
рону, и чуть не покрывалъ собою глаза;
на концѣ онаго висѣла малиноваго цвѣта
не гораздо малая шишка, кошорая без-
образила его шѣмъ больше, что каза-

Часть IV.

Л

лая квадратною. Верхняя его губа отъ
 рожденія своего не видала свѣту, и на-
 ходилась всегда въ шѣни носовой, а ис-
 подняя такъ была мала, что казался
 онъ издали совсѣмъ безъ губъ; глаза,
 какъ видно, опасались всегда дождя,
 то запряпались подъ лобъ весьма дале-
 ко; густыя брови, покрытыя вегдаш-
 нимъ инеемъ, закрывали оныя собою,
 и безъ помочей глядѣть ему ни коимъ
 образомъ было невозможно. Голова об-
 ширносшю своею не много уступала
 плочамъ; а еслии прибавить къ ней
 уши, то она сравняется съ оными; при-
 крывалась она разнаго цвѣта волосами,
 которые во многихъ мѣсахъ побѣл-
 лись, такъ, что сквозь оныхъ сіяла
 голова на подобіе чистаго мѣднаго со-
 суда. Могъ бы онъ окушати ее парикомъ;
 но въ то время сія головная покрывка
 скрывалась еще онъ нашего понятія.
 Сей разноцвѣтной граждаинѣ таскала
 съ собою ноги, которые сноль хорошо
 покривились, что самой искусной жи-
 вописецъ не можетъ точно положить
 ихъ на картину, и можно ли такъ ко-
 рошкое существо покривить на двѣ раз-
 ныя стороны, то есмь другъ онъ дру-

та и въ передѣ; и сѣи-то попорченныя пѣснѣны посли на себѣ всего господина Куромшу и въ добавокъ еще чинѣ упрившея дому Владимирна. Сѣи наружныя его свойсва сколько онѣ ни прелесны, но уступали всю красоту его разуму, кошорой былъ весьма извѣдкихъ въ шѣ древнѣя времена. Онѣ увѣрялъ безпрестанно простыхъ людей, что ешь на свѣшѣ дьяволъ, и что всякую ночь давалъ его домовой, предвѣщая ему всегдашнее благополучіе. Сей домовой, какъ онѣ сказывалъ, былъ средняго росшу, и не для того произведенъ на свѣшѣ, чтобъ устрашать людей; но единственно для той причины, чтобъ предвѣщать имъ счастье, и говорилъ, что не стыдно бы всякаго рода людямъ имѣть съ нимъ сообщеніе не только подлымъ; ибо домовой шолъ и самъ былъ не послѣдняго происхожденія.

ГЛАВА XVII.

ВЕЧЕРЬ 72.

*Продолженіе сказки о рожденіи
тафтяной мушки.*

Куромша отправлялъ свою должность такъ, какъ и другіе управители, которые сверхъ жалованья отъ господина имѣютъ другіе доходы, кои не рѣдко сравниваются съ расходами господскими, отъ чего иногда бывающъ они богаче своихъ помѣщиковъ; тогда-то наполняющя гордостью и принимаютъ весьма снисливо ихъ людей, которые ихъ получаютъ. Сей гордости избѣжалъ господинъ Куромша: ибо былъ онъ отъ природы ласковъ и имѣлъ не пречмливья разсужденія. Прошу господъ чинителей, чтобы они не смѣялись, ежели я назову Куромшу любовникомъ; хотя правду скажешь, что любовь сдѣлана не для такихъ красавицъ; но въ страсть сію позволено всунуться всякому, ибо она достается не по наследству. Онъ подарилъ сердце свое одной горничной дѣвушкѣ, которая называлась Веселешною, и которая способнѣе могла имѣноваться его внукою, нежели любовницей.

цею , для того что отъ роду имѣла она
 няишнащашъ только лѣшѣ. Но не смотря
 на сѣ неравенство лѣшѣ, утопадѣ онѣ
 въ любовной страсти ; догадываются
 нѣкоторые , что онѣ не слыжалѣ сего
 нравоченія. Женской любви не должно
 вѣришь никогда : ибо за бездѣлицу она
 мѣняется , шакже и красотѣ, что онѣ
 малго несчастія и онѣ болѣзни она
 повреждаешя.

Куромша услышавѣ онѣ Владимиры,
 что надобно пригоповляшя въ пушь,
 весьма много оробѣлѣ отъ сего приказа;
 дорога казалася ему свирѣпымѣ медвѣ-
 демѣ или голсдивымѣ волкомѣ ; ибо онѣ
 не бывалѣ болѣе нигдѣ, какѣ только
 доходилѣ до рынку въ Новѣгородѣ, и при-
 шомѣ привыкѣ жишь весьма покойно ;
 главное его безпокойство было, какѣ са-
 дитшя въ креслы и судитшя мушниковѣ :
 чего ради предлагалѣ онѣ госпожѣ сво-
 ей, чтообы изволила она ѣхашѣ на со-
 бакахѣ или на волахѣ, для того, что
 ешо де будешѣ спо. йнѣе ; но Владими-
 ра хотѣла лучше онѣ безпокойства уме-
 репшѣ, нежели долго ѣхашѣ ; ей хопѣлося
 весьма скоро увидѣшя со своимѣ лю-
 бовникомѣ ; а страсшѣ любовная болѣше

споншѣ, нежели жизнь человѣческая; но шолько ешо было въ старину, а нынѣ уже совсѣмъ другимъ образомъ влюбленѣ кто, или шѣшѣ. Въ старину любовь господствовала въ нашихъ понятіяхъ, а нынѣ мы уже надъ оною верхъ получили. Многіе говоряшѣ, что причиною тому бѣланды и румыны, кошорыми нынѣ нашираются красавицы, и будно сквозь оныхъ прелести ихъ не такъ сильно пожираюшѣ сердца наши; да и подлинно, ежели разсмотримъ хорошенько, шо нная ешо много кладешѣ ихъ на лицо, шо ежели оныя собранѣ и оцдашѣ живописцу, шо можешѣ онѣ намалевашѣ изъ нихъ Едона и Берфу со всѣми украшеніями. Такимъ образомъ предложеніе управишело было не принято, и положено, чтобѣ ѣхашѣ на лошадахѣ и весьма скоро. Въ такомъ случаѣ любовники охотно шрашашѣ деньги и даюшѣ хошя шройную цѣну за провозъ. Все было въ скоромъ времени изгшделено къ ошѣзду, и оспавалось шолько стѣшѣ Владимирѣ и ѣхашѣ; но сказывашѣшикъ намѣренѣ ее удержашѣ нѣсколькѣ для нѣкошорыхъ обстоятельствѣ, кошорыя не весьма будутъ прѣ-

ятым ея управителю. Ничто такъ не обманчиво, какъ надежда. Куромша также изгошовидя къ ошвѣзду и хотѣла уже со всѣми прощаться, но Владимира приказала оснаться ему дома. Сіе бы казалось безпорядочно, что сказывашь уже тогда, когда надобно садиться въ коляску : но въ такихъ домахъ , въ которыхъ влюбленъ господинъ или госпожа, сказывающъ, никогда порядку не бывашь ; слѣдовательно ешо не новое , а что въ обычаѣ сосшарѣлось, тому динись не должно. Ешомъ приказъ шакъ его поразилъ , что онъ согласился бы лучше перемѣнить свою систему и признаться , что нѣтъ въ свѣтѣ дьявола, нежели чтобъ распашься съ Вестинетсю , которая въ семъ случаѣ поберегла своего здоровья и не хотѣла шужиньши мало о любовникѣ ; по чему догадывашься надобно, что она его не любила.

Я чаю, никто бы не согласился любить шее, которая не сошнвѣшншвуешъ, и должно признаться, что сія участь падаетъ шолько на спариковъ и на безобразныхъ ; но нѣкоторыя ушверждающъ, что случаеться, что и съ красавцами , шолько съ шѣми, у которыхъ часто слу-

чаюпся пуетые карманы. Куромша стоя подлѣ коляски своей любовницы проследился, и сдѣлавшись на сипаросини шалуномѣ, началъ плакать неутѣнно; а какъ побѣжали онѣ со двора то заревѣлъ онѣ самымѣ дикимѣ голосомѣ, и сія его плачевная арія ни на что, сказываютъ, хорошее не походила: однако мы просишь ему должны, ибо любовь и не такое дурачество сдѣлать въ состояніи. Оставшіеся шумѣ люди не знали, что дѣлать со своимѣ Езопомѣ, и для того всѣ разбѣжались и оставили его горести и слезамѣ на жершву, въ которую онѣ охотно вдавался, и возвратился вскорѣ попомѣ въ свое жилище. Пришедши туда ни о чемѣ больше не помышлялъ, какъ о своей любовницѣ и о сннхотворствѣ, въ которомѣ упражнялся и день и ночь, и передѣлывалъ похождение Бовы Королевича въ героическую поему ровно прищипъ лѣтъ: онѣ предпріалъ оплакивать красавицу свою стихами; и для того выбралъ самой печальной родѣ сннхотворства, то есть елегію; и когда сочинилъ оную, то была она слѣдующаго содержанія:

Увы! тоскую я увы! тоскую нынѣ,
 Увы! жестокой я подверженъ сталъ судьбинѣ.
 Увы! но что еще въ напасти говорить?
 Увы! судьба меня стремится уморить.
 Прекрасные увы, колико вы мнѣ милы,
 Когда послѣдней я, увы, лишзюсь силы.
 Но ахъ! не можно мнѣ дыханья испустить,
 Доколѣ буду ахъ прекрасну ахъ любить,
 И ахъ! какъ вѣтвь сію она внимать ахъ
 станстѣ,
 Ахъ съ грусти ахъ она, какъ роза ахъ увя-
 нстѣ.

Томлюся я теперь, томлюся и спеню;
 Томлюся, говорю, а самъ себя маню,
 Наждою еще обманчивой ласкаюсь,
 И сладкимъ ядомъ я еще еще питаюсь;
 Еще я думаю, еще пріятной часъ,
 Еще соединитѣ еще спокрзтно насъ;
 Нанѣтъ уже, какъ зрю, надежды ужъ ни мало
 И все уже отъ насъ веселье ужъ пропало.
 Чтожъ дѣлать мнѣ теперь? терзаться и стес-
 нать,
 Груститѣ, печалитѣся, и млѣтъ, и плаѣтъ, взды-
 хать,
 Леденѣтъ, каменѣтъ, скорбѣтъ и унывати.
 И рзаться, мучитѣся, жалѣтъ и тосковать,
 Рыдать и слезы литъ, плачевной гласъ пускатъ,
 И воздухъ жалостью моею наподнятъ.
 Дремучія лѣса, кустарники и рощи,
 Свѣтлицую луну во время темной ночи,
 А солнце красное сіяющее въ день,

Чтобы хранили всё возлюбленную твою.
 Земля, пейдай се ты лучшими плодами,
 Ты жажду утомай ты чистыми струями.
 Зефиры вы урвѣзъ любэной вы красы,
 Тихонько дуйте вы въ прелестны вы власы,
 Когда потребно ей, вы члены, ходите,
 Но буйностію вы мудрей вы не вредите.
 Прости прекрасная, живи ты въ той странѣ,
 Прости и воздыхай о плачущемъ о мнѣ,
 Жалѣй меня, жалѣй, жалѣй, какъ я жалѣю,
 И въ сердцѣ я тебя одну мой свѣтъ имѣю,
 Прости, прости прости, еще скажу прости,
 И вмѣстѣ ты ко мнѣ съ любовью роспи.

Сте сочиненіе, или какъ наимено-
 валъ его авторъ элегією, кажется мнѣ,
 писана при восхожденіи какой нибудь
 злой планены, или можетъ быть въ
 нѣ дни, въ кошорые бѣсятся собаки,
 я мнился мнѣ, что такъ не лѣно врагъ
 не всякому удался; а еспили кто за-
 хочешъ, то долженъ поучиться не мень-
 ше, какъ при лѣца: ибо въ шолкое
 долгое время обращаясь въ безумствѣ
 можно одурѣть совершенно. Такихъ со-
 чинителей имѣемъ мы у себя довольно,
 кошорые принимаютъ ошпѣвать Венеръ
 своихъ стихами, и не зная шолку ни въ
 какомъ сочиненіи, пудрятъ любовницъ

своихъ черпилами безъ всякаго разсудкѣ а шѣ шакже не понимая ни ихъ , ни своего дурачества , восхищающа строкami и хваляшѣ сѣ лишкомъ сочинителя за рифмы.

Внесено же сѣе сочиненіе сюда для того , чшобѣ стыдился шѣ безчувственные стихотворцы , копорые чиная свои сочиненія , ничего обѣ нихъ худого не думающѣ , и утверждающѣ , что негодные ихъ стихи суть цвѣты стихотворства. По окончаніи сѣй елегіи повредился разумѣ у нашего управителя : ибо большую онаго часѣ положилѣ онѣ вѣ сѣе счиненіе. Поминутно начали предсавляшѣ ему дьяволы , и вся компанія домовыхъ обила вѣ его комнаты : онѣ часно сѣ ними разговаривалѣ , чѣмѣ приводилѣ вѣ великой страхѣ шѣхъ людей , копорые оберегали его здоровье. По маломѣ времени начала приговляшѣся емерпѣ похитишѣ сѣ сего свѣсна весьма надобнаго гражданина , копорой заранее могѣ предусмотрѣшѣ свою кончину ; для чего приказалѣ позванѣ жреца и написалѣ духовную , изѣ копорой выключилѣ свою любовницу за то , что она просилась сѣ нимѣ безъ должнаго

с сожалѣнiя ; а сіе онѣ примѣлнть могѣ, хопя и не весьма былѣ зорокѣ. Совершнвъ сію духовную, былѣ уже онѣ почи безѣ силѣ , и едва могѣ принеси послѣднее покаянiе ; по шомѣ пришло на него нѣкопорое забвенiе и казался онѣ совсѣмѣ окаменѣлымѣ. Домашнiе спрашивали у жреца, естли какая мнбудь надежда, чпо Куромша можешѣ продолжашѣ свою жизнь ; а какѣ жрецѣ сказалѣ имѣ , чпо нѣнѣ никакой , шогда началось расхищенiе его имѣнiя ; духовная особа взялѣ золотыя часы, и скавалѣ , чпо ешо беретѣ онѣ для помнновенiя души управительской. Пошомѣ присшупили всѣ , и начали окружашѣ н сѣ права и сѣ лѣва полныя сундуки управительскiе, и понесли ихѣ во свояси ; всякой усердно старался очищашѣ его комнашу , и сказывашѣ , чпо дошалош обшгда и обшмѣ. По ушущенiи шодикаго смященiя во оградѣ у Куромши , и когда уже всѣ разошлись , шбо забирашѣ уже имѣ нѣчѣго , управитель проснулся и говорилѣ своему слугѣ , которой всегда при немѣ находнлся, чпобы онѣ посмошрѣлѣ , которой часѣ. Гдѣ прикажешѣ о шомѣ освѣдомншься, спра-

шивалъ у него слуга? На часахъ, отвѣчалъ ему Куромша. Да ихъ уже нѣтъ, продолжалъ говорить прислужникъ, жрецъ оныя взялъ, и сказалъ, что будешь поминашь швою душу. Что ешо значить, гдѣ ошсюда обои и все что было у меня въ комнатѣ? Озрѣвшися повсюду, кричалъ управитель. Добрые и попечительные люди, уведомлялъ его слуга, пришедши въ наше обитаніе и сожалея весьма о швоей кончинѣ, взяли всѣ вещи, чтобъ ты оплакивалъ ихъ за всегда, а шейъ же хотѣли помѣшать спокойно преселиться на шонѣ свѣтъ. Куромша услышавъ сіе взбѣсился шакъ, что въ рошу у него отъ шого засохло. Подай мнѣ пить, кричалъ онъ слугѣ: но шонѣ ему отвѣчалъ, что нѣтъ никакого сосуда и не въ чемъ принести ему питья. Поди, говорилъ управитель, и попроси у шѣхъ злодѣевъ, которые должны непременно сжалишься надо мною; однако сказали человѣку, что послѣ шходной молитвы не долженъ Куромша ни пить, ни ѣсть. Услышавъ сіе вскочилъ онъ съ постели и хотѣлъ бѣжать къ нимъ; но будучи безъ силъ упалъ на шлѣ, и зацѣпившись обѣ шѣну скончался.

ГЛАВА XVIII.

ВЕЧЕРЬ 73.

Продолженіе сказки о рожденіи тафтяной мушки.

Въ началѣ сего вечера похоронимъ мы упривинела, и пошомъ пустимся вдалѣ изслѣдовать ту тайношь, кошорая заключася въ мушкѣ. Сказывающъ, что худо жить безъ денегъ, а безъ ума еще того хуже, и у кого есть деньги, у того разумъ и знаніе должны быть неосмѣнно, такъ какъ въ жаркой день шепло, а въ дождливой нежаснь; у меня нѣтъ денегъ, слѣдовательно не имѣю ни разуму; но ежели правду скажешь, то деньги не сопряжены съ умомъ; бывающъ великой богачъ великой дуракъ, случася и бѣдной человекъ не послѣдній въ городѣ купецъ. Да и не лзя, живучи въ свѣтѣ непременно должно сдѣлать какое нибудь дурчешиво, чпобъ прославнись онымъ на вѣки; а безъ того не слышно будещъ и имени шего въ народѣ. Весьма чудно мнѣ, что я безъ науки одурчился и безъ проводника образумлся. Въ молодыхъ лѣтахъ сей

главы хотѣлъ было похоронить господина Куромшу; но какъ спала она по шарѣе строками дватцатью, то я и опамяшовался. Кипо заграбилъ его имѣніе, тошѣ пускаѣ имѣеніѣ о немъ и по печеніе; но они какъ деньги его, такъ и сшараніе обѣ немъ заперли въ сундуки; по чему видно, что симъ справедливымъ людямъ добродѣшель была не безъизвѣсна: однако хоша изъ принужденія, шолько похоронили они своего управишеля. При семъ погребеніи осшавлено было всякое великолѣніе, да и на что оно: на тошѣ свѣшѣ не въ парчѣбонѣ кафшанѣ появляшѣя должно. По пословицѣ: „По плашью встрѣчаюнѣ, „а по уму провожаюнѣ,,. И такъ господинѣ Куромша ошощелъ въ царство мершвыхѣ и унесѣ съ собою кривыя ноги и другія шѣлесвыя украшенія, копорыхѣ никому не ошказалъ въ своей духовной, и копорыхѣ, я чюю, никшо и принянь бы не согласился: Плача и рыданія по немъ не было, ибо онъ былъ безродной Башкирецѣ.

Владчмира шеперь въ пуши, Куромша во адѣ, а Неохъ еѣ Винешпѣ; такимъ образомъ все по мѣстамъ. Къ ко-

имъ теперь приступимъ, и о комъ говоришь спанемъ. Всякой не задумывался скажешь, что должно дать преимуществу женщинъ; и я на сѣе согласенъ: ибо и я не учтивъ прошивъ ихъ полу; но Владимира весьма много обезпокоена худою дорогою, слѣдовательно принадлежишь ей покой; а покаместъ она прѣдешъ къ Винешну, то мы итѣмъ временемъ разсмотримъ, какимъ образомъ пришелъ Неохъ въ сей городъ, и что онъ учинилъ досюдашняго до сего дня, то ешь, прежде вступленія его въ должность Секретаря посельныхъ дѣлъ. Ошомедъ онъ Новгорода вершишь пятьдесятъ или больше; но надобно знать, что шелъ онъ не большею дорогою, а опасаясь погони, пробирался лѣсами и пущынями, прибылъ къ нѣкошорой хижинѣ, кошорая ешюла по срединѣ лѣсу и походила больше на Рускую избу; миъ кажешя нѣчему дивимся было тогда Неоху, что нашелъ онъ въ Росси Рускую избу. Мы видимъ нынѣ Аглинскія, Голландскія и Италіанскія избы, однако не дивимся, по шому что и безъ нихъ бы обойшися можно. Сверхъ же шого эдѣшняя зима весьма суровая,

и когда придетъ ея время, то непременно должно перебираться изъ чужестранныхъ домовъ въ тѣ, кошорые отдѣлавы по Руски. Переснупивъ черезъ порогъ увидѣлаъ Неохъ, что она была пуспа, и что онъ могъ сдѣлашься въ ней изряднымъ хозяиномъ; для чего расположился въ ней по своему созволенію и легъ на шомъ лѣспѣ, которое показалось ему лучше и способности успоконшь его дорожные члены. Сонъ уснунилъ мѣсно размышленіямъ, и началъ Неохъ разсуждать, что можетъ бышь сѣя горница посипавлена для нужнаго случая, и что можетъ укываються въ ней въ ночное время тѣ люди, кошорымъ въ городѣ или въ деревнѣ бышь не сручно; и шакъ помспужавшись нѣсколько осипавилъ шипулъ хозяина и забился на полаши; и какъ шолько онъ шамъ помѣспился, шѣ услышалъ нѣкошорой спукъ подлѣ своего лѣснаго Лавиринфа, и мало погода воше лъ къ нему человекъ, кошораго онъ за шемношю разглядѣшь не могъ, господинъ ли онъ былъ или слуга. Сей человекъ походивъ нѣсколько взадъ и впередъ по кошпашѣ, началъ сердншься, и между

Часть IV.

М

всякими восклицаніями выговаривалъ
иные слова прошивъ грамматическихъ
правилъ, но есть шакъ, какъ не раз-
говаривающъ въ компаніи женской. На-
концѣ вошла въ ту же избу по голосу
женщина, а впрочемъ не знаю, вдова
или дѣвица; извинился нѣсколько передъ
мущиною, и такъ какъ будто бы не-
хотя признавшись виноватою, начала
его приголубливать шакъ, какъ обыкно-
венно приголубливають въ немнотѣ.
Неохъ хотѣлъ посмотрѣть, что они
погда дѣлали, и какъ только повернул-
ся на поланяхъ, то доски полетѣли на
полъ, за кошорыми и онъ въ скоромъ
времени слѣдовалъ. Разрушеніе Троян-
ской стѣны столько снизу не надѣла-
ло, сколько причинили грому сѣи по-
лани. Несчастливой Вулканъ, кошора-
го бросилъ Юниперъ съ неба на островъ,
переломилъ себѣ ногу; а нашъ Вулканъ
упавши съ поланей на полъ, оспался
цѣль, только повредилъ нѣсколько за-
пялокъ, опъ чего въ ушахъ у него зѣ-
нѣло, а изъ глазъ скакали искры. Му-
щина и женщина кричали, какъ бѣн-
ные, и вскорѣ ихъ не знало. Нехъ,
окруженный досками сѣда на полу, часъ

то похващывалъ себя за голву, и соби-
ралъ расшерянины мысли; духъ его
шогда смушился и сердце по неволѣ шре-
пенало. Сверхъ же шого, какъ я слы-
шалъ, то онъ не велидой былъ охоти-
никъ лепашъ съ полашей, да припомъ
не любилъ и спуку.

Ночь препроводилъ онъ безъ сна, да
и можноль было ему успокоишься, ко-
гда поколебался мозгъ во всей его спо-
лицѣ; какъ ни клади, а путешешные
ешо сполло ему изходки; но полно въ
бѣдномъ состоянїи болѣзнь бывающъ не
шакъ велики, какъ въ богапомъ. Къ
разсвѣшанїю дня Неохъ выздоровѣлъ со-
всѣмъ, и началъ собиращься въ путь,
увидѣлъ на сполѣ часы и шабакерку, и
не много раздумывалъ, какъ надобно по-
ешупишь ему съ сими вещами. Онъ по-
ложилъ изъ нихъ каждую въ шакое мѣ-
спо, гдѣ онымъ приличїе былъ лежашъ,
лежеш оспавашься на сполѣ въ пу-
спой избѣ, и пошелъ изъ оной вонъ
Какъ шолько вышелъ онъ за двери, ш
увидѣлъ привязаннаго у дерева, бодрог^о
и большаго жеребца, которой сълъ шог^о
гда въ седлѣ. Подошешши къ оному осма^т
шривалъ очешъ долго по всѣмъ шшоро^т

намъ, иѣтъ ли шутъ его хозяина ; но какъ увидѣлъ, что онаго не бывало, ошвызалъ онъ лошадь и сѣвши на нее отправился въ пушю. Можно ѣдучи верьхомъ разсужданы о чемъ нибудь хорошемъ ; мнѣ кажется, что можно и не можно. Часно случается, что скошъ идешъ и скошъ имъ правншъ, а скошна мыслить не можешъ, по мнѣнью нынѣшнихъ бородочей. Неохъ былъ изъ числа людей, но людей еще ученыхъ ; слѣдовательно имѣлъ право разсужданы и о небесныхъ планетахъ, не только о земныхъ любовникахъ. Онъ не иначе предсказывалъ себѣ ночное свиданье, какъ кошъли увидѣлись два влюбленные попугая ; а называлъ онъ ихъ для шого пачкъ, что они говорили очень не складно, и заключилъ по тому, что родились они на гумнѣ, выросли въ деревнѣ, воспитаны въ лѣсу и выучены по Руски чинаны и писаны весьма шуно, а говоришь еще шого хуже.

ГЛАВА ХІХ.

ВЕЧЕРЬ 74.

Продолженіе сказки о рожденіи тафтяной мушки.

Неохъ не командовалъ отъ роду никакою скопиною, и не зналъ до сего времени, какъ швари повинуются людямъ; а теперь имѣя въ послушаніи четвероногое животное, и для того сидя на конѣ весьма бодрится и ѣдетъ иногда тихо, а иногда скоро, исполняя въ семъ случаѣ собственную свою волю. По чему догадываешься можно, что онъ прибышку раждается въ насъ гордоснѣ, онъ гордосни глупоснѣ, онъ глупосни чванснѣ, и наконецъ дѣлается человѣкъ совсѣмъ дуракомъ. Природное дурачеснѣ, мнѣ кажешся, нѣсколько простишительно, а нажитое достойно омерзѣнія. И такъ всадникъ нашъ прѣхалъ въ нѣкопоре большое село; въ немъ находился господской домъ, у котораго ворота были иногда расшворены. Неохъ въѣхалъ на дворъ прямо, не спрашиваясь никто. Хозяинъ сего дому былъ весьма учивъ, и вышедъ на крыльцо вспрѣяниш

М 3

незнакомаго гостя, которой безъ всякихъ обиняковъ пожаловалъ къ нему въ покои, и когда примолвили его, чипобы онъ сѣлъ, то онъ уже гошовъ былъ тогда хоня и лечь; ибо привыкъ онъ обходиться просно и безъ всякой застѣнчивости; сверхъ же того имѣлъ языкъ, которымъ владѣлъ весьма изрядно. Извинившись въ шомъ, чпо онъ осмѣлился заѣхать совсѣмъ къ незнакомому человеку, и выпросилъ учинивымъ и веселымъ образомъ прощеніе, коиѣлъ уведомиться, кпо шаковъ хозяинъ ешаго дому, и съ какимъ человекомъ будешъ отъ сего часа имѣть знакомство. Я, государь мой, говорилъ хозяинъ, служилъ прежнимъ нашимъ Государямъ и нынѣ владѣющему благополучно Разистану триццать чешыре года въ военной службѣ безъ всякаго порока, а теперь въ отставкѣ и имѣю чинъ первосташейнаго сотника, живу въ деревняхъ благополучно, имѣю дѣпей и спаряюся уголовить ихъ для защищенія отечества. За сѣе изрядное попеченіе хвалилъ его Неохъ отборными словами; однако старался уголовить больше хозяйкѣ, нежели отставному воину: ибо сѣ

перваго взгляду узналъ онъ, что она управляла всѣмъ домою, и когда не было никого чужаго, то командовала и первосташейнымъ сошникомъ, а при людяхъ казался ипше воды и ниже правы, чипобъ ипѣмъ доказашь своимъ знакомымъ, чипо въ домъ ихъ веденся порядокъ. Въ то время была она нѣсколько печальна. Неохъ, какъ учинивой кавалеръ и не глупой городской жипель, ласковымъ образомъ спросилъ ее о причинѣ ея смущенія; на чшо она съ великою охотю ему отвѣчала, чшо дочь ея въ прошедшую ночь занемогла, да и ипеперь находится еще въ такомъ же состоянн. Неонъ въ такомъ случаѣ ни онъ чего оппираться былъ не долженъ, и чего хотя не разумѣлъ, однако служить не оппрекался; и когда спросили у него, чшо не знаетъ ли онъ чѣмъ пользоваться такую болѣзнь, то Неохъ ни мало не думавши говорилъ: государыня моя, я могу васъ обнадежипь, чшо я уже человекъ съ пяшь избавилъ онъ ешаго припадка; я знаю нѣсколько медицины; отецъ у меня былъ Докторъ, да и шакой искусной, чшо всѣ болѣзни узнавалъ со взгляду, и всякой припадокъ,

какъ бы онъ великъ ни былъ, вылечивалъ въ три часа; во время его, сударыня, ни одинъ лекаръ, ни докшоръ не получили съ города ни одной копѣйки, по тому что всѣ приходили лечиться къ моему опцу; правду скажешь, по-шо былъ Ипократъ; жалко только того, что не въ шакой ходилъ одеждъ, какую носилъ шошъ великой мужъ, но полно что и сомнѣваешься: „Что городъ, „шо норовъ; что деревня, шо обычай,“ Попомъ повели новонареченнаго лекаря въ комнату, въ которой находилась больная. Онъ какъ скоро ее увидѣлъ, шо и подумалъ, что ешошъ кусокъ годится и для здороваго. Чѣмъ вы, сударыня, неможете? спрашивалъ у нее Неохъ съ докторскимъ видомъ, извѣляя онымъ, что будто бы не просишъ за работу. Я сама не знаю, отвѣчала ему больная наморщивши нѣсколько лобъ и поднявши исподнюю губу, какъ обыкновенно дѣлаюшъ дѣвушки въ шо время, когда захопшишъ нѣсколько поутъжншься; только чувствую, продолжала она, что кровь во миѣ ходишъ очель дурно. По сихъ словахъ лекаръ нѣсколько позадумался: ибо голосъ ешой Сирены весьма

много походилъ на голосъ той героини, которая снранспвовала прошедшую ночь въ лѣсу, и извинялась въ пустой избѣ передъ неизвѣстнымъ ему героемъ; а какъ епо было для нее возможно, то Неохъ безъ позволенія ее узналъ, что присушествовала она собственною своею персоною въ то время, какъ лепѣлъ онъ съ полашей; и такъ отвѣчалъ на ея слова слѣдующее: Еп, произошло ошѣшого, сударыня, что нѣкоторое помѣшательство учинилось нѣкошорому дѣйствію, которое должно было произойти въ нѣкошоромъ мѣстѣ, внушенности вашей великой стукѣ, причинившейся въ мозгу вашемъ, причинилъ вамъ нѣкошорой страхъ, и ешотѣ ешрахъ причиною шому, что вы занемогли; а сіе дѣйствіе въ природѣ нашей случается часно, и мы не рѣдко подвержены бываемъ такому помѣшательству.

Больная хотя и не хошѣла, однако поняла лекарскую загадку, и предпріяла имѣшь къ нему почтеніе и оказывать всякую преданность, ежели она надобна и угодна будеиѣ Инократову племяннику, и узнала она то неволь, что онъ весьма искусенъ въ своей наукѣ.

Чтожь касается до отца ея и до матери, то они думали о томъ иначе, и рассуждали, что лекаръ говорилъ для того смутно, что лечебная наука не велишь имъ никогда изъяснишься plainly. И такъ съ сихъ поръ начала больная выздоравливать, а Неохъ прославлять въ томъ домъ знающимъ лечебное искусство, о которомъ не только что никакого понятія не имѣлъ; но ниже вообразилъ могъ, чтобъ сдѣлалъ способнымъ пользоваться другаго. Случай сильнѣе всего на свѣшъ; они не только претворяишь въ лекаря студента, но и коновала сдѣлаюишь докипоромъ.

Время одно, но раздѣляютъ его нѣкоторые люди на двѣ равныя части, то есть: для однихъ бываеишь оно весьма хорошо, а для другихъ напрошивъ того гораздо дурно. Неохъ жилъ по прозбѣ хозяина, а больше хозяйки, въ такой деревнѣ, гдѣ изъ всѣхъ мужиковъ не можно сдѣлать ни одного Философа: всякой охотнѣе упражнялся въ удобреніи нивы, нежели въ познаніи самаго себя, и на какой конецъ имѣеишь онъ данную ему жизнь, о чемъ имъ и въ голову не приходило; и ежели бы мачать съ

ыми о томъ говорить, то бы они по-чли меня сумашедшимъ и велѣли бы пускить кровь, по имениру нѣкотораго господина, которой былъ весьма много долженъ, и избавился имъ отъ всѣхъ займодавцевъ. Какъ только придетъ къ нему купецъ съ векселемъ и станетъ просить денегъ, то онъ велитъ ему пускить кровь; слѣдовательно тогда купецъ не приходилъ уже къ нему цѣлой годъ: ибо пусканіе крови прежде прошествія года не бываеиъ; и такъ когда онъ учинилъ челоукамъ пипи се пусканіе, то тѣ, которымъ жизнь была милѣе, нежели деньги, и совсѣмъ къ нему не ходили; нанимали они стряпчихъ, но и тѣ отговаривались, что лучше нанять цырюльника, которой знаетъ силу, а о господинѣ думали, что онъ съ досады вынуститъ когда ишбудъ и всю. Сею выдумкою очистилъ онъ отъ всѣхъ долговъ, не плаша никому ни пѣлушки.

И такъ Псохъ, живучи между людьми непросвѣщенными, утоналъ въ великомъ удовольствіи; онъ рассказывалъ хозяйну и всему дому разныя забавныя

приключенія, пришучивалъ весьма кста-
 тѣ, остро и замысловато, не жалѣлъ
 прапиль Философскихъ извясненій, по-
 сыпалъ древнюю исторією и другими
 книгами шакѣ, какѣ порохоми. Не рѣд-
 ко спазилъ въ спрой древнихъ героевъ,
 и выводилъ изъ нихъ каждого на сморрѣ
 передѣ сошника первосшашейнаго, опи-
 сывалъ ихъ храбросшь, опважныя пред-
 пріяшя, сраженія, завоеванія городовъ,
 и словомъ, всѣ великія ихъ предпрія-
 шя; цѣнилъ каждого и предспавлялъ
 хозяину, сколько онѣ великѣ былѣ на
 свѣшѣ. Сожишельницѣ же его и дочкѣ
 переводилъ на нашѣ языкѣ Овидіевы
 превращенія, книги печалей, и словомъ,
 всякія любовныя испоріи: и шакѣ при-
 шелъ шѣмѣ у всего дому въ шакую ве-
 ликую любовь, что слуги и служанки
 охошнѣ ему служили, нежели своимѣ
 господамѣ; во всемѣ онѣ былѣ тогда
 воленѣ, владѣлъ собою ни онѣ кого не
 завися; а думалѣ ли онѣ о Владимирѣ,
 о шомѣ послѣ скажемѣ, какѣ иридентѣ
 дѣло до любовныхъ обращеній.

ГЛАВА XX.

ВЕЧЕРЬ 75.

Продолженіе сказки о рожденіи тафтяной мушки.

Въ нѣкошорой день сказалъ календарь, что хозяйнѣ дому имянинникѣ, тогда началось къ снолу большое прѣугошвленіе, которое было вшрое больше, нежели какъ обыкновенно бываешѣ; ибо думаютѣ наши граждане, что въ праздникѣ евідятѣ они больше обыкновеннаго, и для шого припасаютѣ много лишняго. Неохѣ не упуская ни одного случая угождать сему дому, при поздравленіи подарилъ имяниннику своего богашырскаго коня и со всемѣ приборомѣ, только безѣ шелома, для шого что лошади въ шишакахѣ не ходятѣ. Хозяинѣ былѣ шому чрезмѣрно радѣ; однако онговаривался по обыкновенію, будшо бы не хочешѣ обидѣшѣ шѣмѣ гощя; а въ самой вещи гощеѣ бы былѣ пришатѣ опѣ него хощѣ цѣлое спадо. Поздравилѣ попомѣ его сежишельницу, служилѣ ей шабакеркою, кошорую завошалѣ онѣ поврежденіемѣ зашылка,

кою приняла она съ нѣкоторымъ важнымъ, однако пріятнымъ видомъ, чѣмъ доказала ясно, что въ молодыхъ своихъ лѣтахъ имѣла довольно воздыхателей, которые ставили красоту ея жертвенники и возжигали передъ ногами ея позолоченныя благоуханія, съ шѣмъ намѣреніемъ, чтобы красотою ея озолотить свои пилюли. Благодарности же въ семъ случаѣ она ему не сдѣлала, сохраняя шѣмъ сложеніе щеголихи, которые принимая подарки никогда не благодарятъ подносителей, а дѣлаются такими, какъ будто удоспоеваюшъ шѣмъ своей милости и принимаюшъ его въ число своихъ обожателей; а сего ишула не можно иногда купить на всѣ сокровища великаго Могола: споль дорого продаются любовныя чины! а какъ заслужишь ихъ ни коимъ образомъ не возможно, но непременно всякой покупать долженъ.

Когда у просвѣщенныхъ людей бываетъ день празднишва, тогда у невѣждъ бываетъ день пьяншва; но что бываетъ мянчиникъ; шо у того и шоржество и пьяншво случающа въкупѣ. Въ вечеру сѣхалось въ хозаину множе-

ство людей обоого пола разнаго сложения и не одинакихъ лѣтъ; слѣдовашельно и причинишьеея между оными веселие должно бытъ разноцлѣвное. Всякой въ угодность хозяина оказывалъ себя довольнымъ и вышивалъ все до капли, что ему ни подносили, ошъ чего послѣдовало изобильное краснорѣчїе, и казалось, что собраны шущъ люди разныхъ націй и говорили разными языками; всякой не хотѣлъ молчать, а старался больше говорить, слушаешь же изъ нихъ никто не обязывался: слѣдовашелько шпрушка сїя походила на Жидовскую школу. Тѣ, которые не вспупались въ сїю разноголосную орхеспру и не шакъ много придерживались разныхъ напшговъ, разговаривали шнше, однако шакъ же безпорядочно. Хозяйка во все епо время перевершывала въ рукахъ подаренную ей шибакерку: ибо она ей очень показалаь, а сверьхъ шого хотѣлось ей нѣсколько и похвасташъ, что вещь сїя подарена ей разумнымъ человѣкомъ, для шого что побѣда надъ дуракомъ не шакъ важна для женщины, какъ завоеванїе надъ человѣкомъ умнымъ. Нѣкоторой кавалеръ, которой какъ видно,

совсѣмъ незнакомъ былъ Минервѣ и не имѣлъ ее у себя предводительницею, не согласяся съ разумомъ и нечаянно, иль спроста, захошѣвъ одурачиться: государыня моя, говорилъ онъ хозяйкѣ, шабакерка эта принадлежитъ мнѣ, и я плашилъ за нее собственныя мои деньги: шого ради прошу пожаловать извинить меня, что я буду имѣть честь взять ее изъ вашихъ рукъ, и вы должны еще возвратить мнѣ и лошадь, которая вмѣстѣ съ нею пропала. Хозяйка выслушавъ сии слова, ошолбенѣла, и столько на него озлилась, что пожелала незнакомому госю Актеомовой судьбины, и вскочивши съ мѣста прибѣжала къ Неху, кошорой шогда шумѣлъ въ свою волю, и доказывалъ, что человекъ не что иное, какъ слуга всѣхъ шварей. Вошъ швоа шабакерка, государь мой, возми свой подѣрокъ назадъ и не осмѣливайся дѣршишь впередъ чужимъ, ежели не хочешь быть за это наказанъ; пошомъ бросила она се на шолъ и говорила еще мужу: а шы изволь ошдать ему лошадь, для шого что выискался ей хозяинъ. Пошъ сего грому вся компанія домушцаась, всѣ вскочили

со своихъ мѣснѣ и кошѣли разобрать ссору : ибо пьяные люди великіе охотники и драшья и миришья. Неохъ не помѣшался ошѣ сего въ разумѣ : ибо онѣ имѣлъ швердую на себя надежду , чшо всякую ложь одѣнешѣ правдою , и превратишѣ ее такѣ искусно , чшо самой великой знашокѣ ошибишья можешѣ. Онѣ сѣ великимѣ удивленіемѣ говорилѣ ей : Чшо вы , сударыня , вѣрише такому человеку , которой , какѣ видно , самѣ себя не узнаваешѣ : онѣ конечно при мнѣ ешаго не скажешѣ , поспойше , а его образумлю. Пошомѣ взялѣ онѣ того гостя за руку , вывелѣ въ сѣни , и говорилѣ ему : ты сказываешѣ , чшо это швоя шабакерка ? Моя , отвѣчалѣ ему гостѣ. А развѣ не помнишѣ ты шого , продолжалѣ Неохъ , чшо я купилѣ ее весьма дорогою цѣною , а имению , плашилѣ за нее запылкомѣ лешя сѣ полашей въ шой пусшой избѣ , кошорая

--- Винованиѣ , перехвашилѣ гостѣ и бросилѣ передѣ нимѣ на колѣни ; я вклепался въ чужую ; прошу шебя , сдѣлай со мною милосш и не сказывай о шомѣ никому ; я обязуюсь шебѣ служишѣ всѣмѣ , чшо шолько могу. Очень изряд-

Часть IV.

Н

мо, говорилъ Неохъ, воротись опять въ компанію. Вопиъ, сударыня, дѣло и кончилось: госиъ ваиъ признается, что онъ ошибся и вклепался совѣмъ не въ свои вещи. Приспыженной молодецъ принимался извиняться, однако много разъ заикался и не могъ порядочно изъяснить своей мысли, припомъ краснѣлъ и алѣлъ, какъ макъ цвѣтъ. Дочь первосташейнаго сошкиа хопя и мигала своему любовнику, чтобы онъ опешупидся опъ своего добраго; но разгнѣванной молодчикъ того не примѣтилъ, и позволилъ одурачить себя въ сей компаніи: для чего ранѣе всѣхъ уѣхалъ и увезъ съ собою спыдъ и собственное свое дурачество, опасаясь припомъ, чтобы не захватить чужаго, котораго съ излишкомъ находилось въ сей шайкѣ. И такъ помучившія всю компанію вещи оспалися пребывавъ благополучно у шѣхъ, копорымъ были онъ подарены Неохомъ. Онъ впустился опять въ философскія разсужденія и кричалъ до шѣхъ поръ, покамѣспъ ему было полно. Ужинъ и другія вечернія церемоніи шли безпорядочно, хопя и должно было бы имъ нѣсколько слѣ-

двать посправиве, для того что присуспвовади шуиъ дамы и дъвицы; однако Баханпы на то не смотрѣли, и заплгивали стихи, сдѣланныя въ честь богу плянства, которые не всегда бываюиъ смѣшены съ благоприсшоймостью.

Много бываетъ вещей подобныхъ другъ другу въ свѣтѣ; но въ теченіи время минула минутъ уподобиться не можешъ: и такъ скажемъ „, что 'утро „ вечера мудренѣе „. Вставши съ постелей, всякой одумывался, не сдѣлалъ ли онъ какого дурачества, безъ котораго весьма трудно обойшися человеку не презвому. А какъ выпили опять по красаулъ, то и пропало всякое сомнѣніе ко исправленію себя, и начали вчерашнимъ манеромъ колобродить. Неохъ получилъ въ сіе время письмо отъ хозяина табакерки и лошади слѣдующаго содержанія :

ГОСУДАРЬ МОЙ!

„Я извѣстился о швоемъ состояніи, „и оно показалось мнѣ не избъ завидныхъ; „и такъ опредѣляю себя къ швоимъ услугамъ, поѣзжай въ Винешту, я шамо могу опредѣлшиъ тебя ко двору и выпрошу

Н 2

„хорошей чинѣ; сіе мнѣ возможно; для
 „ошѣзду же швоего возьми у слуги при-
 „сланныя онѣ меня деньги. Сіе я дѣлаю
 „для того, чшобы ны укрылѣ нѣще сви-
 „даніе и никому о томѣ не сказывалѣ. Я
 „чаю понянно тебѣ, чшо ешо для меня
 „порочно,“.

Покорной твоей слуга

Н. Н.

Не хѣ прежде, нежели началѣ ди-
 внишья добродѣтели сего господина,
 взялѣ онѣ слуги деньги, и попомѣ уди-
 вилсѣ; велѣлѣ его благодарить, и ска-
 залѣ, что онѣ исполнишь по его при-
 казу, и будепѣ ожидашь милости. По-
 томѣ увѣдомившисѣ онѣ хозяина, что
 онѣ знашнаго вельможи сынѣ, сожалѣлѣ
 очень, чшо поступилѣ сѣ нимѣ сурово
 во обѣясненіи осады. И такѣ побывѣ
 еще нѣсколько вѣ семѣ домѣ и повеселя
 хозяина и всѣхѣ домашнихѣ, кѣ велико-
 му оныхѣ, сожалѣнію проспилсѣ и по-
 ѣхалѣ вѣ Виношшу искашь своего сча-
 стія, которое уже начиналѣ ему пока-
 зывашься.

ГЛАВА XXI.

ВЕЧЕРЬ 76.

*Продолженіе сказки о рожденіи
тафтяной мушки.*

Неохъ идучи въ Винетту ни мало не думалъ, чтобъ приключилось съ нимъ какое нибудь несчастіе: ибо думемъ мы всегда о благополучіи; а о бѣдахъ никогда не воображаемъ. Онъ часто пересчитывалъ данныя ему отъ господина деньги, и содержалъ въ швердой памяти, сколько ихъ числомъ находилось. Нѣкогда сидя подъ деревомъ и ходилъ: онъ въ семъ упражненіи и веселился глядя на золото, ца которое и солнце тогда смотрѣло, вышелъ изъ лѣсу домашній воинъ, которой опредѣлясь въ военную службу, не искалъ случая оказанъ храбрость свою надъ непріятелями, а оказывалъ ее надъ пріятелями, и воевалъ не за границею, а въ своей землѣ, и сбиралъ пошлину съ праздничашающихся по улицамъ, а особливо съ шѣхъ, которые не въ указыныя часы ходили по дорогѣ; подошедъ къ Неоху, и смотря весьма жадно на его

зодошо, спрашивалъ: сколько у тебя денегъ? Неохъ, какъ человекъ разумной, не хошѣлъ было дураку давать ошвѣщанъ; но какъ шешъ приставилъ къ грудямъ его копье и хошѣлъ проколоть насквозь, тогда Неохъ оробѣвши говорилъ: пашъ сошъ шестидесяшъ чешыре гривны. Положи ихъ въ мой карманъ, кричалъ ему лѣсной забѣяка; и когда Неохъ исполнилъ его повелѣнїе, шо разбойникъ продолжалъ говорить: Прощай, разжилайся хорошенько и приходи опяшъ на ешо мѣсто счищашъ деньги, да склывай и другимъ, естѣли имѣешь богатыхъ знакомыхъ людей: мы ради госпямъ и не преминемъ попомощивашъ васъ чѣмъ нибудь лучшимъ, нежели теперь; ступай, вошъ дорога въ городъ. Сказавъ сіе пошелъ онъ въ лѣсъ и запѣлъ бурлацкую арїю весьма громогласно.

Неохъ сдѣлался шогда похожимъ на того комедїанца, которой говорилъ монологъ изъ комедїи скунаго, и бѣсился можешъ быть больше, нежели шо дѣйсшвующее лицо на театрѣ: но однако ничто не помогало; вѣрной счешъ остался въ его памяти, но день-

ги вышелъ изъ кармана ; и такъ опустивши руки въ оныя пощель онъ по дорогѣ, какъ человекъ бездѣльной, или никакой, копорой ои спалъ на время оиъ обозу , гдѣ все его имѣнїе везеся въ городѣ. По счаснїю его нахедился онъ уже близко города , и на другой день по уиру умножилъ число Винешинскихъ гражданъ знаменитою своею особою , помѣснїлся въ такомъ домѣ, въ копорой никипо , выключая нищей брашїи , не жаловалъ, для того что ежели кто пошеряеиъ свое имѣнїе , шонъ непременно въ нищїе записыватъся долженъ. Какъ шодько спалъ приходишь вечеръ, шо хозяйка принесла изъ чулана чашку и посшавила ее на столъ ; потомъ начали собиранъся шаскающїеся по городу безшядные люди , и всякой пришедши опораживалъ свою могенку въ посшавленную хозяйкою чашку ; и наконецъ какъ все собрались , шогда хозяйка счешши начала распоряжашъ деньги ; половина оныхъ послана была въ кабакъ; бѣгалъ за виномъ храмой, однако скороснїю превзошелъ всякаго скорохода. По принесенїи онаго шянули весьма усердно все пришедшїе госннн , не во-

забывали также потчивать они и Неоха, послѣ сѣли ужинашь и прохожаго посадили въ большее мѣсно; кушанье ихъ не означало въ себѣ бѣдности, а походило больше на великое довольствіе. Въ серединѣ ужина спросила одна у Неоха, какого онъ состоянія и какиѣ случаемъ сдѣлался такъ бѣденъ; и когда увѣдомилася обо всѣмъ, тогда сказала ему съ великимъ увѣреніемъ, что онъ завтрашняго дня будетъ богатъ и сдѣлается хотя не большимъ, однако не послѣднимъ господиномъ. Неохъ благодарилъ ее за шо онъ искренняго сердца, и обѣщавъ возблагодарить ее порядочнымъ образомъ. Благодарности я не пребую, говорила ему нища, для того что знаю довольно совѣснѣ молодыхъ людей: они обѣщанія свои пишушъ на водѣ; много уже я вашей брашнѣ сдѣлала благополучными, но не получила ни отъ одного ни копѣйки; мы очень дешево продаемъ свое чисто-сердечіе; многіе пользуясь стараніями нашими насъ же еще поминушно гоняшъ и ушѣсняюшъ. Боги имъ за это заплашяшъ. Какъ бы вы думалъ, можно ли найти человѣка способіе пере-

носить любовныя вѣсти, какъ нищую? Мы умѣемъ принимать на себя различные образы и пришиворяемся такъ искусно, что самого разумнаго человека провесити можемъ. Есть у меня теперь на примѣшѣ купецкая жена; она давно уже просила меня, чтобы я прѣискала ей какого нибудь красавца; ны лицомъ очень не дуренъ, и такъ можемъ забавлять молодую ту женщину въ скучныя времена, то есть тогда, когда ее мужа дома нѣтъ; а она очень богата, надѣйся, я тебѣ доставляю изрядное мѣспечко въ ешомъ городѣ, и ны не будетъ имѣть причины жаловаться на свое несчастіе. Послѣ ужина скинули они съ себя верхнѣя и весьма вѣтхѣя одежды, и сколько сѣи были дурны, столько исподнѣя хороши; умылись всѣ водою и показались Неху, какъ будио бы они совсѣмъ перемѣнились, и бросили желаніе быть нищими. Потомъ легли всѣ спать попарно, и надобно знать, что не на худыхъ притомъ постеляхъ. Нехъ попавшись въ такую сверхъестественную шайку, весьма много размышлялъ объ ихъ искусствѣ, и думалъ, что они конечно

учидись входишь въ сердца людей, и умилосердивля ихъ выманивъшь милосшыню, по шому, что не всякому удаешся много жеснокосердаго привесши ко умилению, и чтобы онъ соболѣзнуя бѣдному удѣлялъ онъ имѣнїя своего кроху для имени великихъ боговъ.

По ушру вспали они весьма радо наперлись нѣскольню сажею и грязью, и облекшись во врешнще, пошли, куда каждого добыча позывала. Неохъ прероходилъ цѣлой день въ ожиданїи своего благополучїа, и спарался искоренить изъ себя всякое сожалѣнїе къ инымъ. Ввечеру собрался онъ по прежнему; а ца, кцшорая его обнадежила, пришла въ полномъ удовольствїи и сказала Неоху, что она уже все сдѣлала, что касаетса до начала; а окончанїе ты самъ долженъ, примолвила она къ шому; шеперь ѡсшавимъ обѣ шомъ говоришь, а будемъ счастлива веселиться. И такъ другая ночь во всемъ подобна была первой, и сказывали они ему, что всякая бываешъ шакова, и они не имѣющъ причины о чемъ нибудь задумывашься, и живущъ спокойнѣе всякаго гражданина.

На другой день, когда взошло солнце, повела сѣя прворная Ириса принужденнаго волокину кѣ купеческой женѣ, кошорая весьма учтиво прцияла надобнаго ей человекѣ, и не давѣ еще ему слова выговорить подарила сумку денегѣ, а сшарухѣ дала счешомѣ. Сочница шель спрашиваеиѣ чипашеля, что должно говоришь Неоху вѣ шакомѣ случаѣ? Онѣ не обращался еще сѣ купеческими женами, у кошорыхѣ не шолько обхожденія, но и любовныя дѣла называющияся инаково, и они никогда не говоришѣ, что женщина шакая цо любвиѣ своего сидѣльца, а всегда шакѣ; оцѣ, сударыня, пускаеиѣ амуры сѣ своимѣ сидѣльцомѣ, и шакѣ пришедши вѣ новой свѣтѣ должно имѣиѣ новые пріемы. Неохѣ какѣ опредѣлилѣ себя быиѣ человекомѣ разумнымѣ, шо вѣ одну минуцу выучилѣ онѣ наизусиѣ купеческую нумерацію, кошорую они упоцребляюиѣ вѣ пусканіи амуровѣ. Я бы хоилѣ, ццобѣ кто ии-будѣ угадаѣ, какѣ онѣ начнеиѣ обходишьѣ сѣ сею посадною, и не начнеиѣ ли шорговать еѣ сердца: нѣбо пришелѣ онѣ копя и не вѣ давку, однакѣ кѣ шакой особѣ, кошорая всякимѣ шоварамѣ знаеиѣ справедливую цѣну.

Государыня моя! говорилъ ей Пеѳъ, какъ пишу я, что ты на сіи деньги, которыя мнѣ дала, хочешь купишь мое сердце? Избави меня Боже! отвѣчала ему купчиха, епо я думаю вамб только задашкѣ, и знаю, что сердце ваше весьма многихъ денегъ стоишь; а какъ нѣгдѣ взятьъ шолікой сѹммы, шо я думаю повѣрите вы мнѣ его на вексель, взявъ напередъ проценшы за годъ, а вексель по Руски значишь мѣна, шо я вмѣсто бумаги напишу имя ваше на моемъ сердцѣ, и ошѣ сихъ поръ гошова буду всегда къ вашимъ услугамъ. Такимъ шшнлемъ сражались наши любовники, и по сихъ словахъ связались весьма шѣснымъ знакомствомъ: ибо любовь всякое сердце равно поражаетъ. Многіе говоряшь, что дѣвушки, читая романы и любовныя басни, изучаются изъ нихъ приманивая къ себѣ верхоглядовъ, шо есть, любовниковъ; но сѣя шепеннаго гражданина жена не разумѣя и не читая никакой свѣпской книги, шакъ исправно влюбилась, что могла бы заняшь самое лучшее мѣшо въ Овидіевыхъ превращеніяхъ, и ежели бы дошло дѣло до спору, шо бы посрамила она собой и

амое любовную богиню; трудно только начать, а за началом окончание и самое последствие. Таким образом свѣдѣлся Неохъ знакомымъ сему дому, и началъ шаскать изъ него барыши и процентны. Хозяинъ старался умножить свои доходы, а жена принялась дѣлать расходы, и оба старались весьма въ своемъ дѣлѣ. Неохъ оный шого богашель и щеголялъ, шакъ какъ ему вздумалось, во ожиданіи своего благодѣшеля. Городъ удивлялся его досташку, и сосѣди завидовали его шаспшю; однако можешъ бышъ не знали, откуда оно произходишъ, а можешъ и разумѣли, шого я не вѣдаю, шолько знаю ешу пословицу: „Шило въ мѣшкѣ не знавшися „.

ГЛАВА XXII.

ВЕЧЕРЬ 77.

Продолженіе сказки о рожденіи тафтяной мушки.

Нѣтъ въ свѣтѣ ничего хуже для человека, какъ возноситься выше

своего состоянія и не быть доводима
 имъ, чѣмъ опредѣлила судьба влади
 ни. Мужъ Неохвой любовницы былъ
 чрезмѣрно богатъ, но не меньше по
 скулъ; зналъ сибъ, что не проживетъ
 до смерти своего имѣнія, но всякой часъ
 спарался его умножить, и согласилс
 бы для своей прибыли, чтобы его сп
 разъ выскли на площади розгами все
 народно. Онъ услышавъ, что Неохъ былъ
 весьма бѣдной гражданинъ и разбогатѣлъ
 столько вдругъ, что удивляется пому
 цѣлой городъ, подумалъ, что есть та
 кое средство къ полученію богатства,
 которое избавляетъ всякаго труда и
 попеченія о приращеніи онаго. И такъ
 просилъ онъ нѣкогда студента къ себѣ
 въ гости и упоичивавъ его весьма ве
 рядно, просилъ униженнымъ образомъ,
 чтобы онъ его увѣдомилъ, откуда онъ
 получилъ такой досшатокъ. Неохъ услы
 шавъ сіи слова нѣсколько было спр
 еилъ, и подумалъ, что стоить олен
 провѣдавъ тайное свиданіе съ его с
 жительницею, станвится сильнымъ
 и хочетъ показать его въ судъ, а не
 лѣсу рогами. И такъ смѣшавши краси
 рѣчіе со страхомъ и занявъ у жи и

сколько неправды, зачалъ его уговари-
 вать баснями такого содержанія: Я
 вижу, государь мой, что ты человекъ
 совѣстной и не изъ шѣхъ торговыхъ лю-
 дей, которые продають душу свою за
 двѣ копейки; а ежели будешь прибыт-
 ку гривна, то они ради сойти за нее
 въ адъ на вѣчное мученіе. Торгъ не рѣд-
 ко бываетъ причиною грѣху, и въ про-
 долженіи онаго нечувствительна душа
 отдается сатанѣ: ибо всякой обманъ
 происходитъ отъ дьявола, а дѣлающіе
 всегда оной, суть его дѣши. Ты не
 изъ числа шѣхъ людей, а изъ числа лю-
 дей добродѣтельныхъ; я тебя вѣрю и
 себя признаваю, и мнѣ ничто не мѣ-
 шаетъ имѣть къ тебѣ великую предан-
 ность. Ты потребуешь отъ меня, чтобъ
 я тебя открылся, какимъ образомъ по-
 лучилъ я богатство: съ охотою моею
 на сіе соглашаюсь, и ты услышишь,
 что я во всемъ человекъ чистосердечной;
 жена твоя - - - Какъ только выгово-
 рилъ сіи слова Нехъ, то купецъ пе-
 рервалъ у него весьма поспѣшно. Нѣтъ,
 пожалуй женѣ ешого не сказывай: она
 баба, а бабы, ты вишь знаешь, что
 на языкъ не воздержны; уведомя о томъ

меня одного. Сими словами ясно доказалъ своему сопернику, что онъ ни бельмеса не разумѣешь изъ ихъ дѣлъ. И такъ Неохъ оправился совсѣмъ и пересталъ его бояться, предпріалъ издѣваться надъ нимъ, и продолжалъ рѣчь свою такимъ образомъ: Правду сказать, что съ виду ты похожъ на самаго Жида, а съдыми волосами и прясущею головою изображаешь сапану, или по крайней мѣрѣ его наследника; но какъ внѣшніе знаки не всегда согласуются со внутренними, то имѣешь ты, можешь быть, доброе сердце, которое испорчено только одною жадностію къ деньгамъ; и такъ опасуюсь я, что ты не поблагодаришь меня послѣ за это. Купецъ клялся предъ нимъ всеми богами: слушай же мой другъ, говорилъ ему Неохъ, теперь - то обладеживаю тебя, что скажу тебѣ самую истинную, и ты не будешь имѣть причины раскаиваться въ своемъ предпріятіи. Знаешь ты великаго первосвященника Перунова, и знаешь опять, что онъ человекъ добродѣтельной, набожной и строгой почишатель закона, и не шокмо, что не отпускаешь никому великихъ

грѣховъ, но и слабости человѣческія рѣдко извиняетъ. Сѣи наружныя его свойства не согласуются со внутренностію ни мало. Сердце его коварно, исполнено суеты и всякой неправды: онъ жалуется тѣхъ людей, которые умѣючи жить на свѣшѣ и обманываютъ народъ весьма изрядно всякими различными способами. Ещежъ въ добавокъ къ сему, владѣетъ имъ любовная страсть, и столько много ослѣпленъ онъ ею, что какъ нечестовство предпріять для того въ состояніи. Знаешь ты знающую госпожу, копорая называется Минамила? Ее онъ обожаетъ, и можно сказать, что любитъ больше самаго себя. Всякой день имѣетъ съ нею свиданіе во время вечернее въ шой роцѣ; копорая окружаетъ храмъ Перуновъ. Онъ выбралъ меня своимъ Меркуріемъ, и вверилъ любовныя дѣла скромности и молчаливости моей безъ всякаго о томъ сомнѣнія. Но я уже изнемогъ отъ сего Юпитера: ибо онъ съ лишкомъ рѣшиво жалуется посылая письма и подарками свою красавицу, и думаю просишься въ отставку; но правда, что награждаетъ онъ за то весьма щедро, и можно

Часть IV.

сказать, что прямо по Юниперски и почши заваливаетъ человека золошыми горами. До сего времени споялъ я подъ желобомъ, изъ копорато лилъ на рамена мои золошой дождь смальне шого, которой падалъ въ прелесшныя колѣни прекрасной дамаи; но я уже доволенъ имѣю съ лишкомъ, нежели бы мнѣ издобио было, и для шого не хочу бышь больше полномочнымъ посломъ великаго первосвященника: ибо не всегда быть должно благодарнымъ, и мнѣ кажешся, можно и безъ сей добродѣтели прожити на свѣтѣ. На мое мѣсто надобенъ ему непременно человекъ, и ежели изволишь ты, то я могу тебя одобришь передъ его особю, а онъ мнѣ конечно во всемъ повѣришь; шолько долженъ ты быть шолько скромнѣ, сколько былъ я: ибо зависѣшь будешъ отъ шого жизнь швоя и всякое благополучіе. Живучи и въ свѣшѣ издобио пріучишь себя ко всему и извѣдашь силу и сошпоніе каждой вещи, чтобъ въ случаѣ нужды не запинавшисъ можно было разсуждать о ней правильно. Любовь не порокъ, но отъ многихъ молодыхъ людей починишешся первою добродѣтелью въ свѣшѣ; слѣдовашельно

хулить того не должно, которой приводитъ въ союзъ женщину съ мужчиной: тѣмъ онъ крѣпитъ и вяжетъ ихъ дружеское, возобновляетъ природу, спарается умножить поколѣние смертныхъ и производитъ между людьми весьма тѣсное согласіе, которое покупается иногда весьма дорогою цѣною.

Купецъ сею вѣспію пораженъ былъ больше, нежели наклады опъ какого нибудь неудачнаго товара. Онъ зналъ, что первосвященникъ былъ таковъ, каковымъ описывалъ его Неохъ съ хорошей стороны; но что касается до тѣхъ пороковъ, которые незаспѣнчивой и въ семъ только случаѣ безсовѣстной студентъ прихватилъ на свою душу и пожаловалъ великаго жреца не по достоинству; но весь городъ могъ быть свидѣтелемъ, что тотъ добродѣтельной мужъ совсѣмъ оныхъ не имѣлъ, и жилъ сколько богоугодно, что могъ поспавляться всегда примѣромъ добродѣтели. Однако велерѣчивой языкъ не рѣдко хвастаетъ звѣзды съ неба и пересаживаетъ планеты съ мѣста на мѣсто по своему желанію: словомъ, заспавитъ плясать и колоду, какъ слышались мы сего

изъ старины; сверхъ же того угдваръ-
вашь скупого и въ прибылку самое по-
слѣднее искусство пошребно разумно-
му чловѣку. Неохъ примѣшивъ, что
есть Гарпагонъ не вѣришь кривой его
мешини, принялся убѣдить его яснымъ
доказательствомъ и говорилъ такъ: Я
знаю, что весьма трудно искоренить
изъ чловѣка хорошаго о другомъ мысли,
если онъ увѣренъ въ томъ слѣпо, и
безъ очевиднаго доказательства не мо-
жно испребить изъ разума нашего едой
прилипчивой химеры. Завтра вечеру
приходи ты въ эту комнату и спавъ въ по-
шаепномъ мѣсцѣ, только нѣсколько по-
далѣ, чтобы тебя увидѣть было не воз-
можно; я покажу тебѣ такъ, какъ дру-
гу, ихъ свиданіе, только напередъ те-
бѣ сказываю, будь скромнѣе, если не
хочешь поперятивъ своего имѣнія. Скупого
всегда должно спрацать пошерниемъ
ямѣнія: ибо другія несчастія, бѣды и
изпасти, наконецъ и самая смерть споль-
жо успрашить его не можеть, какъ ли-
шеніе денегъ. Тогда ты перестанешь
думать, продолжалъ Неохъ, съ такимъ
сшрахомъ о народномъ томъ учителѣ;
увидишь, что онъ любовныхъ дѣлъ не

позабылъ и обращается въ нихъ безстыднѣе можешь быть нашей братьи, людей молодыхъ и вътренныхъ, и узнаешь тогда, къ великому своему и разумному удивленію, что враки не суть ничто иное, какъ въ самой вещи суть враки; а что правда, то нынѣ и всегда съ неправдою сообщисься не можешь.

Слова Неоховы хотя по всѣмъ неправды правиламъ и весьма ясно показывали его ложь; но дуракъ никогда не примѣчаетъ своей ошибки, и думаетъ, что разумъ его столько обилень, что онъ никогда не можешь сдѣлать просипупка. Своимъ дураковъ вездѣ одинаково, и томъ, коимъ родился въ Америкѣ, глупецъ не можешь перешеголять Европейскаго простефилю. И когда первой гилдін филинъ, а я шораго помера дуракъ согласился на Неохово предствавленіе, тогда хитрой обмазщикъ оманувъ его по... го шовилъ всякія надобности къ имѣющей... въ за-впрешній день комедіи. Купилъ все, что попребно было къ жреческому плащю, и приказалъ къ утру сшить его непремѣнно, не говоря о томъ ни слова, что

поршной украдетъ ; и всякому поступаешь шакъ должно : когда захочешь , чибобъ кафшанъ швой поспѣлъ скоро , не говори поршному масшеру о кражѣ. Поучилъ Неохъ нѣсколько своего слугу , какъ дѣйствовашь ему на томъ смѣшломъ шеашрѣ , и расположивъ всѣ порядочно , только не написавъ рѣчей , ибо комедія сія должна бышь дѣйснвована паншоминою , вознамѣрился увѣдомить о томъ первую комедіанку , безъ которой комедія мачинатъся не можешъ ; а къ сему представленію назначена была супрура безумнаго посадскаго мужика. И такъ , какъ спряталоса солнце и начала весьма слабо освѣщашь землю луна , шогда Неохъ прикрывшись сѣрою епанчею пошелъ къ своей любовницѣ ; заднія ворона всегда давали ему свободной входъ , и шолько были екромны , что не сказывали никому , что жалуетъ во всякую ночь къ хозяйшкѣ ихъ щеголь и шаскаешъ нѣкъ ихъ дому великую шучу денегъ. Пришедши увѣдомилъ омъ ее о своемъ намѣреніи , кошорое предложеніе приняла она сѣ великою радосшію , и предпріяла ошшно бышь учасшницею въ шакомъ дѣлѣ , кошорое обѣщало скорую

погибель ея сожигалю ; а чѣмъ больше видѣла для него бѣды , тѣмъ скорѣе хотѣла преступишь ко неподлемію выдумки . Однако время принудило неперпѣливую епу бабу подождать до завтраго , такъ какъ и насъ сонъ принудилъ успокоишья до утра .

ГЛАВА ХХІІІ.

ВЕЧЕРЪ 78.

Продолженіе сказки о рожденіи тафтяной мушки.

Наспалъ пагубной день и пришелъ блаженной часъ для шалуна . О ! ешьли бы приближилось такое время , которое бы постребило всѣхъ дураковъ , а особливѣ опохмѣляющаго каждой день поколѣнія : но мы его къ несчастію нашему никогда не дождемся , а они умножающа поминутно , такъ какъ грибы въ хорошее лѣто , и сколько уже ихъ было , что , думаю , скоро продавашь ихъ ешяущѣ сошнями . Сшо дураковъ безъ полугривмы десяшь по бабьему счешу ,

О 4

по мужицкому съ копѣйкой восемь алтынѣ, а по нашему дванцать лишь копѣекѣ. Дѣла, правду сказать, и не велика, но они ни къ чему не годятся, развѣ сдѣлашь изъ нихъ школу драки и непрерывной брани и ругашельства, и выпускашь ихъ на поединокѣ, такъ какъ *Арзамазскихъ* гусей. Ишь въ свѣпѣ ничего похвальнѣе, какъ сѣ дѣйствіе, когда человекѣ побѣждаетъ свои спрасни, ушляетъ пороки и покарятъ разуму своему всякаго рода приспраснїя, происходящїя въ немъ отъ неушреннаго самолюбїя, и сѣ называюща, побѣждаетъ себя; и въ сей побѣдѣ никто съ нимъ не имѣетъ ни малѣйшаго учаснїя, ниже самовладычествующее завсегда надъ дѣлами человѣческими счастье не имѣетъ никакого жребїя, и сей неоцѣненный лавръ собственно принадлежитъ одному побѣдителю. Но господину выборному глупцу мысль сїя не приходила никогда въ голову: ибо онъ былъ сшолько уменъ, какъ обыкновенно человекѣ торгового, которые думаютъ больше о барышахъ, нежели о наукахъ. И для того захотѣлъ лучше сдурачиться, нежели увѣчашъ голову

свою вмѣсто жаргуза славю, до сихъ поръ еще неслыханною въ поколѣнїи дураковъ; того ради съ превеликою радостїю гоповилса увидѣть первосвященника съ его любовницею, и сказывающѣ, что столько велико было въ немъ тогда восхищенїе, что онъ позабылъ въ шонѣ день обѣдани; а сіе случается весьма рѣдко между купцами, и такое чрезъбесшественное дѣйствїе, чпобѣ пробыти человеку безъ обѣда и не пить рива цѣлой день, шо необходимо ш, для которой онъ оставилъ природное сіе обыкновенїе, починается больше, нежеди завоеванїе города, и обѣ ней во всемъ околонтѣ, гдѣ стоитъ посадской жипельшво имѣетѣ, говорятѣ цѣлую недѣлю, и столько много удивляются его великодушїю, что выходятѣ совсѣмъ изъ своего пеняшїа, а особливо бабы, которыя онѣ природы жалостливѣе мужчинѣ,

Когда началъ приближаться вечеръ, тогда вывѣдывальщикъ любовныхъ дѣлъ пошелъ на опредѣленное ему мѣсто, и ставъ заанѣ увѣренъ, надѣялся получить чрезъ шо свое счасшїе. Ноохъ обративши своихъ комедїантовъ и одѣе.

шись съ ними въ приличное къ дѣйствію
шому плащѣ , сѣлъ въ карену и по-
ѣхалъ съ ними ко храму Перунову. По
прѣздѣ, повноривши каждому что дѣ-
лашь , пошелъ прямо къ храму , чшобъ
вышии ему оиѣ онаго въ роцѣ , а наря-
женъ оиѣ былъ первымъ жрецомъ , жена
оленева Минамидою , а слуга Неохмъ ;
и шакъ гошovy были всѣ предсшавляшь
роли. Какъ скоро Неохъ во образѣ пер-
восвященника появился въ роцѣ , то
проворной Меркурій , кошорой шакже
былъ подложной , подбѣжалъ къ земному
Юпитеру весьма поспѣшно , и будшо
сказывалъ ему , что Минамила давно уже
его дожидается , шогда волокиша прика-
залъ просишь ее къ себѣ. Вскорѣ появи-
лася въ роцѣ мнимая знашная барыня ,
и казалось , что всѣ древа оиѣ преле-
стей ея украшались ; выступала она
важно , и безъ всякой робости подвину-
лась къ своему любовнику , кошорой не
замедлилъ дѣлашь любовныя ужимки.
По шешпральному Неохъ , а по природ-
ному его слуга , види , что оиѣ шушѣ
не надобенъ , отошелъ въ сторону , да
и по правдѣ шшояшь ему шушѣ было
не должно , и хопя не первосвященникъ

сѣ красавицею , однако и Неохъ сѣ любовницею дѣлалъ все, что ему за благо разсудилось, для того что при мужнихъ глазахъ жена бываешъ прѣипнѣе волочишъ. Дуракъ сидя на деревѣ помиралъ со смѣху, радостнѣе его шѣмъ больше умножалась, чѣмъ подходили ближе любовники къ натуральному услажденію. Но елибы бы онъ зналъ, что въ епшой еладкой церемоніи вмѣсто Минамилы упражняешся его сожигательница , которая шакъ ласково пощипываешъ своего любовника въ глазахъ собственнаго своего супруга , тогда бы на епомъ же деревѣ вмѣсто восхищенія повѣсился: ибо по правиламъ купеческимъ , когда жена начнешъ сѣ къмъ нибудь амуриться , тогда у мужа шорги пойдунъ весьма худо , и шакъ хощь брось. Дуралей смѣялся, имѣя причину; для того, что чужее несчастіе не рѣдко увеселяешъ наши мысли, но собственное прогаешъ сердце. По окончаніи сего дѣйствія просишся жрецъ со своею красавицею и пошелъ ко храму, а она сѣла въ карешу и поѣхала кругомъ божницы Перуновой, чтобъ шамъ взять своего Адонида ; елъ и онъ шуда же. Пріѣхавъ домой,

скинули съ себя театральное платье, и начали смѣяться шому великому дураку, кошорой идучи домой, ничего больше не говорилъ, какъ сѣи слова: такъ - шо поступающъ наши жрецы, такъ-шо сохраняющъ они свои досшонства, насъ поучающъ не копншь денегъ и карающъ за малые просупки, а сами грѣхами своими превосходящъ и дѣволы. Съ сею мыслію пришелъ онъ домой, и не видавъ своей жены, легъ опочивать благополучно: ибо дурацкая его голова наполнена была шальными мнѣніями. А какъ не помѣщалъ онъ сожигельницъ своей осмѣивашъ его, шо Нехъ просидѣлъ шущъ цѣлую ночь и оканчивалъ благополучно шо, что началъ производншь въ роцѣ. Кому что мило, шому шо и надобно: „ Рыба ищетъ гдѣ глубже, а человекъ гдѣ лучше, „: ибо глубина для человека не весьма полезна.

Ночь была шому свидѣтелемъ, что комедія сѣя сыграна удачно, комедіаншы послѣ оныя оспались благополучны, а зритель былъ несчастливъ: „ Кипо се- „валъ, самъ попалъ. „ Онъ не спросяся у разумныхъ людей, а за его богатство всякой не опрекаяся подалъ бы ему добрыя совѣты, „денъги долбашъ и камень, „

впустился въ такую погрѣшность, которой еще онъ началъ свѣта не бывало, и врядъ будешь ли и впредъ; и ежели согласишь по порядку всѣ дурачества, то въ нихъ во всѣхъ подобнаго сему не сыщешь, и скажешь, что епископъ дурачество первое изъ дурачествъ, епископъ шалунъ дуракъ надъ дураками. Проснувшись по утру облизывался онъ такъ, какъ голодной надъ шѣстомъ; и когда воображалъ имѣнїе первосвященниково, тогда спановилось у него въ ропу сухо: ибо ягодная спраснь къ богатству всего я свѣтъ сильнѣе; и кпо въ оную впустился и прибавишь еще къ тому скупость, то и ни стыда, ни совѣсти, ни сожалѣнїя о бѣдныхъ имѣшь уже не можешь, сдѣлается онъ тогда каменнымъ, а сердце его превратится въ металлъ, научишься обѣщать поминутно, только до конца своей жизни не дашь никому ни копѣйки; нужды человѣческой выслушивать будешь съ сожалѣнїемъ, только помогаешь имъ не станешь, всякой день разсуждаешь будешь о бѣдныхъ съ великимъ прискорбїемъ, но вмѣсто награжденїя имъ спарашься будешь ихъ умножить всякими прищѣсценїями и опятити-

емъ послѣдняго ихъ имѣнїя ; возненавидишь нищихъ, и словомъ , всѣхъ ихъ людей, которые публично просятъ денегъ и будутъ имъ желать капорги ; сшанетъ проклинать своихъ дѣшей, ежели оны часпо оипл. него родятся, а особливо женскаго пола , по пому что долженъ онъ готовитъ имъ приданое; возненавидитъ жену и самаго себя , что на нищу и на плащъ долженъ тратить деньги ; наконецъ обуяетъ его страхъ , и онъ согласится опрубить у себя руки и ноги, чшобъ лежать на сундукахъ неподвижно, и караулить крѣпко, чшобъ не распаскали имѣнїя его воры ; будетъ выдумывать исгой календарь, и сдѣлаетъ весь годъ носпомъ , выключая свѣшлой недѣли, чшобъ ихъ домашнїе его меньше всиь могли ; сшанетъ проситъ духовнаго оица, чшобы онъ за всякой грѣхъ полагалъ на слугъ его и на всѣхъ епишимїю, чшобъ ихъ исходило меньше хлѣба въ его домъ ; купленную говядину великъ завязываешь въ тряпку и опускаешь ее въ горшокъ по блоку , чшобъ можно было такимъ образомъ сварить изъ нее пшперы щи или сѣ лишкомъ ; а ежели будетъ имѣть случай уморить голодомъ

человѣка, шо на сѣ безѣ ошговорки согласншя, и ежелибы не взыскивали у насѣ сего, шо онѣ не только слугѣ, но и дѣшею переморилѣ бы всѣхѣ голодомѣ; наконецѣ и самѣ умрешѣ, какѣ собака, ежели дѣло дойденѣ до шого, чшобѣ равнѣншя империлѣ для споловой потребности. Не мѣшкавшя ни мало послалѣ купецѣ кѣ Неоху, кошорой сказался еѣ шо время больнымѣ: ибо не спалѣ онѣ цѣлую ночь, а совѣповалѣ сему жидомору ишши прямо кѣ первосвященнику, сказывая, чшо будшо уже онѣ обѣ немѣ и говорилѣ, и чшо шомѣ весьма радуешя, чшо буденѣ имѣшя во услугахѣ своихѣ человекѣ сипеннаго, довольно лѣпами и украшеннаго сѣдиною, на кошорато надежнѣе положишяся можно, и кошорой не разболтаешѣ никому повѣренной ему тайности; и пришомѣ обладаживаешѣ его, чшо и Минамила обѣ ешомѣ будшо знаешѣ, и весьма радуешя, чшо буденѣ ямѣшя хорошаго повѣреннаго, и будшо она уже и жаловашя его чрезѣ мѣру обѣщалася. И шакѣ не удосшонилѣ онѣ посѣщеніемѣ своего свояка: ибо былѣ весьма много какѣ предшавленіемѣ, шакѣ и дѣйствіемѣ комедіи обездокоенѣ.

ГЛАВА XXIV.

ВЕЧЕРЪ 79.

*Продолженіе сказки о рожденіи
тафтяной мушки.*

Такимъ образомъ тотъ съдой и беззубой Меркурій услышавъ оный Неоха приказъ, что можно ему безъ препятствія итти къ первосвященнику, не рассудилъ за благо показаться къ нему, а хотѣлъ побывать прѣжде у Минамилы, и рассуждалъ такъ: когда она приметъ его въ свое покровительство; тогда уже жрецъ откажетъ не долженъ. Зналъ онъ домъ сей госпожи; на которой стоялъ онъ улицѣ; и такъ прибравшись попорядочнѣе пошелъ доспавать свое счастье; и думалъ въ семъ случаѣ принудить его по неволѣ быть къ себѣ благосклоннымъ. Пришедши въ домъ къ знатной шой госпожѣ доложилъ мужику, которой подмѣшалъ тогда дворъ, что имѣетъ онъ крайнюю нужду до его госпожи; мужикъ сказалъ ешо испопнику, испопникъ лакею, лакей донесъ каменднеру, каменднеръ сказалъ горничной дѣвушкѣ, дѣвушка объявила

барской барыни, и такъ далѣе; наконецъ извѣстилась о томъ и госпожа, и такъ впустили старика въ верхніе покои. Вышедши камердинеръ спрашивалъ у него, что онъ за человекъ, какъ его зовутъ, за своимъ ли пришелъ дѣломъ, или присланъ онъ кого, какую имѣешь нужду, важна ли эта нужда или иѣтъ, можетъ ли онъ сказать ему или переговорить съ госпожею самъ? И когда увѣдомился онъ него обо всемъ, тогда пошелъ и доложилъ госпожѣ своей шочно, какъ ему сказано: ибо камердинеры должны быть оспорожны и памятливы, за что они получаютъ большое жадованье; потомъ ввели купца въ спальню Минамилину; она тогда лежала въ постелѣ окладена вся подушками и прикрыта шрема или слишкомъ одѣялами. Что ты старикъ? говорила она ему невесьма яркимъ голосомъ, извѣляя тѣмъ, что она нѣсколько недомогала. Желая многолѣшняго здравія, премилосердая Государыня, началъ такъ нашъ Меркурій, конечно не домогается зашему преблагородію; дѣло сбышное, морская погода весьма не здорова для шѣжності господской; какъ вижу, шѣ

Часть IV.

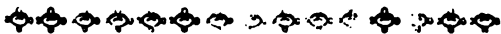
П

простудилась въ вчерашнимъ вечеромъ? Ешо правда старичокъ, ошвѣчала ему Минамила, ибо была она весьма низходишельна и приномъ весьма разумна, вчера ввечеру ѣздили мы гуляшь въ рошу, и я ходила шамъ не прикрывши грудь, ошѣ чего очень много простудилась; не хироманшикъ ли шы, что угадалъ съ виду мой припадокъ? Нѣшѣ, сударыня, ошвѣчалъ исправной дѣшннѣ, я не училса ешой науки, однако и бсѣзъ нее ошгадывашь масшерѣ; вы гуляли шамо съ милымъ вамъ человекомъ, шутили, какъ хошѣли, и послѣ расшались съ нимъ въ той же рошѣ. Дѣйсшвилельно шакъ, ошвѣчала госпожа, я была шамъ съ мужчиною, и онѣ оставивъ меня пошелъ къ Перунову храму. Точно Минамила была шамъ ввечеру съ своимъ братомъ, копорой еше не давно прѣшхалъ въ шопѣ городѣ, а ѣздилъ онѣ въ Египешѣ для осмошрѣннѣ свѣша. Послѣ сихъ словъ дуралей нашѣ подумалъ, что уже она его знаешѣ и по пренорученнѣ Неохову ошкрываешся ему совѣшмъ, удосшонвая шѣмъ его своею милосшннѣю; усмошря, что никого шумѣ не было, бросилса онѣ передъ кроватью

на колѣни и прижавши руки къ сердцу говорилъ ей слѣдующее почти со слезами оубо произшедшей въ немъ тогда радости: Премилосердая Государыня, вы изволите оказывать мнѣ великую вашу милость, которая ни съ какою милостію сравниться не можетъ: винюсь вамъ, сударыня, что я былъ вчера въ той роцѣ и видѣлъ все, что вы ни дѣлали; я знаю вашу тайну, только вѣрите мнѣ, что никому оной не открою; съ сихъ поръ, сударыня, прикажите пускашь меня свободно въ вашъ домъ, я уже перепосиль буду къ вамъ письма и подарки оубо первосвященника, и прошу, чтобы вы еще одобрили меня передъ онымъ. Минамида слушая сїи слова позабыла совсѣмъ свою болѣзнь, и привставши на кровати сказала ему: что ты говоришь спарикъ? Я уже знаю, сударыня, продолжалъ оубо, что вы любите первосвященника и жалуете къ нему всякую ночь въ роцѣ; вчера ввечеру вы тамъ были и удовольствовались его желаніе самымъ лучшимъ образомъ. Пошлой спарикъ, сказала ему госпожа. Весьма было сїе удивительно, что она на него не разсердилась; скажи мнѣ,

безъ ума ты, или въ умѣ? Благодарю
 боговъ, сударыня, отвѣчалъ онъ ей, что
 я имѣю здравое разсужденіе. По крайней
 мѣрѣ продолжала она спрашивашь, что
 дурь на шебя часами находишь? Никакъ,
 сударыня, увѣрялъ онъ ее; я былъ и
 вчера и нынѣ одинаковъ, и какъ видѣлъ
 васъ вчера безъ помѣшательства раз-
 ума, такъ и теперь вижу; но прошу,
 сударыня, о шой милосши, о кошорой
 я ушрждалъ и прежде. Слушай, дуракъ,
 говорила ему милосердая та госпожа,
 сейчасливѣ шы весьма, что я имѣю не
 злобное сердце; знаешь ли ты, какъ за
 поношеніе чести пошнися, и что ма-
 ло еще, ежели опнишь у шебя живошъ?
 Я тебѣ прощаю швою глупость, поди
 куда, откуда ты пришелъ; но еслѣк
 я услышу впредь онъ кого нибудь, что
 ты такихъ обо мнѣ мыслей, шо велю
 шебя найши и наказать по мѣрѣ швоего
 просшунка; поди онъ меня вонъ. Мило-
 сшная Государыня, говорилъ ей безош-
 вязной Меркурій, не смыдишесь меня, я
 буду усердной вашѣ повѣренной. Минами-
 ла вышла изъ терпѣшя, и закрѣчала
 слугѣ, чтообы онъ вывелъ онъ нее сшого
 сумазброда и проводилъ со двора получше.

Взяли нашего дѣльца подѣ руки и повели изѣ покоевѣ вѣ сѣни. Сперва начали щелкать его ладоньми вѣ голову, потомѣ кулаками вѣ запылокѣ, а наконецѣ прѣударили во всю спину; а чѣя рука не умѣстилась на оной, или кѣ суепахѣ не удалось ему плошненько ударить, тошѣ припѣхивалѣ его подѣ бока, вѣ рыло и вѣ грудь, и словемѣ гдѣ кому удалось, тошѣ шамо и шрудился, и пощипали его шакѣ изрядно, что онѣ принужденѣ сѣ часѣ времени опдохнушѣ по прошесивѣи ихѣ двора, и запасшисѣ новыми силами, кошорыя онѣ расперялѣ, повертываяся шо на право, шо на лѣво, шо есѣ, отшворачивался онѣ того мѣста, сѣ кошораго плошнѣе его угощаривали, шо по виску, шо по запылку, а иногда и по всей головѣ.

ГЛАВА XXV.

ВЕЧЕРЬ 80.

Продолженіе сказки о рожденіи тафтяной мушки.

Такой изрядной прѣемѣ кажется бы довольно удобенѣ отвращить че

ловѣка и опѣ добраго намѣренія, ножели
 онѣ исканіа порочнато себѣ имени и
 презрѣнной всѣми людьми должности. Я
 не знаю, есмьли чшо презрѣннѣе на свѣ-
 тѣ, какѣ общенародной Меркурій; ша-
 кой человекѣ долженѣ жить такѣ, какѣ
 мѣсяцѣ, шо естѣ, по утру ложиться,
 а ввечеру вспашѣ, слоняшѣ по улицѣ
 вѣ шо время, вѣ которое честные люди
 опочиваютѣ, спарашѣ сманишѣ какую
 нибудѣ честную дѣвку, и за шо всякой
 часѣ ожидатѣ путешесствія на теплыя
 воды, заводитѣ знакомствѣ сѣ ворами
 и забѣлками, чшобѣ гдѣ дѣлали ему вспо-
 моженіе вѣ случаѣ, когда взойдетѣ надѣ
 нимѣ грозная шуча и посыплешѣ изѣ
 оной палочной градѣ на спину кѣ пере-
 носчику любовныхѣ переговоровѣ; бытѣ
 гошовому сноситѣ брани и ругатель-
 ства онѣ шѣхѣ людей, передѣ кошо-
 рыми онѣ не устоитѣ вѣ своемѣ сло-
 вѣ, удалашѣ онѣ добродѣтельныхѣ
 людей, которые, его презираютѣ и не-
 каши сообщенія сѣ мотами, сѣ забѣлка-
 ми, сѣ булнами и пьяницами, передѣлы-
 ватѣ сѣ ними честь вѣ безчестіе, доб-
 рую славу вѣ худую молву, добродѣтель
 вѣ пороки, посшояншво вѣ мотовспшо,

домы родительскіе въ шракиры и въ харчевни, имѣніе въ недоспапки, жендѣбу въ прелюбодѣяніе, и наконецъ самого челоуѣка въ несмысленнаго скопца. То правда, что сіе масперсшо гораздо хлѣбо, обѣ епомѣ никшо не поспоришѣ: награжденія, подарки слѣдуютъ оди за другимъ непремѣнно; но еспѣли дѣло дойдешѣ до увѣщанія, которое сосшоишѣ въ времяхъ или въ пруньяхъ, тогда нишо не взмилишя, и всѣ прежія одолженія будишѣ прахъ и небылица, ибо всего лишишя онѣ долженѣ.

Всякой челоуѣкѣ, какова бы онѣ сосшоиія ни былѣ, сожалѣешѣ о пошеряніи чесши, какѣ о шакой добродѣтели, безѣ которой бышѣ на свѣтѣ не возможно; но скупой о шомѣ никогда не думаешѣ, и разсуждаешѣ, что еспѣли ешѣ у него деньги, тогда чесшѣ и добродѣтели должны бышѣ у него по неволѣ; и шакѣ не стараешя онѣ о пріобрѣтеніи сихъ добродѣтелей, и прилагаешѣ неусыпное попеченіе къ приращенію своего имѣнія. Какимъ бы по образомъ ни было, но мнѣ кажешя, что добродѣтелию не живешѣ великаго бо-

гашства: ибо за оную никто изъ людей порочныхъ и ничего не пломшъ.

Я не знаю, сколько уже прошло тому времени, какъ позабывалъ я изъясняться о стихъ страшныхъ сочинишьяхъ, кошорые не зная, по просипу сказипь, ни уха, ни рыла ни у какой науки, не смысла, что еспь сшихъ, родъ, спопа и рифма, не разумья своего языка, не понимая той книги, кошорую онъ читашь на другомъ языкъ, принимаешся переводишь на свое нарече стихами; и что еще всего чуднше, напечаташь се безсмыдно и пребуешъ оно всъхъ похвалы насильно. Такіе глупцы охотники до нравоученія, и не только гдъ въ другомъ мѣстѣ, но и въ прѣшельскихъ письмахъ пишушъ философскія морали, кошорыя они послучаю увидѣли гдъ нибудь къ книгъ, и сіе дурацкое повѣтріе, мнѣ кажешся, изъ шарины ведешся; кто глупе всъхъ, томъ охотнше принимаешся учишь другихъ. Можетъ быть и я. кошорой пишу сію книгу, не превосхожу другихъ пониміемъ, и для шото посылаю нравоученіями, какъ пескомъ, и кспашъ или не кспашъ разговариваю о вещахъ важныхъ: однако раз-

удивилъ сѣ читателя; а мнѣ пора ужъ
возвратиться къ моему повѣствованію.

Новой мой Меркурій оправившись
нѣсколько опѣвущанія Минамилиныхъ
служителей, подумалъ, что сѣя госпожа
постыдилась, и для того не хотѣла ему
признаться. И шакъ положилъ ишши
непремѣнно къ первосвященнику и про-
сить оипъ него сѣй великой къ себѣ ми-
лости; но путешествіе его къ жрецу,
и что съ нимъ шамъ сдѣлалось, пока-
жетъ намъ другой вечеръ, а теперь ро-
скащикъ долженъ сказать, что прѣ-
ѣхалъ въ городъ Дланъ, то есть, тотъ
человѣкъ, кошорой отперся отъ лошади
и оипъ шабакерки. Не оу находяся въ
средиѣ благополучія и будучи самъ со-
бою доволенъ, неробкими снопами при-
шелъ въ домъ новаго своего благодѣтеля,
поздравилъ его съ счастливымъ прѣз-
домъ и пошутилъ столькъ, сколько по-
требно было при первомъ свиданіи: ибо
въ то время бываемъ блж разуміе и
отважіе, когда принимаютъ насъ зна-
тные господа благосклонно; веселой и
снисходительной ихъ оглядѣ оживля-
етъ наше понятіе и дѣлаетъ въ насъ

ПЕРЕСМѢШНИКЪ;

или

СЛАВЕНСКІЯ СКАЗКИ.

ГЛАВА I.

ВЕЧЕРЪ 81.

Продолженіе Кидаловыхъ приключеній.

Багряная зоря на Востокъ отворила свой храмъ услапной и лепцрепный розамн; и съвши въ алую колесницу возвышалась на Хошынское небо; тусклыя облака, извляющія всегдашнее несчастье, какъ будю бы сныдася се вида и претворивъ

Часть V.

Λ

шнсь въ прахъ , падали въ непроходимыя лѣса и горы. Опленающіе до сего времени Зефиры явзращалися въ поля на нивы и въ долины ; рѣчныя Нимфы, копорыя осшавили совсѣмъ чисныя спруи рѣки Рвани , въ шо время приходили омывашь лица свои на берегахъ Хошынскихъ. Съ высокихъ горъ паспухи и паспушки сходили въ долины и усыпали дороги цвѣтами, начали пѣшь и играть пѣсни , и казалось, что будто вспрѣчали они нѣкакой праздникъ: словомъ вездѣ разливалось непоняшное веселіе, и всякой Хошынецъ предчувсшвовалъ радость. Въ великолѣпныхъ сшвнхъ города обновлялся воздухъ и всякая сшхія принимала другой образъ. Море не колебалось , и слѣдовала одна только шонкая спруя за дельфиномъ , на копоромъ пушешесшвовалъ по водамъ Кидалъ. Нерейды и Тришоны, проводивъ на небо солнце , вспрѣчались съ Кидаломъ, и извѣждали ему радость свою и восхищеніе. Нѣкоторыя морскія чудовища не видавъ еще никогда вдуцаго по водамъ человѣка , дивились шакому позорищу, и окружая его со всѣхъ сторонъ, шровожали еъ радостію , и сшарались

угнѣпати камни и пучины, могущіе вредити, или по крайней мѣрѣ устрашити путешественника. Усердіе ихъ проспиралось весьма далеко: онѣ подбѣгали часно къ дельфину, и спаралися подвизать помощь ему въ плаваніи. Кидаль смотря на ихъ усердіе весьма много веселился, и почти не чувствительнѣе достигъ до той горы, на которой находилась Тризла. Жалкое сіе позорище привело его въ великое сожалѣніе: пищцы въ то время шерзали ея груди, ошъ чего грудь ея вся была покрыта кровью, и плащье орошено было ея же доволно. Дельфинъ усиремясь весьма сильно, преодолѣлъ сердшыя пучины, и почти весь выдался изъ воды на камень, и шунѣ спуснивъ съ себя Кидала возвратился въ бездну морскую. Омарской владѣлецъ приблизился къ Алимовой машери, и почти со слезами смотрѣлъ на ея мученіе; однако не дерзнулъ вооружиться противъ хищныхъ пищцъ: ибо зналъ онъ, что сіе ему не возможно. По ошлешѣніи свирѣпыхъ вороновъ, и по ушоленіи совѣмъ ея болѣзни, говорилъ ей Кидаль: Государыня моя, сколько ты несчастлива на эшомѣ

свѣпѣ , я миѣ кажецца , что и адѣ не производилѣ еще никогда шакова мученія , которое ты теперь переживаешь . Когда несносно миѣ сносить на оное , но какѣ уже возможешь ты сносить подобное страданіе . Незнакомой , говорила ему супруга Олаова , не упоминай моей горести и напоминаніемъ о моемъ несчастіи , которому подобнаго не было еще на свѣпѣ ; но скажи миѣ , какимъ случаемъ принесенѣ ты на сію гору , и какое имѣлъ къ тому намѣреніе ? Государыня моя , ошвѣчалѣ ей Кидаль , несчастіе вашего дома , народа и города были причиною тому , что сжалившіеся надѣ вами боги избрали меня избавителемъ вашего племени ; многими ошѣ оныхъ прорицаніями посланѣ я на сіе мѣсто , исполнишь со всѣмъ незнаемое мною дѣло , о которомъ приказано миѣ просить ошѣ себя уведомленія ; въ ономъ sospoишѣ и швое избавленіе , то я не сомнѣваюсь , что ошѣ ты миѣ шого не ошкрыла . Тризла услышавъ сіе весьма много обрадовалась , и уведомила его шѣми же словами , которыя она употребляла съ Аскалономъ . Сшунай , продолжала она пошомъ , къ

избавленію несчастнаго народа; ступай и возвратись со слагою ошполѣ; сіе предпріятіе выше всѣхъ въ человѣческихъ дѣлѣхъ; слава швоя не умолкнетъ во вѣки, ежели исполнишь сіе до конца; народъ нашъ возвыситъ имя швое до небесъ, и почтенъ выше ошца несчастныхъ; будь швердъ и не страшись погибели ни мало, восходи выше смертныхъ, и уподобься всесильнымъ богамъ.

Кидаль обнадеживъ ее, что будетъ всѣми силами спарашься наполнить себя храбросію помилушно, и просившись съ нею бросилъ въ море рогъ, данной ему ошѣ Кабалисна. Внезапно вокругъ горы пучины почернѣли, съдѣе валы начали ударять вершинами въ камень, смѣсили влагу и песокъ, съ кипящихъ ихъ верховъ орошалъ великой дождь Клягова сына, гущая пѣна расцилалася по водамъ, и шумъ ошѣ оныя опчасу умножился. Наконецъ вырвалась со дна весьма ширающая шруя, и казалось, что прерветъ предѣлъ между воздухомъ и моремъ; потомъ выступила на поверхность водъ рачовинная колесница, въ которую выражены были два морскія ж

весьма свирѣпыхъ чудовища: оныя дышали
 дымомъ, черною водою и сѣдою пѣною;
 чешуя на нихъ была свѣшлая и каза-
 лась подобно мѣднымъ щитамъ. Яряся
 порывали онѣ колесницу, которая безъ
 всякой шажести поскакивала по вол-
 намъ, подобна шой, въ которую весьма
 безразсудно сѣлся Флетонидъ, не слу-
 шая своего родишеля, и не умѣя править
 Эфирныхъ и огнедышущихъ коней. Омар-
 ской владѣтель не для пріобрѣщенія
 шщеслалія, во желая исполнить волю
 боговъ, пріявъ онѣ судьбины возжи, кои
 вложены были въ пѣнющіяся челюсти
 сердитыхъ живошнихъ, вскочилъ поспѣ-
 шно на колесницу, и не желая безразсуд-
 но подниматься выше облаковъ, пус-
 шился между волнами. Чудовища пе-
 чувствовавъ въ колесницѣ правишеля,
 пуще освирѣпѣли; глаза ихъ сверкали
 иногда на подобіе раскаленныхъ углей,
 и изъ страшныхъ челюстей мешали вля-
 ту и пламень; ударили онѣ извишыми
 хвощами по водамъ и бросились весьма
 поспѣшно раздирашь волны, кошорыя
 сколько были ян свирѣпы, однако успу-
 пали стремленію колесницы. Въ скоромъ
 времени приближился Кидаль ко очаро-

вапному острову, и какъ только спалъ подѣзжая къ оному, шо сильныя зхри усшремляея на Западъ, на Восшокъ, на Свверъ и на Югъ, рвали волны въ часши и мутили воздухъ, дождю на всшрѣчу дождь, волна на всшрѣчу волнъ со всѣхъ сторонъ лешъли; ужасной шумъ ломушилъ весь поншъ и ничего не видно было, кромъ еліянныхъ съ моремъ небесъ. Въ шакихъ опасныхъ случаяхъ сердце человѣческое не бываетъ безъ иреша. Кидалъ находяся по срединѣ съ великой напаси, возводилъ глаза на небо и просилъ милосердаго Перуна, чшобы онъ ниспослалъ ему помощь въ такомъ свирѣпомъ волненіи двухъ сшпихій. Безъ сомнѣнія ошецъ боговъ не отвращалъ тогда очей своихъ отъ сего героя, и нарочно воздвигъ сшо бурю, чшобы ша осторожная шица въ семъ страшномъ ревѣ волиъ и вѣшровѣ не почувшвовала приближенія Кидалова къ берегу, кошо-рой ешочивъ съ колесницы на островъ весьма осшорожно, удерживалъ дыханіе и продирался между кустовъ и каменьевъ съ великою шишпшою; наконецъ увидѣлъ онъ шо страшное чудовище, онъ кошо-раго запрепешалъ больше, нежели отъ

волниія морсѣва. Птица ея спада иногда на высокомъ пригоркѣ; малая ея голова лежала на камнѣ, и находилась всегда въ движеніи: сложеніе ея подобно было птицѣ, но ноги были козевьи, и вмѣсто копытъ имѣла лъвинные когти, вмѣсто хвоста виденъ былъ рыбей плюсъ; а шѣло прикрыта волосами, выключая крыльевъ, которые однѣ шолько сосиоляли изъ перьевъ чернаго и кроваваго цвѣта; роспомъ же была она шире больше человека. Дыханіе ея слышно было издалека, и не смотря на узкое прохожденіе горла, испускала она весьма сирашной ревъ, такъ что казалось, будто бы отъ него колебался пригорокъ. Кидалъ смотря на нее сипоялъ долго неподвиженъ, и думалъ, что сей ему шрудности преодолѣть никонмъ образомъ не возможно. Пригорокъ былъ весьма крупъ, и почти весь объянъ шѣломъ сирашнаго сего чудовища, такъ что никонмъ образомъ подшупишь было къ ней не возможно. Ожидая, чтобы она проснулась, предсипояла ему погибель, приближиться къ ней сдѣлаешся шю же. И такъ Омаріинецъ наполнялся мужествомъ, и предпріялъ не сирашиться.

дя смерти ; удерживая дыханіе пошелъ
 хъ шой сторожъ, на которую лежала ея
 голова : чувствовалъ онъ тогда , что
 море сильнѣе колебалось, и великія вол-
 ны ударяя въ берегъ, производили весьма
 сильной шумъ , шакъ что движенія ея
 совсѣмъ было не слышно. Кидалъ ут-
 вердился на нѣкоторомъ бугоркѣ, копо-
 рой выдался нѣсколько изъ большова
 пригорка, доспигъ до камня, и ухватил-
 ся руками весьма крѣпко за ея голову.
 Въ самое ея мгновеніе она вздрогнула
 спящая птица столь сильно, что осн-
 ровъ весь поколебался, и тотъ пригорокъ,
 на которомъ она лежала , казалось ,
 что двинулся съ мѣста; Кидалъ, испол-
 ненный трепета и страха , едва не
 опустилъ изъ рукъ головы ея вмѣстѣ со
 своею жизнію. Буря утихла , вѣтры
 усмирѣли , море не волновалось , и сер-
 дишья пучины переспали пожирати въ
 себя воздухъ и воду ; солнце разогнало
 страшную шуту , и торж. ственнымъ
 лицомъ смотрѣло на позорище, учинен-
 ное молодымъ и отважнымъ героемъ ,
 коюрой тогда превосходилъ побѣдою
 своею завоевишела всю вселенною.

ГЛАВА II.

ВЕЧЕРЬ 82.

Продолженіе Кидаловыхъ приключеній.

Объясное руками Кидаловыми чудо вопило ужаснымъ голосомъ, и когда опустилъ его Омарской вла: бшель, шо двигнувшись съ пригорка, пошла сїя пища по берегу острова весьма тихими шопами, и казалось какъ будто шешалась изъ стороны въ сторону; кающіяся изъ глазъ ея весьма обильно слезы падали изъ шраву, кошорая въ одну минушу отъ оныхъ блекла и советимъ изчезла. Много разъ порывалася она къ одному мѣсту; но видя, что Кидалъ всюду за нею слѣдуешъ, отходила отъ онаго, и рошала слезами все свое обшаніе, и сподъ жалобно спонала, что Кланговъ дланъ пришелъ объ ней въ сожалѣніе. Чудовище чувспвуя свою погубель, и зная можетъ бышь, что конецъ жизни его приближается, слѣдовало къ своему лицу, и начало пробивашъ его носомъ. Кидалъ сожалѣя весь-

ма много обѣ немѣ, не хотѣлъ препят-
 ствовашь ему въ семѣ трудѣ, а взявъ
 нѣсколько свѣйца на перспѣ свой смир-
 ны, пошелъ и помазалъ коренья двухъ
 деревъ, стоящихъ другъ подлѣ друга.
 Какъ только онъ сѣе учинилъ, тогда
 явиле, нежели громовое пораженіе, удари-
 ло въ коренья помазанныхъ деревъ, и
 оныя свѣе превеликимъ прескомъ осшави-
 ли свои мѣста и пожали другнхъ, под-
 лѣ ихъ стоящихъ. Въ сѣе ошвершѣе
 всшупилъ Кидалъ, и едва перенесъ толь-
 ко за оныя ногу, то увидѣлъ свѣе вели-
 кимъ спремленіемъ бѣгущаго къ себѣ
 великаго и спрашнаго змѣя. Срѣшающъ я
 его погнбель вселила въ него великое
 проворство и бодрость: онъ весьма по-
 сѣишно озрѣлся на всѣ стороны, и какъ
 увидѣлъ шлемъ и булаву, то бросился
 къ онымъ, и ухвативъ ихъ изгоповился
 въ сраженію. И какъ приблизился къ
 нему змѣй, то изъ челюстей его спре-
 мящееся пламя и дымъ обѣяли Кидалъ
 и лишили совсѣмъ зрѣнія, и онъ со-
 всѣмъ не видалъ, какимъ образомъ по-
 ражаиъ ему непріятеля. Наконецъ, какъ
 получилъ нѣкопорую способность, то
 однимъ замахомъ лишилъ змѣя прехъ

головѣ, ошѣ чего умалилась ярость еѣ
и пожигающее Кидала пламя. Ошваж-
ности его въ семѣ случаѣ страхѣ не
препятствовало, и онѣ чѣмѣ больше
вспуало въ сраженіе, тѣмѣ больше
показывало свое мужество. Когда оспа-
лась одна голова на семѣ чудовищѣ, и
ни самой сильной градѣ, ни непрерыв-
но льющей дождѣ не имѣли въ себѣ
столько влажности, какую пропасть
водѣ изрыгало тогда змѣи на Кидала.
Сѣ несчастіе безпокло его больше,
нежели прежде; однако въ послѣдній
разѣ столь сильно ударилъ его въ го-
лову, что она потеряла совсѣмѣ свое
подобіе, и свирѣпой змѣи повалился на
землю, началъ весьма сильно объ оную
ударяться, такѣ, что иррались онѣ
того окрестныя мѣста; и поднималась
пыль столбомѣ ко облакамѣ. Кидалъ
ударивъ его поперегѣ булавою, лишилъ
совсѣмѣ движенія и дыханія. Потомѣ
распоролъ ему чрево, и какѣ только
выпустилъ на землю ядовитую его
желчь, то въ одну минушу заторѣла
вся вещь, и сама земля обиялась пла-
менемѣ. Пожарѣ восходилъ до небесѣ; и
любопытши огня описашъ иконѣмѣ обра-

зѡмѢ не можно; видимоу КидаломѢ горизонтѢ весь побагровѣлъ отѢ пламени; и казалось; чѣто воздушные огни совокупяся съ нимѢ намѣрены зажечь всю вселенную; по примѣру безразсуднаго Солнцева сына. Омарской владѣтель увидѣвъ; чѣто вся земля обиялася пламенемѢ; выбѣжалѢ весьма поспѣшно на берегѢ острова, и тамѢ нашедѢ пшницу, которая оплакивала свою копчину, взялъ се за голову и держалѢ во все по время; пока огонь леталѢ по острову.

ВѢ скоромѢ времени занялись и тѢ деревья, которые окружали островѢ: онѢ горѣли весьма сильно; однако не старали, по ушолемѢи пламени сдѣлались голубыми; и поперяли совсѣмѢ зеленой природной ихѢ цвѣтѢмѢ. Когда утихѢ вездѢ огонь; тогда возшали умѣренныя вѣтры; которые разнесли смрадѢ; дымѢ и пепелѢ; очистили островѢ, и сдѣлали землю подобною егѢту бѣлизною. По оплешѢнѢи сихѢ наследовали ихѢ мѣсто тихѢе и теплыя Зефиры: оныя на прелестныхѢ крылахѢ разносили благоуханѢе по всѣмѢ мѣстамѢ; которое принесли они изѢ хранилища сокровищѢй природы. Похвально преодолѣшѢ

равнаго себѣ силою непріятеля ; но сто-
краніѣ славнѣ побѣдишь превосходяща-
го могущесивомѣ злодѣя : симѣ чело-
вѣкѣ ищешѣ имени своему бузсмертія,
и гласящей во всѣхъ концахъ вселенныя
славы , которая во вѣки умолкнушь не
можетѣ, величаешя побѣдишель, и не-
рѣдко самѣ себя считаешѣ выше всего
смершнаго племени ; но что еще сего
похвальнѣе, похвальнѣе шо, какѣ чело-
вѣкѣ преодоуѣваешѣ самаго себя, поко-
ряешѣ присраснїя свои разуму, кошо-
рыя спрашнѣ намѣ всякаго непріятеля.
Кидалѣ не только въ сіе время , но и
всегда сѣдовалѣ сей похвальной добро-
дѣтели. Онѣ не желалѣ величатъся по-
бѣдою надѣ двумя невоображаемыми и
страшными чудовищами , но сердечно
сожалѣлѣ о ихъ погибели. Оставивѣ сію
пещицу, глядѣлѣ онѣ на нее почти сле-
зачиными глазами, и боялся , чшобы въ
опчаявїи не убила она себя о камень.
За сію его добродѣтель сами боги вспомо-
щесивовали ему въ семѣ спрашномѣ
намѣрешїи: око ихѣ надѣ нимѣ надзидало,
и рука покрывала онѣ опасней : ибо
никакое доброе дѣло безѣ награжденїя
отѣ нихѣ не осщается ; и хощя видимо

или не видимо, однако платяшѣ всегда за наши добродѣтели:

Когда сей храброй воинѣ вступилѣ въ середину острова, то скрылся передѣ нимѣ шеашиѣ, превосходящей всѣ шѣ мѣсна, копорья дѣланы на украшение природы человѣческими руками. Почему онѣ узналѣ, что суешно шрудилѣся человекѣ превзойши искусствомѣ своимѣ природу; хотя она не шакѣ поспѣшно шрудилѣся въ созиданіи удивительныхѣ вещей, но по окончаніи оныхѣ опредѣляешѣ имѣ вѣчностѣ и даешѣ беесмертїа образѣ; а произведенное человѣческими руками ешѣ шлѣвиѣ и пепелѣ, первое сѣдлешѣ древностѣ, а другое разносилѣ въ шпы. Посрединѣ круглой шой ограды сдѣлано было не весьма возвышенное мѣсто изѣ самой чистой и бѣлой слоновой кости. Края шипеней обведены были свѣшлымѣ металломѣ, копорой блисталѣ онѣ солнца. На ономѣ шлоло зданіе подобное божескому храму, сдѣланное все изѣ голубыхѣ каменьеѣ, копорые онѣ солнечныхѣ лучей блисшали, и какѣ будио переходили сѣ мѣсна на мѣсно. Крышка на ономѣ находилѣся во всегдашнемѣ движеміи, и вся опущена

Часть V.

Б

была на игру въпродѣ; по чему догады-
 ваться издобо, что сдѣлана она была
 изъ легкой материи. Наружность спѣвъ
 украшалася иѣкошорыми изображеніями
 живошныхъ, но только шакихъ, копо-
 рыхъ еще не видно было въ природѣ, о
 кошорыхъ и Хины не имѣли еще свѣде-
 нія, хотя оныя и стараются выдумы-
 вать сверхъестественныя вещи. Са-
 фирныя ворога совсѣмъ подобны бы-
 ли тѣмъ, кошорыя дѣлалъ Вулканъ въ
 Солицевъ храмъ: къ онымъ оиѣ земля
 посланы были по лѣсницѣ золотыя
 ковры, превосходящія красою тѣхъ,
 кошорыми одѣвали Индѣйцы тѣхъ сло-
 новъ, на коихъ долженствовало ѣхать
 и въ Обладатель; а Скифы одѣвали Цар-
 скихъ коней. На первой ступени лежа-
 ли два великіе Леопарда: оныя какъ
 скоро увидѣли Кидала, то бросились
 къ нему весьма поспѣшно; валялись пе-
 редъ нимъ на землѣ, обнимали его сво-
 ими большими хвостами, ласпились
 около его ногъ, и мѣшали ему ишии, къ
 кошорымъ оиѣ не только что не при-
 касался, но и не глядѣлъ на нихъ ласко-
 во; а какъ скоро всшупилъ на первую
 ступень лѣсницы, то оба они уткнув-

ши рыла подъ ную, ужаснымъ образомъ заревѣли, шакъ чшо казалось, будшюбы и земля вмѣстѣ съ ними застонала. Въ скоромъ времени появилось у дверей невоображаемое чудо. Выдуманная Воспочными народами химера не только чшо сему не подобна, но ниже одной ноги сослѣвить сего не могла: подобія оно никакого не имѣло, и казалось ни круглымъ, ни квадратнымъ, ни продолговатымъ; на шѣлѣ его изображена была смѣшная песпроша; перья, волосы, щетина, чешуя и иглы составляли прикрытие сего безобразія, и казалось все оное чудо сослѣвлено изъ головъ, или всѣ оныя вѣланы были въ его мѣло; ошовсюду свѣщилися глаза и мадые и большіе, вездѣ видны были челюсти и зубы, куда ни посмотри, вездѣ уши, пичьи носы и рыбныя перья. Омаріанецъ увидѣвъ его остановился, удивленіе разсѣвало его разумъ, и онъ подумалъ, чшо ешь шакія на свѣшѣ швари, чшо ежели взглянешь на нихъ человекъ, то непременно долженъ будетъ лишиться жизни, и чшо въ природѣ намъ весьма многое не извѣшно. Какъ скоро отверзло прелестныя двери

се премерское чудо, то все находящіяся въ немъ головы испустили голоса. Се весьма дикое согласіе, поразившее слухъ Кидаловъ, привело къ великому страху, и онъ за шѣмъ опасался вступити въ то зданіе, и думалъ, что конечно проснется онъ шого спящая незнакомая ему дѣвица; и шакъ находясь въ великомъ страхѣ ожидалъ онъ успокоенія сихъ живошныхъ.

ГЛАВА III.

ВЕЧЕРЬ 83.

Продолженіе Кидаловыхъ приключеній.

Наконецъ, когда умолив сей естественной и несогласной органъ, вступилъ Кидалъ въ сафирныя двери, и вошелъ, какъ казалось ему, въ Солнцевъ храмъ, или въ то зданіе, въ которомъ обильная природа сохраняеши все свои сокровища; стѣны и потолокъ въ семъ залѣ представлялися сдѣланными изъ разноцвѣтной рпуши, которая перелче-

вѣлась всякую минути. Преломленіе солнечныхъ лучей, копорые проходили въ сіе зданіе, блиспаніе каменьяхъ разныхъ металловъ, разнѣшныя и удивительная драгоцѣпныя спашун и драгоценныя мазанчныя каршины, удивительныя часы и невоображаемыя смеловыя украшенія раздѣлили разумъ молодова героя, и онъ не зналъ, какъ наименовать сіе мѣсто, и думалъ, что восхищенъ во обипаніе боговъ. Подлѣ той снѣны, копорая была къ Востоку, сполла кровань, сдѣланная искусною рукою изъ бѣлой слоновой косши; вмѣсто сполбовъ у оной сдѣланы были нагѣ женскія спашун, копорыя держали подобранныя занавѣсы; вверху въ среднѣ снѣ забраловъ видѣнъ былъ Морсей, находящійся въ самомъ крѣпкомъ и прѣпномъ снѣ, осыпанной макомъ, разломленными маковницами и снѣхъ жецышовъ вѣшками. Онъ соснавлены были изъ живої машерїи, и всякое мгновеніе ока шевелились, чѣмъ предспавляли сонныя привидѣнія. На самомъ верху сего удивительнаго ложа сполалъ навалинъ съ распущеннымъ хвостомъ, копорой сдѣланъ былъ наъ камелькъ,

однако находился въ движеніи, отъ чего блискала на подобіе яркихъ звѣздъ; что подножіевъ видны были львы изъ шакаловъ и коски; шонкая простыня покрывала ихъ — и видны были однѣ только головы; сверхъ простыни находилось покрывало, плетеное изъ самаго шонкаго шелку, и казалось больше воздухомъ, нежели другою вещью.

Всѣ видимыя Кидаломъ прелести не только имѣли высокую цѣну; но когда увидѣлъ онъ лежащую на сей кровати дѣвицу, тогда вышелъ совсѣмъ изъ своего понятія, и не соглашался вѣрить, что видитъ онъ сіе на яву; а думалъ, что представляется ему все сіе видѣніе во снѣ. Но разсудивъ опянь, что онъ представляеть намъ то, что можемъ мы вообразить и видѣть въ природѣ, а сверхъестественнаго представить онъ не можетъ, пришелъ въ пущее помѣшательство. Наконецъ перемогая свое удивленіе, началъ онъ осматривать сію небесную богиню; иѣло ея превосходило всякую красоту смертную какъ бѣлизною, такъ и розовымъ румянцомъ, кошорой игралъ въ щекахъ и

на губахъ ея безпрестанно, и столь она была нѣжна, что никакъ онаго вообразить не можно. Платье на ней было изъ самаго тонкаго и бѣлаго флеру, смѣшеннаго съ розовымъ цвѣтомъ, сквозь котораго всѣ члены безпрепятственно разсматривать было можно. Прелестныя груди подымались вмѣстѣ съ нѣжными ея вздохами, и изъявляли шѣмъ благосклонность сей богини къ мужескому покладѣнью. Приманчивые уста, находясь временемъ въ движеніи, изображали пріятныя поцѣлуи и всегдашнее желаніе облобызати милаго человека. Побѣдоносныя глаза хотя и закрыты были пріятнымъ и покойнымъ сномъ, но любовная ихъ сила проницала и сквозь соединенныя рѣсницы; заповоренныя ея уста не произносили тогда голоса; но если бы сія небесная Сирена промолвила хотя одно слово Кидалу, то дѣйствительно бросилъ бы онъ свое предпріятіе, и пожелалъ бы лучше погибети, нежели слявы, только бы насладиться прелестями сей прекрасной богини, коюрой всѣ пріятности должны были покориться, и признасть ее своею богинею. Не прелестное то зданіе

украшало ее собою ; но сія безсмертная героиня способна была украсить собою всю вселенную.

Въ какомъ положеніи находились другіе члены, о томъ вѣдѣнъ шотъ, кошорой опредѣлилъ себя къ сему предпріятію. Въ семъ случаѣ узналъ онъ свою слабость, и для того часто отвращалъ глаза свои, и искалъ другаго предмета, кошорой бы усыпилъ волненіе его крови ; но глаза его прикованы были къ спящей красавицѣ, мысли къ ея прелестямъ, сердце къ благосклонности, а желаніе къ естественному наслажденію. Правда, что онъ превозмогалъ себя по примѣру великаго героя ; но когда обращался къ ней для исполненія божескаго повелѣнія, то тогда ослабѣвалъ больше, нежели пораженная женщина жестокою сирасією. Весьма долго боролся онъ съ природою и съ любовью, и не могъ исполнить похвальнаго своего намѣренія. Наконецъ увидѣлъ, что онъ совсѣмъ къ тому не способенъ ; и шакъ опчаявшись жестоко, вышелъ воиъ изъ сего бѣдственнаго для него зданія, и пошелъ на берегъ острова. Тушъ сидя разеуждалъ онъ самъ съ со-

бою, сколько бѣдственна и вредоносна для насъ въ иныхъ случаяхъ красота женская, сколько гадубна необузданная любовная снрасть наша къ онымъ: оною помрачается нашъ разумъ, погибаетъ не рѣдко честь, заимѣваются великія и похвальныя побѣды, гибнетъ наше здравіе оиъ всегдашняго сокрушенія; и сія сильная въ насъ снрасть свѣдаетъ лѣшны наши и вѣкъ. Какоежъ нашелъ онъ къ тому средство, думая весьма долго, когда обходился ѣ прекрасною, порочною или не пренадѣжащею себѣ женщиною, остави глаза свои дома, а съ нею унопреляй одни шолько уша. И шакъ предпріялъ Кидалъ закрытьъ очи, и приснушиъ къ намѣренію своему безъ зрѣнія; но въ шомъ онъ глазамъ своимъ не повѣрилъ, и пришедъ ко дверямъ, закрылъ ихъ полопномъ обявзавъ свою голову. По примѣщамъ весьма шихо и приближился онъ къ шой постели, на кошорой лежалъ его препяшнвѣе и пагуба; весьма въ скоромъ времени ошуналъ ея руку, и безъ всякаго шруда снялъ съ персна ея перстень, не касаяся къ шару, и не разбудивъ прелесной шой богини. Вошъ въ чемъ со-

спояла тайна ! и естѣли бы Кидаалъ преступилъ съ открытыми глазами ко своему намѣренію, тогда бы онъ погибъ; и можноль было ему снѣшь персепень, не касаяся къ шару, которой лежалъ на томъ персѣи шакѣ, какъ и на другихъ, не разбудилъ дѣвицы, и не почувствовашъ къ ней любви; онъ чего находилось сердце его въ великомъ движеніи и шрепетали всѣ члены. Попробна шушъ бѣла сія догадка: ибо чѣмъ шруднѣе дѣло, шѣмъ оспрѣе бывашъ нашъ разумъ. Омаріянецъ открывъ свои глаза, торжеспивоалъ надъ сею побѣдою, и любуясь на свое завоеваніе издѣлъ его на руку, и пожелавъ красавицѣ покойно наслаждашъся сномъ, слѣдовалъ шуда, куда ему должно было: ибо описаніе всего своего предпріятія имѣлъ при себѣ. Персепень надѣлъ онъ на лѣвую руку, и положилъ ее подъ поясъ, на которомъ висѣла его сабля, чшобъ з бывшисъ не прикоснушъся имъ къ чему нибудъ изъ сего зданія.

Какъ скоро растворилъ онъ двери въ другой покой, то увидѣлъ весьма чудное изображеніе въ ономъ: шѣма че-

ловѣческихъ головъ, или болѣе имѣли
открытые рты и зевали другъ друга
чаще; всякая голова зевая произносила
голосъ къ тому приличной, и старалась
зевать больше другихъ. Кидалъ упои-
ребилъ всѣ свои силы, какъ возможно
пробѣжать оную скорѣе; и какъ толь-
ко вбѣжалъ въ другой покой, то на-
шелъ несравненно большую для себя
трудность: шумъ шиница, спокой-
ствіе, шягость, ослабленіе членовъ, ве-
λικое изумленіе, сильная дремота, шяж-
кой и' неодолимой сонъ обихали неис-
ходно; почувствовавъ онъ, что члены
его слабѣющъ, разумъ шеряетъ шрой-
ное шеченіе, мысли предающа зашме-
нію и глаза закрывающа; однимъ сло-
вомъ, долженъ онъ былъ пасть на зем-
лю. Ободряся вдругъ, бросился черезъ
покой, и хопя мѣшали ему по всюду
спящіе люди, однако достигъ до сво-
его желанія; вышедъ изъ него хлопнулъ
онъ дверью столь сильно, что пошря-
слось онъ того все зданіе: ибо онъ зналъ,
что въ то время не было уже никакой
для него опасности. Въ семъ послѣд-
немъ покоѣ увидѣлъ онъ кровать съ
черными занавѣсами, съ бѣлою бахра-

мою, съ такими же шнурами и киспя-
ми. На верьху оной сидѣла большая
сова, и около ее сидѣли Алкіоны. По
средній комнашы, на черномѣ камен-
номѣ подножїи, сновло крылатое вре-
мя; въ одной рукѣ держало оно косу,
а въ другой песошныя часы. Въ ногахъ
его лежали младенцы, изгошовленные
ему въ пищу, кошорыхъ оно обыкно-
венно пожираетъ. Въ переднемѣ углу
ешояла каменная пирамида; на ней по-
ставленъ былъ чудной испукаиъ, въ
ногахъ кошораго лежалъ черепъ чело-
вѣческой головы, и дѣѣ изломленныя
косши. По сшорону его сшояли песош-
ныя часы, а по другую переломившая-
ся свѣча, кошорая казалась шеперь
шолько пошухлою, и еще дымъ проис-
ходилъ оиѣ свѣшильны. Пониже сего
спалъ Купидонъ, облокошяся на свою
руку; окладенъ былъ оиѣ маковыми цвѣ-
шми, и казался обрызганъ весь онымъ
же сокомѣ. На снѣнахъ сего зданїя изо-
бражены были годы, чешыре оныхъ
времена, мѣсшцы, дни и часы, кошо-
рыя всѣ были съ крыльями, и каза-
лось, что летѣли весьма поспѣшно.
Въ головяхъ кроваши сшояла сшзшя ,

изображающая человѣческую участь. Она держала въ рукахъ своихъ закрытую книгу, и хотѣла ее раскрыть, чтобъ показать человѣку, что съ нимъ впрелѣ приключишся можешь. Въ сіе время сама природа старалась успокоить обремененнаго трудами молодова героя, которой надѣвъ шлемъ свой на снѣ снѣпку, легъ на постелю во всемъ прочемъ вооруженіи, и въ одну минушу заснулъ.

ГЛАВА IV.

ВЕЧЕРЬ 84.

Начало сна Кидалова.

Богъ сна по приказанію Перунову сошелъ тогда на землю съ той горы, которая именуется престоломъ боговъ, и на которой обитаетъ всегдашняя тишина и покойствѣ; преселившись на томъ островѣ приблизился къ Кидалу, покрылъ его мѣчпаніями, и положивъ на голову его руку, представилъ ему сіе видѣніе, по повелѣнію отца боговъ и всесильныхъ судьбины:

Подлѣ морскова берега лежала высокая и крушая гора, о которую раз-

бывались морскія волны; а еще съ трехъ сторонъ окружала ее высокая и дремучая роща. При захожденіи солнцемъ, сидѣлъ Кидалъ на вершинѣ оной, и смотрѣлъ въ пространное море, какъ пресвѣтлый живошворятель дышущихъ и цвѣтущихъ душъ, и око всѣхъ планетъ съ предивной высоты опускался въ объятія морской богини. Море и небеса тогда краснѣли, когда сложилъ онъ съ себя блесъ ящей вънецъ, и облобызалъ прекрасную богиню, лежавшую покойно на волнахъ. Тритоны, Нереиды и Сирены лишившись великаго зною, погружали себя въ волнахъ, и пѣли дѣла сего великаго свѣтила. Въ самое это время, увидѣлъ Кидалъ подлетающую къ себѣ большую птицу, которая прямо стремилась на эту гору. Кланговъ сынъ усмотрѣвъ ея силу и великосшь, спустился нѣсколько ниже той горы, чинобъ не быть повреждену омиъ сего чудовища. Спрашная сія птица именовалася Рокомъ. Прилепѣвъ съла на вершину горы, и почти всю ее покрыла собою; попомъ говорила человѣческимъ голосомъ Кидалу: Многихъ смертныхъ счасливѣе человекъ! судьба

велѣла мнѣ ошдаты тебѣ залогѣ несчастнаго города Хошыня, кошорой по всевидящему ея смощрѣнью наказыванѣ былѣ до всего времени; войди ко мнѣ на спину и ушвердившись на оной возведи глаза на небо, и ни мало не спрашись твоей участи; ибо вы, смертные, ни для себя, ни для другаго нималого счастья и несчастія предвидѣшь не можеш. Всего болѣе опасайся усумиѣшься во власни шого, кошорой имѣешь больше твоихъ силы, и кошорому опкрышы нѣкоторыя шанства природы, совсѣмѣ тебѣ несвѣдомыя, ниже всему смертному племени. Ешо я говорю тебѣ о себѣ, и естли ты не знаешь какъ меня именуюшѣ, шо я скажу тебѣ, шо мазываюся Рокомѣ, и имѣю шакуюжѣ власшь надѣ людьми, какую имѣюшѣ боги; не извѣсняясь еще далѣе, спшупай, примолвилѣ онѣ! Кидалѣ услышавѣ его слова хошѣлѣ безпрепятственно повиноваться; возшедѣ къ нему на спину, ушвердился между крылѣ, и по повелѣнью его возвелѣ глаза на небо. И инакѣ поднялся сей спрашной Бегемонѣ на воздухѣ, и раздѣляя оной поднимался въ небеса. Въ скоромѣ времени почув-

чувствовалъ Кидаль, что охлаждалъ воздухъ, и сдѣлался столько тонкъ, что едва могъ онъ нишанься; наконецъ унялось его дыханіе, и что было удивительно, но онъ и безъ онаго могъ продолжать свою жизнь. Пономъ обратилъ глаза свои на землю, которая начинала уже казаться свѣплой, но только темная, нежели Луна; высокія и крушыя горы, казались ему такою малою вещью, которую и вблизи едва размошрѣшь можно; а наконецъ и вся великая швердь, показалась ему шаромъ, не больше шѣхъ, которые мы видимъ на шверди небесной.

Рокъ возвышался весьма поспѣшно, и чувствовалъ Кидаль, что онъ весьма сильно боролся съ вихрями; потомъ перемѣнился опять воздухъ, и сдѣлался столько же густѣ, какъ и въ земной атмосферѣ. Изумленный Клаинговъ сынъ обративъ глаза свои къ новоявленной шверди, чувствовалъ, что оживляюща онъ нѣчемъ новымъ, и совсѣмъ ему непонятнымъ. Кровь его пришла въ особое движеніе и сердце трепетало отъ радости. Онъ видѣлъ передъ собою весьма обширную швердь, подобно какъ

зѣмную ; горы и лѣса , пустыни , про-
 ласки и воды одѣвали лице ея, и слу-
 жили на мѣсто ризы , и чѣмъ ближе
 подвигался Рокъ къ оной , тѣмъ боль-
 шее благоуханіе поражало Кидалово обо-
 няніе. Наконецъ сѣлъ онъ на нѣкопю-
 рую весьма возвышенную гору , и при-
 казалъ сойти съ себя Кидалу; потомъ
 сказалъ ему , что при перьвомъ солнеч-
 номъ восхожденіи увидишся съ нимъ , и
 пошелъ онъ шверди сей, неизвѣстно
 куда. Кидалъ оставшися шутъ треле-
 талъ онъ радости, и не зналъ на какой
 предметъ устремить свои очи. Все ка-
 залось для него прелестно , и что онъ
 ни видѣлъ , все было удивительно, все
 ново и все еще имъ никогда невидимо.
 Все играло въ его глазахъ , и все ста-
 ралось приводить его в. едѣ другимъ въ
 большее удивленіе. Однимъ словомъ ,
 весь сей новый свѣтъ казался ему да-
 леко превосходящимъ и самая блажен-
 ныя поля Елисейскія. Во верьвыхъ обра-
 тилъ онъ глаза свои въ нѣкоторую до-
 лину , которая простиралась онъ по-
 дола сей горы весьма далеко. Увеселяли
 взоръ его различные цвѣты , разсѣян-
 ныя по долинамъ , разнаго цвѣта и раз-

Часть V.

В

ной величины птицы, бьющие беспре-
 спанно ключи, и прошекающие излу-
 чами чистые иссточники ошъ оныхъ.
 Удивляли его разумъ сшюащге по всей
 долинь каменные сшолы, на кошорыхъ
 видны были большія хруспальныя баи-
 ки, и шакже различныя книги. На дру-
 гой сшоронѣ прошекала рѣка окружен-
 ная лѣсомъ; листья же на древахъ со-
 всѣмъ были ошмѣнишы ошъ нацнхъ; и
 казались различнаго цвѣта; какъ де-
 ревя, шакъ и воды покрышы были всѣ
 птицами, кошорыя осязая крыльями,
 играя между собою и ныряя въ водахъ,
 изображали шѣмъ, что она швердъ во
 всемъ изобиловала. Въ шрешней сшоро-
 нѣ увидѣлъ Кидалъ чистое поле,
 и весьма обширное покрытое все раз-
 личнаго рода склшомъ; и что его всево
 больше удивило, шакъ то: свирѣпые
 звѣри, ядовишыя гадины, хищныя пти-
 цы соединены всѣ были вмѣстѣ и другъ
 друга ни мало не вредили; валясь по
 холмамъ, ушучнялися влажною шравою
 и оживошнорялися солнечными лучами.
 Когда Кидалъ возвелъ взръ свой въ особ-
 ливую сшорону, увидѣлъ шамо городъ;
 но въ ономъ не видно было ни крѣпости,

ни окружающихъ его стѣнъ; также не видно было ни одного зданія, которое бы соснавляло два или три покоя, но вездѣ видѣлся одинъ; но только числомъ, изрядной оныхъ видѣ, и весьма простое украшеніе превосходили всякое великолѣпное зданіе.

Прельстившіися симъ зрѣніемъ, сошелъ съ горы Кидалъ и слѣдовалъ къ городу. Пришедши въ оной не видалъ онъ ни гдѣ и никакой стѣны, ниже чего нибудь укрѣпленнаго. Увидѣвъ народъ весьма много испужался; ибо между онаго и во всякомъ мѣстѣ х. или и лежали ехидны, аспиды, василиски, крокодилы, чигры, львы и леопарды, также скотины и дикія птицы, и никто другъ другу не вредилъ. Великое удивленіе поразило его разумъ, и онъ не зналъ какъ о томъ подумашь. Наконецъ когда увидѣлъ его народъ, то со всѣхъ сторонъ бѣжали къ нему со удивленіемъ; лица ихъ изображали, что они не могутъ вмѣстить во внутренности своей сей невиданной ими оны вѣка диковинки. Иной боялся къ нему подступитъ, и въ скорой спупалъ его плащъ, саблю и все; другой смотрѣлъ ему въ очи:

однако всякой опасался и думалъ, что не свирѣпъ ли сей живописной. Образъ онъ имѣлъ такойже, какъ и нѣкоторые люди; но плащъ и вооруженіе представляли имъ его такимъ чудомъ, кошорой упалъ къ нимъ съ другой сферы, что была и дѣйствительная правда; но они онаго не понимали, и думали, что родился онъ на ихъ же мѣрди, но въ какихъ нибудь дикихъ и непроходимыхъ горахъ, и для того дивилися они ему чрезвычайно. Не меньше ихъ удивляющейся Кидалъ увидѣвъ, что они приходивъ отъ того въ робость, принялъ на себя униженной и ласковой видъ, и старался увѣришь ихъ о своей добродѣтели. Увидѣвъ сіе неизнаемой ему народъ, весьма много обрадовался, и старался услужить ему всеми силами; всякой просилъ его къ себѣ въ домъ, и обѣщался угосишь его самымъ лучшимъ образомъ. Кидалу сіе было весьма пріятно, и онъ пошелъ въ тотъ домъ, кошорой ближе всѣхъ подлѣ его находился. Языкъ ихъ былъ совсѣмъ несходенъ съ нашимъ; но Кидалъ понималъ его совершенно: ибо сіе было все то же. Пришедши во оной мѣстѣ онъ хѣ-

злииз весьма учпиваго и ласковаго, ко-
 шорой стоя передъ нимъ дрожалъ , и
 ожидалъ повелѣнїя ошѣ пришедшаго ,
 чшобѣ шолько ему ни понадобится. По-
 шомѣ вошла его супруга : она была
 весьма прекрасна, шакѣ что во многомѣ
 превосходила самую перъвую на землѣ
 красавицу. Платье на ней было бѣлое,
 и шолько чшшо , чшо уподоблялося
 снѣгу: вошедѣ поклонилася она Кидалу
 и не сказавѣ ему ни слова , спросила у
 своего мужа , чшо онѣ прикаженѣ ей
 дѣлать ? Мы должны, говорилъ онѣ ей,
 употребитѣ всѣ силы, чшобѣ угоспитѣ
 ешова челсвѣка ; онѣ чужесшранецѣ , и
 какѣ видно, шо челсвѣкѣ добродѣшель-
 ной и милосшшвой : всѣ его полюбили,
 и шпарающа угоспитѣ во всемѣ; должны
 мы предложитѣ ему все наше имѣше ,
 и сколько ему угодно будешѣ , пускай
 возьметѣ. Красавица на сѣ была соглас-
 на , и не шолько чшо все свое имѣше ,
 но и сама ошдавалась вѣ волю незнако-
 маго чужесшранца. Кидалѣ удивлялся
 сему чрезвычайно , и думалѣ , чшо при-
 месенѣ онѣ вѣ шакое мѣсто, гдѣ обита-
 ютѣ золошые вѣки, вѣ чемѣ и не обма-
 нулся. Онѣ просилѣ чшшосердечнаго и

добродѣтельнаго сего гражданина, чтобы онъ уведомилъ его, на какой онъ находится шверди; сколько разсипошя отъ земли до сего мѣра; вся ли она швердь обитаема; какіе у нихъ правы; еснъ ли църснва и владѣнїя? Выслушавъ сіе господинъ дома, отвѣчалъ ему: въ епомъ я себя не могу удовольснво-вать, ибо въ такїя дѣла мы не входимъ, кошорыхъ не понимаемъ; я человекъ ремесленной, и стараюся вннкашь въ мое художеснво, а высокое знанїе со-всѣмъ ко мнѣ не принадлежитъ; сущъ у насъ люди ученые, оные могушь увѣ-домншь о томъ подробно, и предсн-вать все, о чемъ шы знаншь захочешь. Кидалъ просилъ его, чтобы онъ оп-велъ его къ шѣмъ ученымъ людямъ; и какъ шолько выпустилъ онъ о томъ перъвое слово, шо хозяинъ и прекрасная хозяйка взяли его подъ руки, и повелъ къ шому мѣсту, гдѣ обнтали ихъ уче-ные люди.

ГЛАВА V.

ВЕЧЕРЬ 85.

Продолженіе сна.

Кидаль идучи къ онымъ воображалъ себя, что оны шаковы же, какъ и земные Философы, но увидѣвъ оныхъ перемѣнилъ совсѣмъ свои мысли. Въ лицахъ ихъ нашелъ онъ необыкновенную чистоту и опрятность, и сколько высоко ихъ полагіе, столько и жили оны богоугодно; приняли его весьма учтиво, и старались угодить всѣмъ лучшимъ. Гнамонъ, такъ назывался первой изъ нихъ мудрецъ, сколько превосходилъ другихъ знаніемъ, столько старался быть снисходителенъ, и чинился завсегда оказывавъ больше всѣхъ смиренія, и никогда не желалъ возвышавъ своими науками. Сія похвальная въ немъ добродѣтель привлекла къ себѣ народъ, и производила въ ономъ великое почтеніе къ шому премудрому мужу, копорой съ великимъ смиреніемъ и пошоянностію взялся увѣдомить обо всемъ Кидала. Такимъ образомъ вышелъ

на улицу, и взошли на нѣкощерое возвышенное мѣсто, и сѣли всѣ на ономъ; но Кидала починилъ первымъ мѣстомъ. Сіе учинилъ Гнамоу для того, что бы и народъ сдѣлалъ участникомъ ихъ разсужденія: ибо было шамъ шакое обыкновеніе, что никто не скрывалъ шалана своего ошѣ друга, и за открытіе онаго не шребовалъ никакова воздаянія для того, что починили они все общимъ между собою. Добродѣтельной иноплеменикъ, говорилъ земному жителю Гнамоу, о чемъ шы прежде всего желашь бышь извѣстнѣ? Прошу тебѣ, почтенный мужъ, увѣдомишь меня, въ какомъ я нахожусь свѣтѣ? Твердь сія, опвѣчалъ Гнамоу, называется Луною; сколько же она имѣетъ разшояція ошѣ земли, о шомъ мы не извѣстны: ибо воздушнаго пуши не возможно измѣришь, чтообъ въ чемъ нибудь не ошшибься; догадкою кладемъ мы, что сія планета ближе веѣхъ къ землѣ, и служилъ ей спутникомъ. Впрочемъ наука сія не многимъ здѣсь извѣстна, и весьма мало шзраются вникашь въ оную; мы стараемся больше познавать шого, что создалъ всю вселенную, какую прино-

сятъ ему за шо благодарность, какъ прославляшь его, и прогнись отпущеніе нашимъ согрѣшеніямъ; наконецъ стараемся извѣдать, что воцослѣдуешь съ нами по окончаніи нашей жизни; а какъ сего узнать не возможно, но молимъ мы Творца, чтобы даровалъ онъ намъ шо, что для насъ лучше, а не шо, что намъ угодно. Впрочемъ никакой другой науки на сей шгредѣ шты не сыщешь, какъ шолько сверхъ шого всякой человекъ старается познавать самого себя, учинясь бышь добродѣшельнымъ, и покараннымъ прещирденіи своѣмъ собственному, своему разуму. Народомъ управлешь у насъ вышнее существо; закона мы никакого не знаемъ и не слышали о правахъ.

Не стараемся мы овладѣшь чужимъ, и ничего лишняго при себѣ не имѣемъ: всякой дозодѣшнуется онъ своихъ шрудовъ, и никому не удѣлешь: ибо кому онъ дашъ, шопъ будешь имѣшь лишнее, чего у насъ шикогда не бываетъ. Прешарълой мужъ въ своемъ поколѣніи владѣшель и повелитель: всѣ повинующие его приказамъ, и исполняютъ оныя съ великимъ благоговѣніемъ; по

смерти онаго наследуешъ се достоянство его сынъ, и п вельвѣашъ также; и шакъ равенство между нами не искореняется, онъ чего избѣгнули мы зависти п злости. Пресшупники и нарушители спокойствія судимы бывающъ всѣмъ обществомъ, и какое опредѣляшъ имъ наказаніе, шакое они и прешерптшь должны. Выдумывальщики чего нибудь новаго несправедливы у насъ шакъ, какъ и прешупники, и для шого никогда сыхъ и не бывашъ. Нужныя для насъ вещи, кошорыхъ мы сами сдѣлать не можемъ, беремъ у другихъ, ошдывая за то свои, кошорыя ему пошребны. Пытаемся всѣмъ шѣмъ, что производшъ наша швердь неодушевленное.

Кидаль выслушавъ сія слова, желаль возблагодаршъ Гнамола за увѣдомленіе подробно, чему весьма много удивился. И въ шое время, какъ онъ ему рассказываль, услышаль не обыкновенное согласіе музыки, кошорое началось вдругъ по всему городу. Сіе нечаянное приключеніе вселило въ сердце Кидалово великую радость. Онъ спросиль у Гнамола о причинѣ онаго; на что ошвѣчалъ ему Философъ слѣдующими слова-

ми: Сей день назначенъ у насъ выборомъ невѣшъ, и шѣкихъ бываетъ въ году двенадцать. При захожденіи солнечномъ, всѣ молодые люди отходящъ оцѣ общаія въ нѣкощорую нарочно опредѣленную къ тому рошу, и шамъ веселятся различными забавами, и кпо къ чему больше способенъ, шомъ шамъ показываешъ свое искусство; на шакое позорище выходящъ всѣ жишелн для шого, что бываешъ оно иногда весьма удивитель-но, и нельзя, чшобы и шы не былъ онаго свидѣтелемъ; пойдемъ, при-внлъ онъ, можешъ быщъ увидимъ шамъ чшо нибудь досшойное примѣча-нїя, чшо у насъ случается весьма час-то.

Какъ скоро вышли они изъ обща-нїя въ поле, шо увидѣли, чшо множе-ство народа окружали молодыхъ людей, копорые находились по серединѣ, и шли въ назначенную рошу. Одинъ нѣкакой человекъ былъ имъ предводителемъ; имѣлъ онъ въ рукахъ масличную вѣшвъ, а на годовѣ лавровой вѣнокъ, и шелъ задумавшись передъ ними, казался одинъ я изо всего общества печаленъ. Подо-шедъ къ назначенной рошѣ, обернулся

онъ къ своимъ поварницамъ, отдалъ изъ рукъ имъ въшивъ и съ головы вънокъ; пошомъ вынулъ изъ кармана иъкоторой сославъ, вылилъ его на себя и сдѣлался невидимъ. Въ одно мгновение ока изшомъ самомъ мѣстѣ, на которомъ онъ скрылся, явилась великолѣпная гробница, да и такая, какой Кидалъ не видывалъ еще оипъ своего рожденія. Чещвероугольное возвышенное мѣсто, высѣчено изъ чернаго и свѣщающагося мрамора; имѣло оно по шести ступеней со всѣхъ сторонъ къверху, на которомъ сидѣли чешыре столба по угламъ изъ бѣлаго и чистаго мрамора, и были они увиты пѣблеклыми кинарисными листьями; на нихъ утверждена была покрывка, которая состояла изъ серебра, и на которой видны были черныя мѣстами полосы на подобіе щесмы: на оной изображено было лешащее время; въ правой рукѣ имѣло оно косу, въ лѣвой песочные часы, а за плечами распершия большія крылья; сшало оно одной ногой на большесмъ шаръ, и оипъ колебанія въпродъ находилось всегда въ движеніи; по краямъ крышки сидѣли печальные купидоны, облокощась на

лѣсохшїя кипарисныя вѣшви ; вѣвки на нихъ были изъ егѣ дерева, а шѣла при-крышы были нѣсколько черною фла-нелю. Въ серединѣ, столбовъ стоялъ каменной гробъ , или выстѣнная изъ камня гробница ; на наружности ея изо-бражены были печальныя приключенія и плачущіе Генїи. На крышкѣ ея сто-яла урна обыкновенно такая, въ кото-рой сохранялись пеплы умершихъ. Въ головахъ поставлена была плачущая сшануя, копорая наклоняся къ гробу , казалася , какъ будто бы каждую ми-нуту оплакивала кончину лежащаго въ еѣмъ челоуѣка. Въ ногахъ стоялъ чуд-ной и страшной скелешъ, или обыкно-венно такой , копорымъ изображающъ шерть ; на головѣ у него былъ желѣ-зной черной шоломъ ; въ правой рукѣ обнаженной и окровавленной мечъ, а дру-гую волочилъ за собою косу. По двумъ сторонамъ сѣя гробницы стояли по два дерева кипарисныхъ, копорыя были д-изко не выше оныя ; вѣшви и листья имѣли они опущенные внизъ , и каза-лось , что покрышы были всѣ слезами, такъ какъ ушренней росю. На треть-ей сторонѣ въ головахъ стояло лавро-

вое дерево; оно опускало и поднимало свои ветви, для чего казалось одушевленным, и извѣщало скорбь свою и мученіе икошорымъ стenanіемъ. По маломъ времени приклонились всѣ сіи деревья къ гробницѣ, и услышались отъ оныхъ плачь и рыданіе. Гробъ ошворился, и вшла изъ онаго шѣнь икошорой прекрасной дѣвушки. Спашуя перешла плакати, смерть скрылася во гробѣ, и деревья уцалась отъ стenanія; пошомъ явился на воздухѣ орелъ, и казался обляпъ весь пламенемъ: ибо имѣлъ отъ еѣ кошняхъ громовыя стрѣлы, около кошорыхъ беспрестанно обвивалась яркая молнія. Спустившись съ высоты съль отъ на урну, и вручилъ огненной перушѣ шѣни; оная какъ скоро его взяла, по ударила въ кипарисныя деревья, кошорыя въ одну минушу соплѣли, а на мѣсто ихъ явились четыре дѣвушки, шшоящія передъ гробницею на колѣнахъ. Лавровое дерево приняло образъ шого человѣка, кошорой предшествовалъ всему собранію: оной шшоялъ, и весьма горько плакалъ. Ушомленная шѣнь озрѣшися на всѣ стороны, и увидя плачущаго сего человѣка, прослезилась сама,

и бросилась въ его объятія. Какъ скоро они обнялися, то вдругъ и окаменѣли, и сѣи двѣ плачевныя спашуи остались соединенными на вѣкъ. Четыре иже дѣвочки подошедши къ нимъ омывали ихъ своими слезами, и рыдали предъ ними не утѣшно; потомъ вспорхнулъ орелъ, и прикоснувшись къ нимъ лишилъ ихъ чувствъ и движенія, и вышедшій изъ нихъ души понесъ въ неизслѣдованную бездну. Гробницы и всего украшенія не стало, двое окаменѣлыхъ покрываея мракомъ, и когда миновалася сѣя мгла, тогда и они сдѣлалися невидимыми. Все собраніе единодушно тогда сожалеало; а сродники того пропавшаго человека возвратилися съ плачемъ и рыданіемъ въ свои обищели. Поелъ сего началась оная музыка и назначенное ошъ всѣхъ торжественно.

ГЛАВА VI.

ВЕЧЕРЬ 86.

Продолженіе сна.

Кидалъ не могъ пребыть безъ великаго удивленія, увидѣвъ такое чрезвѣ-

естественное приключеніе : чего ради обратившись къ Гнамоу, просилъ онъ него уведомленія, коимъ образомъ объяснилъ ему сіе дѣло такими словами : Человѣкъ, коимъ предшествовалъ всему собранію, разумѣлъ весьма изрядно гадательную науку, и по оной предузнавъ свою кончину, избралъ сіе мѣсто для окончанія своей жизни. Дѣвушка, которая вснала изъ гроба, была его любовница ; а шѣ чешыре, которыя обращены были въ деревья, ея совѣспницы. Онѣ любили того молодого человѣка столько, сколько и онъ; но однако онъ въ нихъ не чувствовалъ ничего : чего ради предпріяли онѣ отправить любовницу его ядомъ, чпо въ скоромъ времени и исполнили. Когда же узнали сіе люди, то выгнали ихъ изъ нашего общесства, и онѣ пришедъ къ гробницѣ отправленной ими дѣвицы, плакали надъ оною долгое время, и наконецъ, не знаю какимъ случаемъ, превращены были въ деревья. Такое чудное приключеніе считаемъ мы первымъ на нашей шверди, и о подобномъ онсчу никпо еще не слышалъ.

Въ сіе время начались различныя забавы между молодыми людьми : всякой хотѣлъ показати свое искусство , и къ чему онъ былъ больше способенъ. Тушъ увидѣлъ Кидалъ шеашръ , котораго еще никогда видѣти ему не случилось , и онъ не походилъ совсѣмъ на тѣ , коиорые начинались уже въ ту пору на землѣ . Въ началѣ появилось на ссѣ шеашръ дерево , украшенное листьями и вѣтвями совсѣмъ невоображаемыми ; по сторонамъ его шли два Купидона , и играли на свирѣлкахъ , чѣмъ изъясляли желаніе и мысли движущагося дерева ; пошомъ появилось другое съ такими же игроками , но однако оно убрано было не такъ великолѣпно ; почему догадаться можно было , что оно находилоя подъ власнѣю перваго , и такъ далѣе . По окончаніи всѣхъ вступленій , въ которыхъ находилось множество деревьевъ , также животныхъ , воздушныхъ и земныхъ , начались другія игры ; земля покрылася песчаными дорогами ; явились по мѣстамъ сильныя и страшныя чудовища ; выѣхали храбрые Герои , одѣшыя въ разныя одежды , на-

Част. V.

Г

чали сражаться между собою, и попомъ со звѣрами. Все сіе происходило съ великою радостію и народнымъ плесканіемъ; все удивляло какъ Кидала, шакъ и Лунныхъ жителей: ибо всякими видами обращались люди, и принимали на себя различные образы.

Наспала ночь; всякой молодой человѣкъ засвѣшилъ имѣющуюся у него въ рукахъ свѣчу, и кошорая дѣвушка больше всѣхъ ему показалась, по ояъ подносилъ ее къ шой; нѣкоторыя задували, а нѣкоторыя не хотѣли; однако возвратились домой всѣ больше съ радостію, нежели съ неудовольствіемъ; Музыка удвоила свое согласіе, и всякой веселился различными образами. Проводивъ ихъ въ городъ, или въ ихъ обитаніи, просилъ Кидалъ Гнамола, чтобы показалъ ояъ ему шу долину, кошорую ояъ видѣлъ съ горы; и шакъ ни мало не медля пошли они въ оную. Различное благоуханіе, кошорое носилася по ней, вселило въ сердце Кидалово великую радость. Во первыхъ увидѣли они на оной хрустальную банку. *и кошорой*

на крышкѣ подписано было слѣдующее:
*Услаеніе жажды въ богатствѣ; на вѣнцѣ,
 въ держаніи познания выше мѣры; на трѣ-
 шей, Судетно получите покой, и такъ да-
 лѣ.* Гнамоу безъ прозыбы Кидаловой
 принялся его увѣдомлять о семъ. Все
 сіе, что ты ни видиши, говорилъ
 онъ ему, приготавливалъ Рокъ, и при-
 нося оповсюду кладетъ въ сѣи банки.
 У насъ есть лѣкарство душевное, и
 лѣкарство шѣлесное; душевное по
 большой части бывающъ книги, ко-
 торыя ты передъ собой видишь; а
 шѣлесное и ѣкошорыя составы, кошо-
 рыя производилъ наша швердъ, и же-
 лающіе излеченія сами сюда приходилъ
 я пользуются всѣмъ, что только ему
 пошребно, онъ чего получающъ всякую
 пользу, выключая однихъ только
 Стихотворцовъ неученыхъ, которые
 никогда не хошяшъ вылечиться, и же-
 лающъ лучше бредить, нежели писать
 дѣло; бездѣлье ихъ увеселяетъ, а дѣ-
 ло печалитъ, пошому что оное для
 нихъ шрудно и не возможно. Долна же
 сія именуется мѣшпомъ здраваго раз-
 сужденія, или лучше жизненнымъ бла-
 женствомъ: всякое человѣческое благо-

получіе здѣсь сохраняется, и жребій онаго царствуетъ безъ оплученія.

Услышавъ сіи слова онѣ Гнамола, увѣдомилъ его Кидалъ, какимъ образомъ пренесенъ онѣ на ихъ планету, и просилъ его увѣдомишь, еспли, что тому извѣстно о его участи? Можешъ бышь, говорилъ ему Гнамола, должешъ ны разрѣшишь какую нибудь народную несройнось, и шакъ Рокъ принесъ себя сюда, для взяпїя чего нибудь къ шому попребнаго: ибо онѣ приносишь сюда все, а отсюда не берешъ ничего, потому что ему не возможно. При солнечномъ восхожденїи хопѣлъ онѣ бышь сюда, какъ ны о томъ оказывалъ самъ, шо будемъ ожидать того времени съ шерпѣнѣмъ, и оно опкроешъ тебѣ всю шайну; а ны шѣмъ временемъ разсматривай изну швердь, и все шо, что для тебѣ удивительно, для того что пришедши на землю, должешъ имѣть свѣденіе о томъ, о чемъ ны сказываютъ спанешъ, и не слѣдуй шѣмъ, копорые хотя ничего не видали, однако сказываютъ о многомъ.

Когда показалось солнце на тверди Лупной, тогда онъ возшедши на гору, увидѣлъ Рока, которой обратившись въ человека, повелъ его въ ту же долину, въ коей былъ Кидалъ съ Гнамоломъ. Какъ скоро пришли они на середину оной, то увидѣли тушъ древнее и великолѣпное зданіе, которое сдѣлано было изъ чорнаго мрамора, и на дверяхъ оного находились сіи слова: *Испогни въ живою росы.* Рокъ отворивши двери, вошелъ въ оное, и ему послѣдовалъ Кидалъ. Нутрѣ сего зданія состоялъ изъ разныхъ раковинъ, и всѣ стѣны занавешены были сѣпьми плетеными изъ различнаго бисера и жемчугу, по которымъ ниспадала чистая вода, на подобіе росы; полъ сдѣланъ былъ изъ зыблющей матеріи, коя казалась, или бѣлою губкою, или морскою чистою пѣною. Оной полъ пожиралъ въ себя падающую воду, и казался всегда ничѣмъ неорошеннымъ. По срединѣ зданія находился источникъ; окружность его состояла изъ бѣлаго и чистаго мрамора, и простиралась она пятьсотъ сажень въ землю, а шамо нѣко-

дидась оная живая вода. Рокъ пошеживъ руку на плечо Кидалово, а другою указалъ въ водяную бѣздиу, и говорилъ ему такъ: Возми сего неощеннаго сокровища на перстѣ, и приедѣ въ Хоппынь, коснись онымъ очамъ Олановымъ: оиѣ чего получишѣ оиѣ зрѣнїе и прежнїя чувства; выговоривъ сіе шолкнулъ его въ пропасть. Кидалъ весьма испужался, и столь сильно вздрогнулъ, что проснулся отъ сего мечпанїя. Сердце его и на яву пререпешало, и оиѣ не весьма въ скорое время могъ онамяшоваться отъ сего привидѣнїя; а какъ получилъ прежнїя чувства, то усмошрѣлъ, что большою перстиѣ, именуемой между простымъ народомъ врачемъ (*), орошенъ былъ водою, отъ которой происходи-

(*). Не знаю, кто наименовалъ у рукъ нашихъ персты, но только это вѣдаю, что каждой изъ нихъ имѣетъ свое имя. Большой палецъ называется доцторѣ, а по иному врачу; Указательной купецъ; подлѣ указательнаго, или средней называется дуракомъ; а топѣ, которой подлѣ мизинца, именуется ученымъ; мизинецъ же нарицается любовникомъ. Doctor, mercator, stultus, studiosus, amator.

до великое благоуханіе, Такому открытію Кидалъ безъ сомнѣнія повѣрилъ, и не хотѣлъ ни мало усумниться, памятуя свой проступокъ, о которомъ увѣдомилъ его плачущій Пекусисъ, то есть Геній, или покровитель города Хотыня: ибо осторожность, употребленная нами въ нужномъ случаѣ, останется всегда крѣпко въ нашей памяти, а особливо въ тѣхъ людяхъ, которые желаютъ исправить себя или лучше познать самого себя.

ГЛАВА VII.

ВЕЧЕРЪ 87.

Продолженіе Кидаловыхъ приключеній.

Хотя Ирон отъ рукъ природы происходилъ со всеми опмѣнными достоинствами разума, храбрости и отваги, однако Омарскій Обладатель преснувшись чувствовалъ нѣкоторое въ духѣ своемъ смущеніе, тѣмъ бо-

дѣе, что до сего подвиги его были ему назнаменованы; а ошѣ сего времени пребыло уже расположеніе единственно ума его и прозорливости. Но дѣла, употребленные къ избавленію ошѣ бѣдѣ рода человѣческаго, упеводительствуются бывающѣ самими богами; чего ради иройской духѣ его и разумѣ, стремящійся всечасно къ добродѣтели, въ минушу назнаменовали ему пушь въ чрезвычайномѣ его положеніи.

Всшавши съ постели не успѣлъ онѣ сдѣлать шагу къ подвигамѣ добродѣтели, какѣ предспалѣ предѣ некто Пекусисѣ, или Геній (*), покровитель города Хошыня съ радостнымѣ лицемѣ, увѣнчанный лавромѣ и дер-

(*) ГЕНІИ, духи добрые и злые; они провождаютъ людей, помогаютъ имѣ при ихѣ рожденіи и имѣютъ въ своемѣ охраненіи. Каждой человѣкъ посвящалѣ день рожденія своему Генію; въ жертву приносили имѣ вино, цѣпы и ладонѣ; за преступно было припомѣ проливать кровь, и также приносить какое-нибудь животное на стю жертву. Царства, Провинціи, города и народы имѣли своихѣ особливыхѣ Геніей.

жащій въ рукѣ миртовую вѣтвь ,
сказавъ въ восшоргъ : избавителю Хо-
шыня воспѣша будещъ пѣснь не умолк-
ными въ вѣчность голосами , кошо-
рую и все снѣдающая древность въ
глубокоети своей прервать и умолк-
нувшю сдѣлать не можешъ ; оконча-
вай , счастливыи смершнйи и возвы-
шенный предъ прочими Ирой, оконча-
вай богамъ подобные швои подвиги ;
всѣ препятствія уже шеперь минова-
лись , спупай на оспровъ къ Тризлѣ ;
пушь съ сего оспрова шибъ опворенъ
и благодарные Сильфы , обитающіе
въ воздухъ просипраннаго владѣнія
Оланова , принесупъ шебя на иѣжныхъ
раменахъ своихъ ; а я всемиушно
пекущійся о благодѣяшвиіи народа
предшеспвую шибъ въ Хошынь и ис-
полню сердца подданныхъ радости и
веселія о оживошвореніи ихъ облада-
шеля , счастья ихъ , благоденствія и
покоя .

Расшавшись съ Геніемъ опворилъ
онъ двери въ тоиъ покій , гдѣ мно-
жесиво было людей засыпающихъ ,
и думалъ шакже скоро миновать оной ;
но увидѣлъ совсѣмъ прошивное шому

уже дѣйствіе. Великое по собраніе людей стояли изгоповаясь о ожида- ній его выходу. Всѣ они крѣлись въ великой заботѣ, блѣдныя ихъ лица и сухощавой видѣ представляли ихъ шакими, которые долговременно не вкушали пищи, и смотрѣли всѣ на него зависливыми и ядомъ пренс- полненными глазами, которые озна- чали шаковыяжъ злыя качества и сердца ихъ, зараженнаго ужаснымъ, несповымъ, нечесивымъ, кровожа- дущимъ, пронзающимъ оное ядовитыми своими стрѣлами и мучающимъ души ихъ порокомъ, по еси зависцію. Кидзлѣ не презря ихъ, но соразмѣривъ не- сходство правъ ихъ со своимъ, мило- валъ сіе собраніе, оказавъ имъ учни- вость маклоненіемъ своей головы и приложеніемъ правой руки къ своему сердцу, также и головы прежде зѣ- вавшія, а въ то время шакимижъ ядовитыми глазами на него смотря- щія, всупилъ ебъ радостію въ томъ покой, въ которомъ всѣ прелести природы судьба въ собраніи видѣль ему опредѣлила; но какимъ онъ по- раженъ былъ удивленіемъ, когда у-

емотрѣлъ встающую въ то время съ
 поспели Богиню не красоны и лю-
 бви, но Богиню зависши и неприми-
 римой злобы, женщину спрашную и
 престарѣлую, у кошорой голова об-
 виша была змѣями, груди опвисли,
 глаза косые съ бельмами и въ ямѣ,
 кожа на ней вся исохла, блѣдноспь
 и скардноспь изображены были на
 лицѣ ея, зубы черные и нечистые,
 сердце наполнено желчію, а языкъ
 покрышъ ядомъ, казалась она безпо-
 покойною и печальною. Рернивое ея
 чело и помершвѣлая губы, показыва-
 ли страхъ ея и забошу; блѣдное ли-
 це и не пресцалино шерзаящаяся бо-
 лѣзнію нушренноспь изображали за-
 раженную ея душу, кошорая всемину-
 шно чувспвовала мученіе Тризлично:
 ибо вѣющаяся около ея змѣя безпре-
 спанно уязвляла ея сердце; а изъ
 подъ кровати видна была семиглавая
 Гидра (*).

(*) ГИДРА, чудовище или змѣя преужасная,
 родилась отъ Пифона и Ехидны, и имѣла
 множество головъ, и когда одное у нее
 срубятъ, то на мѣсто ея въ одну мину-

Пораженный такимъ видѣніемъ Кидалъ стоялъ долгое время безмолвнѣ ; наконецъ природное сіе безобразіе прервало молчаніе и произнесло сіи ужасныя слова : Не удивляйся, счастливый смертный, странному моему виду ; я шеѣ вовсе незнакома и должной мнѣ, шакъ какъ опѣ другихъ, жершвы и милосіи опѣ тебя не уповаю ; я есмь Богиня зависти , опецъ мой гордость, а машь безумство ; я ненавистница всѣхъ смертныхъ и днѣ ; меня ничто не усладитъ ниже просвѣпитъ не можешъ , а услаждаетъ шолько приключающееся людамъ несчастіе , да притомъ прѣятны мнѣ бѣсѣды нечестивыхъ , а шмопря на благополучныя произшесшвіѣ въ свѣтѣ , чахну съ досады , мучусь непреспанно , муча шѣмъ другихъ о себѣ не сожалѣя , питаюсь змѣями, и

ту выростутъ двѣ , ежели не приложатъ огня къ ранѣ ; ядъ сего чудовища былъ смертельной , и когда намазанной имъ стрѣлою ково ранятъ , тотъ уже умретъ непременно. Геркулесъ се повѣдилъ въ то время , когда опустошала она поля и стада Лермейскія.

вмѣсто крови въ жилахъ моихъ. обра-
щается холодный ядъ, отъ коего онъ
и замерзающъ и горячаша. Сонъ ни-
когда глазъ моихъ не закрывашъ, и
я никогдажъ не смѣюся, развѣ смоп-
ря на какое нибудь несчастіе людское;
а заслуги другихъ мнѣ весьма шяго-
сны. Жилище мое подножіе горы
Геликона (*) въ пропасти, гдѣ пе-
чальныя шѣни пребываютъ; а на семъ
мѣстѣ пребывала я для того, что
имѣла удовольствіе блиско дваццати
лѣтъ услаждаться сненаніемъ народа
обширной обласпи Олановой и болѣз-
нію Тризлы; ихъ благополучный жре-
бій произволеніемъ боговъ ошдаиъ
былъ въ мои руки, но минувшую ночь
ихъ же опредѣленіемъ взявъ оный
опъ меня, и находишся уже въ шво-
ихъ рукахъ. При семъ словѣ всѣ ея
члены задрожали, и она оперлась
объ столъ находившійся подлѣ ея
кровати, и взглянувъ на персень
бывшій уже въ моихъ рукахъ вся по-
мершвѣла, и шѣмъ прервала страш-

(*) ГЕЛИКОНЪ, имя горы въ Беоціи, на
которой имѣли пребываютъ сѣе Музы.

ныя ея изреченія , а умолкнувъ дышала только злобою.

Въ эту минушу окружили ее всѣ послѣдователи ея , которыхъ вошло къ ней множество , и различными представленіями спарались въ ошчянности ее ушишиши , представляя ей состояніи всѣхъ земнородныхъ ; ненависть ихъ другъ къ другу , жадность къ чинамъ и богатству , разные гоненія и припѣсенія бѣдныхъ , несогласіе цѣлыхъ народовъ , войны и моровыя язвы , чѣмъ она по возстановленіи въ Хошынѣ благополучія услаждались еще можетъ ; но сія фурія по пошеряніи власпи надъ несчастнымъ народомъ ничѣмъ казалася удельстворена бышь не могла ; она не преснавала кипѣшь злобою и скрежещашъ зубами.

Кидаль хотя и преисполненъ былъ добродѣтели и снисхожденія къ слабосіямъ человѣческимъ , но шажовая злосшь произвела въ немъ омерзѣніе ко всему шому собранію , и опшрашила глаза его на другіе предметы , которые не меньшее произвели въ немъ удивленіе. Неописанное вели-

колѣнїе зданїя , которое онѣ прежде
 видѣлъ , превращено было въ сокру-
 шенное глубокую древностию строенїе,
 величественно и блескъ его преврати-
 лись въ видѣ угрюмой и ужасъ наво-
 дящей малодушнымъ , всѣ побочныя
 украшенїя исчезли , и осталась еди-
 ное только основанїе огромнаго , но
 безо всякаго вкуса построенїя; выпус-
 пивъ изъ копораго увидѣлъ онѣ мра-
 чное надѣ собою небо, и гнѣвныя надѣ
 островомъ шучи закрывали видѣ бле-
 стящаго свѣшила , угнѣтая влагою
 воздухъ ; весь островъ измѣнился ,
 земля открыла пропасти и горы ,
 чѣмъ прервалися всѣ прїятныя ров-
 нины: деревья, увеселяющїя взоръ, дви-
 гнулись и пришедъ въ безпорядокъ
 обдѣлись грубою корою , уронивъ свои
 листья и поперявъ благоуханїе ; что
 привело въ великое смущенїе молодого
 Ироя , понеже все сїе было ему неиз-
 вѣстно , да и то сокрыто , что съ
 нимъ теперь воспослѣдуетъ. Въ семъ
 невѣденїи облокотился онѣ лѣвою ру-
 кою на одно дерево , и лишь только
 сїе учинилъ , во мгновенїе ока сильный
 и неслыханный отъ вѣка громовый

ударъ разорвалъ весь сей островъ въ мѣлкіе часши и превращилъ все имѣвшееся на немъ въ пыль. Море почернѣло, и смѣсившійся съ пылью воздухъ закрылъ очшашки происходящаго сквесь мглу свѣта, и во шмѣ сей ревѣлъ безпресшанно вихрь и сверкали молніи. Потомъ погрязло все во глубинѣ морской, даже и покрывающія островъ шучи, и когда ошкрылися лучи дневнаго свѣшила, то Кидаль увидѣлъ себя на поверхности моря ничѣмъ не поддерживаемаго, кромѣ сгущеннаго подъ нимъ облака, которое находилось въ безпресшанномъ движеніи и влекло его въ неизвѣстную дорогу, надъ самою спокойною поверхностію моря, при ясномъ солнечномъ сіяніи и въ тишинѣ уснановившагося воздуха.

ГЛАВА VIII.

ВЕЧЕРЬ 88.

Продолженіе Кидаловыхъ приключеній.

Пушешесшвуйа Кидалъ такимъ чрезвѣщественнымъ и страннымъ образомъ, мыслилъ по преждебывшему ему ошкровенію, что сила очарованнаго персннн исшребила волшебствомъ воздвигнушой островъ, и что онъ по предсказанію Пекусиса пушешесшвуешъ поддерживаемъ малыми насъкомыми, кошорыя соспавляютъ несущее его облако, и кошорыхъ замѣлоснню различннъ не можно. Въ семъ размышленнн видннш онъ островъ и на немъ гору, гдѣ шезаемая Тризла произноснш спенанн, и приближаяся къ оному приходнш въ несказанное удивленн, для шого, что островъ сей презде былъ неприсшупенъ для смершныхъ, а шеперь пушешесшвейннкъ виднш на ономъ людей, собравшхъ и на берегу онаго

Част. V.

Д

и ожидающихъ , какъ ему казалось его пришествія , чпо по прибытіи его и учинено.

При вступленіи на островъ встрѣченъ онъ Первосвященникомъ Хошынсимъ , Кабалисомъ и Алимомъ при множествѣ вѣрноподданныхъ Олановыхъ , увѣчаныхъ зелеными вѣшьями въ знакъ доселѣ неслыханной побѣды , при звукѣ музыкальныхъ орудій и при радостномъ восклицаніи народномъ. Первосвященникъ въ жреческомъ , а Кабалисъ въ волшебномъ одѣяніи приняли Кидзла подѣ руки и повели по дорогѣ , усланной вѣшьями и цвѣтами. Восхищенный народъ преслѣдуя своему избавителю , съ жаждою и съ лѣющими оуб радостными слезами , осмапривзали его, и зрѣніемъ тѣмъ насытись не могли , и не имѣвъ смѣлости коснуться избавителя своему или его одеждѣ , вмѣстѣ шого лобызали другъ друга и сообщали тѣмъ радость горящихъ сердецъ ихъ благодарностию къ нему, предчувствуя избавленіе иранства.

Слѣдуя такимъ образомъ къ горѣ, гдѣ находилася Тризла , подошли къ

жертвеннику стоящему на дорогѣ ,
 кошорый окружали стоящіе жрецы въ
 бѣлыхъ долгихъ одеждахъ , въ вѣнкахъ
 и препоясаніяхъ въшвыяныхъ. Сей жер-
 твенникъ украшенъ былъ различными
 цвѣтами , а на поверхности его ле-
 жалъ туга напянушой лукъ и двѣ
 стрѣлы. Первосвященникъ¹⁹ приближив-
 шись къ нему приклонялъ колѣно ,
 что учинилижъ жрецы и весь народъ,
 и чтены были просительныя моли-
 вы къ Чернобогу , яко богу злыхъ
 духовъ , дабы благоволилъ онъ оп-
 вращишь онъ ихъ всѣ независныя
 силы демонскаго навожденія. Попомъ
 вставъ Первосвященникъ и обратясь
 къ Кидалу , говорилъ слѣдующее:

„ Боги , властители надъ нами ,
 „ располагая судьбами человѣческими
 „ по произволенію , вчерашній день по
 „ захожденіи солнечномъ бывшу мнѣ
 „ во храмъ на молиствѣ , въ присут-
 „ ствіи всѣхъ жрецовъ , благоволила
 „ учинишь откровеніе , дабы рука из-
 „ бавителя нашего посредствомъ сего
 „ оружія поразила адскихъ фурій , пер-
 „ зающихъ шѣло Тризлы ; ихъ все-

„ сильная воля избавляешъ поразите-
 „ ля отъ всѣхъ худыхъ слѣдствій,
 „ отъ того другому произойти могу-
 „ щихъ. „ Окончавъ сіе подалъ онъ
 лукъ и стрѣлы Омарскому Обладате-
 лю, и слѣдовали къ горѣ къ прису-
 ствіи всего народа.

Тризла находилась тогда не въ
 мучительномъ положеніи, и двѣ шъ
 адскія пищи сидѣли подлѣ ея
 безъ всякаго дѣйствія. Кидалъ напраз-
 нивъ объ стрѣлы въ шѣхъ адскихъ
 жишелей, пушилъ ихъ сколько сильно,
 чпо во мгновеніе ока вмѣсто шѣхъ
 двухъ фурій поразили они Тризлу въ
 самое ея сердце, и она въ шужь ми-
 нушу испустила свою душу. Алимъ
 при семъ дѣйствіи не могъ удержавъ
 въ стройномъ шеченіи своихъ чувствъ,
 пришелъ онъ въ безпамятство и у-
 палъ на руки его окружающихъ; Ки-
 далъ ужаснулся и послѣдовалъ Али-
 му; всѣ зрители пришли въ движеніе,
 поражены будучи таковою неизвѣст-
 ностію. Первосвященникъ, Кабалистъ
 и прочіе жрецы не были тронуты
 таковымъ приключеніемъ; ибо они
 чрезъ прорицаніе извѣстными о томъ

уже находилсь, чего ради употребили все силы и старание возвратить чувшва двумъ молодымъ Героямъ; и когда нѣкошорымъ образомъ миновало ихъ забвеніе, по Первосвященникъ говорилъ Кидалу шако: Храбрый избавилъ спенящаго народа, не мѣшкая рука пивоя тебя въ томъ обманула, ниже какое намѣреніе швое могло къ шому примѣситься, чшобы учинишь таковую прошибку ко униженію швоего геройства. Но шѣмъ исполнена воля боговъ, или учиненное предопредѣленіе; я и все жрецы извѣсны были о шомъ чрезъ проричаніе; гласъ великаго Чернобога намъ предшоящимъ его кумиру изрекъ сіе предопредѣленіе: но мы зная сердце швое, преисполненное нѣжными и соспрадающими несчастнымъ чувшвованіями, удумали въ совѣшѣ не ошкрывашъ шобѣ сего должеспвующаго учинишь шобѣ подвига, для шого; чшю воля боговъ должна безшошлагательсшва бышь исполнена, а чувшвенишельное швое сердце безъ величайшаго обремененія приступишь къ шому бы не могло. Человѣкъ по

содѣяннымъ имъ дѣламъ терпитъ наказаніе, правншелижъ вселенною справедливны: шо и должно шо оставлять предержащей ихъ власни, безъ всякаго рошанія смертнхъ.

Неискоренное сожалѣніе оспалось въ сердцахъ чувствительныхъ Кидала и Алама, но подлежащіе подвиги не позволяли оному вдаль распроспранншься. Тризла испустила свою душу, копорая подъ видомъ бабочки, въ провожденн шѣхъ двухъ адскихъ пшнцѣ ошлешѣла въ неизвѣснную всѣмъ зрншелямъ дорогу. Въ скоромъ пошомъ времени гора сдѣлалась освѣщенной нѣкопорымъ особеннымъ свѣшомъ, и уноконвшаяся ошлалась разрѣшенною ошъ цѣней, копорыми она близко двашцаши лѣшн одержима была. Потомъ увидѣли на горѣ явленіе по двумъ шноронамъ бездушнаго шѣла: стояли два обнаженные юноша, за плечами копорыхъ видны были крылья; одинъ изъ ннхъ держалъ погашенный и еще дымящійся обращенный къ землѣ фкселъ, а въ другой рукѣ вннцѣ изъ

цвѣтовъ сдѣланной ; другої въ рукахъ имѣлъ закрытую книгу. Оба они со-болѣзновали и печаль свою сообщали другъ другу ; ..середѣ ними сидѣли два младенца у ногъ ихъ , одинъ имѣлъ песочные часы , а другой изъ небольшого сосуда соломенкою пускалъ въ воздухъ мыльные пузырьки. Наконецъ явился юноша свѣшлогообразный , ведущій съ горы шѣнь , покрытую ошъ головы и до ногъ тончайшимъ бѣлымъ покрываломъ , которому послѣдовали и шѣ юноши и младенцы ; но вдругъ покрыла ихъ мгла , по прошествіи кошорой не увидѣли болѣе на горѣ какъ одно Тризлино шѣло.

Первосвященникъ и другіе жрецы восшедъ на гору , взяли шѣло супруги ихъ Обладанеля , и съ подобающею чеснью снесли со оныя ; потомъ учинивъ древесный косперъ , покрывъ оный бѣлымъ покрываломъ и украсивъ по приличію цвѣтами , положили шѣло и при священническихъ обрядахъ сожгли оное ; пепелъ и косни кошорато положивъ въ урну , ошнесли на гору и посшавили на шполбѣ.

По окончаніи сей церемоніи Кабалиспъ предложилъ Первосвященнику и всему народу о прошеніи Кидала, дабы благоволилъ онъ на шлемъ возложить шопъ вѣнецъ, копорой далъ онъ ему на островъ по пораженіи буйвола: ибо приступая ко освобожденію отъ ига варваровъ ошечества нашего, продолжалъ онъ, безъ него обойтись не можно; понеже несвѣдомая вамъ сила, имѣющаяся въ немъ, соблюдаетъ вѣрно подданныхъ отъ кровопролитія, и оградитъ всѣхъ насъ безопасностію.

Кидалъ принялъ отъ народа сіе предложеніе съ радостию, и Первосвященникъ возложилъ на него вѣнецъ при возглашеніи народномъ; а потомъ и начали приготавливаться въ путь, ко окончанію послѣдняго подвига, и ко освобожденію изъ рукъ варварскихъ цѣлаго государства.

ГЛАВА IX.

ВЕЧЕРЬ 89.

Продолженіе Кидаловыхъ приключеній.

По принесеніи къ берегу сего острова, увидѣвъ Кидалъ изготовленный подлѣ онаго флотъ, украшенный великолѣпнѣйшимъ образомъ и споящій расположеннымъ въ шакихъ линіяхъ, какъ назначено было шестивѣ его къ Хошыню.

Какъ только Кидалъ ступилъ на пристань, то данъ былъ знакъ къ пушешествію флота поднятіемъ алыхъ флаговъ на всѣхъ судахъ, и первое судно подъ разными вымпелами и флагами, и со множествомъ музыкальныхъ орудій, при громогласномъ играніи на ономъ пушилось въ море. Второе за нимъ, великая ладья испещренная лазурью и золотомъ, на носу кокорыя уиверженъ былъ позлащенный орелъ съ распростертыми крыльями, держащій въ

правой лапѣ блестящій Перуиѣ, отъ
 коего яркія молніи, сдѣланныя изъ
 чистаго золота, покрывали всю пе-
 реднюю часть судна, которая отъ
 сіянія солнечнаго зашмѣвала зрѣніе
 всѣхъ на оное смотрящихъ. На кормѣ
 видѣнъ былъ распущенной флагъ на
 высокомъ золотомъ древкѣ, около
 котораго сверху и до низу обвилася
 змѣя, сдѣланная изъ блестящихъ и
 разноцвѣтныхъ камней, и блескъ
 оныхъ при солнечномъ сіяніи пре-
 восходилъ всякую красоту, сдѣланную
 человѣческими руками; на раздувае-
 момъ же легкимъ вѣтромъ желтомъ
 флагъ изображенъ былъ черный паря-
 щій орелъ, имѣющій въ правой лапѣ
 молодокъ, что означало тогда само-
 державіе. По срединѣ судна на возвы-
 шенномъ нѣсколькими ступенями
 столбѣ или престолѣ подъ baldach-
 номъ стоялъ Перуиоу испукии,
 бога производящаго всѣ воздушныя
 дѣйствія и явленія, какъ то грома,
 молніи, облаковъ, дождя и прочаго,
 держущій въ рукахъ блестящій ка-
 мень, на подобіе пылающей молніи.
 Сей испукии сдѣланъ былъ изъ чи-

стата золота; а на головѣ его корона или чѣнецъ изъ разноцвѣтныхъ драгоценныхъ камней. Сполбъ или пре-сполбъ возвышающійся ступенями, сдѣланъ былъ изъ различныхъ металловъ; древки подъ балдахиномъ изъ золота, около кошорыхъ представлена извивающаяся молнія въ видѣ измѣняющихъ цвѣты огней, что соснавлили рѣдкіе и драгоценные камни. На краяхъ судна, на подобіе скобъ или положенной цѣпи, сдѣланы были уключины, опы-тныя голубыми прозрачными ка-меньями; вѣслы вызолочены и грѣбцы въ лазоревыхъ одеждахъ.

За симъ слѣдовало судно, вмѣщающее въ себя всѣ доброты, сокровища и преизящности свѣта, всѣ украшенія природы и ошмѣныя ея произведенія. Вся сѣя ладья, или учанъ, казалась выдѣшною изъ чистаго и блестящаго золота, кругомъ кошораго по краямъ уключины сдѣланы были изъ снѣга Армянскаго камня. На носу сего неописаннаго судна изображено было солнце, въ видѣ восходящаго на горизонтѣ, лучи кошораго представлены были изъ всѣхъ драго-

цѣнныхъ каменьевъ , находящихся въ земныхъ недрахъ , которыми сей живописецъ природы раздалъ рѣзные блески , колера и виды. И такъ первый , происходящій отъ онаго луча , сдѣланъ былъ изъ разноцвѣтной яшмы или ясписа , второй изъ прозеленаго аквамарна , третій изъ зеленожелтаго хризолита , четвертый изъ блестящаго алмаза , пятый изъ голубожелтаго холкидона , шестой изъ темноокраснаго алмадина , седьмой изъ кофейнаго шурмалина , осьмый изъ фиолетоваго аметиста , девятый изъ зеленожелтаго шопаза , десятый изъ кофейнаго ахаша , первыйнадесять изъ темноокраснаго спинала , второйнадесять изъ розоваго баласа , третійнадесять изъ свѣтлозеленаго смарагда , четвертыйнадесять изъ свѣтлоалаго рубина , пятыйнадесять изъ темнозеленаго изумруда , шестойнадесять изъ рудожелтаго тѣаунита , седьмойнадесять изъ голубаго сафира , осьмыйнадесять изъ бирюзы прозеленой , девятыйнадесять изъ красножелтаго рубицела , двадцатый изъ темнозеленаго геліотропа , двадцать-

первый изъ огненного прагера, двадцатьшестой изъ темнокраснаго граната, двадцатьшестой изъ шемнокраснаго граната, двадцатьшестой изъ краснокоричнаго и фиолетоваго порфира, двадцатьшестой изъ блѣднокраснаго граната, двадцатьшестой изъ опала молочнаго цвѣта, двадцатьшестой изъ прозеленаго златаго берилля, двадцатьшестой изъ голубожелтаго оникса, двадцатьшестой изъ красножелтаго карнѳола или сердолика, двадцатьшестой изъ шополеваго малахита, шестидесятый изъ зеленожелтаго кризопраса, шестидесятый изъ желтаго линкура, шестидесятый изъ лазоревой златовидной лазури, и такъ далѣе. Удареніе солнечныхъ лучей во оное производило зрѣлище уму человѣческому непоспимое. На кормѣ сего удивленіе наводящаго судна распущенъ былъ на игру въштровъ златый флагъ, со изображеніемъ на ономъ лука и стрѣлы, въ шакомъ смыслѣ, что солнечные лучи съ спрепленіемъ на землю упадающъ. По срединѣ судна на возвышенномъ и украшенномъ такимижъ каменьями престола стоялъ кумиръ Свѣтовидовъ,

бога Солнца и войны, о четырехъ лицахъ, держащій въ лѣвой рукѣ лукъ, а въ правой рогъ изобилія; на головѣ его былъ вѣнецъ, который ошъ излученіи меналла и чиспошы онаго испускалъ лучи, на подобіе солнечныхъ, и шзковый же блескъ происходилъ и ошъ балдахина, на деревкахъ коего изображены были шрофси, сложенные изъ разныхъ орудій. Гребцы на семъ суднѣ имѣли на себѣ желное одѣяніе.

Потомъ двинулось чудное судно, покрытое все черною краскою; а уключины по оному сдѣланы были изъ бѣлыхъ верепокъ. На носу видѣнъ былъ иссохшій ошъ древности старикъ съ крыльями, имѣвшій въ рукахъ весло, на которое онъ опирался; а въ ногахъ его лежали два младенца. На кормѣ распушенъ былъ флагъ чернаго цвѣта, со изображеннымъ на немъ краснымъ бичемъ, у коего на концахъ укрѣплены были игловатые кистени. По срединѣ судна на возвышенномъ прешолѣ стоялъ кумиръ Чернобога, адскаго бога, держащій въ рукахъ ключи, для показанія, что враша

жизни всегда бываютьъ запершы для тѣхъ, которые вошли уже въ царство его. На головѣ имѣлъ онъ вѣнецъ кипарисной. При ногахъ его лежали двѣ фурїи, у коихъ головы обвишы были змѣями. Престолъ, на кономъ стоялъ сей истуканъ, сдѣланъ былъ изъ металла пепловиднаго цвѣта, а дровки у балдахина испещрены были разными орудїями, коими во адѣ мучашъ беззаконныхъ. Гребцы на семъ суднѣ имѣли одѣваніе кроваваго цвѣта.

Подлѣ пристани стояло судно, украшенное различными цвѣтами; мачшы и райны онаго изувѣнены были грилядами и феспонами; по срединѣ его на усланномъ же цвѣтами престолѣ, стояли два кумира Бѣлбога (*)

(*) БѢЛБОГЪ, или Бѣлцебубъ, божество Славянъ Варажскихъ; истуканъ сей имѣлъ кровавой образъ, покрытой множествомъ мухъ; его почитали они добрымъ богомъ; мухи означали его питателемъ пшарей, жертвовали ему, и подобнымъ оному веселіемъ, играми и радостными пирамидами.

и Радегаста (*), перваго яко подаше-
 ля всѣхъ благъ, а втораго защитни-
 ника города Хошыня, и предъ ними
 учрежденъ былъ жершвенникъ со из-
 гошовленною на немъ жершвою. Перво-
 священникъ просилъ Кидала сойти во
 оное, чему послѣдовали и другіе; и
 пакъ по соженіи жершвы, при
 гласъ шрубномъ и народномъ воскли-
 цаніи ошправился въ пушь, а за
 симъ судномъ и весь народъ помѣсти-
 вшись на имѣвшіся шумъ, прежде
 еще сего загошовленна суда, продол-
 жая безпресшанно радосишныя воскли-
 цанія.

(*) РАДЕГАСТЪ, Славенской богъ. Кумиръ
 сей держалъ передъ грудью щипъ, на
 которомъ изображена была воловъ голова,
 въ лѣвой рукѣ копье, а на шлемѣ изо-
 браженъ былъ петухъ съ распростертыми
 крылами; сему богу приносили Славяне
 плѣнныхъ Христіанъ на жертву, и
 почитали его защитникомъ и покровите-
 лемъ городовъ.

ГЛАВА X.

ВЕЧЕРЪ 90.

Продолженіе Кидаловыхъ приключеній.

Первосвященникъ съ глазами неполненными слезъ, и съ сердцемъ не вмѣщающимъ радости и восхищенія, говорилъ бесѣдующему съ нимъ Кидалу: мы приснуаемъ къ освобожденію цѣлаго государства изъ подѣи многочисленнаго и сильнаго варварскаго народа, но насъ дружина весьма малая, и мы безоружны. Все наше воинство соснавляется непоспѣвая нами сила, то есть, предшесивующіе намъ кумиры, которыхъ мы не могли бы и изъ храмовъ нашихъ изнести къ намъ на помощь, ежели бы не учинилъ намъ въ томъ вспоможенія почтенный Кабалиспѣ; его высокою наукою могли мы выйти ушаенно ошѣ стражи изъ города; его предводителесивомъ собрали мы сей флотъ и дерзнули ступить на оча-

Част. V.

Е

рованной оспровѣ. Все спасеніе наше и надежда сосшоушѣ въ нашихъ неутюканыхъ ; а сила и преодоленіе непріятелей нашихъ въ тебѣ , избранный оубо боговъ смертный. Мы никакъ неизвѣстны , что послѣдуемъ съ нами по прибытіи нашемъ въ Хошынъ ; но мворимъ волю прорицанія.

Въ продолженіи сихъ словъ увидѣли они легкое судно , плывущее къ нимъ съ великою послѣшностію , по приближеніи кошораго взошелъ къ нимъ на судно вѣспникъ изъ вѣрно-подданныхъ Олановыхъ , который въ превеликой робосни и сердечномъ сокрушеніи увѣдомилъ ихъ о совершенномъ паденіи государсва слѣдующею вѣстію :

Какъ только учинилось вѣдомо въ Хошынъ , что нѣкоторые знатные бояре , а съ ними Первосвященникъ и многіе жрецы , взявъ съ собою кумиры , скрылись изъ владѣнія и власни Нахаевой : но въ шужъ минушу во всемъ городѣ ударили сполохъ , во всѣхъ градскихъ вратахъ опустили рѣшешки и ушвердили всѣ крѣпостныя

заклепы, войско Нахасво вооружилось и наполнило собою городскія сѣтны, во все владѣніе того же часа отправлены гонцы, дабы вездѣ взята была воинская предосторожность. Всѣ шемницы наполнили Олановыми боярами и приславили наикрѣпчайшія снаряжи, у всѣхъ вѣрноподданныхъ нашихъ взято всякое оружіе и положено въ оружейныя палашы, всякому воспрещенъ выходъ изъ дома его подъ страхомъ смертной казни. Всѣ зашворены храмы и запечатаны Нахасвою печатью. Народная молва разсѣяна въ Хошынѣ, что шираи извѣстился о прибытіи Кидаловомъ на дельфинѣ, и за утѣшеніе того передъ нимъ воспылалъ злобою на всѣхъ Хошынцовъ, а болѣе на бояръ знасныхъ, и предпріялъ истребить ихъ всѣхъ остриемъ меча; что завтрашній день конечно исполнено будетъ.

Услышавъ сіе всѣ предстоящіе оцепенѣли, и не знали, что предпріяшь въ шакомъ отчаянномъ приключеніи. Жрецъ приказалъ угошовишь жертву великому Чернобогу, дабы

умилостивитъ его и обратитъ гнѣвъ, безвременно ихъ постигающій. Алимъ и Кидалъ, обнадеженные прореченіемъ боговъ, желали поспѣшать къ снѣгамъ Хошыня, для избавленія несчастнаго народа; а Кабалиснѣ предложилъ имъ о принесеніи заговляемой жрецами жершвы Чернобогу, и потомъ обѣщавъ уведомить ихъ о судьбѣ вѣрноподданныхъ Олановыхъ, находящихся въ Хошынѣ и во всемъ просірадномъ его владѣніи.

Путешествуя по морю Хошынды, не имѣли у себя никакой прѣугошвленной жершвы; чего ради все множество народа, не исключая ни одного, рѣзали конецъ правой полы своего плащя, и каждый самъ часъ сію полагавъ на жершвенникъ Чернобоговъ. По произнесеніи приличныхъ къ тому молишвѣ и по зажженіи жершвы въ дыму, восходящемъ ошъ оныя, въ сомнишельспѣвѣ находящемуся народу открылось явленіе, шѣнь нѣкогого воина, оболченная съ головы до ногъ рыболовною сѣнью; что подданные Олановы приняли для себя наилучшимъ предзнаменованіемъ.

Во время приношенія жертвы Кабалистѣ находился на суднѣ Бѣл-бога и Радегаста, и производя каба-листическїя изчисленїя и изслѣдованїя, нашелъ, что несчастїе Хошынцевѣ прекращено, и власнѣ Нахаева надѣ-оними уже миновалась, слѣдовашель-но вреднѣе уже онѣ не въ силахѣ; о чемъ и увѣдомилъ все народное соб-ранїе.

Между шѣмѣ увидѣли они стѣны города Хошыннѣ, преисполненныя мно-жесшвомѣ воиновѣ и воинскаго снаряда, предѣ коншорыми на берегу расположена была шакже многочисленная армїя, предводнпельшвуемая самимѣ Нахаемѣ и лучшими его Полководцами. Какѣ шолько шоржесшвенныя судна при гро-могласномѣ музыкальныхѣ орудїй со-гласїи достигли до берега на пересш-рѣлѣ пращи или сшрѣлы, тогда изѣ армїи Нахаевой пущены были на оныя сшрѣлы, шоликимѣ множесш-вомѣ, что зашмили сїянїе солнца, на подобїе гусшой нашедшей шучи; и какѣ въ разсужденїи сего воинскаго сошрошвенїя не возможно было су-дамѣ ближе къ городу слѣдовашѣ,

тогда Кабалиспѣ предложилъ Кидялу, чтобы оный скинувъ съ руки волшебный перстень, кинулъ его въ море, что Кидаль немедленно и учинилъ. Вдругъ въ глубинѣ морской, на днѣ неизмѣримой бездны, распорилась обширная пучина, извергающая на поверхность воды глыбами землю, илъ, песокъ и самые тяжелые камни; море воскипѣло и изъ спокойныхъ водъ учинилась шемповидная клокучущая смола, изливающаяся изъ среди пучины по всему Варяжскому пошу, и сѣи бышпроспремяющіяся спруи смѣсили песокъ и влагу, на подобіе обуреваемого Окіяна; но все сѣе происходило безъ дѣйствія Борея и при самомъ тихомъ сослоянїи воздуха; что привело народъ, находящійся на судахъ и воинство Нахаево въ несказанное изумленіе, и каждая сторона почла сѣе божескимъ гнѣвомъ, знаменующимъ въ предпрїятїяхъ ихъ неудачу; а потому воинскія сердца въ Арміи Нахаевой чувствительнѣе уныли, но храбрость оныхъ противъ дѣйствія и силъ волшебныхъ имѣвшагося на головѣ Кидаловой въица ни къ чему

уже служить не могла, какъ то въ скоромъ времени и исполнилось.

По усмирѣнїи моря и по сокрытїи черныхъ и непрїязненныхъ струй подъ тяжесшїю водою, явилось на поверхности спокойныхъ водъ блестящая колесница, запряженная двумя играющими дельфинами. Основанїе ея составлено было изъ большой морской раковины, которая, на подобїе распущеннаго павлинаго хвоста, снаружи и изнутри украшена была разноцвѣтными камнями; два поставленные колеса, у коихъ вмѣсто спицъ вставлены были извившїяся рыбы, на которыхъ чешуя сдѣлана была изъ шлифованнаго восночнаго хрустала; дельфины заложены были въ колесницу корольковыми припряжками, и въ пѣнющїяся ихъ челюсти вложены голубыя вожжи. Назадн колесницы между двумя колесами ушверждены были двѣ рыбы, на подобїе угрей, возвышающїяся надъ поверхносшю оныя, и перениваясь между собою, держали въ челюстяхъ лавровый вѣнецъ, который по вмѣщенїи въ колесницу всадника зыбдил-

ся надъ главою его. Рыбы сдѣланы были изъ голубаго и прозрачнаго хрустала. Сія колесница приближившись къ судну Бѣлбога и Радегаста, гдѣ Кидалъ находился, остановилась.

Кабалисти вставъ съ своего мѣста, говорилъ Омарскому Обладателю слѣдующее: Всякъ изъ насъ ошкренно виднѣ, что мы ни силъ, ни искусства не имѣемъ преодолѣть нашего непріятеля, съ шолько миточисленнымъ воинствомъ подъ сѣнами Хошыня сшозаго; слѣдовательно и неспь мы способны, не шокмо освободить ошечески наше чуждой власти, но и высунить на берегъ. А сія честь и слава произволенѣ Боговъ предоснавлена Кидалу, кошый одинъ шолько безъ всякой дружины долженшвуетъ сразиться съ симъ воинствомъ; ему поборшвовать будетъ Свяшовидъ и Радегастъ. Время уже присѣло, иди на избавленіе ошечески нашего; сш дельфины предсавяшъ шеба къ сшавкѣ самаго Нахя, и что пошомъ воспослѣдуетъ, о семъ извѣсны шолько боги, а

отъ нашего понятія сокрыть имъ то
за благо произволилось.

Первосвященникъ преклонилъ ко-
лѣно, и всѣ люди находящїеся на
всѣхъ судахъ, по учиненію о шемъ
знаку, шже учинили; чшены были
приличныя къ шому молишвы, съ пла-
чемъ и съ произнесеніемъ прошенія
ошъ сокрушенныхъ сердецъ о сохране-
ніи Героя, предпрїявнаго освободить
ихъ отечесшво чуждыя власши; по-
томъ Кидалъ садился въ колесницу
при плачѣ и невѣденїи судьбы своей
народа. Делфины почувсшвовавъ шя-
жесшь въ колесницѣ пусшшлись бы-
стро, ударивъ хвостами по волнамъ,
прямо къ берегу, обремененному сшѣ-
нами Хошыня, а жрецы и народъ на
судахъ остались въ шенлой молишвѣ
съ колѣноприклоненіемъ.

ГЛАВА ХІ.

ВЕЧЕРЬ 91.

Продолженіе Кидаловыхъ приключеній.

Воиспитво незаконнаго обладателя Хошынна, усмотрѣвъ плывущаго къ берегу человѣка на дельфинахъ, пришло въ крайнее опчзаніе, по предсказанію, находящемуся въ надписи надъ Оланомъ. А блестящая его колесница представляла его имъ богомъ, что и наводило на нихъ ужасъ и трепетаніе; и сколько ни старался Нухай вселить въ нихъ ободреніе, но слова его имъ были не внясны, и ени часъ опі часу въ большую приходили робость; опі чего вскорѣ учинилась и распройка во всѣхъ воинскихъ распоряженіяхъ; многіе изъ воиновъ возвращались въ городъ, а другіе сходя со спѣивъ укрывались въ своихъ домахъ. Полководецъ усмотря шаковый распрядокъ, послалъ шопчасъ избранныхъ Боярѣ своихъ къ бе-

регу моря извѣститься о прибывшемъ на оной челоѡкѣ; по пришествїи ихъ присталъ и Кидалъ ко оному. Явившіеся вдругъ два крылашые юноши, шо есць Генїи, приняли его изъ колесницы подъ руки и повели къ воинсшву Нахаеву. Пришедшіе бояре по повелѣнію своего Государя хошѣли спросишь его, но почувсшвовали всѣ, что языки ихъ учинились безъ дѣйсшвія; они хошѣли слѣдовать за Кидаломъ, но ощутили, что ноги ихъ лишились движенїя, и шакъ осшались на берегу одушевленными сшашуами: ибо ошселъ началось дѣйсшвіе и волшебная сила даннаго Кидалу ошѣ Кабалиста вѣнца.

Кидалъ всшупилъ попомъ въ сшавку Нахаеву; и какъ съ симъ предводителемъ, со всѣми его окружающими и со всѣмъ воинсшвомъ его учинилось шоже, что и съ боярами его на берегу, шо шакое приклученїе весьма удивило и самаго Кидала. Онъ шоржесшвенно по срединѣ непрїятельскаго ополченїя и въ самой сшавкѣ ихъ Полководца, преклошилъ колѣно и возсылалъ на небо благодарсш-

венныя молитвы за испосланную оубъ боговбъ побѣду, надб многочисленнымб и сильнымб воинствомб, безб всякаго оубъ него сопрошивленія и кровопролишя.

Вб семб положеніи эзсталб его Первосеященникб, Алимб и Кабалистб, со всѣмб прибывшимб кб берегу народомб: ибо Кабалисту сила и дѣйсвіе вѣща прежде уже извѣсны были, и они по приказанію его вышли на берегб. Все сіе пришедшее многлюдсво преклонили колѣна предб Кидаломб и благодарили его за избавленіе ихб опечесива, посреди и вб глазахб непріязненнаго воинсва, кошорое впрочемб, имѣвб всѣ чувсва, не могло токмо имѣть движенія.

Попомб опверсны были городскія ворота и начался торжесственный вб городб ходб; впереди несены были кумиры, за ними шли жрецы; а имб послѣдовалб избавишель ихб опечесива Кидалб, сопровождаемый Алимомб и Кабалистомб со множесвомб народа. Шесствіе сіе было во дворецб Олановб, и какб скоро прибыли во

оной, то Кидалъ приказалъ супругу
 Шахеву и всѣхъ ее окружающихъ
 перемѣстивъ немедленно въ другой
 опредѣленный къ тому домъ, ибо
 силы вѣнца дайнаго ошѣ Кабалиспа
 на женскій полъ не просширались ;
 Воинству Оланову вышедъ изъ города
 и на стѣнахъ принять оружїе ошѣ
 Армин Шахевой и сичшь вездѣ спра-
 жу ; заключенныхъ въ темницы знаш-
 ныхъ господъ немедленно освободивъ,
 а предпочиншельно и прежде Дашиноя,
 брата Оланова, подъ видомъ кошора-
 го будешъ уже исисшовый и злобный
 Аскалошъ, непримиримый злодѣй Али-
 ма, или лучше всего смершнаго по-
 колѣнїя, которые по несчастїю съ
 нимъ знакомство возвѣмѣюшѣ. Но
 сія тайна вѣдома была шокмо одному
 извергу Аскалону, и одиш шокмо ко-
 сти и кожа, оставшїяся въ немъ отъ
 изнуренїя темничнаго, препяшествовали
 распознать различїе между добродѣ-
 шельнымъ Дашиноемъ и злобнымъ
 Аскалономъ ; шокмо сердечное чувст-
 вїе Алима опличало Аскалона отъ
 его дяди, при самомъ первомъ семъ
 свиданїи ; но сей справедливый и

безпристрастный вѣстникъ есть безмолвенъ.

Воисшво Оланово было уже вооружено, обезоруженіемъ Нахаева бояре освобождены и о наставшемъ благополучіи государшва увѣдомлены и предшояли Кидалу въ торжественныхъ одеждахъ. Первосвященникъ съ дозволенія избавишеля приказалъ во всемъ городѣ ошверсши божескіе храмы и воскуришь жершвы фаміама и всѣхъ благоуханій, собранныхъ изъ всѣхъ часшей свѣша, и во время оживошворенія находящагося въ смершномъ снѣ Олана, всѣмъ жрецамъ и народу призноешъ молишвы предъ жершвенниками съ колѣнопреклоненіемъ.

Наконецъ началось шесшвіе въ то обшшаніе, гдѣ Оланъ двашцащъ лѣш въ числѣ мершвыхъ находился. Въ началѣ, восемь человекъ жрецовъ несли на долгихъ древкахъ прешолъ, покрышый золошою парчою, ишкусшва восшочныхъ народовъ, на коншоромъ спешялъ ишшуканъ Радегашшовъ, яко зашщшника города; за симъ шесшашцащъ жрецовъ на огромныхъ носи-

лаха, покрытыхъ аксамитомъ, несли престола, сдѣланной изъ металла и украшенный сверкающею молніею, исходящею ошъ камня, держаго Перуномъ сидящимъ на семъ престолѣ; за симъ шлолько же жрецовъ и на такихъ же огромныхъ носилахъ, покрытыхъ посшавомъ изъ битаго золота, несли престола украшенный всеми драгоцѣнными разноцвѣтными каменьями, на которомъ видѣнъ былъ кумиръ Свяшовида; за нимъ несеиъ былъ на престолѣжъ Чернобогъ, котораго искукаиъ представлялся въ видѣ раскаленной мѣди, и шакъ да- лѣе; за кумирами несли два боярина бархатную подушку съ золошыми кишмишами, на кошорой лежалъ княжескій вѣнецъ, осыпанный драгоцѣнными каменьями; попомъ на шакой же подушкѣ несли два боярина золошой молошокъ, такимижъ каменьями осыпанный; на третней подушкѣ несли цѣпь или гривну, украшенную каменьямижъ, самую шу, кошорая снята была съ Олана и дана для подвиговъ Кидалу; за сею несены были перчапки, зарукавіе кошорыхъ уни-

зано было бурмишскими зернами; пошомъ мечъ и полсъ со изображеніемъ золотыхъ львиныхъ головъ, а на мечѣ орлиной; за симъ кинжалъ и бѣлой плапокъ несли Рынды, наконецъ слѣдовалъ Первосвященникъ, Кидалъ, Алимъ, Кабалишъ, Бояре и прочіе по порядку.

Какъ только передніе жрецы съ Радегастовымъ кумиромъ достигли до того ошверсія, по кошорому должно опускашся въ подземное жилище: по врезану ударилъ страшный подземельный громъ, и все по мѣсто, подъ коимъ находилась Оланова гробница, пошряслось съ великимъ движеніемъ; пошомъ черный густой дымъ, смрадъ и зловоніе стремились изъ ошверсія подземнаго, какъ самая мрачная туча, долгимъ шолбомъ къ Зениту, въ густошъ кошораго мрака веѣмъ зрящимъ шумъ видна была шѣнь неизмѣримыя величины и огромности, изшедша съ дымомъ изъ подземельнаго жилища. Сіе страшналице ошходя въ неизвѣсшную дорогу, ужаснымъ голосомъ взревѣло; а въ дикосши звука

отъ него произшеднаго , слышадися
всѣмъ слѣдующія изреченія :

*Безъ инащенія оставлю сея зрѣуща ,
Глаголюща всѣмъ.*

Кабалисти увѣдомилъ Кидала и
всѣхъ шушъ бывшихъ , что дѣйстви-
емъ симъ и видѣнїемъ прервалась вол-
шебная власшь надъ симъ очарован-
нымъ мѣстомъ , и злой духъ ошле-
тая ошселя , обѣяснилъ , что произ-
воленїемъ рока власшь демонская
прекрасилась.

По очистиившемся зловонїи , и ко-
гда ужасное безобразїе адской шѣни
разорвавшись въ воздухъ исчезло , по-
гда жрецы принесенными кумирами
оградили подземное ошверстїе , въ
которое Первосвященникъ съ нѣкошоры-
ми жрецами и съ домашними куми-
рами , Кидалъ , Алимъ , Аскалонъ ,
Кабалисти и нѣкошорое число бояръ
всшупили. Спѣны сего зданїя произ-
водя ужасъ , кажепся , сами опѣ онаго
ирепешали ; видѣ ихъ и расположе-
нїе знаменовали печаль , ошчянїе и
слезы ; мрачнѣсть и каплющая без-
преспанно вѣдая влажнѣсть пред-

Част. V. Ж

спавляли ихъ преддверіемъ ада и обитаніемъ печальныхъ шѣней; своды ихъ закрывшись зловоннымъ мхомъ, казалось, сами чувствовали обратеніе ошъ несшерпимой сырости и смрада. По срединѣ сего опчаянный сшонъ производящаго зданія висѣла закопшѣлая лампада, кошорая ошъ сырости и безпресшанно падающихъ капель поминушно казалась погасаемою. Полъ передъ софою Обладашеля Хошынѣя преисполненъ былъ болошной шины, кошорая ошъ превел. кой и ѣдкой влажнoshi, казалось, какъ будио бы поминушно закисала. Всежѣ сѣ проишло ошъ шого, что никшо не де: залъ всшуншъ въ сѣ жилище, ежели не хошѣлъ шакже усыпленъ бышъ вѣчнымъ сномъ, и во всѣ шѣ двашцашъ лѣшъ одинъ шокмо Кабалисшъ входилъ въ сѣ зданіе для снѣшя сѣ Олаша цени и возложенія ея на Кидала, что жрецамъ великой суммы, а ему еще большаго ошвѣшасшонло.

По принесеніи домашнимъ бѣгамъ жершвы, Кидалъ коснулъ першомъ обѣихъ глазъ Олашовыхъ, и лишь

только онъ сѣе учинилъ, то паки все зданіе зашрепешало, мрачность и влага вся исчезла и на мѣсто ихъ явились свѣтъ и сухость, снѣны уподобились бѣлизною ярнѣ, а на мѣсто тусклой лампы опшорились окна, получающія свѣтъ съ земной поверхности. Воины, сидѣвшіе подлѣ Олана положили мечи на землю, всшали и со удивленіемъ смошрѣли на предстоящихъ. Въѣсто черной доски надъ Оланомъ явилась шопчасъ бѣлая со изображенными на ней золошыми словами, слѣдующаго содержанія : „ За прешерпѣніе Трнзлѣ покой, Олану, Аллму, Плакешѣ и два раза убишшой онъ Аскалона Асклѣндѣ благоденствѣе. „ Пошомъ опшорилъ глаза Оланъ, всѣхъ сердца воспылали радостію и показались изъ глазъ ихъ горячія слезы, съ которыми совокупались и сшрадавшаго Олана: ибо при полученіи чувствѣ предшавилось ему несчастное его сошояніе, о которомъ онъ воображалъ, что и теперь въ немъ же находишся, понеже бывшій его двашнцашлѣпнѣй сонъ предшавлялся ему одною шолько но-

щю. Но Первосвященникъ увидоми
его крапко предложилъ одежды, по
возложеніи кошорыхъ при громогла
сномъ ошѣ народа восклицаніи и цѣ
лованіи рукъ его и одежды слѣдовали
въ храмъ Перуночѣ, неся Первосвя
щенникъ передъ собою доску, явившу
юся надъ Олазомъ, яко знакъ благо
денствія ихъ посланный ошѣ боговъ
и начертанный всесильною ихъ рукою,
кошорую и повѣсили въ inomъ храмѣ
въ знакъ вѣчнаго возблагодаренія.

ГЛАВА XII.

ВЕЧЕРЬ 92.

*Продолженіе Кидаловыхъ при
ключеній.*

По принесеніи жершвы и по возвра
щеніи изъ храма держанъ былъ со
вѣшѣ о бывшемъ обладателѣ Нахатѣ
о его воинствѣ, въ коемъ удуман
опущеніи его и воинство безоруж
ныхъ, не учиня ни малѣйшаго озлобл

нѣ , въ благодарности къ богамъ за
учиненное ошѣ нихъ милосердіе ; что
шогожъ дня и исполнено , и съ сего
часа правленіе и судопроизводство
въ государствѣ объявлено бывшимъ
при Оланѣ порядкомъ .

По разсвѣшаніи слѣдующаго дня
Первосвященникъ со всюю подробнос-
тію увѣдомилъ Олана , что происхо-
дило въ его государствѣ во время
двадцатилѣтняго его сна , и какимъ
веселымъ игомъ обременены были
его подданные ; что слушалъ Оланъ
съ прискорбіемъ сердца своего , забы-
въ даже полученное имъ нынѣ благо-
денствіе ; для чего и предпріяно бы-
ло учрежденіемъ особаго сословія воз-
становишь благополучіе шѣхъ поддан-
ныхъ , которые ошѣ Нахая лишены
были почестей и имѣній .

Кидаль окончавъ геройскіе подви-
ги , а Алимъ узрѣвъ ожившвореннаго
родителя и возстановленное царство
ему принадлежащее , почувствовали
въ сердцахъ своихъ , какъ имъ казалось ,
большую прежней силу властвующей
ими любви . Плакеша живо предша-

влялась въ воображеніяхъ Кидаловыхъ
 въ неизвѣстномъ ея путешествіи ; а
 въ сердцѣ Алимовомъ незаглаждаемо
 впечатлѣніе оспалось изображенныхъ
 на доскѣ словъ, два раза убіенной
 оубъ Аскалона Асклядѣ. Торжественное
 возснаноженіе царства, при всякомъ
 народномъ благодарственномъ молении
 и на всякомъ пиршествѣ находились
 они съ Оланомъ, нося всюду съ собою
 тяжеснѣе несноснаго бремени любовныя
 страсти, которая нѣкоторымъ обра-
 зомъ помрачала ихъ видъ геройства
 что вскоре замѣчено было всеми
 а особливо прзорливимъ Оланомъ.
 чѣмъ чувствительное сердце его
 встревожилось во многомъ. Ибо въ
 первомъ изъ нихъ видѣлъ онъ изба-
 вленія своего и своихъ подданныхъ
 а во второмъ сердечно предчувство-
 валъ имѣннѣ открывшагося сына, на-
 дежду будущихъ благополучныхъ вре-
 менъ для своихъ вѣроподданныхъ
 но какое подашь имъ въ томъ утѣ-
 шеніе или надежду, находился вое-
 неизвѣстенъ, слѣдовательно и самъ
 обремененъ будучи сею печалію казав-
 ся не въ полномъ удовольствіи и в

ощущеніи совершеннаго благоденствія, что видя и окружающіе его вѣрно-подданные, чувствовали нѣкошорый родъ унынія. Но источникъ щедротъ благоволенія боговъ ко всему племени Оланову я къ его подданнымъ находился уже ошвершымъ безъ покрова, изъ котораго могли они почерпашъ всѣ наслажденія, какія шолько ошъ прешола милосердія протшеканъ могли во удовольствіе, радости и восхищеніе сердецъ всего земкороднаго племени.

Въ нѣкошорый день, при восхожденіи солнечномъ, объявлено Государю, что къ берегамъ Хошыня прибыли два корабля, на конхъ начальствуюшъ двѣ женщины. Кидаль и Алимъ взялся учинишъ имъ встрѣчу, и уведомясь о родѣ ихъ и надобности бышъ въ Хошынѣ, уведомишъ Олана.

Сей случай совершенно доказылетъ произволеніе боговъ, милующихъ Олана и ниспосылающихъ ему за прешерпѣніе всякое удовольствіе, какое шолько смерпный во время жизни его вкусишъ можшъ. Когожъ

Кидалъ и Алимъ увидѣли? Плакешу и Аскляду. Милосердые боги! возопили они всѣ вообще и бросились совокупно всѣ другъ ко другу въ объятія, будучи уже Плакеша и Аскляда обо всемъ произшедшемъ въ Хошынѣ извѣстными. И хоша въ такомъ только случаѣ гордосшь дѣвицъ въ разсужденіи Кидала приличесшвовала, но крайняя къ нему благодарносшь преодолѣла въ ней усшановленные на шаковые случаи обхожденіемъ обряды. По миновеніи первыхъ сихъ восхищеній и по увѣдомленіи другъ друга, сколько краткосшь времени дозволила, спѣшили они къ Олану, яко къ общему ихъ ошцу, кошорый до сего времени ни о сынѣ ни о дочери извѣсшенъ не былъ. Представъ передъ него сшзали они всѣ на колѣни, чѣмъ нечаянно привели въ незапное смущеніе чувствительнаго Госудря, сидящаго вмѣстѣ съ самозванцомъ Дашиноемъ.

Въ докончаніе вышкихъ милоспей, испосылаемыхъ тебѣ нынѣ ошъ всещедрыхъ Боговъ, говорилъ шакъ Алимъ стоящій на колѣнахъ, испо-

смылаюшѣ тебѣ во мнѣ сына, а въ ней, указывая на Плакешу, дочь; сѣя еснѣ моя супруга, говоря оубо Асклѣдѣ, а кидалѣ желаетѣ быти усыновленѣ сововупленіемѣ сѣ нимѣ дочери швоей Плакешы. Оланѣ поднятѣ къ небу взорѣ и длани, возносилѣ въ жершву милосщивымѣ богамѣ молшвы и фирміамѣ горящаго сердца его благодарносшю. Минимѣ Дашиной сноталѣ неподвиженѣ; злобный образѣ его покрылся синевашою блѣдносшю, кровожаждущіе глаза усшремася на Асклѣду осшепѣли, зѣбрская сшрасшя его подвигла идовишое сердце, зараженная желчь въ немѣ охладѣла, и пакш усшремилѣ желаніе къ досшженію или погубленію невинныя жершвы. Оланѣ принялѣ ихѣ всехѣ въ свомѣ обѣашія, что должно было учинишъ и брашу его Дашиной, къ кошорому какѣ скоро, слѣдуя за другини, подошла Асклѣда, шо вскривавѣ ошѣ ужаса неизѣясненнымѣ голо эмѣ, лишилась всехѣ чувствѣ и упала мертвою въ руки предшоящихѣ.

Такое приключеніе произвело во всехѣ предшоящихѣ неизрѣченное

смященіе ; всѣ видѣли ее лишенною чувствъ, но причины тому никто, кромѣ Аскалона , не понималъ. Старались роданы ей помощь, но ничто не успѣвало ; однако Кабадисъ взялся привести ее въ чувство , что по минованіи нѣкотораго времени и исполнилъ. И такъ сіе первое открытіе родства присушествіемъ злобнаго Аскалона и подъ образомъ добродѣтельнаго и убѣдннго въ шемницѣ Дашиня попрепятствовано было ко излѣченію всѣхъ чувствъ сердецъ соединенныхъ.

По полученіи Асклядою чувствъ, Алимъ желая бытъ о такомъ удивительномъ приключеніи извѣстенъ, спросилъ о томъ у оныя ; на что ошвшисшоваала Аскляда слѣдующее : Возлюбленный мой супругъ , извѣстно тебѣ колкое гоненіе претерпѣла я отъ моего рока , сколько бѣдъ и напасшей приключила мнѣ соперничеству волшебница , сколько чувствовала и преодоляла я гоненій и неблагоприятія раздраженныхъ боговъ : разъ была убійена , о которомъ ты извѣстенъ, а другой, о которомъ ты

еще и свидѣнія не имѣешь; я сердечно желаю, чтобы мнѣнїемъ моимъ ошиблась, и чтобы узрѣвшіе глаза мои меня обманули; но сердце и живѣйшее чувствіе оного предсказали мнѣ вмѣсто дяди своего Дашиноя изверга Аскалона. Ръхидный его образъ сколько впрочемъ ни измѣнился, но черты лица его, изображающіе ядовитость сердца его и злыя намѣренія, дословѣрно его обнаружили, и всей той радости, какую я чувствовала должнъ при свиданіи съ тобою, меня лишили и вмѣсто восхищенія, дозволяющаго въ семъ случаѣ, исполнили меня ужаса и ошчаянїя. Выслушавъ сіе дѣимъ почувствовалъ въ себѣ тожъ самое движеніе сердца своего, какое ощущала и его супруга; но не имѣвъ къ тому ни малѣйшаго предусмотрѣнія, долженствовалъ османыся въ невѣденіи, и не видавъ и не зная ошъ рожденія своего дяди Дашиноя, предпрїялъ ошъ знающихъ увѣдомиться, что и учинилъ безъ дальнаго труда: ибо Первосвященникъ, Кабалиснъ и всѣ бояра на вопросъ его увѣдомили, что они великое различіе полагающъ

между Дашинцемъ и видимою имъ особою; а сего шо ради и предпріалъ Алимъ ошъ самая шой особы изустно и досшовѣрно увѣдомишся обо всемъ шомъ, чшо благоденствію Княжескаго дома наносило препону и замѣшательство. Но милующіе уже ихъ боги предупредили Алимово намѣреніе.

Того же дня по зашесивіи солнечномъ присланный ошъ самозванца Дашіноя просилъ Алима навѣстишь его въ его обшпаніи, представляя необходимую въ шомъ надобность.

Алимъ ни мало немедля спѣшилъ прозьбу его и свое желаніе исполнить. И какъ только всупилъ онъ въ его покои, шо и увидѣлъ, чшо радость, шоржесство и благоденствіе, копорыми преисполненъ былъ въ шо время весь городъ Хошынъ, мѣсна сего не касались и чувствія восхищенія обшпанію сему коснушья не смѣли, а вмѣсто шого водворены были ужасъ, ошчаяніе и сшешаніе сердечное. Сшѣны внутри покоевъ закрышы были черными завѣсами и никакова украшенія во оныхъ не находилось; въ передъ

немъ углу стояла софа покрытая
 бѣлымъ покрываломъ, передъ нею
 столъ съ черною поволокою, на ко-
 торомъ стоялъ домашній кумиръ Чер-
 нобоговъ, передъ которымъ лежалъ
 черепъ головы человѣческой и нѣ-
 сколько мучительныхъ адскихъ ору-
 дий, и горѣла нешомленно одна шоль-
 ко свѣча. Дашниой, или лучше Аска-
 лонъ, при входѣ Алима сидѣлъ на
 софѣ облокотясь рукою на столъ, и
 былъ въ неизрѣченномъ ужасѣ; лице
 его покрыто было блѣдностію и
 члены всѣ шрепешали, шакъ чшо
 пшуканъ Чернобоговъ находился ошъ
 того въ движеніи. Осиплымъ, спраш-
 нымъ и прерывающимся голосомъ про-
 силъ Аскалонъ Алима сѣсть, подлѣ
 себя на софу, чшо Алимъ шоп-
 часъ и учинилъ, смотря со удивлені-
 емъ на все ему предшавившееся. Тѣ-
 нещущій ошъ ужаса Аскалонъ началъ
 говорить шакимъ образомъ: Ты ви-
 дишь передъ собою беззаконника, при-
 шедшаго въ раскаяніе, при послѣд-
 немъ концѣ своей жизни. Я не Дашни-
 ой, кошораго образъ представляю,
 но емь его убійца, мзвъсшный шибъ

Аскалонъ. При семъ словѣ Алимъ ужаснулся; но въ шрепепѣ приведенъ былъ большимъ и спрашнѣйшимъ сего приключеніемъ. Въ шожъ время восколебался весь покой, софѣ и епелѣ пошряслись, и произнесъ спрашнѣй голосѣ, подобенъ грому, или реву огнедышущихъ горѣ, сѣи слова прошаженно: *вѣ-мя, Ас-ка-лонъ*. И доколѣ Алимъ находился у Аскалона, шо чрезъ каждую минушу дѣлалось шакое пошрясеніе зданія и произнесеніе спрашнѣго шаковаго приговора. Въ ужасномъ шрепепѣ раскаявающейся, но неэдно, Аскалонъ продолжалъ дрожащимъ и охриплымъ голосомъ: жизнь мою препроводилъ я, не повинуюся никакому зѣ ошу, не признавалъ всемогущаго Сущеснѣа и подвергалъ все случаю, не имѣалъ ближчаго и желалъ всякому зла, былъ много разѣ убійцею неповинныхъ, въ шомъ числѣ дважды и швоея супруги, пожелалъ убишь ошца моего и далъ дѣволу кровню мою рукописаніе и кляшву злодѣйсшеговѣшь всему роду человѣческому, не храня и самыхъ священныхъ обрядовъ и нещадя своихъ родъ

ственниковъ. Пребываніе мое на семъ свѣшѣ по произволѣнїю дьявола уже окончаваеися, и сей страшный гласъ, слышанный тобою, зовещъ меня изъ свѣша во адъ на опредѣленные мнѣ жесточайшія мученія.

При семъ словѣ задиля оиъ слезами и продолжалъ: Не смѣю призывать въ помощь прогнѣваннаго мною всевышняго Существа и просишь оиъ пущенія грѣховъ моихъ, пошому что передъ престоломъ его предстоишь съ жалобою всѣ мною неповинно убїенные; не смѣю просишь прощенія и ушѣхъ, кому я приключилъ всѣ на свѣшѣ злосии; но дѣламъ моимъ оставленъ я оиъ всѣхъ и предаюсь теперь въ руки дьяволовъ. *Всѣмъ, Аскалонъ*, паки при восколебаніи всего зданія страшнымъ и ужасъ слышимымъ Героямъ наводящимъ голосомъ произнесены были сїи слова. Аскалонъ ешоль былъ обѣяшь смертельнымъ ужасомъ, что не шокмо всѣ члены его, но и софа, на которой оиъ сидѣлъ, въ безпрестанномъ находилась движеніи. Злосишь изъ сердца его из-

чезла, а робосшь его и опчаянїе избъ-
 являли слезы, безпрестанно лїющїяся
 избъ глазъ его, на подобїе жены, не
 неизрѣченную ощущающей горесшь.
 Онъ лобызалъ руки Алимовы и про-
 силъ, забывъ всеъ злосши причиненныя
 имъ ему и супругъ его, подашь, ежели
 есшь къ тому возможносшь, какую ни
 есшь помощь прошивъ дѣйсствїя дѣя-
 вольскаго и непреоборимыя его силы.

Сердцамъ исполненнымъ добродѣ-
 тели сродно великодушїе: Алимъ оп-
 пусшивъ ему всеъ причиненныя дому
 его злодѣянїя, совѣшовавъ принесши
 чистосердечное покаянїе всемогущему
 Сущесшву, и единое шю призывашъ
 себѣ въ помощь; но робосшь, сродная
 подлымъ душамъ, произвела въ Аска-
 лонѣ и съ шомъ уже опчаянїе. Чего
 ради Алимъ пожелаавъ приглашенъ къ
 нему Кидала и Кабалисша, но по-
 сланъ за ними не ошѣискавъ онъ ни
 единого служивша, кошорые онъ
 ужаса, происходимаго въ покояхъ Ас-
 калоновыхъ произношенїемъ демон-
 скаго голоса, всеъ сокрылись: почему
 и принужденъ былъ Алимъ съ опча-

линымъ и въ трепетѣ находящимся Аскалономъ препроводить всю ночь безо сна, чувствую и самъ нѣкоторое содроганіе отъ непрязненной силы, которая во все мрачное время разными дѣйствіями и подъ разными видами оказывала свое неистовство и властность надъ добычею шайкомъ преобрѣтаемою.

ГЛАВА XIII.

ВЕЧЕРЬ 93.

Продолженіе Кидаловыхъ приключеній.

По утру когда извѣстился дворъ и весь городъ о превращеніи Аскалономъ, и народная молва разсѣяла по всюду все учиненныя имъ злодѣянія, то не описался ни единый человекъ, который бы возималъ сожалѣніе о насупающей ему злойшей демонской удеши. Но Оланъ,

Част. V.

3

Алимъ и Кидалъ пренебрегши презрительныя дѣла ямъ произведенныя, предпріяли учинишь ему помощь ; но какъ произвести въ дѣйствіе, того не понимали. Въ чемъ и осталась одна только надежда на Кабалиста. По предложеніи кошорому полученъ былъ слѣдующій оувѣ^всѣ : что главныя правила шамиственной его науки состоятъ въ томъ , дабы дѣлать доброе и искоренять злое ; слѣдствительно насущною участію ко истребленію злобнаго Аскалона останавливаться не должно , ибо потеряніемъ сего изверга спасены будутъ многіе, невниманіемъ же оувѣ него поспрадашь могущіе ; но Алимъ и Кидалъ просили Кабалиста , чтобы оный изъ единственнаго только сожалѣнія къ неизвѣстному спраждущему человѣку оказалъ свое благодѣяніе съ тѣмъ однакожъ , чтобы оставшійся на свѣтѣ . Аскалонъ не могъ вредить смершнымъ и чтобы всѣ способы къ тому ошныты у него были , и чтобы сіе произведено было текущимъ днемъ , для того что въ слѣдующую ночь истяжуютъ душу его дьяволы.

Кабалисибъ объяснилъ имъ, что дѣйствіе по спонію будешь ему толкаго труда, какова онъ въ жизни своей еще не предпринималъ, и ни для когобъ того сдѣлашь не похощалъ; однако для избавленія шроднаго и наспоющаго шоржесшва въ угодность своего Государя учинишь онъ геройскій подвигъ, ошвлеченіемъ изверга на нѣкоторое время ошъ определенной ему адской муки, избавивъ однакожъ родъ человѣческій ошъ яда, носимаго онымъ извергомъ на сердцѣ его, языкѣ и въ глазахъ, и чпо къ сему шрудному и важному дѣйствію приступишь онъ въ слѣдующую ночь, учиня къ тому прѣуговореніе во весь шекующій день.

По наступленіи ночи Алимъ и Кидалъ прибыли къ Аскалону, котораго шипли лежащаго уже безъ чувствъ, измученнаго швожденіемъ дѣвольскимъ, за кошо они прибыли вскорѣ и Кабалисибъ. Оный при первомъ на него взглядѣ казался имъ выступившимъ изъ своего ума; глаза его шнеполнены были яросшію, а лице покрыто образомъ звѣршва, дыханіе его поми-

нупно остановлялось, грудь воздымалась и губы запекались, голова и руки въ безпрестанномъ были трясе-нїи, отъ чего легкое на немъ платье непрестанно трепетало, какъ будто раздуваемо будучи вѣтромъ. Положилъ онъ на шолъ иѣкакой черной камень, по одну сторону его скипетръ древяного масперсва и фигуры, сдѣланый изъ непловиднаго и непозрачн-го камня, а по другую поставилъ хрустальный сосудъ, исполненный красною жидкою маперією; а въ заглавіи поставилъ пипцу ворона, представляющагося живымъ, но сдѣланнаго впрочемъ изъ мешалла. Попомъ охриплымъ и прерывающимся голо-сомъ сказалъ Алму и Кидлу: спаньте къ спѣнѣ и во все время страшнаго сего дѣйствїя будьте безмолвны и неподвижны, бодрствуйте и не спрашивайте ужаснаго видѣнїя. Наконецъ очершивъ то мѣсто, на которомъ онъ стоялъ, мѣломъ, сдѣлалъ три круга изъ оного и положивъ на полъ большое зеркало сталъ на немъ, поднявъ взоръ и руки къ верху и закричалъ сподъ громкимъ и шоломъ

страшнымъ голосомъ, что два молодые героя, не страшась впрочемъ цѣлаго ополченія непріятельскаго, пришли омиъ того въ превеликое движеніе; лица ихъ поблѣднѣли и сердца задрожали, и даже до того содрогнулись, что вселилось желаніе въ нихъ выйти изъ сего очарованнаго покоя; но пришедъ въ себя и исполняясь бодрости, остались шумѣ во все сіе страшное и уму человѣческому недостижимое волшебное дѣйствіе.

Пономъ во громогласномъ семъ произношеніи Кабалиста, начали слышны бытъ слѣдующія заклинанія:

„Гласъ освященнаго весторга, бурные вихри проникнувъ хляби земныя виушише изобрѣшателю шаниственныя и величественныя науки Зороастру (*) и послѣдователю его Архимеду, и выдостопочтенныя шѣни,

3 3

(*) ЗОРОАСТРЪ, Царь Бактріанской. Онъ первый выдумалъ волшебную науку, но другой Зороастръ, которой жилъ въ Даріево время, перемѣнилъ нѣкоторыя обряды въ Персидскомъ законѣ и сдѣлалъ новую секту.

покоющіяся въ поляхъ Елиссейскихъ (*), предшаньше моему предпріятію: подвигъ досшоніиъ вашего присушствія, и я власнїю, мнѣ ошъ васъ данною дерзтію вызвашъ васъ изъ глубины неизвѣстной на поверхность земную. При семъ послѣднемъ словѣ охладѣлъ въ покоѣ воздухъ, точно какъ при чувствительномъ морозѣ; поднялись вихри, и шумъ ошъ нихъ производящій подобенъ былъ многоспершемуся льду въ великомъ рѣчномъ устьѣ, котораго шрїе въ далекомъ разстояніи слышимо. Ошверзались по сторонамъ Кабалісна двѣ пропащи, изъ которыхъ въ густомъ дымѣ высунули двѣ усонїя шїи; пропащи зашверзались, дымъ исчезъ и онѣ сшало обѣ по сторонамъ Кабалісна. Росну

(*) ПОЛЯ ЕЛИС ЕЙСКІЯ, гдѣ души праведныхъ наслаждались совершеннымъ сшожествомъ до шїхъ перѣ, пока онѣ не возвращались, для оживотворенія другихъ шїаъ; тогда пили онѣ воду изъ рѣки Лое, имѣющей въ себѣ силу приводить въ забвеніе все, что видѣли онѣ въ Паупоновомъ царствѣ. Въсплывушъ о сихъ поляхъ, что они прилпныя и всселыя, гдѣ находятел, не извѣстно,

были онѣ высокаго съ короткими вьющимися бородами, въ бѣлыхъ долгихъ одѣянїяхъ, опоясаны фесшонами; у одной голова была не покрыта, а другая въ бѣлой воспрой шапкѣ на подобіе сахарной головы. Кабалисшѣ сдѣлалъ имъ самое униженное почитеніе наклоненїемъ головы и принесенїемъ правой руки къ своему сердцу. Впрочемъ шѣни спояли неподвижно, какъ сдѣланныя изъ мрамора въ шускломъ шолько видѣ.

Ужаѣвъ и въ семъ случаѣ не оставилъ коснушься двумъ молодымъ Героямъ, но ободривъ другъ друга и сообщивъ о шомъ свое мнѣнїе завыщанїе кабалиста имъ не позволяло; и такъ спояли они неподвижными и безмолвными, ожидая не окончанїя еще, но спрашивѣйшихъ и ужаснѣйшихъ бывшихъ до сего дѣйсствїй волшебныхъ и очарованныхъ предпрїятїй.

По семъ возвышая голосъ продолжалъ Кабалисшѣ вызванїе: „Проклятый и ненависшый небомъ и всякою созданною отъ него шварїю, сильный князь злыхъ духовъ Гомалисѣ, заклин-

изю тебя великимъ Чернобогомъ ,
 симъ камнемъ, отдѣленнымъ оубо его
 престола и всѣмъ Адамъ, держав-
 нымъ скипетромъ царствующа надъ
 всѣми пречими шандисвенныя нащед
 науки, и симъ выскопочшенными
 предспоящими здѣсь шѣнями, сей часъ
 предшанъ моему произволу и закли-
 нанію, для услышанія назначенія учас-
 ти добровольно предавшагося тебѣ
 Аскалона. „

По окончаніи сего Кабаднеръ
 ушихъ, подожа правую руку на чер-
 ной камень, и поцупя голову внизъ
 споялъ неподвиженъ. Споявшіе Герои
 почувшвовади въ горницѣ ужасный
 смрадъ и зловоніе, къ снесенію ко-
 тораго едва терпимоспи въ нихъ до-
 сшавадо; появился попомъ черный и
 густой дымъ, сокрывшій оубо нихъ
 находящійся въ горницѣ свѣшъ, Ка-
 балиста и шѣни; наконецъ слышанъ
 былъ стонъ многоразличныхъ свирѣ-
 пыхъ и дико ревущихъ живопныхъ,
 ошчаянные, тяжелые, въ пресенте
 ешѣны приводяще вздохи, подобные
 опверсілымъ земнымъ хлябямъ, изры-
 гающимъ изъ себя великое изобиліе

агнералимой матерѣи, за тѣмъ плачь
я вопль невоображаемаго мнѣшества
вародъ, и дикоревущіе голоса подобны
были происходящимъ опѣ людей ди-
кихъ обитающихъ на краю земномъ,
пипающихся сыростию и плотояд-
ствомъ. Адакой ихъ ревъ и сщонзаніе
мучащихся фуріями (*) заглушали
слова Кабалисша; однако Герон хощя
смушно, но могди онѣя слышашь.
„Сила сего камня, говорилъ онъ Гема-
лису споящему предъ ешоломъ на
колѣнахъ, и положивъ на голову его
руку, самодержавный скипетръ и при-
сущивующія шѣни запрещающъ ше-
бѣ нынѣ похищенъ во адъ Аскалона; а
опредѣляющъ продолжитъ жизнь его въ
другомъ шолько видѣ, безъ всякого уже
нанесенія вреда роду челоувѣческому, но

В 5

(*) ФУРІИ, адскія богини, дочери Ахе-
рона и ночи, служительницы Плутонovy,
и мстительницы за беззаконіе. Онѣ въ
тартарѣ мучатъ и бьютъ пламенными
бичами тѣхъ, кои беззаконно на свѣтѣ
жили. Ихъ было три: Алекта, Мегера
и Тизифона; имѣли онѣ пламенныя глаза,
на головахъ змѣи, въ рукахъ зажженные
пуки лучинъ; при нихъ происшествовалъ
всегда ужасъ, неистовство и смерть.

воспрепятствуя впрочемъ власти твоей надъ онымъ: ибо преданіе его тебѣ естъ добровольное, но и ожидай похищенія его въ будущее время и исчезни оубо сего мѣсяца.»

Вдругъ слышны были подъ землею сильныя громовыя удары, прерывая одинъ другаго безпрестанно; земля восколебалась и подъ зданіемъ, въ коемъ Герои находились, учинилась безпрестанная зыбь, горница шаталась, какъ корабль на волнуемомъ морѣ, стѣны и всѣ укрѣпленія шатались, и казалось, что разрушится все зданіе и превратится въ пыль; ревъ, стонъ и вой неизъясненно усилились, смрадъ и зловоніе увеличилось, дымъ и мгла опиявъ прежде еще свѣтъ, закрыли наконецъ и глаза Героямъ, которые пресупивъ уже повелѣніе Кабалишова взялися за руки и другъ друга во время волненія зданія поддерживали.

По минованіи иѣкошораго времени все сіе страшное привидѣніе исчезло, но естъ, сокрылись стѣны и адекое зловоніе и стонъ пропали, Кидалъ и Алимъ увидѣди Кабалиша

лежащаго на полу во окруженіи безчувственна и неподвижна, однако по довольномъ времени пришедшаго въ памашь. Онъ взявъ скипешръ въ правую руку и простерши онъ себя оную, говорилъ шакко: „Тайнство неизслѣдованное, глубина премудрости, бездна сокровенныхъ свѣденій превыше во многомъ поняшя человеческого, прѣобрѣшенныя шрудомъ и прилѣжаніемъ, всѣ совокупно предшаныше мнѣ шеперь, да учиню подвигъ, досшойный самодержавной и преещенственныя науки; предшанъ власши и произволенію моему, Аскалонъ! „По семъ увидѣвъ Аскалона спомнутаго предъ нимъ на колѣнахъ, и Кабалисшъ положивъ на голову его скипешръ, продолжалъ: „Боги, которыхъ шы предъ саманою ошрекся, и предалъ себя добровольно во власшь дѣявола данною кляпвою и рукописаніемъ, оставили шебя въ добычу Ада, и въ сію ночь богами прокляшое шѣло швое и смрадная въ немъ душа должешивовали взышы бышь демонами, но за добродѣтель Алимъ и Кидала ошановляющъ швое низверженіе на нѣкошорое время, ошѣ-

емля однакожъ у тебя половину
человѣческаго образа , и всѣ чело-
вѣческія чувства и понятія , нагржа-
дая тебѣ половиною образа скошска-
го , а поилиемъ звѣрскимъ. ,, Попомъ
положа скипетръ взялъ стоящій на
столахъ сосудъ , изъ котораго жидкою
манертею окропилъ Аскалона три
раза.

Вдругъ изъ умылой подлой души
предсѣпавился молодой и бодрой Пол-
канъ , опъ головы и по иреве имѣющій
образъ челоѣческій , а опъ онзго сло-
женіе конское , оброе и снройное ,
бодрился и билъ копытами въ землю,
не бывъ обузданъ порывался во всѣ
стороны , какъ молодой звѣрь , изъ-
являя охоту къ риспанію по непро-
ходимымъ дебрямъ и пустынямъ ; для
чего Кабалиснъ приказалъ приспу-
пить къ нему Алимю и Кидалу и воз-
держать опъ устремленія , доколъ
онъ окончаепъ танншвенныя сн дѣй-
ствія. Попомъ посшавя сосудъ взялъ
яки скипетръ и коснулся онымъ во-
рона , который опъ того прикосно-
венія сдѣлался оживотвореннымъ ,
распростеръ крылья свои и ожидалъ

повелѣнія отъ Кабалиса ; который говорилъ ему слѣдующее: „Таинственный вѣспникъ, проникнувъ расшворенныя хляби земныя, достигни до ада и предстань пресѣдолу великаго Чернобога, возвѣспи ему здѣсь бывшее и внуши заклятіе Гомалиса и превращеніе Аскалоново, учиненное для просящихъ особъ, исполненныхъ особливыми и высокими качесвами добродѣтели, силою самодержавныя и таинственныя науки и властію моею, данною мнѣ отъ высокопочтенныхъ ея изобрѣтателей къ произведенію добрыхъ дѣлъ. „Воронъ выслушавъ сіе отправился въ пушь, а Полкана приказалъ Кабалисъ Алимю и Кидалу, выведя за градскія сѣны, пущить въ открытомъ полѣ.

ГЛАВА XIV.

ВЕЧЕРЪ 94.

Продолженіе Кидаловыхъ приключеній.

Такимъ образомъ отняты были всѣ способы у неистоваго Аска-

лона къ поврежденію ближнато
 чѣмъ Алимъ и Аскляда сдѣлались
 вѣчно успокоенными, забывъ все при-
 чиненныя имъ ошѣ сего изверга озло-
 бленія. А какъ Алимъ о послѣднемъ
 приключеніи съ Асклядою былъ еще
 невѣдомъ, но и пожелалъ ошѣ
 оныя увѣдомленія. Супруга его раз-
 сказала ему подробно до того време-
 ни, какъ ошдано было шѣло ея искус-
 ному Египтянину для бальзамирова-
 нія, и потомъ продолжала такъ: „Сей
 челвѣкъ, какъ я послѣ уже увѣдоми-
 лась, учинивъ все прѣугошовленія въ
 присушествіи всѣхъ до того меня окру-
 жающихъ женщинъ, прѣшупилъ въ
 исполненію; но вдругъ осозновился
 и былъ въ крайней задумчивости,
 а на вопросъ мѣпершницы моей ош-
 вѣшвовалъ, во услышаніе всѣхъ
 предположнхъ, что оный по прево-
 сходному его знанію и ошмѣнному ошѣ
 пречихъ искусству находилъ въ шѣлѣ
 моемъ нѣкошркую живость, и кровь
 не совсемъ охлажденною. Все броси-
 лись къ его ногамъ и съ неизрѣчен-
 нымъ воплемъ и слезами, просили
 его употребить прѣвосходное его ис-

чувство къ возвращенію моей жизни, обѣщавая ему шаксе награжденіе, какое онъ самъ по произволенію его изобразить можешъ. Египтянинъ опложа бальзамированіе до другаго дня, обѣщавъ по ушру уведомить ихъ рѣшительно, можешъ ли онъ возвратить мнѣ жизнь, или нѣшъ. Во всю текущую тогда ночь не осмѣивали согрѣвать моего шѣла разными прикладываніями, а въ наступающій день ошмѣнный сей врачъ шоржесшвенно обѣявилъ, что онъ дѣйствительна уверешъ сшалъ по разнымъ его примѣчаніамъ въ возвращеніи мнѣ жизни; что дѣйствительна извѣстными ему только одному соспавами и учинилъ очевидно. Окружающіежъ меня ошѣ всѣхъ сіе сохраняли въ шайнѣ; а какъ получила я чувства, то и разсудила шайну ихъ ушвердишь во всей ея силѣ мепремѣнно, дабы просшой народъ не могъ вывести изъ очевидносши сей какого нибудь очарованнаго дѣйствія, и не счелъ бы меня какимъ нибудь волшебствомъ преисполненную. А болѣе причиншповалъ къ тому ужасъ и ошѣ изверга Аска.

лона мнѣ причиненный. И такѣ учи-
 нивъ совершенное воздаянїе лѣкарю и
 приказавъ запереть и запечатать
 тоиъ покой, въ коемъ будио бы тѣло
 мое находилось, до прибытія швоего
 предпріяла я жить во дворцѣ сокро-
 венно, что и продолжалось до при-
 шесствія въ ошечество нше сестры
 швоея Плакешы. Сїя Государыня путе-
 шествуя по всему свѣту съ ошмѣнными
 любовишесвомъ и извѣдыванїемъ о
 тебѣ, могла получить совершенное о
 томъ свиденїе ошъ жрецовъ нашихъ,
 по найденїю тебѣ младенцомъ на бе-
 регу, а болѣе, по имѣвшемуся тогда
 на тебѣ шлнзмнну, лежащему ннѣ
 на прешолѣ Перуновомъ. Она проси-
 ла дозволенїя видѣть шѣло мое, что
 ошъ боярѣ и получила; но вмѣсто
 недушевленнаго шѣла пожелала я
 видѣться съ нею сама, а свидѣв-
 шнень условились ѣхать вмѣстѣ, для
 ошѣисканїя тебѣ. И такѣ и донынѣ
 въ государствѣ нашемъ подданные
 ошнющающа въ томъ мнѣнїи, что я
 нахожуся мертвою и шѣло мое со-
 храняется въ запечатанномъ покой; а
 извѣстны только ближнїя, окружаю-

лѣя меня женщины, что я путешествовалъ съ Плакетою, ищу моего супруга въ его опечесствѣ, что благоволеніемъ всецѣдрыхъ къ намъ боговъ по желанію нашему и исполнилось.

Первое попомъ стараніе было опрыскать кости невинно убіеннаго Дашиной, брата Оланова, которыя положили во гробъ, пославши въ храмъ Чернобоговомъ и на другой день съ подобающею Княжеской фамиліи церемоніею вынесли изъ города для погребенія и учиненія призины, что проехало слѣдующимъ образомъ. При разсвѣтаніи дня отъ храма Чернобогова до мѣста назначеннаго для призины, усыпали дорогу крупнымъ краснымъ пескомъ и молодыми вѣтвями можжевельника и еловаго дерева, побросавъ мѣстами изъ оную благоуханные цвѣты; каплицы храма и исшуканъ Чернобоговъ занавѣсили чернымъ сукномъ, ушвердявъ по мѣстамъ бѣлыя перевязи, а съ престола Чернобогова отъ подножія его прошянули до дверей храма черноежъ сукно, на которомъ спавленъ былъ Дашиноевъ гробъ и споялъ

Част. V.

И

Первосвященникъ. Въ шестви на мѣсто погребенія несенъ былъ во первыхъ домашній кумиръ Чернобоговъ двумя жрецами въ черномъ одѣянн, покрытый чернымъ флеромъ, прошившимся назадъ; лакошъ дваццанъ за нимъ два боярина на черной подушкѣ съ бѣлымъ гасомъ и кисшиями несли Дзшиноевъ шализманъ или доскънецъ, возложенный на него по рожденіи. Попомъ два воина въ кольчугахъ и шлемахъ вели оседланнаго коня подъ чюною сѣпью, влекущуюся за нимъ лакошъ на пашь; за шѣмъ слѣдовалъ великорослый человекъ облеченный въ желѣзныя латы; по семъ два боярина въ рашныхъ одеждахъ и на такой же подушкѣ несли стальную лугу, другіе два серебряной съ финифтью шлемъ, шреши два, мечъ и поясъ осыпанный камнями; четвертыйе лукъ и стрѣлы; за симъ одинъ путешествовалъ съ копьемъ, а за шѣмъ на подушкѣ двое же несли гривну или цѣпъ; имъ послѣдовали дваццанъ чешыре воина, державшіе подъ мыцами копья обращенныя остриемъ въ землю; за симъ жрецы пою-

ще надгробные стихи въ черныхъ
долгихъ одѣянїяхъ, у которыхъ выше
локтя перевязаны были руки бѣлымъ
долгимъ флеромъ; гробу предшество-
вали два жреца, имѣвшіе въ рукахъ
великія съ жаромъ урны, изъ коихъ
благоуханіе во всѣ предѣлы города
разносимо было колеблющимся возду-
хомъ оиѣ собранїя многочисленнаго
народа. Гробъ везенъ былъ подъ бал-
дахиномъ десятию лошадьми; покры-
тыми черными сѣпями; на поверхно-
сти блестящаго золотаго балдахина
ушверженъ былъ большой черный
парящій орелъ въ помѣ знаменованїи,
что пища сія храбрыхъ и добродѣ-
тельныхъ героевъ неуснашимыхъ
души ошносишь въ рай. Гробъ по-
крытъ былъ аксаминошнымъ покрыва-
ломъ, опущеннымъ съ одра до земли,
на которомъ изображены были Геро-
глифами всѣ шѣ побѣды, кошорыя
дшиной одержалъ надъ непрїятелями;
по сторонамъ кошорого воины несли
зажженные пламенники; за гробомъ
сѣдовалъ Первосвященникъ въ бѣ-
ломъ одѣянїи и въ вѣнцѣ, сдѣланномъ
изъ вѣшвей кипарисныхъ; за нимъ

Олаибъ , Алимъ и Кидялъ , а потомъ бояре два два и множесшво народа.

Въ полѣ вокругъ ископанной могилы , въ дальнемъ однакожъ отъ оныхъ разсѣянии поспавлены были шолы , покрытые бѣлыми сподѣшниками , увѣшенные изъ цвѣтовъ навѣсками и обремененные различною пищею , подлѣ кошорыхъ въ разныхъ мѣстахъ стояли огромные сосуды , исполненные пива и меду , а за ними по всей окружности насыпанъ былъ великой бугоръ , или валъ рыхлая земля.

Передъ могилою угошванъ былъ жершвенникъ , по пришествѣи къ кошорому и по закланіи пшши великорослыхъ и шучныхъ воловъ , внутренность ихъ возложили на жершвенникъ и сожгли , а мясо употреблено было за сподѣши въ пищу ; пошомъ опушили въ землю шѣло , и какі шолько Первосвященникъ съ серебрянато блюда бросилъ въ могилу при горѣши земли шо меньше нежели въ десяти минушъ узрѣли надъ могилою бугоръ или курганъ огромныхъ величины , и

подобіе высокой горы, ибо все яже
 преднее изъ города вочистило и весь
 народъ носилъ землю племени и
 напками, и во мгновение ока очисти-
 ли землю находящуюся за пригошо-
 ленными снодами; а учинивъ сію
 громаду всё вдругъ бугру поклони-
 лись и обратилися къ снодамъ; и
 какъ скоро Государь сѣлъ за оныя,
 то по данному знаку всё помѣши-
 лись, и нѣсущаясь всякой по мѣрѣ
 и желанію, въ вечеру уже всё воз-
 вращался въ городъ.

По окончаніи такихъхъ необходи-
 мостей Оланъ опредѣлилъ быше со-
 вѣтшу для назначенія въ званіи и въ
 благодарности награжденія Кидаль,
 Герою, предпріявшему шодикѣ подвизъ
 ко избавленію ошечеснва ихъ ошѣ
 нга неволи и шираиснви, и къ воз-
 вращенію обладшелою жизни, а под-
 длинымъ покоя. Большая честь изъ
 собранія извѣстны уже были, въ ко-
 торомъ числѣ и Длимъ, какона на-
 гражденія за шо ожидтеиш ошѣ ннхъ
 Кидаль, шо есшъ, увѣичанія любнн
 его полученіемъ Пакены въ супру-

жество. Таковое награжденіе почиталъ Оланъ Божескимъ провидѣніемъ, и не только чпо охотно желалъ на шо согласиться, но и чаяшь того не смѣлъ, чшобы онъ того, кому жизнию своею обязанъ, могъ присокупить въ свое родство, и шѣмъ доспойно возблагодарить освободителя ошечесша. Определено было предложить Кидалу о родѣ и избраніи самимъ имъ того, чпо долженствовало имъ учинить, дабы соразмѣрно было его услугѣ и чувствуемой ими всегдашней къ нему благодарности, которое предложение взялъ на себя Алимъ и въ скоромъ пошомъ времени обрадовалъ Государя, своего ошца, чпо Кидалъ за верхъ счастья и благополучія своего почитаетъ бѣшь супругомъ дочери его Плакшты, и ежели послѣдуетъ на шо соизволеніе Оланово и желаніе Плакшты, шо онъ сочшетъ себя выше услугъ его награжденнымъ. Для чего позвана была къ ошцу своему Плакшта, и на предложеніе ошца его о семъ союзѣ ошвѣщивала шакъ: Боги и шы родилель мой извѣщенъ, колцкою благодарностию

обязана я сему молодому Герою ; онъ оживотворилъ моего отца , избавилъ подданныхъ отъ ига чуждаго рабства , мнѣ изгнанной изъ отечества и спрянсшовавшей по всему свѣшу учинилъ присшанище ; воля на сѣ Государя и отца моего послѣдовала , я чувствую къ нему безпредѣльную благодарность , а по шому и любовь : по провидѣнію въ шомъ боговъ , воля рѣдншельской и своей благополучной учасши , зная его добродѣтельное сердце , покоряюсь безпрекословно. И по сему благополучному свѣ обѣихъ споронъ согласію , назначено быль въ наступающій день торжешву обрученія , кошорое при собраніи всего двора и народа въ Ладномъ (*) храмѣ , со всѣми услаждающими взоръ обрядами , ко удовольствію соединенныхъ сердецъ , не шокмо обрученыхъ торжешшвенно , но и всего государсшва благополучно исполнено ,

И 4

(*) **ЛАДА** , Славенская богиня браковъ , любви и веселія. Каждый сочетавшися приносилъ ей жертву , надѣлся получать отъ нее счастье въ супружествѣ.

и назначено отъ сего дня усировать съ оимѣннымъ великолѣниемъ, издивеніемъ и вкусомъ все принадлежащее къ обрядамъ бракосочетанія; а доколѣ оныя пріугошоваемы будуще, покрывшій почтенною сѣдиною, знаменшій глубокою старосшію и возвышенный шансешскимъ познаніемъ Кабалистѣ предложилъ Государю и всему его высокому родству, выслушавъ отъ него все шѣ приключенія, копорыя учинились отъ начала надеяія ихъ государства, относящіяся собственно къ его особѣ, къ супругѣ его Тризлѣ, Алимѣ, Плакешѣ, особо его подданнымъ, вообще всему государству и ему, знаменишому въ ошечесствѣ ихъ прорицашедю; изъ что какъ Государь, шакъ и другіе согласились: ибо всякому нужно было услышавъ общошпедно о приключеніяхъ всего государства вообще и часшию о самомъ себѣ, что Кабалистѣ и началъ шакимъ образомъ:

ГЛАВА XV.

ВЕЧЕРЪ 95.

Сказаніе о трехъ злахъ.

Благополучіе Хошынское государ-
ство первый шагъ къ бывшему
падению своему учинило бракосочета-
ніемъ Олана и Тризды. Государыня
сія преисполнена была шреля по-
роками, шю еснш, гордоснію, гнѣвомъ
и зависнію, а Государь къ ней любо-
вію, кошорая ни мало не дозволяла
ему видѣши. Ясно присовокупившіяся
къ правленію его шри зла, кошорыя
въ непродолжительномъ времени учи-
нились причиною паденія благо-
получнаго и сильнаго государства.
Въ самый первый шоржесивный
день бракосочетанія ихъ, къ несчастію
вѣрноподданныхъ, открылись ея ка-
чества: не удостоила она первѣй-
шихъ боярѣ и ихъ супругѣ никакимъ
благосклоннымъ снисхожденіемъ, дню
шому подобающимъ, и на всѣ ихъ
ошмѣнныя для шого шоржесива дра-
гоцѣнныя одежды смолрѣла зависпи-
ными глазами, а опредѣленные къ
собшвеннымъ ея услугамъ жеспоко

И 5

были бранены и угрожаемы наказаніемъ. Сіе неудовольствіе, почувствованное при Дворѣ, разглашено было по всему городу, а въ скоромъ времени и по всему государству. По семъ правленіе измѣнило свой видъ и древніе законы почувствовали ошмѣну. Слѣдовали грамоты ко униженію власти боярской и за всякую прослугу, сколько бы впрочемъ ни была она маловажна, предписываемо ошмѣніе имѣнія. Прежніе бояре, окружавшіе Государя и находившіеся въ совѣтѣ правленія государственнаго, ошмѣнены, и на мѣста ихъ произведены другіе, непмѣвшіе ни шолкихъ познаній, ни заслугъ къ ошечеству, какъ прежніе. Тризла въ скоромъ времени получивъ власть самодержавія ошъ супруга своего, употребила се во зло, въ разсужденіи имѣній вѣрноподанныхъ; по повѣленію ее изданъ былъ законъ доселѣ видѣ несмысленный, опредѣляющій всякому имѣнію по чинамъ, а у кого имѣніе превосходило шаковое уложеніе, немедленно ошмѣно было въ казну; дѣти лишены были наследства и кромѣ содержаія своего, и по бу-

дучи еще не въ совершенныхъ лѣтахъ, ничего не получали; дочерямъ назначено было самазлѣйшее приданое, и словомъ все благополучіе государства измѣнилось, казна государственная безчисленно умножилась и находясь безъ всякаго обращенія, приключила невозвратный общенщественный убытокъ; по всемъ областямъ открылась бѣдность, и ремесленный не могъ нѣсти себѣ пропитанія, въ государствѣ шкомъ, которое до того изобиловало всякимъ благомъ. Всякъ шакобыя грамоты подписываемы были самимъ Олакомъ.

Первосищенныя болре ошважились предсказавши о томъ Государю, за что оиѣ супруги его получили гнѣвъ и гоненіе, которое до того просперлось, что многія поколѣнія испреблены были казнію и ссылкой въ вѣчное заключеніе, гдѣ безъ всякаго сожалѣнія уморены голодомъ и другимъ изнуреніемъ. По всемъ областямъ проливалась кровь неповинныхъ иноподданныхъ и въ каждомъ городѣ и селеніи во всегдашнее время тысячи мучимы были на правѣхъ, не ушамъ

ли кляса своего имѣнія и не учинялся ли шѣмъ пресшунникомъ законовъ, чино и продолжалось сколько времени, доволъ шрешъ государсшва вѣрныхъ подданныхъ Олановыхъ, невино поспрадавшихъ, пресслелась въ царсшво Чернобога.

Около сего времени прибылъ изъ Индіи въ мое ошечсшво, продолжалъ Кабалисшъ, и сдѣлавъ чудный гробъ ошду моему, упражнялся во изисваніи шансшпвъ природы, не свѣдомыхъ еще никому. И хошя я входился я въ самомъ безмолвіи и шшшшш, не входя ни въ малѣйшее изслѣдованіе государсшвеннаго правленія, но сшешаше, вопль и несчашіе народа, а ошъ шого предвидимое паденіе сильнаго государсшва проникли въ мѣсто моего уединенія; для чего шроскранно сдѣлавъ умовеніе шѣлу моему, шроскранно учинивъ посшъ и успокоивъ шѣмъ всѣ чувсшва, ошкрылъ книгу *предвѣнія*, кошо-рая хошя въ непроицземомъ мракѣ, однако ошкрыла великія народныя возмушенія, к зни, гоненія, войну, паденіе государсшвенное и наказаніе

владѣислю и его неисповой сунругѣ. Приклонивъ колѣно закрылъ я сію книгу, и открылъ другую называемую *о обращеніе бѣдъ*, въ такомъ же или большемъ еще мракъ въ крайней отдаленности времени увидѣлъ избавленіе государсва. Но какъ обѣ сіи книги показали мнѣ ошкрованіе во мракъ, шо изъ того по знанію моему могъ я легко заключить, что во учинившихся въ государствѣ перемѣнахъ даже и учинившихся сверхъестественной силѣ, и для того съ такимъ же преклоненіемъ колѣна закрывъ сію, открылъ книгу *чрезъестественныхъ приключеній*; она показала мнѣ ошкровенно злѣйшаго духа Граногроба, начальника надъ Домовыми (*), Лѣшными (**),

(*) Д.МОВЫЕ; сіи мечтательные полубоги у древнихъ назывались Лешими, у Славянъ энцикл. т. 11 мѣсѣ и д мовѣ, а у нынѣшнихъ сѣверныхъ протестантовъ почитаются д мовскими чертями, на которыхъ ссылаются всѣ недобрые слуги, ежели что въ д мѣ сдѣлается худо, то сдѣлали домовые к т рыхъ нѣтъ и не бывало.

(**) ЛѢШІЕ Сіи мнѣшныя пугалища почитались у Славянъ лѣсными богами, мѣсто

Кикиморами (*), Гусалками (**)

рыхъ чинъ имѣли у прочихъ язычниковъ Сатурны. Объ нихъ и понынѣ вѣдѣны они носится басня, что они съ зрѣху до половины шѣла имѣютъ станъ человеческій, съ козими на головахъ рогами, ушами и бородою, а отъ пояса простирается у нихъ козлиныя ноги. Когда они ходятъ между травою, то умалются въ подобіе оной; а когда бѣгаютъ по лѣсамъ, тогда срываются выевою съ оными, и кричатъ при томъ преужасно. Ходящихъ по лѣсу людей обходятъ кругомъ, чѣмъ зѣпмѣвая у нихъ память, принуждаютъ заблуждаться до ночи и послѣ уносятъ ихъ въ свои жилища.

(*) КИКИМАРА, ночное Славенскіе божество; качество его во всемъ уи доблялся Мерфееву, котораго древніе почитали богомъ сонныхъ мечтаній. Славенской же кикимора представлялася наипаче страшнымъ привидѣніемъ, или пугалищемъ ночнымъ, нынѣ же у простолюдиновъ признавается за женщину; и ежели полюбятъ въ домъ хозяйку, то во время ночи ей помогаетъ въ дѣлѣ, а когда возненавидитъ, то все въ домѣ бьетъ и ломаетъ.

(**) РУСАЛКИ, Славенскія Нимфы. Ихъ почитали богинями водъ и лѣсовъ; можетъ быть находился ихъ не одинъ родъ, такъ какъ у Грековъ. Славяне поклонялися имъ и приносили жертвы. Въ простонародіи и понынѣ носится объ нихъ такъ называемая басня, что будто видають ихъ иногда при берегахъ озеръ и рѣкъ моихъ.

Дгиши бабами (*), Вѣдьмами (**),
 ходящими мертвецами (*,*) и про-
 чими злыми духами, обитующими на
 поверхности земной, котораго держа-

щихся и чешущихъ зеленые свои волосы,
 а иныхъ качающихся на деревьяхъ. Какъ
 видно, то сто древнихъ предразсуждений
 еще зараза.

(*) **ИГАЯ БАБА.** Сіе страшилище описы-
 ваетъ суевѣріе сирашною, сухопавою и
 огромною бабою, на подобіе остова съ
 косяными ногами, держащею въ рукѣ
 желѣзную палицу, которою она дѣйстви-
 тельно, понуждая капиться желѣзную свою
 машину, то есть спуну, въ коей она
 развѣжастъ. По таковымъ примѣтамъ
 можно думать, что она у Славянъ имѣла
 должность Беллоны, или какой ужасной
 адской богини.

(**) **ВѢДЬМЫ,** такъ называются суевѣоами
 волшебницы: онѣ имѣли искусство прѣвра-
 щать людей въ разныхъ животныхъ,
 кои назывались оборотнями, портили лю-
 дей и прочая. Главная изъ нихъ была въ
 Киевѣ, почему злѣйшая волшебница всегда
 называлась Киевскою вѣдьмою

(***) **МЕРТВЕЦЫ.** Суевѣрцы думали и нынѣ
 думаютъ, что мертвецы встаютъ изъ
 могилы и ходятъ, то есть, тѣ, кои были
 чернокожики, и не эдаки другому книги
 своей и искусства, то вставая ходятъ
 и ищутъ такъ за челоуѣка, кому бы эдакъ
 чернокнижје, а между тѣмъ вредятъ
 людямъ, приводя ихъ въ ужасъ,

ла за правую руку изсохшая и безобразная зыкнотъ, а на другомъ листѣ Радегасна держащаго также за правую руку Геніа. И какъ шаковыя ошквенніи довольно вразумили меня о подлежащихъ злыхъ несчастіяхъ государсва нашего, шо не упуская времени предсналъ я добродѣтельному Олану, и не ошкрывая видѣннаго мною, предложилъ ему о спасеніи государсва, описавъ все его изнуреніе; но нашелъ его кромъ любви и безиредѣльной преданности женѣ своей ничѣмъ другимъ не занятымъ, даже недумающимъ и о собственномъ своемъ доспоинсвѣ. На все шо онъ мнѣ ошвѣстивовалъ корешко, а имянно, шпобъ сіе мое предложеніе учинилъ я супругѣ его Тризлѣ, кошорая по чрезвычайномъ трудномъ къ ней доступѣ за мое усердіе мое наградила меня презрѣніемъ и поносишелтными словами, назвавъ меня шалуномъ, а науку бреднями, прибавивъ къ шому, шпобъ вышлкли меня вонъ и учинили подъ смершнюю казню запрещенію впредъ казашься мнѣ предъ пою.

Возвращаясь въ мое обитаніе
 преисполненъ будучи сокрушенія о
 слабости своего Государя и паденіи
 государственныхъ, увидѣлъ я множес-
 тво поспѣвающихъ людей, и на
 вопросъ мой куда, отвѣстивъ взяли
 ни, развѣ ты онлучаеся изъ города,
 что не извѣстенъ о наступающемъ
 плачевномъ позорищѣ, подобнаго ко-
 торому ни въ какомъ государствѣ
 еще не случилось. Дочь посланнаго въ
 замоченіе боярина Милована, извѣст-
 наго по заслугамъ ошечесиву и по
 многимъ взысканнымъ имъ и награж-
 деннымъ особамъ, будетъ казнена се-
 го дня на общенародной площади,
 за то, что онакавала Тризль выйши
 за шого жениха, котораго она ей
 назначила, что причинено той дѣви-
 цѣ во оскорбленіе самодержавія, во
 ослушаніе власнѣи и въ возмущеніе
 народное.

Такое ошмѣнное варварство по-
 нудило меня ийти на ту площадь,
 гдѣ при плачѣ всего народа прекрасной
 шой и знашней дѣвицѣ, въ самыхъ ея
 цвѣтущихъ дняхъ, отрублена была
 кашскими руками поноснѣйшимъ об-

Част. V. I

разомъ голова , а стоящій подлѣ сруба ея любовникъ такогожъ зншнаго поколѣнія прекрапилъ свою жизнь въ томъ самое время кинжаломъ. Спойбъ и плачь народный возвышался до небесъ , но оныя гнѣвное тогда лице свое отврапили и не внимали жалобъ , ошбъ сокрушенныхъ и сираждущихъ сердецъ къ нимъ возносимыхъ. Присовокупивъ и я слезы мои къ народнымъ , ибо не было возможности воздержашъ оныя , возвратился къ жилище мое оплакивашъ участь несчастнаго опечеснѣва нашего.

Превращая благополучіе народа нашего въ несчастіе наводеніемъ непріязненной силы , предпріала Тризла превратитъ храмы опечеснѣнныхъ боговъ въ чужеземныя. Она возкамѣрилась соорудитъ храмы иностраннымъ божествамъ Гнѣву , Гордосни и Зависни , и посигавитъ имъ кумиры съ должными ихъ означеніями. Чего ради всѣмъ жрецамъ учреждено было засѣданіе , и симъ учрежденіемъ , оспавя всѣ прочія государспвенныя дѣла , Тризла весьма долгое время

занималась , попущеніемъ опіб своего супруга , котораго разумъ . и разсужденія казались опиятыми , ко вреду его подданныхъ и къ изклоненію ладенія государственнаго. Всѣ видѣли и разумѣли , что сіе предпріятіе супруги Княжеской ни съ умомъ ни съ разсужденіемъ человѣческимъ не согласовалось ; и возможноли было первое боговъ прашцами почишаемыхъ испребишь , а второе порокамъ воздавать честь богопочишанія : но нѣкоторыя жадныя къ корыслолюбію жрецы , одержимыя подобнымъ симъ порокамъ дещію , подали Тризлѣ описаніе , какимъ подобіемъ соорудить низишчаемыя сѣ кумиры. Первое , кумиръ Гордосши изобразить въ видѣ сѣнаго юноши , въ богашомъ одѣянн , сшощаго одною ногою на шарѣ и поднявшаго въ верхъ правую руку , а при ногахъ его ушверднить павлина. Второе , кумиръ Гнѣва представишь во образѣ младаго челоѣка съ блиспающими глазами , съ пожелшѣлымъ лицемъ , во одѣянн цѣѣша горящему углю подобномъ , держащаго въ одной рукѣ обнаженный мечъ , а въ другой

ципѣ со изображеніемъ на ономъ лвиной головы , при ногахъ же его поставишь льва и шигра. Третіе , кумиръ Зависпи въ видѣ пресипарѣлой женщины , съ вѣющими около головы змѣями , въ рукахъ держащую сердце , которое она разрываемъ ; а при ногахъ ея утвердишь собаку. Но какую жершву и въ какое время приносишь симъ новымъ божествамъ , о томъ мнѣнія свои обѣщали подишь впредь , каковыя засѣданія происходили непрерывно и весьма продолжительное время.

Во всемъ государствѣ ни о чемъ больше не думано , какъ о возстановленіи новыхъ капищъ , о учрежденіи вновь обрядовъ приношенія жершвы , о назначеніи различныхъ праздниковъ , о истребленіи знатныхъ бояръ и богатыхъ гражданъ ; подлая душа упражнялися въ доносахъ , а добродѣтельные страдали , лишеніемъ чести , имѣнія и жизни ; государство клонилось къ паденію , Тривла злодѣйствовала ; а ослѣпленный любовью Государь находясь во внутреннихъ по-

колѣ своего дворца , подобенъ невольнику , ни о чемъ не мыслилъ , услаждаясь плодомъ своея любви, по снѣ , рожденіемъ Алима, а потомъ Палкены. Подданные Олановы лишившись всей надежды къ благополучію и опечалвшись во всемъ , упражнялись въ волшебствѣ и гаданіяхъ ; воинство потерявъ распоряженіе ослабѣло, и будучи разсыяно по всему Государству безъ начальства, пришло въ совершенную ничтожность, о чемъ соседственныя храбрыя и бранноносныя народы извѣщены уже были, и начали мыслишь о пріобрѣщеніи слабаго Государства своему владѣнію.

Въ нѣкошорый день объявили Государю, что прибыли къ Хошынскимъ берегамъ военныя суда, а изъ нихъ послы ошъ Нахая, Государя кочующаго въ жаркихъ предѣлахъ, съ предложеніемъ Олану войны или мира. Приняшіе ихъ, узнаніе причины посольства и учиненіе на то ошѣша, предано было въ произволеніе нашей Государыни, по причинѣ той, что она уже всемъ Государствомъ издавна вполнѣ достохвально управляла. Послы

приняты были съ должными обрядами и передъ престоломъ, на коемъ сидѣлъ Оланъ и Тризла въ богатыхъ княжескихъ одеждахъ, въ присутствіи Двора своего Вельможъ, говорили слѣдующую рѣчь:

„Нахай, Обладатель многими царствами, Государь сильный и величественный, Свѣплѣйшему Князю Олану и блистательной его супругѣ желаемъ здравія, и чрезъ насъ, его Вельможъ, оное сообщая, соизволяемъ обещать сильное свое покровительство Хошыню прошней всѣхъ пожаланныхъ поднять оружіе, за что и потребуемъ справедливой ошъ Олану рошы и дани; и когда немедленное на шо получимъ согласіе, шо имѣемъ вручить Свѣшлости Вашей ошъ лица могущественнаго Государя нашего достойные его и чести вашей дары: въ противномъ же случаѣ, соизволеніе его есмь объявить вамъ войну, и что ошъ силою своего оружія, учинитъ самое шоже, чего ошъ Свѣшлости Вашей добровольно потребуемъ, и ошъ сего часа приметъ мысли почишашъ васъ непріятелями. „

Вольность Славеноруссы обыкла почитатьъ выше своея жизни , а такое отъ пословъ предложеніе клонилось къ нарушенію оной : то всѣхъ предшоящихъ сердца воскипѣли воинскою храбростію, хотя впрочемъ признавали они государство свое обезсиленнымъ и изнуреннымъ. Гордая Тризла отъ такового дерзкаго предложенія измѣняясь поминушно въ лицѣ и кипя злобою и ошмщеніемъ , объявила чрезъ своего вельможу , что послы въ шребованіи ихъ удовольствованы будутъ , а завше, яко неожиданые гости , угощены будутъ въ присутствіи Государя и его супруги , къ чему приглашены были , и опущены на ихъ суда съ шюю же чеснію.

Въ саду дворца Оланова находился обширный прудъ , сдѣланный фигурою раждающейя луны, по срединѣ котораго приказано было сдѣлать плавающую огромную и великолѣпную бесѣдку , озлашнѣв и обвѣсивъ оную въ приличныхъ мѣсахъ различными благоуханными цвѣтами , въ которой Тризла вознамѣрилась подчиванъ сво-

ихъ гостей. Поутру на берегъ къ судамъ послано было множество коней въ драгоценномъ убранствѣ, на кошорыхъ послы прибыли во дворецъ, проѣзжая воинство стоявшее по улицамъ въ порядкѣ, съ распушенными знаменами, при звукѣ воинской музыки. Государыня учинивъ имъ привѣтствіе, говорила чрезъ шолмача: Бы почишаеши ошмѣнно Луну, воздавая ей божескую честь, а въ саду нашего дворца сдѣланъ издавна прудъ на подобіе ея фигуры: шо принятіе и угощеніе ваше, дабы сдѣлать вамъ нѣмъ болѣе удовольствія, какъ людемъ иностраннымъ, учредила я сдѣлать въ увеселишельной на ономъ бесѣдкѣ, куда и прошу за нами слѣдовать.

Какъ скорѣо прибыли къ берегу обширнаго того пруда, шо великолѣпная бесѣдка, находящаяся по срединѣ онаго, непримѣннымъ образомъ подошла къ берегу. Государь и Государыня въ нее всшупили, за ними Послы, а попомъ и бояре приглашенные къ сему пиршеству. Бесѣдка начала ошпыльвать на средину пруда,

а на берегахъ онаго загремѣла огромная и согласная музыка, и послышались ошмѣнною сдѣланною имъ чеснѣю казались бышь довольными. Пошомъ сѣли за прѣугошовленные сшолы, Сшоль Государевъ сшоялъ къ передней сшѣнѣ по среднѣ, боярской начинная опѣ онаго дѣлалъ полукружіе, а посольской полукругомъ же сшоялъ въ среднѣ онаго; всякія же ѣсшвы и пишья привозили съ береговъ на нарочно сдѣланныхъ для шого судахъ разнаго изображенія, украшенныхъ цвѣтами. Пированіе было свѣшное, и какъ послы, шакъ и подданные Олановы услаждались шаковымъ увеселяющимъ взорѣ учрежденіемъ. Въ среднѣ обѣда большой бояринъ взявъ ошличной кубокъ, всшалъ, что и прочіе учинили, и началъ пишь за здравіе Оланъ и Тризлы. При семъ возгремѣла воинская музыка, и сшолціе по берегамъ увеселишельнаго пруда шѣдохраишели Олановы кричали ура. По окончаніи сего шонѣ же бояринъ надлеѣ кубокъ и всшавъ со своего мѣсна, сказалъ: за здравіе Нахай, Государя пожедав-

шаго быть въ дружелюбіи съ пре-
свѣплѣйшимъ нашимъ Государемъ
Оланомъ. Какъ только онъ сіе выго-
ворилъ, то во мгновеніе ока сшолъ
посольской, ихъ скамьи и они сами
погружены были въ бездну водную,
и въ шожъ мгновеніе растворившееся
подъ ними мѣсто закрылъ другой полъ
выдвинувшій искусною рукою. Всѣ
бесѣдующіе ужаснулись и пришли въ
смяшеніе, самъ Оланъ содрогнулся,
ибо онъ нимаго о томъ извѣщенъ
не былъ; а удовольвшаяся шѣмъ
Тризда сказала: понесите угрозы ваши
во владѣніе Царя морскаго (*) и пред-
шесшвуя безразсудному обладашелоу
вашему, скажите праошцамъ вашимъ,
чтобы ожидали они въ скоромъ вре-
мени и его шудаже, ежели дерзнетъ
онъ учинить нападеніе на Хошынъ:
водою прибывъ въ водъ и погрязнетъ,
шижесшю свинцоваго веществива, шакъ
какъ сшолъ и скамьи посольскія
посшавленныя на свинцовой плшѣ
по учрежденію онъ Тризлы.

(*) ЦАРЬ МОРСКОЙ. Симъ именемъ назы-
вался у Славянъ богъ обладатель водъ,
которой у Римлянъ именовался Нептуномъ.

Тѣмъ се пированіе и кончилось, ибо началось морское сраженіе между судами Олановыми и прибывшими съ посольствомъ. Камни изъ пращей летали съ обѣихъ сторонъ шучами, для того, что бѣдшіе рода человеческого, но есть порохъ, тогда еще извѣстенъ не былъ; а соприсилверіе было непреодолимое, хотя воины на посольскихъ судахъ были въ шому и неприготовлены. Многие изъ судовъ взрвы были въ пазвѣ, а прочіе ошдалившись въ море, понесли извѣстіе Нахаю о угощеніи его посольства и о безразсудномъ нарушеніи правъ народныхъ гордою Тризасю, что и благомыслящіе Хошывскіе вельможи не одобряли, и знавъ совершенно слабѣе свое опечесиво, поспрагдливосни ждали и шреблснтя окно ошъ огорченнаго симъ и развареннаго варвара Нахая; что послѣ дѣйствително и сбылося весьма въ скоромъ времени. Но пришествіе шого воиаснша и дякое онаго распѣрженіе увидимъ мы въ слѣдующей шесшой часши.

ГЛАВА XVI.

БЕЧЕРЪ 96.

Продолженіе сказки о рожденіи тафляной мушки.

Началь за здравіе, а свель за упокой. Сей пословицы всѣ сочинили и расказики повѣстей должны держаться, шакъ какъ муха меду, или какъ судно кормила; ибо безъ онаго пошерявъ намѣренный пушь зайдеши оно въ пучину, пошонеши и пропадеши: подобно сочинилъ, или расказикъ не согласясь съ началомъ, повредилъ средину, испортилъ конецъ повѣствованія и сочинилъ безъ намѣренія грамаду, ни шо ни съо называемую. И такъ слѣдуя здравому разуму, прежде вступленія въ Неохово похождение должны мы рѣшиться съ шупрогимъ оленемъ и сбыши его съ рукъ, какъ ненадобную ссобу, по пословицѣ: *цѣлшо лѣтво на гурѣт, а дурант на рѣкант.*

Объ жашель всякаго рода монеты, а предпочинилъно прочимъ золошой,

по пришествіи его къ Первосвященнику, по упрежденіи прозбы и по сдѣланнымъ ему многимъ вопросамъ сочтенъ былъ безумнымъ и посредникомъ гражданскаго управленія заключенъ въ домъ сумашедшихъ обывателей, гдѣ сидя всякой въ особомъ отдѣленіи свободенъ распространить мысленную свою систему до невозможности. Здѣсь безразсудный Олень окончалъ ненужные обществу дни своей жизни, и преселился изъ свѣтской шорьмы въ подземельную адскую бездну; понеже все спроси надъ сердцемъ человѣческимъ двѣснующъ безпредѣльно, а спроси скуности и самое то превосходишь.

Такимъ образомъ супруга оленье получила все его имѣніе въ безпрепятственнос свое владѣніе, потерявъ токмо Илоха, пылкую и разумную шварь, ибо онъ занялся уже важнѣйшею должностію; но слухъ носился, что сія благосклонная Берфа удостоила шююжъ довѣренностію посадката Евдона, кудряваго молодца, перваго изъ своихъ сидѣльцовъ; а оное и по тому скоро примѣнно сдѣлалось,

что новомодный шопъ Евдошъ, не въздивъ прежде и въ линейкѣ, началъ развѣзжать въ карешъ, купивъ пару дорогихъ пѣгихъ лошадей; а шаковыхъ шершей кони были тогда въ модѣ и ихъ покупали ихъ неизрѣчно высокими цѣнами шъ люди, кошорые къ имѣнію своему сожалѣнія не оказывали, принявъ оное ошъ рачительности родишельской.

На всей поверхности земной около того времени, не учинилось никакой значной перемены, кошоруюбъ досшойно внесши было можно въ счисленіе гражданское: но ученые того времени города Вичены въ хронологическія ихъ книги внесли сіе доспомянушо. Ошъ изобрѣшенія шафняной мушки числишея нынѣ первый годъ. Какимъ же образомъ ошкрыше оной послѣдовало, извольше слушаши, я васъ увѣдомлю.

Неохъ благодѣшелемъ его дланомъ предшавленъ былъ хранишелю гоударшвенныя печашни, боарину при дворѣ знаншному и имѣющему крѣпкія подпоры оосщоянію своему со шнороны знаншныхъ родспивениковъ

его. Былъ онъ человекъ еще молодой, немѣвншій супруги, для чего и имѣлъ весьма частые секретныя переговоры съ дочерью одного вельможи, съ дѣвнцнсю прекрасною, а больше разумною. А какъ извѣстно, что въ такіе секретныя переносы, избѣраются люди съ ошмѣннымъ проворствомъ и способностію: то Неохъ избилдуя шми ошмѣностями, назначенъ былъ правителемъ кабинета его превосходнелшва домовыхъ секретныхъ дѣлъ, кошорыя онъ къ ошмѣнной похвалѣ своей и къ удовольствію секретствующихъ особъ, ошправлялъ съ ошмѣннымъ раченіемъ и искусствомъ, но только не долговременно, ибо все на семъ свѣтѣ скоропечно и подвержено перемѣнѣ. Въ нѣкошорый день сей знашншй господинъ сказалъ Неоху: ну, мой другъ, господинъ Неохъ, кошя съ сожалѣніемъ, однако принужденъ я съ побою разстаться. Вчера съ при дворѣ видѣлся со мною верховный начальникъ, и сказалъ мнѣ, что ты ошредѣленъ къ нему Секретаремъ, для чего и должно тебѣ сего дня къ нему явнпться; желаю тебѣ благополу-

чїя, ты человекъ съ достоинствомъ, а сія новая швоя должность самый ближайшій шагъ къ счастью; старайся шолько узнанъ склонности швоего начальника, шо и останешься въ несомнѣнной надеждѣ бытъ при дворѣ знаннымъ человекомъ. Могу бы я соснавши швое счастье, но верховный начальникъ имѣешь къ шому больше случая и способовъ, а при томъ онъ человекъ и добродѣтельный.

Возблагодаришь благодѣтеля моего за милосливное обо мнѣ попеченіе, явился я къ верховному начальнику, гдѣ принявъ былъ со всевозможною благосклонностію, и всшупилъ въ новоназначенную мнѣ должность. Я имѣлъ счастье поправиться первому боярину, и наконецъ смель былъ благополученъ, что учинился извѣстнымъ и самому Государю, находясь при всегдашнихъ докладахъ съ верховнымъ начальникомъ.

Получивъ такимъ образомъ званіе и должность не послѣднато при дворѣ и въ городѣ человека, былъ я собою чувствительнѣ доволень, и вознамѣрился ко увѣщанію усовершенствовавша моего

приложить крайнее стараніе ко ошб-
жанію въ городѣ Владиміры, скры-
ваншейся ошб меня до сего времени,
и я думалъ, что получивъ имя надсѣ-
наго гражданина, шѣмъ болѣе буду
ей пріятенъ; но въ томъ я, какіе че-
ловѣкъ молодой и мало еще въ свѣшѣ
искусившійся, крайне обманулся, по-
ложась на чшленные мною Овидіевы
превращенія, гдѣ любовь и вѣрносшь
великими похвалами превозносимы.

Въ нѣкоторой день обрѣвлено
было въ городѣ, что будешъ шорже-
сшвенное бракосочешаніе человѣка
знатнаго, но со шороны имѣнія не
шакъ зажиднаго, съ дѣвицею прѣзжею
изъ другаго города ошмѣнно богашою.
Ся молва пуще Купидоновой сшрѣлы
пронзила мое сердце, и я началъ,
какъ будто досновѣрно извѣсшясь,
прилѣжно грушншь, и прежде времени
еще поспѣшилъ къ Ладину храму, гдѣ
досновѣрно о судьбѣ моей и извѣсшл-
ся; увидѣвъ Владиміру, предсшавшую
жертвеннику съ человѣкомъ моло-
дымъ и сшашнымъ, окаменѣлъ я
сшоя на мѣсшѣ; а дабы сокрышь

Част. V.

К

огорченіе сердца и тревогу ума моего, вышелъ я изъ храма и поспѣшилъ домой, гдѣ предавшись глубокому опчаянію и сокрушенію легъ въ постелю, и объявилъ себя нездоровымъ, дабы не позвали меня къ верховному начальнику, и препроводилъ всю ночь въ шокъ и безъ сна.

По минованіи сихъ первыхъ движеній сердца моего принялся я за философію, и перебравъ всѣхъ систематисіповъ попалъ на мнѣніе одного, которое мнѣ въ семъ случаѣ показалось лучшимъ и надежнѣйшимъ. Онъ говорилъ все къ лучшему, и такъ осмывая мое сокрушеніе началъ я самъ себя смѣяпсь, что учившись двѣнадцать лѣтъ не въ послѣднемъ изъ Университетовъ, не выучилъ любовной нумераціи и свѣискаго изчисленія. И такъ принялся я за самыя начальныя правила оной, а именно вообразилъ во первыхъ себя не фамильнаго гражданина, безденежнаго Студента, безъимяннаго обывателя: но сія нумерація ясно мнѣ и открыла превосходство кавалера, котораго

Владимира избрала себѣ супругомъ. Во шпорыхъ предсказавль я слабосишь, чшо въ нынѣшнемъ вѣкѣ называюшъ любовью, шо и увидѣль, чшо Государямъ измѣнили ихъ подданные, къ кошорымъ они чувствовали неограниченныя склонности; героямъ любовницы, знанымъ господамъ ихъ супруги, сыновья и дочери презрѣвъ власишь и волю родишелей ихъ посягли, сродники не повинуюсь естественному закону вступали въ супружество: шо въ семъ просперанномъ хаосѣ обширнаго свѣта, какимъ образомъ Сшуденишъ отважился шакъ помыслить, чшобъ обогащенная свыше мѣрѣ красавица предпочла знаннаго господина не фамильному Сшуденшу, а шого и еще хуже о томъ ему скорбѣши; къшъ ея слабость неприлична учейному человеку, а особливо молодому и просвѣщенному, кошорый совершенно знаетъ, какъ ему около своей сферы обращаться. И какъ день бракосочетанія Владимиры миноваль, шакъ и мысль о шомъ въ Сшуденишѣ пропала, и сокрушеніе, бывшее въ немъ до сего, по правиламъ шой же нумераціи по-

ставилъ онъ на щетъ новобрачнаго господина въ томъ разсужденіи , что Неохово преимущество и предшесствіе его къ благосклонности Владимириной , взойдушъ когда нибудь супругу ея на памашь.

Время раждаетъ металлы, увеличиваетъ камень, воздвигаетъ горы и удручаетъ лице земли разными накопленіями : шо удивительно ли будешъ, что оно родило другое Неоху счасшіе , превосходитъ еще прежняго, кошорое и осшалось уже при немъ до конца его жизни , а попомъ перешло въ попомсвенную линію , какъ того времени свидѣшельствововали геральдическія книги ; но нынѣ шѣ листы , изъ коихъ родословная фамиліи Неоховой находилась , сгнили опъ небреженія архивъ, во время бывшаго великаго княженія въ Россіи. Для чего многіе чрезъ чуръ честолюбивые дворяне не заслу-гами ошечесшву , но одною порокою своею возвышающіеся, родословія своего далѣе временъ Великаго Князя Рурика показашъ не могутъ , хоща и крайнее стараніе и великія капишала

хъ тому употребляюшъ; а большею часнѣю вывзжѣ роды въ Россію, утверждая часто многіе изъ нихъ въ прѣшельскихъ собраніяхъ, что родъ ихъ по прямой линіи происходитъ отъ Ромула, основателя древняго Рима, но въ здѣшнихъ де архивахъ все то упрачено.

Просители о собственныхъ своихъ дѣлахъ безпрестанно навѣщали Неоха, какъ такова секретаря, который былъ въ особливо милости у верховнаго начальника, и которые разумѣли больше уловки, шѣ безпрестанно у него находились, оставя хожденіе по приказамъ; ибо онъ и дѣломъ и словомъ сильно помогашъ могъ каждому, кому только разсудилъ за благо. Навѣщали его по упрамъ и послѣ обѣда и самые бояре, однакожъ шѣ только, которые черезъ чуръ уже о пользѣ ближняго старались, и къ которымъ всѣ пресупившіе по должностямъ прибѣжище имѣли. Между прочими человекъ не молодыхъ уже лѣшъ, изрядный чиномъ и сосполнѣтѣмъ, происшедшій изъ повѣренныхъ,

какъ слышно было, а повѣренныя
 обыкновенно бывающѣ изъ крѣпост-
 ныхъ людей, или изъ промощавшихся
 купцовъ, желая покровительсва Не-
 охова по дѣлу его въ нѣкоторомъ
 приказѣ, предложилъ ему свои услу-
 ги, состоящія въ пунктахъ и услови-
 яхъ, такимъ образомъ: Ежели госпо-
 динъ Неохъ, по присяжной должности,
 наблюдешъ чрезвычайную скромность,
 безъ которой все сіе дѣло, даже и
 самое начало его разрушишься можешъ,
 и обѣщаетъ не спрашивать и не вы-
 являть о той особѣ, съ которою
 онъ дружеское обхожденіе имѣть бу-
 дешъ, ни о людяхъ, для того къ
 нему присылаемыхъ, ниже о мѣстѣ,
 въ коемъ свиданіи будешъ назначены:
 но сей обѣщаетъ доставить ему
 благополучіе такое, какова болѣе
 господину Неоху желать уже не надоб-
 но. Неохъ съ своей стороны принявъ
 сіе предложеніе съ должною благодар-
 ностію, увѣрилъ чиновнаго господина
 повѣреннаго во всемъ оиъ него тре-
 буемомъ; а шонъ обѣцалъ сообщить
 промоторю въ Канцелярію Лады, и
 какое ошвѣщеніе получено будешъ,

увѣдомишь Неоха , чѣмъ первое засѣданіе особой сей комисіи и кончано.

На другой день Неохъ чрезъ того же комисіонера получилъ словесное сообщеніе , чтобъ по захожденіи солнечномъ бышь ему въ нѣкошоромъ загородномъ домѣ, отснопящемъ ошъ города не болѣе пяти версшѣ. Какъ назначено, такъ и сдѣлано, для шого, что Неохъ благополучія своего вдаль опкладывать не похощѣлъ ; и будучи на сіе неизвѣстное свиданіе при звукѣ карешномъ , во уединеніи своего разума , разсуждалъ такъ : Любовь естъ нѣчто пріятное , а волокитство дѣло страшное : сколько знаменитыхъ героевъ , храбрыхъ вишязей , оплѣтанныхъ полководцевъ на шкихъ сраженіяхъ пропало ; сколько разумныхъ Министровъ и оспрыхъ полишиковъ ошъ шого на землѣ не спало ; сколько молодыхъ и нужныхъ обществу людей преждевременно ошъ сего свѣта похищено ; и сія любовь шспрасть, шакъ, какъ и зависѣть, наченшаяся съ началомъ свѣта , до кончины его существованш не прешнетъ ; слѣдова-

шелоно важныхъ людей похищеніе не прешанетъ, а разноситъ въ томъ только состояніи будешь, что въ одинъ вѣкъ больше или меньше утраты будешь, нежели въ другой. И уже ли предписано судьбою славному вишазю Неоху въ шеченіи того сподобіи, умноживъ число любовныхъ героевъ ознавишь свѣтъ, на манеръ выдуманый Овидіемъ въ превращеніяхъ его, гдѣ многіе добрые люди за любовь безвинно пострадали, и превращаясь въ другіе виды получили, иной лошадиные ноги, другой змѣиной хвостъ, нѣкошорый оленьи рога, нѣкшо сабачью голову, другой свинное рыло и такъ далѣе. Таковое вѣрное и безошибочное изчисленіе пугнуло нашего героя; и хотя подкрѣпляемъ былъ силою и дѣйствіемъ всѣхъ словесныхъ наукъ, однако оробѣвъ крайне и дѣйствительнѣе предпріялъ обратный путь, когдабъ не возникла въ усрашеніи поняшій его сильнѣйшая всѣхъ прочихъ наука, шо ешь, прибъшка или приращеніа имѣія и чиновъ. Сія героическая наука, преисполненная ошважности, научаешъ

оставя присягу дѣлать въ государс-
ннѣ буншѣ или возмущеніи , въ судѣ
дѣлашь неправду , ушѣсняшь родст-
венника и ближняго , ошѣимашь чу-
жое имѣніе и жизнь , презирашь плачь
и сненіиѣ бѣдныхъ и ошваживашь
собственно себя къ пошерянію чести
и жизни. Сверхъ же шого по справкѣ
сѣ воображенемъ ошѣискалъ Неохъ мы-
сленнѣ , чшо сколько ни было въ шо
время Университетовъ , шо ни одного
изъ сныхъ Сшуденша не отвела Лада
въ царство Чернобогово , а провожалъ
шуда безпрешанно Усладѣ (*).

Такимъ образомъ наполнившисъ
отважносшю , прибылъ онъ на дворъ
загороднаго дома. На крыльцѣ всшрѣ-
шилъ его шонъ же коммисіонеръ , и
проводилъ въ залу учинилъ предъувѣ-
домленіе , чшо свиданіе Неоху назна-
чено сѣ нѣкошорю женщиною , кошорая

К 5

(*) УСЛАДѢ , или Осладѣ , божество
Кіевское ; Славяне признавали сего бога
богомъ первинесѣ и всякихъ рокшей ;
онъ тоже былъ у нихъ , чшо у Грековъ
Комъ.

находились теперь во внутренних покоях, куда и просил Неоха, оставаясь самъ въ залъ.

Герой невольно пустился въ неизвѣстный ему Лавиринѣ (*), призывая къ помощи иностранку Ариадну (**), дабы показала ему нипкой путь въ неизвѣстную дорогу. Проходя множеству освященныхъ комнатъ,

(*) ЛАВИРИНОѢ, зданіе въ Египтѣ изъ двѣнадцати палатъ расположенныхъ весьма правильно состоящее, которыя взаимно имѣютъ между собою сообщеніе. Тысяча пять сотъ камеръ перемѣшанныхъ площадками стояли около двенадцати залъ, и не оставляли выхода тѣмъ, которые туда доходили; столькоже строенія находилось подъ землею. Сии подземныя строенія опредѣлены были на погребеніе Царей, и еще чтобъ кормить тамъ свѣтлыхъ крокодиловъ, которыхъ Египтяне почитали за боговъ. Лавиринѣ построенъ былъ на полуденномъ концѣ Меридова озера, близко города Крокодиловъ, которой есть тотъ же, что и Арсиной въ семъ же Лавиринѣ находилось и чудовище, называемое минотавромъ.

(**) АРІАДНА, дочь Миноса Царя Критскаго и Пасифи. Когда Тезей сынъ Егея Царя Аѳинскаго, привезъ къ отцу ея дань, то онъ влюбился въ Тезея и далъ ему клубокъ нитокъ, чтобъ козею при-

отворилъ онъ двери въ одинъ покоп, въ которомъ было шемно, и сколь онъ былъ пространенъ, но стольже тонкая свѣча горѣла на свѣтиль при дверяхъ, онъ котораго одинъ только входъ въ покой освѣщаемъ былъ, да и то весьма слабымъ свѣтомъ. Какъ только онъ отворилъ двери, то голосъ низнѣжайшей Сирены (*) произнесъ сѣи слова: пожалуйте сюда и зашворните двери.

влязавъ онъ къ дверямъ Лавиринта и всю помощю побѣдилъ онъ Минопавра и окончилъ кровопролитную дань Миносу. Ариадна оставивъ Критъ ушла съ Теземъ въ Аѳины, но Бахусъ по оставленіи увзѣ ее въ островъ Діаны и тамъ на ней женился; наконецъ Ариадна вмѣщена въ созвѣздіи.

(*) СИРЕНЫ, дочери рѣки Ахелоя и Музы Каліопы; ихъ было три: Парфенона, Лектея, Лигей, а нѣкоторые называютъ ихъ иначе, Аглаофема, Поэзия и Флакція; имена ихъ значатъ пріятносць голоса и словъ. Онѣ пѣли столь прелестно, что ѣдущіе, или идущіе всегда останавливались, и сполку услаждались ихъ голосомъ, что эбывали жсть, и отъ того умирали. До половины были онѣ женщины, а нижня часть имѣли птичьи; а другіе думаютъ, что исподня части были у нихъ рыбы. Онѣ спорили съ Музами о преимуществѣ пѣнія.

Голосъ сей Сирены разслабилъ Неохово сердце и раздробилъ все просвѣщенное понятіе ; зашворивъ двери шелъ ли онъ въ даль по покою или стоялъ не подвиженъ и безсловесенъ подлѣ дверей , истинну сказашъ самъ того не поминишь , а содержишь шо въ швердой памяти сочинилъ сихъ сказокъ ; онъ увѣрленъ , что онважный Спуденъ ошолбенѣлъ и стоялъ у дверей какъ вкопанъ. Дѣвица , пригласившая Неоха , о кошорой насъ сочинилъ не умедлишь увѣдомишь , была изъ высокородныхъ , такихъ , кои по воспншайю обыкли думашъ , что въ разсужденіи высокородствихъ , многое имъ позволено , и что правила принужденія себя и благоприсшойности должны ошнѣснпсь въ малочиновнымъ шолько ; а цѣломудріе , какъ низкосмысленное изреченіе , ошсылаеиься ими въ деревенскія хижины. Она находилась въ сей комнѣ одна и безъ надзирашелницы , шакже безъ всякаго проводника подошла къ Неоху , взяла его за руку , привела къ софѣ и посадилъ его въ креслы сама сѣла на оную.

Прежде всего опомнились робкаго героя нашего глаза; онъ увидѣлъ передъ собою особу, которая была въ темноѣ поковъ, а припомъ и подъ чернымъ еще флеромъ, которыя лица и обихающей во ономъ красоны, ниже расположенія увидѣть не могъ. При самомъ же слабомъ и ничшожномъ свѣтѣ онъ такія свѣчки разсмопрѣлъ въ поковъ великолѣпное украшеніе и кровать, изгошовленную и украшенную руками самихъ Грацій (*). Сіе осмопрѣлъ онъ однимъ мгновеніемъ только, а мгновеніе ока не долго продолжается, слѣдственно, дабы оказать свою устивоснь за благосклонное и снисходительное онъ такой особы приняше, принялся онъ за учпивыя слова; а какъ сердце его

(*) ГРАЦІИ, дочери Юпитера и Венеры и обыквенныя ея подруги, также подруги Богини увѣренія; онѣ Богини благодаренія и благодарности, и для сего дражайшаго преимущества въ Демнахъ и во всей Граціи построены были имъ жертвенники. Ихъ было три: Евросина, Талія и Агдъ; первая имѣетъ признакомъ розу, другія миртовой пучекъ, а третья метажельную жость.

поражено уже было прілипностію голоса, то всё иѣжнѣши, какихъ только оиѣ молодого и разумнаго человека ожидать было можно, при семъ случаѣ съ успѣхомъ оказаны были, чѣмъ плѣнившаяся имѣ красавица казалась бышь довольною; чему служилъ яснымъ доказательствомъ дозволеніе, данное оиѣ нее Пеоху цѣловать прелестныя ея руки.

Впрочемъ о дальнѣйшихъ между ими происшествіяхъ въ сіе время достовернѣе свидѣтельствованы могущъ старшая Хюсова дочь, шесень, ночь и темный покой; а мы удовольимся, не любяши испуя вдаль, осматъся при томъ только извѣсти, что распалися они на развѣшѣ, назначивъ въ будущую ночь шакоежб свидѣніе, что и продолжилось между ими навсегда безъ всякой оиѣны и пренятствія. Да еще пребудемъ при томъ желаніи, чпобъ всякой краснотичной и разумной Сшуденшѣ изслаждался подобною сею учасшію; ибо лучше оставя Услава жершнованы разумно и осшорожно Ладъ, кошорая

нерѣдко составляешъ счастье молодыхъ ученыхъ; а Усладъ никогда, повергая приномъ ихъ въ презрѣнiе и въ вѣчную бѣдность.

ГЛАВА XVII.

ВЕЧЕРЪ 97.

*Окончанiе сказки о рожденiи
шафтяной мушки.*

Судьба и случай, по мнѣнiю древнихъ, были между собою различны и каждому изъ нихъ приписывалась особая власть и могущество; нынѣшнiе же полученные мудрецы умствуюшъ о томъ совсѣмъ прошивнымъ образомъ: по здѣсь дѣло идетъ не о различii ихъ, а о томъ, что они совокупя вмѣстѣ общими силами доставили Неоху счастье, которое какъ впрочемъ ни сколько при дворѣ и въ городѣ, но Неохъ умѣлъ удержатъ его до конца своей жизни, не теряя равновѣся въ возвышенiи своемъ, и не ища никогда ему не при-

надлежащю, зная совершенно правду о побочных шляхъ къ нему не слѣдующихъ.

Съ начала знакомства его съ неизвѣсною ему особою почувствовалъ онъ во первыхъ, что спомнивъ подвѣжолобъ мѣ волопова дожда ліющагося на него безпрестанно; во вторыхъ награжденіе чинами слѣдовало шакъ скоро, что въ маломъ продолженіи времени достигъ онъ ещенени ближнего боярина, и сдѣлался въ ошмѣной милости у Государя. Всѣ безъ удивленія о счастіи и возвышеніи его не могли себѣ предсавишь; но поведеніемъ его и учинивостию всѣ были довольны и Государю своему ошывались всегда о немъ, какъ о самомъ добродѣшелейшемъ человекѣ; сверхъ же сихъ добры ъ его качествъ одаренъ онъ былъ знаніемъ испорѣи своего ошечества, государешней економіи, полишики, а сверхъ того имѣлъ опмѣнную онъ прочихъ память. Государь за первѣйшее удовольствіе почиалъ имѣть его всегда при себѣ и слушать его разсужденіе о разныхъ вещахъ, учсныхъ ли шо дѣлахъ, или о госу-

дарственной экономии и политикѣ, въ чемъ справедливости всѣ находящіяся при дворѣ ему ошдѣвали.

Особа неизвѣстная Неоху, удостоившя его всей своей безъ изъясненія благосклонности, была дочь Глижияго Бяррина, который также не изъясненной природы получилъ недавно сіе дошонисшѣ. Онъ былъ сложенія заботливаго и неусыпно помогалъ всѣмъ шѣмъ, которые учинили пресупленіе въ своихъ должностяхъ съ намѣреніями; но онъ обыкновенно предснпшельснвуя о нихъ говаривалъ, что учинено по оплошностию и недоумѣніемъ. Домъ его былъ приближенемъ покишившимъ государственную казну, собравшимъ съ народа неповелѣнное, ушѣнившимъ другихъ взимками и ошнпштемъ имѣнія, учинившимъ въ судѣ неправду и прочая, которые раздѣливъ съ нимъ поподамъ наипное ими такимъ образомъ имѣте, надѣялись предснпшельснвомъ его избавленія. Всѣ ошбѣрные повѣренныя и грамошныя Судии и Секретари по приказному нарѣчію, а по ученому без-

Част. V.

Л

грамотные, помняще толку
 число указовъ и умьющие ~~подать~~
 вхъ масшь къ мѣши, шакъ какъ
 каршы, зашмѣвая шѣмъ испинну
 разума закона, всегдашнее присушество
 у него имѣли, и всеминутно
 производили канцелярскіе диспушы,
 или сказашь красше по вкусу педан-
 мовъ, словопренія произносилъ. И
 шакъ непрерывное сочиненіе прошеній
 и избавленіе изказанію подлежащихъ,
 обогатили домъ его свыше всякой
 мѣры и удаляли съ первѣйшими ка-
 миналистами.

Дочь свою любилъ онъ столько
 много, что во всю свою жизнь не
 сказавъ ей никогда прошиваго слова,
 и чтобы она ни пожелала, все то
 исполнялъ безъ отказа, понеже на
 всякой порокъ бѣтъ ошлагательствъ
 былъ согласенъ. Увидѣвъ Неоха, по-
 чувствовавъ она къ нему неизъяснен-
 ную любовь, не будучи еще прежде
 сего никѣмъ сирасшна. Безпрепят-
 ственная любовь часъ ошъ часу воз-
 расшла; а желаніе къ тому, ничѣмъ
 неограниченное, поминутно умножалось.
 Горячность ошцовская и сипаринель-

дое его сожалѣнїе увѣрили ее въ возможности того безъ всякаго сомнѣнїя; открыла она своему родителю, а шомъ въ угодиость ей и удумалъ вознести Неохъ на степенъ знашнаго господина, дабы дочь его не оспалась въ поношенїи, что имѣнїемъ съ искороднымъ челозѣкомъ замеситро и дѣло. Знашность его, капишалъ и сшаранїя въ угодиость дочери его учинить то были и въ силахъ, что мы изъ возвышенїя и обогащенїя Неохова уже и видѣли; да и самъ Неохъ оное понималъ, шолько кпо она шаква, ошъ которыя счастье его произошло, извѣщенїемъ не былъ, а пошому и болѣе, что не извѣщались о шомъ дѣлѣ обѣщанїе подъ кляшвою; а посвцалъ ее въ шомъ же домѣ и всегда въ одинакомъ положенїи, какъ шо и при первомъ свиданїи происходило.

Сидя иькогда съ Государемъ наединѣ, былъ пораженъ Неохъ вопросомъ ошъ онаго, предложеннымъ ему совсѣмъ нечаянно и нимало къ шому неизтоповленному, слѣдующаго содержанїя: Я знаю, Неохъ, что ты чужестранецъ,

я бывъ Секретаремъ у верховнаго правителя имѣлъ капишалъ приличный тогдашнему моему сословію; а нынѣ возвысившись чинами, возвысился ты болѣе богатствомъ; вѣрность и добродѣтель швоя мнѣ извѣстны, почему и счишаю я себя удостовереннымъ, что сокровища сіи собраны не ошъ моихъ подданныхъ, а пріобрѣтены другимъ образомъ. Я часно размышлялъ о томъ со удивленіемъ, но не могъ до сего времени понять, откуда искаеши сей обильный источникъ, а я еще за вѣрныя услуги швы не награждалъ себя имѣніемъ, хотя и счишаю себя къ тому обязаннымъ. Полагаясь совершенно на швою ко мнѣ вѣрность и испытанную мною много разъ швою приверженность, смѣю надѣяться что о томъ, какъ другъ швой, ошъ себя увѣдомленъ буду самою истиною.

Беликій Государь, отвѣтствовалъ Неохъ: я далъ клятву швантъ оное до конца моей жизни, или доколѣ отъ меня шребованъ шго будишь; но предъ державнымъ Государемъ по долгу вѣроподданнаго ошкрышь дол-

женшвую, когда о томъ милосливый вопросъ предложить изволилъ. Потомъ увѣдомилъ его о свиданїяхъ только общоюштельно; а о прочемъ и самъ Неохъ былъ неизвѣстенъ.

Государь выслушавъ его, сдѣлался весьма любопышенъ открьшь сїю тайну и споль хипрое произведенїе молодой особы, какъ онъ по словамъ Неоховымъ заключаешь могъ, предложилъ Неоху, не угодно ли ему окончать свиданїе къ шѣни и увидѣшь послѣ свою любовницу откровенно. Я бы желалъ того нешерпѣливо великій Государь, отвѣпштевалъ Неохъ, но не могу въ томъ желанїемъ неизвѣспной мнѣ особы увѣришь, а другога способа не нахожу въ моемъ понятїи. Не угодно ли будетъ тебѣ, чпобы я вошелъ въ сїе открьшїе, продолжалъ Государь? За особливый знакъ благоклонноши, говорилъ Неохъ, принялъ бы вашъ вѣрноподданный. И такъ поговоря между собою о томъ, чпо лица своего красавица не открьваетъ, и чпо Неохъ нигдѣ ее въ собранїи по тому и узнашь не можетъ, согласъ-

лись такъ: когда Неохъ поѣдеши въ вечеру для свиданія, принялъ бы онъ Государя нѣчто такое, чѣмъ шайна безъ сомнѣнія будешъ ошкрыша.

Въ вечеру прѣхалъ Неохъ къ Государю и получилъ онъ него нѣкоторый соспавъ, называемый нынѣ Адскимъ камнемъ, который тогда не многимъ еще извѣстенъ былъ. Симъ соспавомъ приказалъ Государь коснуться лицу красавицы, онъ котораго останется на немъ вѣрный знакъ къ ошкрышю всей шайны, и когда сіе учинено будешъ, немедленно его уведомишь. Неохъ употребилъ къ тому крайнюю осторожность и нескусство; онъ положилъ сей знакъ на щеку красавицы непримѣннымъ ей образомъ, и о сей одержанной надъ шайншвомъ побѣдѣ уведомилъ Государя.

На другой день посланы были нарочные ко всемъ знаннымъ господамъ, съ такимъ обѣщаньемъ, чтобы благоволяли они бывъ въ шешъ динь ко двору, для нѣкотораго назначеннаго торжества, и приказано

ниѣ было записать каждыя имя, которая бышь обѣщала, или за чѣмъ либо ошзовется, что было посланными исполнено, и Государю донесене, что всѣ супруги знатныхъ господъ и дочери ихъ дѣвицы по приказанію его бышь обѣщали, кромѣ нѣкоторыхъ престарѣлыхъ, кои за слабостию здоровья своего почестию сею пользоваться не могли.

Лелія, такъ называлась невидимая красавица, вснавши по ушру и подошедъ по обыкновенію къ зеркалу, увидѣла на лѣвой щекѣ у себя черное небольшое пятно, которое и думала стереть безъ дальнихъ затрудненій; попросила ушральникъ и намоча оный душистыми водами, начала смывать, и чѣмъ болѣе она терла, тѣмъ пятно снзжовидось чернѣе, но безобразія впрочемъ никакова лицу ея не причиняло. Въ собраніи назначенномъ Государемъ бышь ей неосимѣнно издежалось, первое по тому, что она обѣщала по знапому, второе находилась она въ шшаствѣ придворномъ; а шре- шне, что всего важнѣе, вѣднѣ въ ве-

черу со двора, то и не возможно было сказаться ей нездоровою. Паша на лицѣ весьма было примѣшно, и хотя не вѣдала она Государева и шомъ измѣренія и произносива ея любовника, но въ собраніе такое показаться съ нимъ не желала. Чшо жъ должно было дѣлать въ такомъ случаѣ огорченной красавицѣ, огорченіе кошорой касалось до красоти ея? Пункшъ выше всякаго понятія, и досада превосходящая крѣпость силъ человеческихъ. Признатшесь, ученые и высокіе умы, въ недосыпкѣ идей вашихъ, чѣмъ бы вы сему горю пособить могли? Истинно ничтобъ не придумали, и осмѣлись бы посрамленными.

Прекрасное лице Лелѣи покрывающа сомнѣніемъ, нѣжнѣе сѣе сложеніе природы опускаеишь во глубокомыслѣ; но разумѣ, изобрѣшашель всѣхъ невозможностей, прерываеишь цепи недомышленія, и пылаеишь онго, сходна жепскому полу, предшавляеишь вещь возможную, а шонкое понятіе разумнѣй дѣвцы приводиншь ея въ субстанціосшь. Лелѣи приказываеишь

подать себѣ черной шафты и клею; подклеиваешь одну, и вырѣзываешь кѣжными руками самамалѣйшій кружечикъ, прилѣпляешь оный къ лицу своему, смотришься въ зеркало и находишь себя подѣ симъ малѣйшимъ знакомъ еще прелеснѣйшею; сердце ея чувствуешь радости, а умъ удовольствіе.

Торжествъ изобрѣшенія мушки во мгновение ока разнеслось по дворцу государеву: ибо провозвѣстницами снаго были сѣнныя дѣвушки, кошоюя быспрѣ самой славы впушили оное и отдѣленнымъ прислужницамъ въ высокихъ шеремахъ и на проспанной кухнѣ, въ глубокихъ погребѣхъ, въ долгихъ выходахъ и обширныхъ подвалахъ ключницамъ и ихъ помощницамъ.

Благосклонная Лелія пожелала сдѣлать выдумки своей соучастницами и инокшорыхъ изъ своихъ прѣшельницъ; а ошроша женскаго ума въ шонкихъ изобрѣшеніяхъ начершала мушкамъ и различныя уже фигуры, какъ шо: полумѣсяцы, звѣзды, плосныя кружечки и сѣ разными прорѣза-

ми. Разносщицы еихъ драгоценностей обѣивляли всѣмъ принимающимъ , что Делія сего часа только получила нѣ подарокъ оиѣ своей пріятельницы изъ великаго Цокаграда , и что сія еснѣ послѣдняя мода въ томъ городѣ ; а Новгородѣ въ шѣ времена въ Россіи починился моднымъ , шакъ какъ нынѣ Парижѣ въ Европѣ. Чпожѣ касается до моды , шо оная моложе только хаоса , а снпарѣ всего на свѣшѣ ; древняя Россія имѣла шакже свои моды , какъ и нынѣшняя по вкусу каждаго времени. Власть моды просншраешся на все племя земнородныхъ ; дурачншся въ убранствѣ Американецѣ , дурачншся и Европеецѣ , шолко неравно , а какъ кому изъ ннхъ прихощи его и досншшокѣ позволяющѣ.

Такимъ образомъ многія знаншныя женщины пожаловали ко двору въ новомъ изобрѣшеніи , шо еснѣ въ мушкахъ. Государь вышедѣ въ собраніе ихъ , весьма много удивился шаковой необычайности , а болѣе острошѣ разума шой , которая ушаевая себя шакъ искусно ошѣ пророзорливостнм

людской, могла склонить и прочихъ
 излѣпить сѣи знаки, доселѣ еще
 из свѣтъ невиданные. Онѣ подошелъ
 къ нимъ со всею благосклонностію,
 прилично великодушному и снисходи-
 шельному Государю, хвалилъ сію вы-
 думку для того болѣе, чю она
 хощя и не увеличивала красоты ихъ,
 но придавала и-кошорую пріятность,
 умиждала побѣдоносный огонь въ гла-
 захъ и производила шакую припя-
 тшеліносн, чю всерой мушнна
 не моѣ опвеснн глазъ своихъ ни
 на мнущу онѣ обожаемаю имъ пред-
 мета. Истинно выдумка достойная
 хвалы, продолжалъ онѣ, приносящая
 благодарность изобрѣшашельницѣ оной.
 Сіе ошмѣнное украшеніе я вамъ позво-
 ляю и апробую съ сердечнымъ жела-
 ніемъ, чюбы она приносила вамъ
 удовольствіе во всегдашнее время;
 но теперь прошу сдѣлать мнѣ удо-
 вольствіе и оныя снѣшь, для какой
 же шо причины, сѣдеше вы послѣ
 и меня въ шомъ извинше. Всѣ согла-
 сались исполнить волю Государеву
 охотно, чю должна была слѣдовашь
 и Лелія. Любопышные глаза Государя

и Неожа тотчасъ обрѣли то , чего искали , удивляясь тонкой хитрости молодой дѣвицы.

Неохъ увидѣвъ ее воспрепеталъ и пришелъ въ замѣшательство. Государь примѣшивъ то , взялъ его за руку и выведши въ другой покой спросилъ , узналъ ли теперь незнаемую шобою ? Узналъ , всемилосивѣйшій государь , ошѣпсовалъ онъ ; но какъ сіе учинено прошивъ воли ея , то боюсь , чшобы мнѣ не бышь во лесь мой вѣкъ несчастнымъ , когда она увѣдомлена будетъ о семъ открытіи. Въ епомѣ положишь на меня , говорилъ ему Государь , и ободрившись поди опять въ собраніе , а я останусь здѣсь на время. Неохъ вышелъ , а Государь приказалъ позвать къ себѣ онца Леліина и говорилъ ему слѣдующее : Я беру участие въ фамиліи вашей , бывъ всегда къ вамъ благоклоннымъ , я возвышая счастье дома вашего , вознамѣрился увѣнчать и благополучіе дочери вашей назначеніемъ ей жениха , заслугами государству довольно извѣстнаго и близкаго ко мнѣ по особымъ его дарованіямъ Бол-

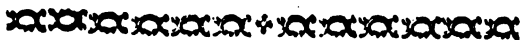
рѣна Неоха. Старикъ ставши на колѣни, благодарилъ Государя за принятіе участія въ благополучіи его дома, и увѣдомилъ его, что оно зависитъ отъ соизволенія дочери его, а отъ воли его покоренъ съ должною благодарностію.

Попомъ позвана была къ нимъ Лелія и по многимъ отъ Государя убѣдительнымъ и ласковымъ предложеніямъ объявила и она, что воля Государевой и произволенію родительскому должна бытъ послушна, и пріемлетъ по съ великою благодарностію, починая отъ себя для себя счастіемъ выборъ милостиваго ея Государя.

Такимъ образомъ все исполнилось; Государь вышелъ въ собраніе объявилъ, что день сей назначенъ бытъ обрученіемъ Ближняго его Боярина Неоха съ боярскою дочерью Леліею, что съ принадлежащими къ тому обрядами тогдажъ и исполнено въ присутствіи всего двора знатныхъ боярѣ и прочихъ знаменимыхъ чиновѣ, а чрезъ три дни послѣдовало и бра сочешаніе съ отпущеніемъ шоржесивомъ. Ибо

въ государскомъ домѣ не вино курить,
не, пива вѣршишь, не меда спановишь,
все гошово и всего изобидьно.

Такимъ образомъ изобрѣпенъ нуж-
ная вещь въ свѣтѣ, необходимая для
нѣжнаго пола человѣческаго поколѣнiя.

ГЛАВА XVIII.

ВЕЧЕРЬ 98.

Горькая участь.

Кресстьянинъ, пахарь, земледѣлецъ,
все сѣи шри названiя по преданiю
древнихъ писателей, въ чемъ и новѣй-
ше согласны, означающъ главнаго опе-
чешву пишашела во время мирное, а
въ военное крѣпкаго защитника, и уп-
верждающъ, что государство безъ зем-
ледѣльца обойшися, шакъ какъ че-
ловкѣ безъ головы жишь не можетъ:
но ложь ли, правда ли, разсуждашь намъ
о томъ не досугъ; да сверхъ того къ
оказкамъ шакiя глубокiя задачи и не

врядъ длежитъ. Мы окажемъ , что ви-
 шязь повѣши сей кресьянинъ Сысой
 Фофановъ сынъ Дурносоловъ , родился
 въ деревнѣ отдаленной отъ города ,
 воспитанъ хлѣбомъ и водою , бывъ
 повишъ прежде пеленами , кошорые
 тонкоспшю и мягкоспшю своего не мно-
 го успупали циновкѣ , лежалъ на лок-
 шѣ вмѣсто колыбели въ избѣ , лѣ-
 томъ жаркой , а зимой дымной , до
 десятилѣтняго возраста своего ходилъ
 босикомъ и безъ кафшана , прешерпѣ-
 валъ равномерно лѣтомъ несносный
 жаръ , а зимою несшerpимую спужу ;
 слѣпни , комары , пчелы и осы вмѣ-
 сто городского жиру во времена жар-
 кѣ наполняли шѣло его опухолью.
 До двашцати пѣти лѣшъ , въ лучшемъ
 уже убранствѣ прошиаъ прежняго ,
 шо ешь , въ лапшяхъ и въ сѣромъ
 кафшанѣ вороталъ онъ на поляхъ зе-
 млю глыбами и въ пошѣ лица своего
 уношреблялъ первобышнююжъ свою
 шщу , шо ешь , хлѣбъ и воду со
 удовольсшвѣемъ. Имѣлъ намѣренѣ же-
 нишься , для чего и свашался на
 многихъ сосѣдешвенныхъ дѣвкахъ ; во-
 ди одной за его не ошдавали , по при-

чинѣ той, что былъ онѣ крайне не заведѣнъ, мало предприимчивъ, а просше скажишь, проспофиля.

Зависть и ненависть, пѣжѣ самыя и между кресшьянами, какія бывающѣ между гражданами; но какѣ кресьяне чистосердечнѣе городскихъ жишелей, то сѣи пороки скорѣе въ нихъ примѣшны бывающѣ, нежели въ шенскихъ полищикахъ, обишяющихъ при дворѣ и въ городѣ. Такіе сельскіе жишели называющѣся сѣвдугами; имѣя жребій прочихъ кресьянъ въ своихъ рукахъ, богашѣющѣ на щещѣ ихъ, дая имѣ въ займы денги, а пошому запрягающѣ ихъ въ свои работы, шаѣ какѣ воловъ въ плуги; и гдѣ шаковыхъ двѣ или одинѣ, то вся деревня сосшавлена изѣ бѣдняковъ, а онѣ шолько одинѣ между ими богшый: для шого, что сѣвѣ, жѣшва и сѣнокосѣ должниками его убирающѣ прежде, а шѣ всегда сѣвомѣ своимѣ опоздашѣ должны. И когда опоздали сѣяшѣ, то убирать уже будешѣ нечево, а за шѣмѣ и остающѣя въ вѣчномѣ долгу у сѣвдуги, кошорый изѣ

того не убытокъ, но приращеніе имѣ-
етъ, ибо вся деревня къ нему на
работу, какъ на биршину, прихо-
дитъ.

Сѣн сѣвдуги за недоспѣшномъ мно-
гова по сельскому быту у Сысой
Дурносолова, удумали ондапъ его за
вошчину въ солданы, привезли въ
городъ, гдѣ Сысой въ первый еще
разъ увидѣлъ прямыя улицы, регу-
лярное строеніе и полншичныхъ лю-
дей разнаго покроя и разныхъ цвѣ-
товъ во одѣянїи. Но онъ разсмотрѣ-
валъ ихъ не долго, для шого, что
въ скоромъ времени представили его
къ рекрутскому прѣму. Примѣря ска-
зали, малъ росшомъ; а лѣкаръ закри-
чалъ, шонки ноги, и шакъ изъ прѣм-
ной выслази, не выбривъ однако за-
шылака, для ослабого предумѣдомленїя
ондашчиковъ, кошорые то удобно
понимашъ могли: ибо не въ первый
уже разъ шакое приключеніе съ ни-
ми учинилось. По ушру поранѣе вче-
рашняго предшазленъ былъ опяшь
Сысой Дурносоловъ въ прѣмную ком-
нату; на шема его положено было
нѣсколько угомонной мошны; а сколько

Част. V.

М

имянина, дословѣрно не знаю ; къ объ-
имѣ же ногамъ привязано было по
ассигнаціи , чѣмъ Сысой пришелъ въ
указную мѣру и за одну ночь икры
пошоласябли ; vybrли лобъ и Дур-
носоповъ признанъ за исправнаго ре-
крута , и сіе дѣйствіе происходило
въ бывшихъ провинціальныхъ Канц ля-
рїяхъ. Прїемщикъ не соглашался при-
нимать при рекрутѣ ничего пашурою,
а за ялатъе и провіантъ требовалъ
деньгами ; прошивъ чего спорить бы-
ло не возможно , и такъ учинилъ во
всемъ рацеиъ и дѣло кончано.

Армія наша находилась тогда за
границею , куда Сысой съ прочими
препровожденъ былъ мѣрскимъ подая-
ніемъ , не получая ни одежды ни про-
віанта отъ командующаго Офицера ,
котораго они и въ глаза не видали во
всю дорогу , а догналъ онъ ихъ не
доѣзжая до арміи верстѣ со стою , или
еще - того меньше ; изъ пѣши сошъ
человѣкъ дошло до арміи не съ боль-
шимъ пѣшдесятѣ , а прочіе разбѣжа-
лись и померли. Командующій Офи-
церъ подзлѣ раппоршъ , что за мало-

имѣтемъ команды рекруты въ разные времена бѣжали; его отдали подъ судъ, а рекрутъ причисляли къ командѣ, лишенныхъ всего имѣ причадежащаго: ибо у командовавшаго ими Офицера при арестованіи его ничего не ошѣискано, а слухъ носился, что онъ припряталъ все подалъ, на случай сиротой резолюціи въ судъ.

Сысой обучившись аргиккулу, былъ на ирехъ присшупахъ нзряднымъ солдатомъ, съ похвалою ошѣ командующихъ; но на послѣднемъ изъ шѣхъ сраженій потерялъ правую руку, такъ что дѣйснвовать оною ни сколько не могъ; для чего въ скоромъ времени получилъ чистую ошсшавку, и уволенъ на прежнее жилище, куда онъ скоро и ошправился, положи свое движимое имѣніе въ кошомку и повѣся оную за плеча. Думающъ многие и ушверждающъ справедливо, что сія кошомка въ пупи его не обременила; понеже находилась въ ней рубашка, галсшукъ и десять копѣекъ денегъ мѣдною монешою, изъ которыхъ шрашилъ онъ на сполдове припасы.

Пушешествіе его изъ арміи изъ мѣсто рожденія не сшоль было славно и досиопамятно, какъ пушешествіе Бовы Королевича изъ царства Додога Додоновича во владѣніе Кирбиша Верзауловича, родишеля Милотрасы Кирбишовны, или славнаго рыцаря Пешра злшыхъ ключей во владѣніе прекрасной Королевы Магилены Неополитанской. слѣдовашелью такава прилѣжнаго описанія и не пребуешъ, а довольно сказашъ и иного, что онъ досиигъ до онаго подаяніемъ доброхошнихъ дашелей.

При разсвѣтаніи зимняго дня, въ день Рождества Христова во время заутренняго пѣнія, пришелъ онъ къ своему приходу и на ряду съ прочими вошелъ въ церкву помолчѣся, гдѣ уповалъ увидѣшь ошца своего и машъ; но какъ оныхъ не было тогда въ церквѣ, шо на вопросъ его ошвѣспивали ему родшвенники его, чшо они въ вечеру обѣихъ ихъ видѣли, а для чего ихъ въ шѣкой великой праздникѣ ишпѣ у зашрени, шого они не вѣдаюшъ.

По окончаніи пѣнія, Сысой и мнѣгіе избъ его родспивенниковъ пошли въ домъ его ошца, и спучавшись подъ окнами и въ ворота, не могли никого вызвать кѣмъ бы имъ ошперъ, пошли кѣмъ спаросиѣ; пригласивъ его и другихъ креспьянъ попощениѣе, разломали ворота и вошедъ на дворъ съ зажженою лучиною, увидѣли слѣдующее по порядку. Передъ крыльцомъ висѣлъ бранъ, до половины освѣжеванной, подъ котораго на перилахъ у спуску крылечнаго лежалъ окровавленный ножъ; по серединѣ двора висѣлъ въ пешлѣ прицепленной кѣмъ перекладу удувленной хозяйнѣ; изба была ошворена, въ кошорой по полу разбросаны были дрова не много обгорѣлые; по серединѣ полу лежала хозяйка, голова у которой прорублена была шолоромъ, кошорый и лежалъ подъ ея окровавленный; за занавѣскою въ повѣнненой колыбели лежала зарѣзанная по горлу дѣвочка мѣсяцовъ шрехъ спеленанная, а подъ ея окровавленный ножъ; въ печи нашли мальчика лѣшъ чепырехъ мершваго, у коего волосы на головѣ всѣ сошлѣли и мѣсшами

ощь жару испрескалось шло; въ переднемъ углу на лавкѣ лежала хорошая одежда хозяинова, а на сполѣ праздничная хозяйкина, принесенныя изъ кльпи, какъ що обыкновенно у крещьянъ бываетъ.

Разсмотрѣвъ все сѣе, отсѣавной солдатъ заплакалъ, чему послѣдовали и нѣкоторые изъ его родственницъ; да инако и бытъ невозможно, увидѣвъ передъ собою отца, мать, брата и сестру вдругъ мертвоуми; всякой сельской жищель придетъ въ сожалѣнїе и начнетъ вопить по деревенскому обряду и названію. Сшонъ, произшедшій ошь вопіющихъ въ избѣ, смеленно собралъ всю деревню. Сштрые и молодые сожалѣли, а ребята малые ужасались, словомъ все были зялышы шаковымъ удивительнымъ приключеніемъ.

Случай не шокмо деревенскимъ, но многимъ и городскимъ жашеламъ непонятный, ищали крещьяне и крещьянки шолковщъ различнымъ образомъ сельскимъ умомъ и деревенскими разсужденіями безъ правилъ, свободными науками установленнымъ; одинъ говорилъ, что сдѣлали шо раз-

бойники, но платья унесши не успѣли; другой основательнѣе рассуждалъ, что разсердился домовою и шакъ поступилъ съ ними, какъ должно неприязненной силѣ и прочая; старухи вѣрили больше послѣднему, шворили молитву и спрашивали у стариковъ, не грѣхъ ли къ убишымъ прикасаться? А поразумнѣе головы призвавъ дьячка и сошскаго, написали рапортъ со всеми найденными общошпельскими и послали въ городъ.

Въ разсужденіи столь великаго праздника, все судьи и секретари изъ города были отсушсшвенны и находились по деревнямъ околныѣ дворянъ; а дневальные приказные служители оиѣ приняша шого рапорта ошозвались. Такимъ образомъ чрезъ шесть недѣль приняиѣ былъ сей рапортъ въ учрежденномъ на ш судѣ, и дана резолюція ѣхать одному изъ членовъ и осмотру на мѣстѣ; но какъ шѣла убишымъ были уже похоронены, шо посланной для осмотра членъ рѣпортовалъ шакимъ образомъ: По осмотру его и по обычку оказалось, что кресильникъ налив-

шлись въ праздникъ пьянѣ порубилъ свою семью и самъ упавъ съ крыльца ушибся ; а подавая сей рапортъ примолвилъ : крестыяне де государственныхныя, но вдалѣ слѣдствія бытъ не можеть. Почему данною резолюціею и велѣно съ прописаніемъ шого рапортна ошрапортовать верхнему присудственному мѣсту , а дѣло изключая изъ реесира вершениыхъ дѣлъ, числится рѣшеннымъ къ ошдачѣ въ Архивѣ.

Такимъ манеромъ удивительное сѣ въ природѣ приключеніе въ присудственномъ мѣстѣ вовсе кончано на общемъ основаніи о дѣлахъ зашруднишелныхъ , шрѣбующихъ судейскаго ума и проиципія ; но непросвѣщеніе и недосуги судейскіе безъ изслѣдованія погрѣбають во шмѣ невѣденія и важнѣйшія сего.

Но когда дошелъ о шомъ слухъ до людей ученыхъ шого времени , шо они уваживъ шаковый непроницаемый случай , рѣшились его изслѣдовать , сколько возможношть имъ дозволитъ могла , и по доволномъ изысканіи гадательшо заключили шакъ. Чешырех-

дѣтій младенецъ находяся въ крѣпкомъ снѣ и встревоженъ будучи соннымъ привидѣніемъ, всталъ со своего мѣста, взялъ ножъ, съ кошорымъ не рѣдко у боловницъ машерей и ошцѣвъ ребяца играя ими засыпающъ, и согласно съ соннымъ привидѣніемъ зарѣзалъ младенца свою сестру въ колыбели; а опомнившись и узнавъ, что сдѣлалъ онъ худо, спрясался въ печь. Хозяинъ и хозяйка проснувшись рани: обыкновеннаго для праздника, чтобы заранѣе убравшись въ домъ поспѣть имъ въ церкву, загошвили во первыхъ праздничное свое платье, пошомъ хозяинъ пошелъ свѣжевать барана, а хозяйка принялась шопить печь, не осмошрѣвъ своихъ дѣней, по шому что спашъ они, какъ она думала и слышала, спокойно; полавъ дрова зашопила. Несмысленный малчикъ не смѣлъ въ печи поворохнушъ онъ шрашу; но какъ огонь уже усилился, дрова сухіе обыкновенно вдругъ занялись и жаръ несносной до него коснулся, тогда онъ закричалъ; хозяйка бросясь къ пошелъ его не увидѣла, то и уразумѣ-

ла, что онъ въ печи; зъкричала мужу, а сама начала хвать дрова изъ печи и метать ихъ по полу; малчикъ нѣмъ временемъ задохнулся, а крестьянинъ вбѣжалъ въ избу съ обыкновеннымъ и всегдашнимъ своимъ оружіемъ, но есмь шопоромъ, который онъ заготовилъ можеть быть къ разняшю барана. Услыша и увидя, что жена его сожгла въ печи сына, будучи въ шоропливости и спрахъ, а онъ шого и въ запальчивости, ударилъ безрасудно и неосщорожно жену свою въ голову, онъ чего и лишилась она жизни. Крестьянинъ пришедъ въ жалосшь и ошорепѣвъ, не зналъ, что ему дѣлать, видя двухъ мершвыхъ передъ собою; а заглянувъ въ люльку нащелъ и шрешьяго. Ошчайнѣе поразило малоемысленнаго челоука, кошо рое бы, просвѣщеннаго и великодушнаго не меньше поколебало: сверхъ сего обуялъ его спрахъ сшыда и совѣсти, а потомъ жестокость наказанія за шоликое беззаконіе, кое онъ все неопмѣнно принужденъ былъ ошносить къ своей шшоронѣ, лишила его разсудка, и такъ спрахъ, жалосшь

и отчаяніе принудили его удавиться. Такимъ образомъ разсуждали съ сожалѣніемъ ученые того времени люди, которыхъ ихъ разсужденіе многими тогда признано за справедливое: ибо инакова рѣшишь удцещельнаго сего мѣ природѣ приключенія всѣ не доумѣвали. А несчастный воишъ похоронивъ всю свою семью и упоцребивъ осшатики имѣнія на погребеніе ихъ, осшался наследникомъ двора своего родишеля, безъ слоша и хлѣба, которыхъ гораздо не великое количество имѣ было найдено; а что всего еще болѣе и бѣдному человѣку чувствительнѣе, и безъ правой руки своей, безъ которой онъ не шокмо цѣлаго, но и половины добраго и прилѣжнаго крещьянина соснавишь не могъ.

ГЛАВА XIX.

ВЕЧЕРЬ 99.

Пряничная монета.

Истинное богатство человеческое есть разумъ и добродѣтель, а истинное убожество лицеіе

сихъ дарованій ; мнимоежъ богатство
 человѣческое великое излишество имѣ-
 нія, а самопроизвольное убожество же-
 ланіе излишества. Сіе излишество,
 подъ общимъ именемъ богатства,
 пріобрѣтается двумя противными
 другъ другу дѣйствіями, а именно во
 первыхъ трудолюбіемъ и бережливос-
 тію, а во вторыхъ наглостію и же-
 сшкосердіемъ. И такъ одно изъ нихъ
 есть невинное, а другое порочное.

Богачъ оиъ трудолюбія и бере-
 жливости разумѣя по приложеннымъ
 къ тому трудамъ цѣну своего имѣнія,
 имѣющъ вниманіе на недоспапки
 ближняго, не имѣющаго ко обогаще-
 нію себя способовъ и дороги; по воз-
 можности ему вспомоществуешъ, какъ
 искусившійся уже человѣкъ, изсшавле-
 ніями къ тому и пріобрѣтеннымъ
 своимъ капиталомъ, безъ инпересовъ,
 или за узаконенные проценты, размѣ-
 ряя нужду ближняго своего со своими
 излишествами, и будучи господиномъ
 имѣнія своего не производящъ себѣ,
 ни капитала своему поношенія. А
 богачъ наглостію и жесшкосердіемъ,

неразумѣвъ цѣны случайно допедтаго
 къ нему имѣнія безъ приложенія имѣ
 трудовъ , а по шому боюсь каждыи-
 купно поперять оное и учинившисъ
 не господиномъ , по холопомъ своего
 богашсва , неусыпно внижаетъ на
 нужды своего ближняго, но въ прошив-
 номъ намѣреніи первому ; а имянно:
 чипобъ давъ небольшую въ займы сум-
 му, получишь въ закладъ большое имѣ-
 ніе и въ случаѣ несправности пла-
 тельщика овладѣешь онымъ подъ
 видомъ благоприсойности , хошябы
 у зайщика и послѣднее случилось ;
 взявъ указные проценшы, но неболѣе,
 какъ на чепыре мѣсяца , что и соспа-
 вилъ въ годъ по пятнадцати , кро-
 мѣ другихъ интересовъ , ему шолько
 извѣстныхъ: на примѣрѣ, данныя день-
 ги въ займъ взяшы были у другава
 за коммисію , за промѣнъ денегъ , за
 пересрочные дни съ капитала , съ
 проценшовъ проценшы , и шакъ далѣе;
 въ скоромъ же времени взяная въ за-
 имъ сумма превзойдетъ цѣну имѣнія ,
 и займобратель поспѣшаетъ писанъ
 изъ закладной купчую , боюсь , чтобъ
 не припланишь еще другимъ имѣні-

емъ, а въ случаѣ недостатка не по-
шерять бы драгоцѣнной волюности
и не бышь помѣщену подъ башнею,
на которой всегда въ двенадцатомъ
часу играешъ полковая музыка.

Сего ради богачъ желаетъ себѣ
оокрвищъ всего свѣна, мыслишъ о
золотой вѣнцѣ, данной Енею ошъ
Сивиллы Куманской, о Филипповомъ
ослѣ навлюченномъ золотомъ, кото-
рые оокривали богачамъ самые не-
присшупныя мѣсна; об жаетъ Крезъ
и Мида, по тому чшо уже они мер-
твые; а живыхъ богачей всѣхъ нена-
видишъ, боаясь, чшобъ не превзошли
его капиталомъ; честь свою и славу
лѣ помъ шолько полагаешъ, чшобъ
счишали его всѣхъ богатѣе въ городѣ;
мыслишъ и говоришъ всегда объ ин-
тересахъ, не уважая никакой особы;
кажешся всегда пасмуренъ и заботливъ,
старашеленъ вывѣдашъ и узнашъ въ
самую шонность о богачѣ пришедшемъ
лѣ несостояніе, печаленъ и прискор-
бенъ, смоня на всѣ предпріяшя къ
поправленію его знакомыхъ, и словомъ
ведешъ жизнь безпокойнѣе самаго бѣд-

ника, не имущаго дневнаго пропитанія.

Такая сирота въ чловѣкѣ потушаетъ наконецъ ослѣпки его совѣсти, и хотя по изчисленію его капиталовъ не шломо онъ, по и пошомки его до прешіаго колѣна безбѣдно и необычно жизнь свою провесити могутъ, однако ему кажется все то мало и все недоспачно. Самъ же, чтобы всѣ думали и считали его онмѣннымъ богачомъ, но самъ же и всегда объясняетъ свои недоспачки; такимъ образомъ привыкнувъ всѣ шаршкулдрные инпересы искусно обрацать въ свою пользу дробными и фальшивыми правилами, подъ именемъ умноженія, пріобрѣшенія и накопленія имѣнія, и угомонивъ вовсе гласъ вопіющей къ нему совѣсти, вознамѣривается принадлежщее право казнѣ подъ покровомъ непроницаемой хитрости обрашши въ пользу своего приращенія и доходъ ей принадлежащій привесити въ собшвенные свои сундуки, яко бы въриѣе всѣхъ комиссаръ и истинный сымъ ошечесива, не страшась должнаго за то

по законамъ возмездія. Слѣдовательно въ такихъ душахъ интересъ выше чести почиается, и распростиранное домашнее усугубленіе мѣсячно прибавку, а по тому ясно доказательно, что въ порочномъ богачѣ любовь къ ближнему мѣсяца не имѣетъ.

Вышенисаннаго сложенія былъ нѣкто описанной Маіоръ Верзилъ Тихіевъ, сынъ Фуфаевъ, служившій въ арміи ровно шринадцать лѣтъ и шри года, безъ всякаго штрафа, по тому что въ командировкѣ и на приступахъ не бывалъ, а онсправлялъ всегдашнюю должность комиссара и былъ у роздачи солдатамъ жалованья, провіанша, фуража и аммуниціи. И какъ всегда находился въ ирезвомъ состояніи и велъ приходъ и расходъ исправно, то прѣхавъ въ свою деревеньку въ отснавку, къ двашцати пяти душамъ прикупилъ онъ девятьсотъ пшадесяти душъ за сходную цѣну у двашцати лѣтняго двѣ^шица, кошорому по смерти онцовской деревни болѣе не понадобились, хотя оныя находились въ совершенномъ порядкѣ и въ хлѣбородной сноронѣ,

что мы называемъ низовые мѣста. (Фуфаевъ хорошею економіею и добрымъ присмотромъ возвелъ альбопашесство въ деревняхъ своихъ до высочайшаго совершенія, и построивъ не большіе винокурные заводы, началъ курить вино и день и ночь безпрестанно.

Извѣстно всѣмъ, что продажа горячаго вина издревле принадлежишь у насъ казѣ, и собираемый ошъ шогло доходъ съ прочими идешь на содержаніе Арміи. Извѣстно и шо, что до благополучныхъ нынѣшнихъ временъ, сколько происходило смертоубивства, раззоренія дворянскихъ домовъ и кресьянъ, сколько находилось во всегдашнее время подъ стражею, и сколько жестоко наказуемо было людей, ошъ жадности и грабительства бывшихъ до сего откупщиковъ, которые не имѣвъ прежде ни сколько у себя капитала, сдѣлались нынѣ неизщепными богачами. Нынѣ прозорливостію вышней власти избавлены дома благородныхъ ошъ посѣщенія не званыхъ госней, кошорое подъ видомъ и именемъ выѣмки

Част. V.

Н

въ кладовыя ихъ и въ самыя внушительныя покои проспиралось безъ всякаго препятствія, гдѣ изнытые и упоенные опкупцикомъ солдаты не щадили ни пола, ни возраста, а о должномъ почтеніи къ благороднымъ и цомышленія не имѣли.

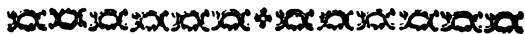
Всѣ добросовѣстные и прямо благородные люди возсылающіе за поусердѣйшую благодарность, и содержащія себя всегда соотвѣтственно учиненной съ ними милости и своему характеру, не пользуясь запрещеннымъ; но довольствуясь назначеннымъ имъ по власни и предписанію въ дозволенномъ винокуреніи избыткомъ; а какъ не всѣ дѣтки одной мапки, то носящія одно шокмо имя благородныхъ, не чувствуя въ сердцахъ своихъ, зараженныхъ всякимъ недозволеннымъ прибыткомъ, не преспяющія и нынѣ корчемствовать, разными видами и разными манерами; въ томъ числѣя опспавной Магоръ Фуфаевъ учредилъ у себя за запрещеніемъ явную винную продажу, на таксмъ основаніи и подъ шкимъ покровомъ, что, ж до

кончины его искусство то истреблено быль не могло, и продолжалось при- бышочно къ собственному его удо- вольствию. Онъ учредилъ въ сельцѣ своемъ лавку для продажи пряниковъ, назнача имъ цѣну, какъ то и вездѣ водилъ; пряникъ алшпѣ, пряникъ пшъ копѣекъ, пряникъ семь копѣекъ и пряникъ гривна. Его собственные крестьяне, окольные и заѣзжіе прихо- дя въ лавку берутъ за деньги пряни- ки, кому въ какую цѣну угодно, идуть съ нимъ на поклонъ къ помѣ- щнику, которыхъ онъ всѣхъ охотно до себя допускалъ. Определенный къ тому слуга принимая пряники, дасть соразмѣрный сшаканъ вина принесше- му оной по приказанію своего госпо- дна. Симъ слаканомъ учинено было шакое же учрежденіе какъ и пряникамъ; но и фамилія Фуфаева д. 1 шого также распределена была. Въ отсут- ствіе самаго хозяина, крестьяне съ пряниками, что бывало непрерывно, приходилъ на поклонъ къ его сожи- шельницѣ, въ необышоспъ кошорыхъ къ дворецкому, и шакъ далѣе. Въ пря- ничной лѣвкѣ содержали шнуровыя

книги обороту приликаѣмъ, сколько въ который день продано ихъ, и какихъ соршовъ за деньги, и сколько получено въ лавку обратно; а у поштиняннн виномъ шакн же, въ которые вписывали расходъ онаго.

Маторъ Фуфаевъ имѣлъ изъ того сугубые выигрыши: собственныя крестьяне его за то благодарили, окольныя опмѣнно почиали, а прѣѣжжн и всѣ вообще уваживали его поля; ибо вседневно, а особливо въ праздни-ки въ сельцѣ его непрерывная бывала ярморка, понеже вино крѣпкое и мѣра не фальшиня, а поштому каждодневная продажа вина и выручка денегъ превосходила всегда десяти уѣздныхъ кабаковъ, находившихся на вѣрѣ, которые должны продать по сложности. Фуфаевъ безпрестанно богатѣлъ; однако какъ слышно опасался иногда должнаго за то по всей строгости законовъ возмездн, которое рано или поздно послѣдовать бы должно было; но онъ предварилъ то своею дочиню и отославъ онъ сего свѣта не взялъ съ собою изъ накоп-

ленныхъ не позволеннымъ образомъ денегъ, ни одной копѣйки, сожалѣя только, что не накопилъ ихъ больше; и увѣряющъ совершенно, что Фуфаевъ признаваясь предъ свими прѣшелями, говорилъ утвердительно, что онъ не боится пошерять благороднаго имени, но ужасается лишиться своего имѣнiя, которое, какъ онъ думалъ, во время слѣдствiя о за-прещительной имъ продажѣ вина крѣпко поразсоришь должно.

ГЛАВА XX.

ВЕЧЕРЬ 100.

Драгоценная щука.

По древнему названiю посуль, по нынѣшнему взялки, а по ино-сипранному акциденцiя, когда начало свое воспрiяла, въ томъ всѣ ученые между собою несогласны, да и въ гражданской испорти эпоху сiю не скоро сыскать возможно; а пошому

И 3

и не лъзя достовѣрно утвердить, какой народъ преимущественно въ шомъ изобрѣшеніи взялъ долженъ.

Не занимствуя изъ испорѣи другихъ Государствъ, удовольимся мы бышѣемъ дѣлъ и случаевъ своего опечесива. Въ древнїя времена позволены были у насъ вязки, что доказывается челобитными, подаванными ошъ шѣхъ людей, которые желали опредѣлишь на городъ Воеводою, въ нихъ писали обыкновенно, надежа Государь оппуси на городъ покормишь. А пошомъ и ошъ дѣлъ акциденцїя была дозволена; но какъ Государственныя доходы приведены въ совершенную извѣсность и мѣру, а попому учинены шшаны и опредѣлено всѣмъ находящимся у дѣлъ жалованье, по вязки, или учпивѣ акциденцїя, вовсе опмѣнены и строго запрещены.

Важная сія перемена учинилась причиною великихъ изобрѣшенїй, и забопливые умы къ накопленїю имѣнїя дробными правилами, не давали себѣ покоя и соснавили изъ себя

цѣлая Академія проектовъ, какимъ образомъ подкопаться подъ храмину сооруженную, на твердомъ и глубокомъ каменномъ фундаменѣ. Многимъ было предпріятіе сіе неудачно, а другіе по основательнѣе ихъ во изобрѣшеніяхъ получили довольные успѣхи. Явно брашъ взяпки не дерзнули, но направили ихъ теченіе попаеннымъ каналомъ, прикрывъ его шакимъ покрываломъ, что иногда и самые прозорливые люди увидѣшь и дойши до того никакъ не могушъ. Изчисленіе конхъ хипросшей, ежели оныя описывашъ, составишъ пять часшей пересмѣшника, а намъ не достаетъ здѣсь только двашцашой главы; елѣдовательно описаніе ихъ должны мы оставишь до другаго случая, а теперь удовольимся одною только изъ нихъ хипросію; а имянно походе-ніемъ драгоцѣнной щуки.

Около того времени нѣкто основательный человекъ, съ ращепомъ эконома, приказанъ, прозорливъ, искашенъ и заболливъ, описавшой Надворной Совѣшникъ опредѣленъ былъ

Воеводу въ городъ , стоящій подлѣ рѣки изъ значныхъ въ Россіи , изъ котораго обыващеди отправляли торговлю къ поршамъ и были нарочито важнѣшны , не токмо собственно для себя , но могли служить и начальникамъ , что вновь опредѣленному Воеводѣ не безъизвѣстно было. Онъ прибылъ въ городъ со всею своею фамилією въ половинѣ дня и помѣстился въ домъ , нарочно для него заготовленномъ , убраннымъ и всею домашнею утварью снабденномъ. Магистрантъ изъ просивъ дозволеніе , пришелъ къ нему на поклонъ съ хлѣбомъ и солью. Хлѣбъ лежалъ на серебряномъ блюдѣ , а соль въ золотой солонкѣ. Воевода принявъ хлѣбъ и высыпавъ на оной соль , блюдо и солонку отдавалъ имъ назадъ ; купцы не принимая , кланялись и говорили ; что хлѣбъ съ посуды не ошлучается , и они кланяются всѣмъ Его Высокоблагородію ; который принявъ на себя суровый видъ , говорилъ имъ гнѣвно : чтобы они и впредь такъ пошунать не ошваживались , и когда до него пріучены къ такимъ неблаго-

пристойнымъ поступкамъ , то во время правленія его должны ошвыкнушь. Купцы какъ громомъ поражены будучи , взявъ блюдо и солонку , яшли въ Магистратшъ , и у подобясь черной землѣ , не могли другъ другу и сообщить своего опчаянія , по причинѣ шой , что Боевода уже не по нихъ , которъ не принимаетъ отъ нихъ такихъ поклоновъ , а особливо при первомъ случаѣ; каковое ихъ сердечное предчувствованіе вскорѣ потомъ и сбылось.

На другой день по утру разлилась великая и непэмѣрная спорогосшь по городу. Мѣщане , кои были попросиѣ купечесшва , думали , что правительсшво вмѣсто Боеводы впустило къ нимъ въ городъ не ученаго лѣснаго мѣдведя , съ которымъ они сладить не могутъ ; а поразумиѣ обывашели пришли отъ шого въ опчаяніе и не знали , что начать ; собрался въ магистратшъ , сидѣли , повѣся головы , и одинъ другому не говорилъ ни слова. Старикъ лѣшъ семидесяти , подошедъ въ то время къ

собрانیю, говорилъ: не отчаявайтесь друзья, не рѣшайте головъ и не печальте хозяина; огладишься звѣрокъ, ручиѣ будешь. Я уже доживаю седьмой десятокъ, и Воеводъ здѣсь много видалъ; шушь есть, можешь бышь, какая нибудь уловка: сыщите кого нибудь изъ его домашнихъ на свою сторону и выспросите, не охошникъ ли его Высокоблагородіе до чего нибудь особо; шакъ дѣло все и перевернешся на другой манеръ. Совѣшъ шариковъ приняшъ былъ за благо, и ошряженъ въ шу комиссію молодой купецъ, человекъ проворной, говорунъ, шоргующій виноградными напитки: шо съ помощію ихъ и плпидесяши рублей серебряной монеты на другой день ко удовольствію всего города, купечества, мѣщанства, ремесленныхъ и прочимъ обывателей, объявлено было ошъ него, что онъ чрезъ каменднера Воеводскаго провѣдалъ, что Его Высокоблагородіе неслыханный охошникъ до шукъ. Безъ всякаго промѣдленія времени найдена была въ городѣ самая большая шука, заплачено за нее безъ ряды и подне-

сена. Воеводѣ, кошорой съ превеликимъ восшоргомъ прижаъ ее своими руками, и сказаъ Магиспрапу : вошъ подарокъ, которымъ вы меня крайне одолжили, и я вамъ чистосердечно долженъ признапья, что я шакой до нихъ охотникъ, чшо все шо, чшо вамъ ни угодно, дѣлапья буду, и вы опъ меня ни въ чемъ ошказу не получише.

Догатка изрядная, опышъ съ успѣхомъ, и купцы были весьма обрадованы, чшо они шакою малостію могушъ имѣпья Воеводу всегда на своей шоронѣ. На другой день купецъ, имѣвшій домашнее дѣло свое въ Канцелярїи еще нерѣшеннымъ, вознамѣрился ушруданья о томъ новоопредѣленнаго Воеводу; прозьбы же своей никогда они безъ приносу не упошребляюшъ; а извѣстенъ уже будучи, чшо судья кромѣ щукъ ничего не принимаетъ, пешелъ онъ на садки и спрашивалъ опмѣнной величины щуки; ему показана была пѣхожая на вчерашнюю, за какую опъ магистраша заплачено было четыре рубли,

но съ него просили уже воeмдесять рублей. Зналъ онъ вѣрно, что нужда законъ перемѣняешь; а приномъ можешь бышь имѣлъ уже и сѣю догадку, что для Воеводы малоцѣнная штука невкусна; заплашилъ требуемую цѣну, и отнесъ къ градодержашелю, конорымъ онъ и штука его приняшы были благосклонно и продолжавшееся дѣло общано было кончить. На шрешій день Магистрантъ собравшись, попросишь Воеводу о нѣконоромъ общешвенномъ дѣлѣ, за шакую же штуку заплашили уже шрсина рублей. Наконецъ дошло до свѣденія всего города и уѣзда, что штуки, подносишья Воеводѣ не соснзвляюшь изъ себя множесшва, но ешшь оная одна, конорая по принесеніи къ нему опправляема была обратно въ садокъ; и продѣвалась различными цѣнами, пошому что дѣла просишелей имѣли разныя качесшва: на примѣрѣ магистрантъ прося обѣ общешвенныхъ дѣлахъ, всякой разъ покупалъ ее по шрсина рублей; кушцы для собшвенныхъ своихъ дѣлъ, кои по богашье, по сшу, а по недосшашочнѣ по пшщ-

десяти рублей; дворья также покупали се разными цѣнами для подносу Воеводѣ, смотря по сословію своего дѣла; а ошкупщикъ или коронный повѣренный того города и уѣзда, когда случалось ему по ошкupu надобность, которая не рѣдко бывала, а особливо для выемокъ корчемнаго вина, генерально плативъ за нее по пшши сошъ рублей, а иногда и болѣе, смотря на надобность собственнаго своего прибытка.

Къ сей опмѣнной продажѣ опредѣленъ былъ ошъ Воеводы самый исправный приказный служитель, знающій совершенную цѣну подаваемыхъ челобитенъ и дѣлъ нерѣшенныхъ, сверхъ того сословія и капиталы всѣ въ городѣ и въ уѣздѣ живущихъ. Ошъ для каждаго покупателя назначалъ цѣну щукъ и посылалъ записку на садокъ, гдѣ она хранилась, за содержаніе и збереженіе которой платили за каждый мѣсяцъ рыбаку по десяти рублей, и сей рыбакъ былъ крѣпостной Воеводской, выписанный для того нарочно изъ другой Губерніи, дабы дѣло содержать въ тайнѣ.

Ся тварь орудіемъ взятокъ избрана была, какъ кажется, пошому; первое, чшо имѣетъ она острые и многочисленныя зубы, въ копорыя ежели случится какой нибудь другой рыбѣ, или иному живошному понаспѣся, шо уже спасенія живона и возврапу на сей свѣшѣ не ожидай; второе столь прожорлива, чшо въ шрое больше себя живошное сѣдаетъ и опусшошаетъ цѣлыя пруда другой рыбы, не спуская и своему роду; шрестіе, жизнь продолжаетъ долѣе всѣхъ ей подобныхъ, и миѣ кажется можно бы назначишь ее изображеніемъ ехидной лѣды и не правосудія.

Въ плшпѣ лѣшѣ воеводствя Надворнаго Совѣтника, по собственнымъ его выкладкамъ и досповѣрнымъ приказнаго служштеля запискамъ, щука сѣя спокла около двашцати тысячъ; шо превзошлабъ она и сѣю цѣну; ежелибъ сему добросовѣшному Воеводѣ не послѣдовала смѣна, по причинѣ, какъ сказывающѣ, пришеенія не имущихъ, копорымъ за наслощую цѣну щуки ошой продавань не

жотѣди , а требовали всегда назна-
ченную приказнымъ служилемъ ; но
недосплатки ихъ лишалишой покуп-
ки , а онѣшого сказывающѣ , многие
растеряли деревнишки и дворнишки ,
которыя и причислены къ селамъ ,
сельцамъ и дворамъ обширнымъ и зна-
менитымъ .

Распаваясь съ воеводствомъ , уго-
щаль онѣдворянъ и знаменитыхъ
купцовъ , гдѣ между прочимъ употре-
лена была въ пищу и ша драгоцѣн-
ная щука , которой куски доставались
каждому , щѣнены были въ шушку ,
иной въ шысячу , иной болѣе и менѣе ,
какъ кому совѣсть дозволяла ; но
смѣненный Воевода при семъ случаѣ ,
такъ какъ и прежде , прищучивающѣ
умѣя , опвѣпсывовалъ каждому безъ
заспѣчивности , что онѣслужилъ за
то , чѣмъ только могъ и умѣлъ ; а
можетъ де получите , примолвилъ онѣ ,
каковъ-нибудь военнаго безграмотнаго
Воеводу , который не смыселя силы
зконовъ , ни себѣ , ни людямъ добра
не сдѣлающѣ ; самъ будещѣ безъ хлѣ-
ба , да и другихъ не накормищѣ ; а я

оспавляю многихъ здѣшнихъ обыва-
телей, а особливо приказныхъ слу-
жиселей до послѣдняго, такими, ко-
шорые неусыпнымъ моимъ стараніемъ,
въ производствѣ по большой часни
шрудныхъ и сомнительныхъ дѣлъ,
довольно руки понагрѣли и запасли
не шолько себѣ, но и дѣшкамъ че-
мездику.

КОНЕЦЪ ПЯТОЙ ЧАСТИ.

4
Chukov, Mikhail
Dimitrievich

PG 3311

CEP4

1789

Plan E R. Cell.

67 401 A A 30

